ДБ
20
Т67
ТРИ
ВЕКА
— 4 —
М. 1912 г.

ТРИ ВЕКА.

197

947
~~В.21~~
Т.67.
Дб
20
Т67
Фундаментальная
Библиотека
К. У. Т. В.
ПОГАШЕНО
Ф 1189 ~~II~~/53
ПОГАШЕНО

ТРИ ВѢКА.

РОССІЯ ОТЪ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. В. КАЛЛАША

Проверено 1937 г.

ТОМЪ IV

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ВЪ ИЗДАНІИ ПРИМУТЪ УЧАСТІЕ:

проф. Д. И. Багалѣй, проф. М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, акад. А. Н. Веселовскій, Л. И. Гальберштадтъ, пр.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, В. П. Дроздовъ, Д. А. Жариновъ, пр.-доц. А. И. Заозерскій, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, А. А. Кизеветтеръ, проф. М. К. Любавскій, В. В. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, проф. И. Х. Озеровъ, В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, пр.-доц. А. Е. Пѣсняковъ, проф. С. В. Рождественскій П. Н. Сакулинъ, К. В. Сивковъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, пр.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Улановъ, Д. И. Успенскій, В. Е. Чешихинъ-Вѣтринскій и др.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
128438

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1913.

XVIII

ВЕКЪ.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА.

Культурныя реформы Петровской эпохи.

I.

Культурный вопросъ, въ смыслѣ привитія западной культуры русской жизни въ разныхъ ея проявленіяхъ, былъ поставленъ на широкія основанія до Петра Великаго и успѣшно разрѣшался въ области техники военной, отчасти промышленной и др., какъ это мы видѣли въ статьѣ „Западное вліяніе въ XVII в.“. Новымъ въ постановкѣ культурнаго вопроса при Петрѣ Великомъ было то, что теперь культура была признана созидательной силой не только въ области спеціальной техники, но и въ ея широкихъ культурно-бытовыхъ проявленіяхъ, и не только въ приложеніи къ избранному обществу, какъ то практиковалось и до Петра, но и по отношенію къ широкимъ массамъ народа.

Взглядъ на культуру, какъ на средство достиженія народнаго благосостоянія и государственнаго могущества, провозглашенный Петромъ orbi et urbi въ знаменитомъ апрѣльскомъ манифестѣ 1702 г. о вызовѣ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ иноземцевъ „купно съ прочими государству полезными художниками“, былъ руководящимъ началомъ всей культурной дѣятельности Петра, однимъ изъ постоянныхъ лейтъ-мотивовъ въ его обширной перепискѣ. Для Петра всѣ средства были пригодны къ тому, чтобы сблизить Россію съ Западомъ какъ можно скорѣе, всестороннѣе и разнообразнѣе, тѣмъ болѣе, что въ выборѣ средствъ привлеченія формъ западной культуры въ Россію Петру не приходилось создавать чего-либо новаго: призывъ ино-

земцевъвъ Россію, посылка своихъ за границу, школа по западному образцу, книгоиздательство, переводная и оригинальная западная литература, театръ,—все это было уже такъ или иначе испробовано въ предшествующее время. Петру оставалось развить и усилить практику предшественниковъ, сообразно задачамъ своего времени, и выдѣлить наиболѣе дѣйствительные пути общенія съ Западной Европой. Въ этомъ отношеніи самымъ плодотворнымъ и важнымъ способомъ во время Петра Великаго были заграничныя командировки съ научною цѣлью; онѣ важны были не въ количественномъ отношеніи, потому что воспользоваться ими очень многіе изъ русскихъ не могли, а въ качественномъ своемъ значеніи, поскольку самъ Петръ и его сотрудники могли во время путешествій по Западной Европѣ уяснить себѣ воочію превосходство болѣе культурнаго Запада надъ Россіей, пріобрѣтая точный взглядъ на вещи. Нѣмецкая слобода, гдѣ зачалось западничество Петра Великаго, была только тусклымъ отраженіемъ Западной Европы, способнымъ заинтересовать Западомъ, какъ „коріузитой“, но сдѣлать эту „коріузиту“ предметомъ изученія, постигнуть ея духъ и глубокое образовательное значеніе можно было только путемъ непосредственнаго проникновенія въ нѣдра этой культуры. Немудрено, что путешествія за границу сдѣлались при Петрѣ Великомъ, особенно въ первой половинѣ его царствованія, если не доминирующимъ способомъ изученія западной культуры, наряду съ вывозомъ иностранцевъ, то самымъ важнымъ для организаціи культурной реформы, поскольку путешествія эти сдѣлали для Петра понятнымъ смыслъ западной культуры, помогли ему разобраться въ наиболѣе пригодныхъ формахъ и средствахъ перенесенія этой культуры въ родную стихію и подготовили ему сознательныхъ сотрудниковъ и исполнителей его плановъ.

У насъ нѣтъ данныхъ для точнаго учета числа русскихъ, побывавшихъ въ царствованіе Петра за границей, но можно смѣло сказать, что Петру удавалось ежегодно „раздавать по разнымъ мѣстамъ“ десятки и сотни людей, командированныхъ съ разными цѣлями за границу. Въ перепискѣ Петра съ посланниками, въ запискахъ современниковъ и въ другихъ источникахъ постоянно мы встрѣчаемся съ русскими за границей. Въ научныя командировки посылалась по большей части дворянская молодежь, такъ какъ въ молодомъ дворянствѣ Петръ видѣлъ главный разсадникъ нужныхъ для Россіи спеціалистовъ, да и одному только богатому дворянству, пожалуй, было по карману дорого стоившее, подчасъ разорительное пребываніе за границей. Неофиціальный „Дневникъ“ и путевыя замѣтки кн. Бориса Куракина наглядно показываютъ сумму издержекъ русскаго путешественника за границей,—мы не говоримъ уже объ официальныхъ прошеніяхъ и челобитныхъ командированныхъ за границу и ихъ надзирателей о назначеніи изъ казны денежныхъ пособій, безъ которыхъ задолжавшимъ путешественникамъ часто нельзя было выѣхать на родину. Матеріальная тягота этихъ путешествій увеличи-

валась еще тѣмъ, что Петръ Великій снабжалъ командируемыхъ предписаніемъ; образецъ такого предписанія—вывезти изъ-за границы по 2 мастера и обучить одного русскаго солдата своей спеціальности—мы находимъ въ „Путешествіи“ Петра Толстого. Параграфъ 5-й данной ему, какъ и другимъ, судя по общимъ выраженіямъ, инструкціи, гласитъ: „Когда возвращаться будутъ къ Москвѣ, долженъ всякой по два человѣка искусныхъ мастеровъ морского дѣла привести съ собою до Москвы на своихъ проторяхъ (расходахъ), а тѣ протори, какъ пріѣдутъ, будутъ имъ заплачены; да сверхъ того, изъ солдатъ даны будутъ для того же ученья по одному человѣку; а кто солдата взять не похочетъ, и тѣмъ или знакомца, или человѣка своего выучить тому же, а солдатамъ прокормъ будетъ изъ казны; а будетъ, кромѣ солдата, кто кого выучитъ, и за всякаго человѣка за прокормъ дано будетъ по сту рублевъ“. Такимъ образомъ у каждаго дворянина былъ за границей свой поддужный изъ „подлаго званія“. Насколько пригодною школою для своего народа казалась Петру Западная Европа, можно видѣть изъ переписки Петра съ Матвѣевымъ, его голландскимъ посломъ. Потерпѣвъ пораженіе подъ Нарвой, нуждаясь въ солдатахъ и матросахъ, Петръ, тѣмъ не менѣе, настоятельно предлагаетъ въ 1702 г. голландскимъ Штатамъ отрядъ русскаго войска на помощь противъ французовъ. Несмотря на недвусмысленное отклоненіе штатами этихъ „услугъ“, Петръ въ началѣ 1703 г. снова предлагаетъ Голландіи взять на свои корабли 4 тысячи русскихъ матросовъ изъ Архангельска. И эта любезность Петра была отклонена голландцами, которымъ, по словамъ Матвѣева, „то зѣло не надобно, чтобъ нашъ народъ морской наукѣ обученъ былъ“...

Командированные опредѣлялись „волонтирами“, а иногда и на должности для выполненія полученныхъ ими заданій. Преимущественной цѣлью командировокъ было ознакомленіе съ навигаціоннымъ дѣломъ на Западѣ, поэтому и мѣстомъ командировокъ были преимущественно приморскіе страны и города. Въ инструкціи, данной П. А. Толстому, „статьи, послѣдующія ученію“, рекомендовали: „знать чертежи или карты, компасы и протчіе признаки морскіе; владѣть судномъ какъ въ бою, такъ и въ простомъ шествіи, и знать всѣ снасти или инструменты, къ тому принадлежащіе: паруса, веревки, а на каторгахъ весла и протчая“; и какъ высшее знаніе, достойное особой царской милости, — „знать, какъ дѣлать тѣ суды, на которыя они искушеніе свое пріемлютъ“... Другіе получали заданія научиться механикѣ, инженерному дѣлу и артиллеріи; третьи — рисованію мачтаповъ, боцманству; четвертые—научиться у доктора Блументроста медицинѣ; пятые—изучить мѣдное, столярное и судовое ремесла; шестые—обучиться спеціально тому или иному языку для посольскихъ надобностей или познакомиться съ техникой административныхъ учрежденій того или иного государства. Кн. Куракинъ въ своей „публичной житности“ (автобіографіи) даетъ сжатый, но

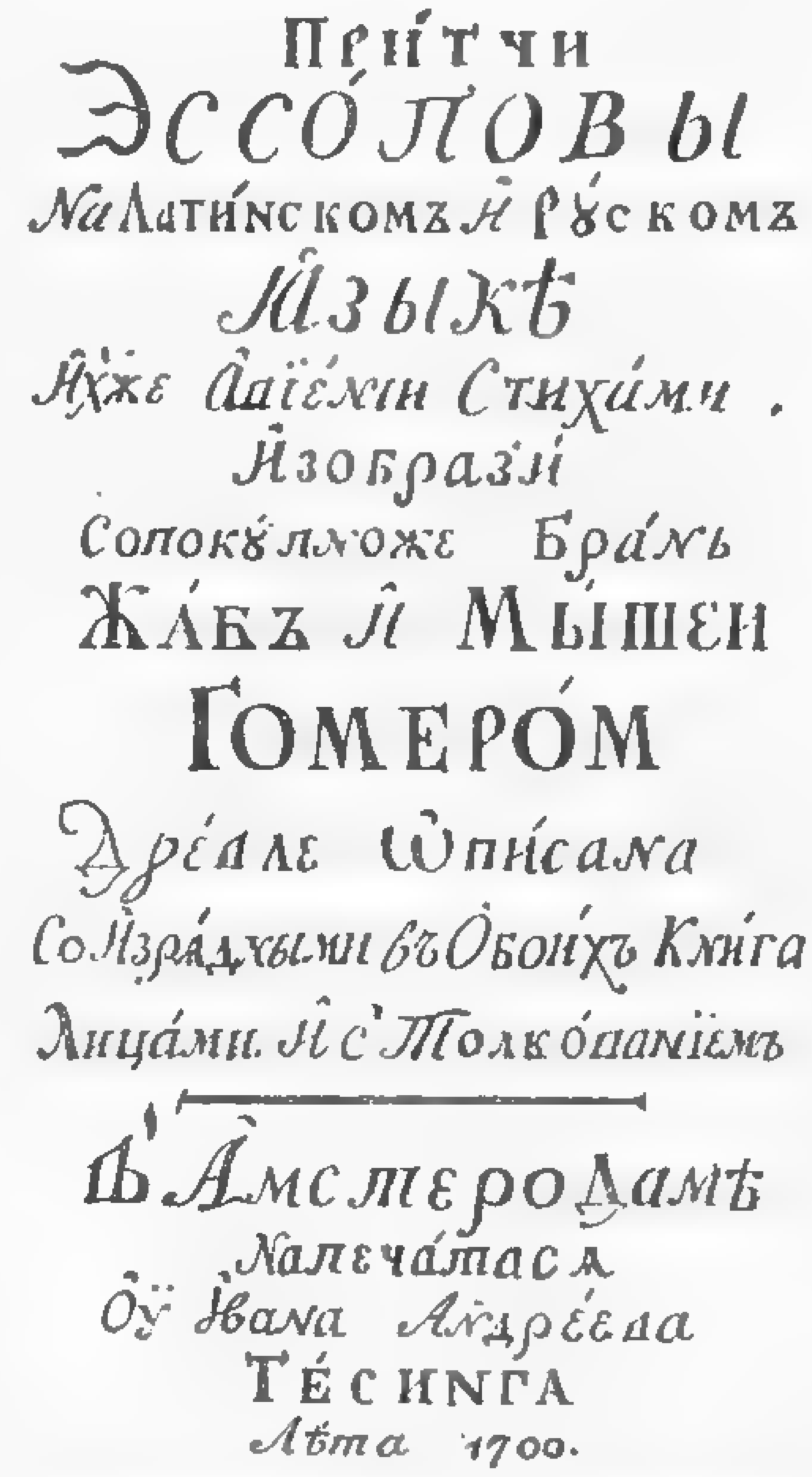
достаточно яркій отчетъ о своей научной командировкѣ въ Венецію и на Адріатическое море. Помимо „великаго страха“, который остался у сухопутнаго москвича отъ поѣздки по морю „въ филюгѣ“, у Куракина остались точныя воспоминанія о названіяхъ тѣхъ предметовъ, которые ему пришлось изучить въ Венеціи. „Въ бытность свою тамъ,—пишетъ Куракинъ,—учился я наукъ математическихъ и выучился: аретьметики, гіометріи теорики—5 книгъ Евклидеса, гіометріи практики, тригонометріи, планы, острономіи часть до навтики, навтики, механики, фортофикаціи, офенсивы (наступательной) и дифенсивы (обороняющей). И такожь нѣкоторую часть въ разговорѣ, и читать, и писать италинскому языку, научась доволенъ“. Намъ приходится принимать на вѣру утвержденіе кн. Куракина о „довольномъ изученіи“ вышепоименованныхъ наукъ въ теченіе одного года (съ 1696 по 1697 г.), тѣмъ болѣе, что ему и не пришлось показать своихъ математическихъ и навигацкихъ познаній на дѣлѣ, такъ какъ главнымъ поприщемъ его было дипломатическое, въ чемъ помогло ему знаніе „италинскаго языка“.

Да и вообще говоря, заграничныя командировки имѣли свой конечный культурный смыслъ не столько въ исполненіи спеціальныхъ заданій, сколько въ расширеніи кругозора путешественника, въ усвоеніи имъ „съ одной практики“ такихъ знаній и понятій, которыя врывались въ сознаніе путешественника попутно его движенію, часто внѣ его сознательныхъ исканій. Совершенно вѣрно, что „Петръ искалъ на Западѣ техники, а не цивилизаціи“ [1]), но несомнѣнно также и то, что съ усвоеніемъ этой техники въ европейской обстановкѣ въ русскую среду проникла и цивилизація, неразрывно связанная съ техникой и пребываніемъ за границей, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ продолжительнѣе русскій человѣкъ былъ за границей, чѣмъ болѣе онъ былъ способенъ къ проникновенію культурной средой по своимъ личнымъ свойствамъ. Драгоцѣнный въ этомъ отношеніи матеріалъ представляютъ изъ себя дневники и путевыя замѣтки такихъ выдающихся современниковъ Петра Великаго, какъ П. А. Толстой, кн. Б. Куракинъ, графъ А. А. Матвѣевъ и др.: они показываютъ, какъ наивное вниманіе москвича все сильнѣе и сильнѣе захватывается проявленіями западной цивилизаціи, какъ расширяется кругозоръ путешественника, какъ появляются у него новые запросы и требованія, и мысль отъ наивнаго удивленія предъ „коріузитой“ переходитъ къ сопоставленіямъ видѣннаго, къ критическому сужденію о своемъ и чужомъ. „Дневникъ“ кн. Куракина, начатый имъ 5 іюня 1705 г., во время похода въ Польшу, поражаетъ вначалѣ читателя скудостью переживаній автора: кромѣ замѣтокъ, что тамъ-то пообѣдали, а тамъ-то ночевали, повидимому, ничего другого, достойнаго вниманія не встрѣчалось на пути Куракину; но вотъ въ августѣ мѣсяцѣ того же года Куракинъ уже колеситъ по Западной

---

[1]) В. О. Ключевскій. „Курсъ“, ч. IV, 24—25 стр.

Европѣ, направляясь въ „Карзбатъ“ лѣчиться отъ „скорбутики, или похондріи и меланхоліи, которая ближится къ лепрѣ, по-славянски проказа“... И читателя захватываетъ міръ своеобразныхъ, глубокихъ и интересныхъ переживаній, занесенныхъ путешественникомъ на страницы дневника. Научныя учрежденія, политическое и судебное устройство, искусство, религія, нравы,—все это обращаетъ вниманіе путешественника, обогащаетъ его новыми впечатлѣніями и образами, которые, незамѣтно для него, расширяютъ его умственный горизонтъ, прививаютъ новыя понятія, вкусы и потребности. Куракинъ такъ же, какъ и П. А. Толстой, проѣзжая чрезъ тотъ или другой городъ, не упуститъ ни одной его достопримѣчательности. Особенно часто вниманіе ихъ останавливалось на звѣринцахъ, птичникахъ, музеяхъ и академіяхъ, не только такихъ, гдѣ обучаютъ студентовъ, но и такихъ, „гдѣ учатъ лошадей“ (П. Толстой). Ознакомленіе съ этими научными учрежденіями не было только поверхностнымъ. Толстой, напримѣръ, знакомитъ насъ и съ внутреннимъ бытомъ этихъ учрежденій, описывая обрядъ посвященія въ докторскую степень; Куракинъ же заглянулъ и въ лабораторію академіи, вынесши оттуда далеко не поверхностныя впечатлѣнія. „Дохтуръ въ академіи лейденской,—пишетъ Куракинъ,—и профессоръ медицины и анатоміи Бидло, дядя нашему дохтору Быдлѣ[1]). Въ бытность свою у него видѣлъ анатомію надъ однимъ человѣкомъ мужеска полу, которова была голова отсѣчена въ такомъ способѣ: въ одной палатѣ то тѣло вынято изъ гробу и положено на доску свинцовую, какъ жаровни большія бываютъ желѣзныя. Быдло, собравъ всѣхъ студентовъ той науки, и почелъ его разнимать причинныя вещи и оказывать жилы отъ рукъ и до ногъ, **к а к ъ и к у д ы д ѣ й с т в у ю т ъ**, и при томъ оказываньѣ на всякое мѣсто тѣмъ студентамъ толкъ даетъ и даетъ всѣмъ осматривать и руками ощупывать; а то все тѣло было въ спиртусахъ налито, чтобъ духу не было смраднаго; и тутъ видѣлъ, какъ кожа человѣческая вельми толста... Въ томъ же дому у Быдло видѣлъ палату одну, въ которой ниже могъ гдѣ такихъ вещей видѣть натуральныхъ въ спиртахъ, и бальзаматы... всѣхъ внутреннихъ членовъ человѣческа, какъ мужескихъ половъ, такъ и женскихъ: руки и ноги, внутренние, какъ составы



Образецъ ранняго Петровскаго шрифта.

[1]) Бидлоо.

и жилы, безъ костей, обальзованы и прибиты на доски, также и желудокъ, и сердце, и легкое, и ту перепонку, въ которой сердце лежитъ, и глаза вынятые и всѣ внутреннія жилы и кости, и составы, такъ вельми дивная вещь, что нигдѣ могъ такой диковинки видѣть... Потомъ видѣлъ бальзамныхъ младенцевъ, которые бываютъ выкидки, а другіе выпортые изъ мертвыхъ матерей... также и разныхъ животныхъ отъ гадовъ и звѣрей, какъ: крокодиловъ малыхъ, и змѣй, и ехидновъ, и мартышки, и скорпіи, и другіе всякіе ползущіе и на ногахъ ходящіе звѣри, въ склянницахъ и въ спиртусахъ, не токмо здѣшнихъ европейскихъ и много оріентальныхъ остин(д)скихъ и вестинскихъ и другихъ дальнихъ государствъ, со всего свѣта собранные. Желалъ бы о всемъ подлинно описать, — заключаетъ Куракинъ,—токмо за временемъ скоромъ прекращаю; токмо всѣмъ, кому случится быть въ Голландіи, конечно, надобно быть въ Лейденѣ, и въ той академіи, тѣ каріузита видѣть, изъ котораго виду сподѣваюся, что многое придастъ увеселеніе“... Послѣднія слова кн. Куракина процитированы В. О. Ключевскимъ, какъ образецъ поверхностнаго отраженія работы научной мысли Запада въ неподготовленныхъ русскихъ умахъ. Но отдѣльныя выраженія Куракина вообще нельзя цитировать безъ контекста, потому что онъ придаетъ имъ очень и очень своеобразный смыслъ; такъ и въ данномъ случаѣ, изъ взятой въ цѣломъ цитатѣ, мы видимъ, что, по крайней мѣрѣ, для самого Куракина посѣщеніе академіи свелось не къ одному только дивованію „каріузитами“ и „придало“ ему „увеселеніе“; осталось, несомнѣнно, и представленіе о строеніи тѣла человѣческаго, чего нельзя не видѣть изъ цитаты. Мы не думаемъ, что современный, скажемъ, историкъ или филологъ, какъ бы его умъ ни былъ подготовленъ къ воспріятію высшей европейской цивилизаціи, вынесъ бы больше отъ посѣщенія анатомическаго музея, не зная анатоміи... Петръ Великій знакомился съ медициной не болѣе систематически, чѣмъ Куракинъ, но это не мѣшало ему браться иногда за инструменты зубного врача и даже читать лекцію по анатоміи, обративши эшафотъ въ каѳедру, собравшихся на казнь зрителей—въ аудиторію, а отрубленную голову своей бывшей „медресы“ въ наглядное пособіе къ своей лекціи. Я разумѣю казнь фаворитки Петра, Гамильтонъ, упавшую голову которой Петръ поднялъ, чтобы облобызать въ послѣдній разъ, и, по словамъ современниковъ, такъ былъ пораженъ явно обнажившимися органами горла, что тутъ же началъ объяснять присутствующимъ внутреннія части шеи и назначеніе ихъ [1]). Конечно, этотъ фактъ только подтверждаетъ мысль, что русскіе брали отъ Запада только технику, но не цивилизацію; но въ оправданіе русскихъ не нужно слишкомъ преувеличивать гуманизирующую сторону тогдашней западной цивилизаціи. Не надо забывать, напримѣръ, того,

[1]) См. Семевскаго. „Слово и дѣло“. Дѣло Гамильтонъ.

что въ тогдашней цивилизованной Англіи возвратившіеся Стюарты вырывали кости дѣятелей революціи и предавали ихъ публичной казни и издѣвательствамъ. Не могъ облагородить чувствъ русскаго полудикаря и тогдашній внѣшній видъ западной Ѳемиды. Куракинъ „въ Амстердамѣ... видѣлъ юстицію предъ ратушею: дѣлана площадка на столбахъ деревянныхъ, на которою... выводя виновныхъ, бьютъ и головы казнятъ. И на той площадкѣ стоитъ столбъ, на немъ вырѣзанъ мужикъ, къ которому столбу привязывая, бьютъ, взявъ связанный пукъ хлыстья, или голиками (вѣниками) по бокамъ; а отъ того столба перекладина къ полатамъ, на которой перекладинѣ вѣшаютъ, а при томъ столбѣ на жаровнѣ огонь раскладенъ, гдѣ лежатъ тѣ желѣзные инструменты, чѣмъ воровъ въ затылокъ петнаютъ“...

Эти картины не помѣшали, впрочемъ, П. А. Толстому разсмотрѣть за кровавыми атрибутами юстиціи своеобразныя особенности передового судопроизводства Венеціи, а именно, состязательное начало, гласность судопроизводства, свободу, съ которою держитъ себя публика въ залѣ суда. Не помѣшала также нашимъ путешественникамъ жестокая расправа Стюартовъ съ своими живыми и мертвыми противниками уяснить себѣ сущность англійской конституціи и ея значеніе для народа. Разсказываютъ, что самъ Петръ, побывавшій въ англійскомъ парламентѣ, будто бы сказалъ окружающимъ: „Весело слушать, когда подданные открыто говорятъ своему государю правду; вотъ чему надо учиться у англичанъ“.

„Въ Англіи все отправляется съ парламенту,—пишетъ кн. Куракинъ,—только ихъ парламентъ есть двѣма способами (т.-е. двухпалатный), и консиліи ихъ бываютъ двѣма парламенты. Первый парламентъ называется „Гогоръ-Гоусъ“, въ которомъ дуки, князи, бискупы и графы или всѣ большихъ фамилій люди, которые въ консиліи своемъ отправляютъ дѣла государственныя и военныя. Другой парламентъ называется „Лагъ-Гоусъ“, въ которомъ бываютъ депутаты отъ провинцій, изъ городовъ и отъ слободъ, по нашему—посацкіе люди, въ которомъ консиліи совѣтуютъ о торгахъ и о сборахъ денегъ или объ иныхъ какихъ податяхъ и объ иныхъ внутреннихъ дѣлахъ своего государства или земскихъ дѣлахъ... Только же такой порядокъ: что будетъ сдѣлано въ одномъ парламентѣ, и повинно тѣ приговоры объявить другому парламенту, и ежели и другимъ парламентомъ на то позволятъ, такъ и состоится, а ежели въ другомъ парламентѣ на тѣ приговоры не позволятъ, то не можетъ состояться. Особливо всѣ такъ говорятъ, что другой парламентъ (общинъ) сильнѣе перваго парламента „Гогоръ-Гоусъ“. И потомъ, какъ все установятъ парламентами, потомъ должно то предложить передъ короля, только ему во свидѣтельство, что то сдѣлано и приговорено быть такъ, а не для того, чтобъ королю передѣлать приговоръ парламентовъ, и не можетъ того сдѣлать“... Кн. Куракинъ не оговорился при этомъ, какіе выводы возникли у него отъ сравненія съ русской

дѣйствительностью, но что подобныя углубленія въ чужіе государственные порядки наводили русскихъ людей на не совсѣмъ выгодныя для отечества мысли, видно изъ описанія гр. Матвѣевымъ государственнаго строя Франціи, который ему показался идеальнымъ по сравненію съ Россіей, несмотря на то, что это была Франція Людовика XIV. Плѣнили его здѣсь больше всего уваженіе къ законамъ и привольное житье близкихъ ему по положенію классовъ.

„Въ томъ государствѣ, — пишетъ Матвѣевъ, — лучшее всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть: къ тому жъ король самъ веселится о такомъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины, ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какого озлобленія или нанесть обиду. Всякій изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилованій не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи пожитки его подлежать будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣютъ и въ народныя дѣла не вмѣшиваются и отъ того никакую тѣсноту собою чинить никому не могутъ. Къ сему же, тѣ вельможи дачами отъ короля самого довольствованы годовыми. Смертный законъ имѣютъ о взяткахъ народныхъ и о нападкахъ на него“. Въ этой картинѣ Франціи Матвѣевъ изобразилъ не столько то, что дѣйствительно было въ бюрократической Франціи Людовика XIV, сколько то, чего не было въ Россіи, и что такъ желательно было для русскаго вельможи, запряженнаго волею Петра въ черную работу.

Такія и подобныя впечатлѣнія отъ политической жизни Западной Европы, въ сравненіи съ впечатлѣніями отъ родной дѣйствительности, не только подготовляли въ русскихъ путешественникахъ сознательныхъ сотрудниковъ Петра и даже прожектеровъ по переустройству административной машины на западный образецъ, но и закладывали въ сознаніе русскаго дворянства чувства и мысли, проявленныя имъ послѣ смерти Петра въ цѣломъ рядѣ выступленій, поднявшихъ дворянство до господствующаго положенія въ государствѣ.

Оказали свое вліяніе путешествія и на развитіе художественныхъ вкусовъ русскаго общества. Правда, московская дѣйствительность не создавала предрасположенія къ художественнымъ впечатлѣніямъ и исканіямъ ихъ. Со-

Старинныя царскія кареты.

Оружейная Палата. Изъ альбома Солнцева.

Спортивная ходьба. Кафедра.

Преподаватель Соколова.

Организация ходьбы

временникъ Пе́тра Великаго не понялъ бы своего потомка XX вѣка, который ѣдетъ любоваться альпійскими видами. „Я радъ былъ,—говоритъ Толстой о своихъ альпійскихъ впечатлѣніяхъ,—покою отъ великаго труда, который принялъ себѣ въ дорогѣ, проѣзжая чрезъ великія каменныя горы, и не столько я чрезъ тѣ горы ѣхалъ, сколько шелъ пѣшъ, и всегда имѣлъ страхъ смертный предъ очими“. Оно и понятно для равниннаго москвича; но прекрасное имѣетъ великую воспитательную силу, способную постепенно возвышать до себя человѣка. И записки нашихъ путешественниковъ воочію показываютъ, какъ постепенно развиваются у нихъ вкусъ и даже критическое отношеніе къ западному искусству въ его разнообразныхъ проявленіяхъ. У Куракина всюду разсѣяны очень любопытныя замѣтки по поводу видѣнныхъ имъ образцовъ архитектурнаго и садовничьяго искусства; при чемъ дается сравнительная оцѣнка архитектуры нѣмецкой, голландской, итальянской и др. Мы не можемъ подробно остановиться на уясненіи оригинальныхъ переживаній русскихъ путешественниковъ, крайне своеобразно преломлявшихъ въ своемъ сознаніи и особенно въ рѣчи впечатлѣнія отъ разныхъ проявленій западнаго искусства. Для примѣра мы возьмемъ только музыку и театръ. Читая строки, посвященныя П. А. Толстымъ и Куракинымъ этому вопросу, чувствуешь, съ какимъ трудомъ пролагаютъ себѣ мѣсто въ русскомъ сознаніи новыя, еще неизвѣданныя впечатлѣнія и въ какія негодные старые мѣхи вливается это новое вино. Люди чувствуютъ что-то „дивное“, сами наслаждаются имъ, но когда пытаются облечь свои переживанія въ словѣ, перевести ихъ на языкъ родныхъ „реченій“ и общепонятныхъ образовъ, то не

Гр. Я. В. Брюсъ

достаетъ у нихъ словъ и образовъ, нѣтъ моста, по которому бы можно было перевести свои переживанія въ кругъ отечественныхъ представленій. Вотъ, какъ кн. Куракинъ знакомитъ своего читателя съ итальянской музыкой. „Въ великій постъ, — говоритъ онъ, — бываютъ ораторіи, которыхъ на свѣтѣ такихъ другихъ подобныхъ не можно быть. Ораторіи, т.-е. сложеніе, что съ виршеми на страсти Христовы, и то поютъ и съ музикою, подобіемъ тѣмъ, какъ бы опера, только она духовная и дѣлается въ церквахъ... Такой огромной музикѣ и компазиціи и такихъ инструментовъ на свѣтѣ лучшее не можно быть, а напаче какія дикія были выходки на трубахъ, что внезапу многою затменность даютъ человѣку“...

„Похвалилъ“ и П. А. Толстой вѣнскій оркестръ: при входѣ кардинала въ костелъ, разсказываетъ онъ, „заиграла вся музыка на троихъ органахъ, и на скрипицахъ, на басахъ, на ѳлолгалбахъ (?), на арѳахъ, на штортахъ, на цитрахъ, на флейтахъ, на трубахъ, на литаврахъ, на сиповкахъ, на барабанахъ и на иныхъ многихъ инструментахъ разныхъ мусикійскихъ. И такой былъ шумъ, что невозможно было слышать человѣческаго голосу“.

Итакъ, одинъ россіянинъ, знакомый съ музыкой чуть ли не всего западнаго міра, приходитъ въ восторгъ до „затменности“ отъ дикихъ выходокъ на трубахъ; другой, различавшій многіе музыкальные пнструменты, очевидно, не по однимъ только названіямъ ихъ, въ гармоніи оркестра ничего другого не уловилъ, кромѣ „шума“ велпкаго, покрывавшаго „человѣческій голосъ“. Но мы были бы несправедливы, еслибы на основаніи приведенныхъ цитатъ совершенно стали отрицать музыкальную впечатлительность названныхъ современниковъ Петра.

Музыкальный слухъ того же Толстого помогъ ему блестяще разобраться въ сыгранной спеціально для него на органѣ сложной музыкальной вещи и выдѣлить изъ общей гармоніи звуки знакомыхъ ему инструментовъ. „Удивительно,—пишетъ онъ,—что пребезмѣрно громогласны и кажется отъ голосовъ тѣхъ органъ якобы всей церкви потрясатися; въ тѣхъ органахъ свищетъ, подобно птицѣ кинарейкѣ или соловью; потомъ въ тѣхъ органахъ, когда отопрутъ всѣ голосы и трубы, тогда не останется ни одинъ инструментъ ото всей музыки, который бы въ тѣхъ органахъ не отзывался играніемъ: въ началѣ органъ, цымбалъ, скрипицы, басы, штортъ, арѳы, флейта, вильногамбы, цытры, трубы, литавры и иные всякіе мусикійскіе инструменты; когда закроютъ многіе голосы, тогда на тѣхъ органахъ будутъ отзываться трубы, какъ трубятъ трубачи на двойныхъ перекличкахъ, якобы одни издалека, а другіе пзблизка, и пныя многія штуки въ тѣхъ органахъ“.

Стоитъ только отбросить наивную терминологію этой цитаты и замѣнить всѣ эти „штуки“ и „трубачей“ съ „кинарейками“ соотвѣтственной

музыкальной терминологіей, и намъ понятнымъ станетъ, что музыка для П. А. Толстого и его соотечественниковъ не была только „великимъ шумомъ“ и „дикими выходками на трубахъ“ въ нашемъ смыслѣ слова.

У насъ часто пользуются оригинальнымъ языкомъ Петровской поры, какъ своего рода „коріузитами“, забывая двѣ вещи: наплывъ новыхъ понятій въ русское сознаніе того времени и негодность старыхъ средствъ языка для передачи ихъ: современникамъ Петра, какъ и самому Петру, приходилось приспособлять родной языкъ для передачи новыхъ понятій, что вело часто къ искаженію смысла, какъ въ вышеприведенныхъ цитатахъ; или заимствовать изъ иноземныхъ языковъ слова и термины, приспособляя ихъ къ русскому уху, что дѣлало языкъ неудобопонятнымъ для современниковъ и курьезнымъ для насъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ, за оригинальными выраженіями Петровскаго языка,—языка дѣловой литературы и дѣятелей, закрывается надлежащій смыслъ и міръ понятій, которыя передавались этимъ своеобразнымъ эсперанто. Мы видимъ, напримѣръ, какъ безуспѣшно бьется П. Толстой для сообщенія своимъ соотечественникамъ понятія о маскарадахъ: „И приходятъ въ тѣ оперы множество людей въ машкерахъ (маскахъ), по-славянски въ харяхъ, чтобъ никто никого не познавалъ“... Или нужно ему описать невиданное для русскихъ зрѣлище большого западно-европейскаго театра: какими словами передать соотечественникамъ понятіе ложи, часто мѣняющихся декорацій, роскоши театральныхъ костюмовъ? И Толстой строитъ такой мостъ отъ европейскаго театра къ отечественнымъ представленіямъ: Въ „театрумѣ“, „въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы (ложи), многіе въ пять рядовъ вверхъ... чулановъ двѣсти, а въ иномъ триста и больше; а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золочеными... Съ одной стороны къ тому театруму придѣлана бываетъ великая и зѣло длинная палата, въ которой чинится опера: въ той палатѣ бываютъ перемѣнныя перспективы дивныя (декораціи), и людей бываетъ въ одной оперѣ въ наряду (костюмахъ) человѣкъ по 100 и по 150 (артистовъ). Наряды на нихъ бываютъ изрядные, и каменья въ тѣхъ уборахъ бываетъ много, хрусталей и варениковъ (sic)“.

Какъ ни ухитряется нашъ путешественникъ передать на славянскомъ и иноземномъ діалектахъ невѣдомыя для москвича впечатлѣнія, онъ впадаетъ въ трагическое положеніе человѣка, котораго современники превратно поймутъ, если они сами не пережили аналогичныхъ впечатлѣній, а потомки на него будутъ смотрѣть, какъ на оригинала, если не пожелаютъ войти въ его затруднительное положеніе. Впрочемъ, П. А. Толстой и А. А. Матвѣевъ при введеніи въ свою рѣчь иноземныхъ словъ прибѣгаютъ къ искусственной терминологіи только въ случаѣ, если имъ нельзя обойтись „словенскими“ средствами; но были и такіе писатели-путешественники, которые въ своихъ описаніяхъ, повидимому, потеряли грань между русскимъ языкомъ и ино-

земными, какъ слилась въ ихъ сознаніи грань между міромъ русскихъ и иноземныхъ переживаній: въ области культуры свое стало смѣшиваться съ чужимъ, точь въ точь, какъ и въ пограничныхъ отношеніяхъ Петровской поры. Образцомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить кн. Куракинъ. Иностранныя слова онъ употребляетъ часто тамъ, гдѣ свободно могъ бы обойтись отечественнымъ лексикономъ.

Говоря о царевнѣ Софьѣ, Куракинъ пишетъ: „Тогда она, по своей особой инклинаціи и амуру, кн. В. В. Голицына назначила... войско командировать; который вошелъ въ ту милость чрезъ амурные интриги; и почалъ быть фаворитомъ и первымъ министромъ... Софья для своихъ плезировъ завела пѣвчихъ, изъ которыхъ царевны Екатерина, Марѳа и другія избирали своихъ голантовъ... Въ отбытіе князя В. В. Голицына Ѳеодоръ Щегловитый весьма въ амурѣ при Софьи профитовалъ и уже въ тѣхъ плезирахъ ночныхъ былъ въ большой конфиденціи“... Тотъ же высокій стиль примѣняетъ Куракинъ и къ себѣ, разсказывая, какъ онъ въ Вѣнѣ „былъ инаморатъ (влюбленъ) въ славную хорошествомъ читадинку (горожанку), которую имѣлъ за медресу и которая коштовала (стоила) въ тѣ 2 мѣсяца 1000 червонцевъ“.

Всѣ эти и подобныя особенности языка Петра Великаго и его сотрудниковъ, побывавшихъ за границей, являются несомнѣннымъ продуктомъ ихъ знакомства съ Западной Европой и ея представителями. Языкъ этотъ, испещренный барбаризмами и непонятный для громаднаго большинства русскихъ людей, превратился, тѣмъ не менѣе, въ дѣловой, постоянный языкъ кружка дѣятелей, окружавшихъ Петра. На немъ говорили, онъ проникалъ въ дѣловую переписку и даже въ государственные акты. Неудивительно поэтому, что при Петрѣ появилось нѣсколько словарей, помогающихъ переводить съ этого языка на русскій, общепонятный, и въ составленіи одного изъ нихъ, а именно, въ „Лексиконѣ вокабуламъ новымъ по алфавиту“ Петръ Великій принялъ самое дѣятельное редакторское участіе. Въ словарѣ этомъ содержится 503 „новыхъ вокабулы“, безъ которыхъ, повидимому, трудно было русскимъ людямъ понимать языкъ своихъ правителей.

Н. А. Смирновъ [1]) составилъ словарь, содержащій въ себѣ болѣе 3000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскую рѣчь во времена Петра Великаго, выбравши ихъ не только изъ произведеній Куракина и ему подобныхъ, но и изъ такихъ официальныхъ актовъ, какъ Петровскіе „регламенты“, „Правда воли монаршей“, „Торговый морской уставъ“ и др.

Нельзя не согласиться съ г. Смирновымъ, что всѣ эти иностранныя слова являлись къ намъ, такъ или иначе, съ новыми понятіями, неизвѣстными у насъ, изъ разныхъ областей; изъ нихъ около 750 словъ относятся

---

[1]) Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху

Петръ Великій въ гробу. Съ картины Таннауэра (1725 г.).

къ административному языку, столько же, приблизительно, къ морскому дѣлу, около 1000 къ военному дѣлу и остальныя, главнымъ образомъ, къ научнымъ понятіямъ (медицина, наглядныя пособія, искусство, матеріи и т. д.). И чрезъ обогащеніе русскаго языка новыми терминами западная культура просачивалась такимъ образомъ въ сознаніе русскаго народа широкимъ потокомъ.

Мы далеко не исчерпали разнообразнаго вліянія культурнаго Запада на русскихъ путешественниковъ во времена Петра. Но и сказанное достаточно рисуетъ культурную атмосферу, какую русскіе приносили съ собой въ отечество изъ путешествій по Западной Европѣ. Правда, цитированныя нами записки принадлежатъ незаурядnымъ современникамъ Петра; но этотъ матеріалъ хорошъ потому, что онъ выпукло въ цѣломъ отражаетъ то, что по частямъ и съ меньшею, можетъ-быть, опредѣленностью западало въ сознаніе другихъ многочисленныхъ россіянъ, исколесившихъ, по волѣ Петра, Западную Европу вдоль и поперекъ.

II.

Заграничныя командировки были прекраснымъ образовательнымъ средствомъ пріобщенія русскихъ къ западной культурѣ, но средствомъ слишкомъ дорогимъ, громоздкимъ и несподручнымъ. Для командированныхъ нужно было подыскать на Западѣ соотвѣтственныя мѣста, что не всегда удавалось въ виду неблагожелательнаго отношенія нѣкоторыхъ государствъ къ успѣхамъ Россіи. Съ другой стороны, за посланными нужно было устраивать тщательный надзоръ за границей, такъ какъ молодежь часто уклонялась отъ заданій, причиняла своимъ поведеніемъ хлопоты надзирателямъ и русскимъ посламъ. Все это приводило къ мысли устроить дома разсадники образованія, которые были бы доступны наибольшему количеству русскихъ и освободили бы Россію отъ хлопотливой зависимости отъ Западной Европы. И школьный вопросъ въ Россіи глубоко занимаетъ Петра въ теченіе его царствованія. Школа для него должна была стать сотрудницей реформы, какъ и все, что жило и дѣйствовало въ его время. По его мнѣнію, школа должна выпускать людей „во всякую потребу: въ церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строеніе и докторское врачевское искусство“. Какъ отъ Запада онъ требовалъ не цивилизаціи, а техники, такъ и отъ школы — не образованныхъ людей, а спеціалистовъ: инженеровъ, артиллеристовъ, техниковъ, архитекторовъ, врачей, ученыхъ богослововъ и т. д. Въ подготовкѣ ихъ и должна была идти на помощь заграничнымъ командировкамъ русская школа. Предшественники Петра въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлали. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ была заведена высшая богословская школа съ общеобразовательной схоластической программой, но отъ нея остались жалкія развалины вслѣдствіе разразившейся въ ея неокрѣпшихъ стѣнахъ ожесточенной борьбы старорусской ретроградной партіи съ „латынниками“. О состояніи этой школы Петръ получилъ въ 1700 г. подъ Нарвой неутѣшительное извѣстіе, вмѣстѣ съ вѣстью о кончинѣ патріарха Адріана: „Школа, бывшая подъ управленіемъ патріарха и подъ надзоромъ монаха Палладія, въ разстройствѣ,—доносилъ Курбатовъ:—ученики, числомъ 150 человѣкъ, очень

недовольны, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться потолки и печи обвалились".

Разсчитывать, что само общество или „учительный классъ" его, духовенство, державшіе до Петра школу въ своихъ рукахъ, пойдутъ навстрѣчу запросамъ времени, было бы наивно: духовенство вообще въ массѣ не сочувствовало реформамъ Петра, да и не могло по косности своей проявить инициативы въ заведеніи новыхъ школъ съ свѣтскими программами и задачами: слишкомъ привыкло оно къ „буквамъ благодатнаго закона", къ „мечтательному, по опредѣленію Петра, знанію, боясь, какъ заразы, „риторскихъ астрономъ", „богомерзкой геометріи" и другихъ „свободныхъ" наукъ.

Поэтому оставлять школьное дѣло въ рукахъ „учительнаго класса" было болѣе, чѣмъ безполезно: нужно было инициативу школьной реформы взять въ руки правительства или, по крайней мѣрѣ, подъ его надзоръ. Но и этимъ не устранялось косное наслѣдіе старины. Въ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ широкихъ народныхъ массахъ, которымъ хотѣлось Петру также привить долю полезныхъ школьныхъ знаній, не было тяготѣнія къ школѣ, даже съ привычной программой чтенія часослова и псалтири, не говоря уже о „новоявленной цифири" и „богомерзкой геометріи". Слѣдовательно, и тутъ нужна была властная рука государства, нужно было ввести принудительное начало въ новую школу. Таковъ былъ сдвигъ, на который наталкивали Петра въ школьномъ дѣлѣ властныя требованія времени.

Если въ прошломъ русской школы Петръ не могъ найти для себя руководящихъ началъ и опыта въ этомъ отношеніи, зато Западная Европа и здѣсь могла многому научить Петра. На Западѣ, въ частности въ Германіи, въ теченіе XVII в. сложился новый типъ школы, отчасти подъ вліяніемъ прогресса знанія, отчасти вслѣдствіе разочарованія въ церковномъ направленіи въ школѣ и жизни, приведшемъ Западную Европу къ страшному потрясенію во время реформаціи, и особенно въ Тридцатилѣтнюю войну.

Знаніе изъ „служанки богословія" теперь превращается въ самоцѣль, въ самодовлѣющую цѣнность, важность которой признается государствомъ. Отсюда новая школа на Западѣ, естественно, строится на трехъ основаніяхъ: реальныя, естественныя знанія всюду развиваются за счетъ богословія, и въ программахъ всѣхъ школъ значительная часть отводится физико-математическимъ предметамъ, вытѣснявшимъ авторитетную схоластику предшествующаго времени въ ея все проникающихъ основаніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, школа освобождается изъ рукъ духовенства и становится свѣтскою, государственною, переходя, по мѣткому выраженію Фр. Паульсена [1]), „изъ разряда ecclisiasticum въ разрядъ politicum". Наконецъ, во многихъ государствахъ Запада начальное образованіе становится, если и не всеобщимъ, такъ зато обще-

[1]) Фр. Паульсенъ. „Историческій очеркъ развитія образованія въ Германіи". Перев. подъ ред. Н. Сперанскаго.

обязательнымъ, въ теоріи, по крайней мѣрѣ. Это какъ разъ то, къ чему, какъ мы видѣли, пришелъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, Петръ Великій.

Но одно дѣло уяснить задачи и намѣтить планъ предпріятія, другое — привести его въ исполненіе. Петръ могъ найти средства для заведенія нужныхъ школъ, принудить подданныхъ идти учиться въ эти школы, но гдѣ было взять подходящихъ учителей, кому поручить организацію задуманныхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній? Но Петръ не любилъ долго раздумывать надъ трудностью задачи, и, вѣря въ организующую силу своихъ указовъ, приступалъ къ основанію школъ, видимо, надѣясь, что нива найдетъ своихъ сѣятелей.

Въ 1701 году въ Москвѣ, въ Сухаревой башнѣ, возникаютъ навигацкая и подготовительная къ ней математическая школа для подготовки спеціалистовъ морского дѣла и, вообще, знатоковъ математики, которая, по словамъ Петра, была нужна „не токмо къ морскому ходу“. Въ томъ же году при Посольскомъ Приказѣ возникаютъ курсы иностранныхъ языковъ, „нѣмецкая школа“ Николая Швимера и развалившаяся богословская Славяно-греколатинская академія реставрируется „черкасами“ по программѣ „латынниковъ“, въ исполненіе даннаго въ іюлѣ 1701 г. лаконическаго указа: „устроить въ академіи ученія латинскія“. Въ 1707 г. при Московскомъ военномъ госпиталѣ заводится медицинская школа, подъ руководствомъ доктора Бидлоо, племянника упомянутаго выше Куракинымъ лейденскаго профессора „Быдла“. Въ 1712 году возникаютъ въ Москвѣ инженерная и артиллерійская школы.

Въ 1715 году учреждается, или, лучше сказать, переводится изъ Москвы въ Петербургъ Морская академія, тамъ же возникаютъ затѣмъ инженерная и артиллерійская школы; на мѣсто ихъ въ Москвѣ остаются подготовительные элементарные классы съ математической программой, и лучшіе ученики этихъ школъ отсылаются въ петербургскія высшія школы для спеціальной подготовки. Если мы упомянемъ еще о заведеніи съ 1714 г. по губерніямъ „цифирныхъ школъ“ и преобразованіи „нѣмецкой школы“ Швимера въ „гимназію“ Глюка около 1705 г., то этимъ почти исчерпаемъ внѣшнюю сторону организаціи школьнаго дѣла на Руси при Петрѣ Великомъ.

Самымъ труднымъ вопросомъ при организаціи внутренняго строя спеціальныхъ школъ былъ подборъ преподавателей и организаторовъ учебной стороны дѣла. О преподавателяхъ изъ русскихъ, особенно въ первыя 15 лѣтъ XVIII столѣтія, и думать нельзя было. Педагогическій персоналъ названныхъ школъ вербовался, главнымъ образомъ, изъ иностранцевъ частью Нѣмецкой слободы (Швимеръ), частью плѣнныхъ, а чаще всего за границей; такъ, во главѣ „нѣмецкой школы“ стоялъ Швимеръ, директоръ школы Нѣмецкой слободы. Артиллерійская школа была поручена барону Гитнеру, медицинскій факультетъ—доктору Бидлоо, Морская академія—барону С. Илеру—„Сенталеру“, какъ его называлъ графъ Апраксинъ; въ инженерной школѣ „надзи-

Императрица Екатерина I.

Романовская галлерея.

Νηπιαγωγείο Ελαιώνα Ι

Δομοκός 19770 Φθ.

рателемъ“ былъ подполковникъ фонъ-Строусъ, въ „гимназіи“ Глюка всѣ восемь преподавателей были или нѣмцы, или французы; въ математическо-навигацкой школѣ было четыре учителя, изъ нихъ три англичанина и только одинъ русскій, Леонтій Магницкій, авторъ извѣстной первой русской „ариѳметики“, который обучалъ „цыфири“. Нельзя сказать, чтобы этотъ педагогическій персоналъ изъ иностранцевъ былъ подобранъ очень удачно. Въ Петровское время, какъ и раньше, наряду съ дѣйствительными „мастерами“ своего дѣла, пріѣзжали авантюристы и самозванцы, выдававшіе себя за знатоковъ такихъ наукъ, въ которыхъ они были, по выраженію Куракина, „не весьма канабли“. Извѣстный уже намъ графъ Матвѣевъ, назначенный главнымъ начальникомъ Морской академіи, обнаружилъ, что директоръ академіи С. Плеръ попалъ не на свое мѣсто: „Деньги, которыя ему отпущены въ большомъ числѣ, все равно, что въ окно выкинуты. Регламенты, имъ поданные, не были его практики, а переписаны съ печатныхъ правилъ французской морской академіи, а онъ выдалъ ихъ за свои... Срамно всѣмъ слышать,—негодуетъ далѣе Матвѣевъ,—что С. Плеръ напрасно похитилъ *названіе* (sic) генеральнаго директора, который долженъ отличаться совершеннымъ знаніемъ своего дѣла и имѣть безстрастный надзоръ за всѣми профессорами, не только что надъ навигаторами и кадетами. Но онъ, С. Плеръ, во время годового своего пребыванія въ академіи, ни одного кадета въ дальнѣйшую науку не произвелъ и успѣховъ въ самой меньшей наукѣ свидѣтельствовать не можетъ, не только не превосходитъ профессоровъ, но и навигаторской науки не знаетъ“... Не на высотѣ своего положенія оказались и нѣкоторые „профессора“ московской навигаторской школы. Курбатовъ, этотъ удивительный самородокъ, который во все вникалъ и все подмѣчалъ, по долгу службы и изъ любви къ искусству, въ письмѣ къ адмир. Головину признаетъ „дѣло въ одномъ только Андреѣ Фарварсонѣ, а тѣ два Рыцерь Грей и Степанъ Гвинъ, хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтья (Магницкаго) наукою не дошли“.

Былъ „отставленъ отъ школы“ и преемникъ Глюка, по директорству въ „гимназіи“, Іоаннъ Вернеръ Паусъ, „по челобитью тоя школы учителей, и по доносительству Павла Веселовскаго (куратора гимназіи), и по ученическовымъ допросамъ *за многое его непстовство и развращеніе*“ и, кажется, за распродажу въ свою пользу учебниковъ и книгъ изъ ученической библіотеки. Неудивительно поэтому, что иноземнымъ педагогамъ не довѣряли и слѣдили за ними негласно и открыто. Курбатовъ писалъ Головину, что въ навигацкой школѣ „помоществователемъ“ „профессора“ является „непрестанно“ Леонтій Магницкій, который „всегда имѣетъ тщаніе не только къ единому радѣнію въ наукѣ учениковъ, но и ко инымъ къ добру поведеніямъ, въ чемъ тѣ англичане, видя въ школахъ его управленіе не послѣднее, обязали себя къ Леонтію ненавидѣніемъ, такъ что уже просилъ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА 528438
ПОГАШЕНО

онъ... отъ школы себѣ свободности; однакожь я... приказалъ ему о всякихъ поведеніяхъ сказывать до пріѣзда вашей милости мнѣ“... Другихъ „профессоровъ“ приходилось укрощать пріемами русской педагогіи. Такъ, „пресвѣтлѣйшій князь Меншиковъ“, едва умѣвшій нацарапать свою подпись, вмѣшался въ академическія распри Морской академіи и разрѣшилъ ученый споръ о знаніяхъ С. Илера очень просто: онъ „грозилъ палками побить С. Илера, чтобы, по его словамъ, выучить французскій народъ, какъ жить“.—„Такихъ подчиваній не чинятъ шляхетству въ нашей Европѣ“, писалъ по этому поводу С. Илеръ,—тотъ самый С. Илеръ, на котораго подалъ самому царю челобитную навигаторъ Угрюмовъ, жалуясь на то, что С. Илеръ билъ его, навигатора „шляхетскаго званія“, по щекамъ и палкою при всей школѣ...

Мы были бы очень несправедливы къ первымъ русскимъ профессорамъ спеціальныхъ школъ, еслибы судили объ ихъ педагогической дѣятельности по этимъ отрицательнымъ случаямъ изъ академической жизни времени Петра.

Въ числѣ иноземныхъ преподавателей были тогда лица, которымъ русская наука и дѣло Петровской реформы, несомнѣнно, обязаны очень и очень многимъ. Такимъ былъ прежде всего Андрей Фарварсонъ, бывшій профессоромъ Эбердинскаго университета, сманенный Петромъ на русскую службу. Даже Курбатовъ, не особенно расположенный къ иноземнымъ профессорамъ, признавалъ въ немъ единственнаго человѣка „дѣла“ во всей математической навигацкой школѣ, которая собственно и организована была Фарварсономъ и въ которой онъ былъ, по опредѣленію Курбатова, „самъ большой“; онъ же въ 1715 году былъ переведенъ въ Петербургъ въ Морскую академію. Веберъ, бывшій у насъ брауншвейгскимъ резидентомъ въ 1716 г., отзывается съ большою похвалой объ этомъ англичанинѣ, который, по его словамъ, превосходно обучилъ въ Москвѣ многихъ молодыхъ людей математикѣ и другимъ наукамъ, преподававшимся въ этой школѣ. Замѣчательно, что этотъ профессоръ дѣлалъ свое большое дѣло скромно и безъ шума: будучи „большимъ“ по знаніямъ, онъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ не занималъ начальническаго поста.

Слѣдуетъ отмѣтить и такого труженика Петровской школы, какъ Яганъ Вурмъ, около 15 лѣтъ обучавшій въ школѣ Глюка и въ смѣнившей ее „разноязычной школѣ“ нѣмецкому языку „молодыхъ робятокъ“, а затѣмъ, по приказу Петра, вызванный въ Петербургъ для учреждавшихся тамъ въ 1715 г. курсовъ иностранныхъ языковъ. Мы особо потомъ поговоримъ о Глюкѣ, объ этомъ выдающемся педагогѣ по призванію, человѣкѣ разносторонних знаній съ большимъ организаторскимъ талантомъ и передовымъ для его времени воззрѣніемъ на душу ребенка, изъ которой опытная и любящая рука педагога можетъ лѣпить, какъ „изъ мягкой и ко всякому изображенію

угодной глины". Онъ въ короткое время создалъ учебное заведеніе съ широкой общеобразовательной программой, которое пышно при немъ расцвѣло, несмотря на противорѣчіе своего строя съ основнымъ духомъ школьнаго дѣла при Петрѣ.

Объ опредѣленной программѣ Петровскихъ спеціальныхъ школъ говорить подробно не приходится, какъ за отсутствіемъ свѣдѣній о многихъ изъ нихъ (инженерной, артиллерійской), такъ и потому еще, что въ теченіе своего существованія школы эти мѣняли программы, что было естественнымъ въ виду отсутствія предшествующей практики. Болѣе извѣстна намъ программа навигатской школы. Въ низшемъ отдѣленіи школы обучали азбукамъ, часословамъ, псалтирямъ и письму, во второмъ отдѣленіи „цифири", а именно: ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи съ ихъ практическими приложеніями къ геодезіи и мореплаванію. Наконецъ, въ высшемъ отдѣленіи обучали большой астрономіи, плоской и круглой навигаціи. Мы не будемъ, за недостаткомъ мѣста, останавливаться на программахъ другихъ школъ, какъ медицинской, богословской академіи и другихъ; о послѣдней достаточно сказать, что она была устроена по типу Кіевской духовной академіи и поручена вызваннымъ оттуда „профессорамъ".

Своеобразное мѣсто среди Петровскихъ школъ занимаетъ „гимназія" Глюка. Насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не отмѣчена тѣсная связь этой школы съ такъ называемыми „рыцарскими академіями", которыя въ большомъ количествѣ выростали въ теченіе XVI и XVII вв. на Западѣ въ качествѣ сословныхъ дворянскихъ школъ. „Онѣ должны были давать новому сословію „господъ" соотвѣтствующее ихъ положенію придворное и современное воспитаніе; въ нихъ осуществлялся новый образовательный идеалъ—halant-homme. Въ преподаваніи здѣсь стоятъ на первомъ планѣ новые языки и науки; конечно, знатному барину нельзя было еще обходиться совсѣмъ безъ знанія латинскаго языка... Умѣнье владѣть французскимъ языкомъ требовалось безусловно, а также признавалось желательнымъ знакомство съ итальянскимъ, испанскимъ и англійскимъ. Извѣстная практика въ употребленіи роднаго нѣмецкаго языка въ XVIII столѣтіи тоже считалась обязательной... Схоластическая философія... утратила уже всякое значеніе для будущихъ общественныхъ дѣятелей. Напротивъ, математикѣ и естествознанію придавалась большая важность... Къ циклу тѣхъ же наукъ, имѣвшихъ практическое общественное значеніе, причисляется исторія общая и исторія права, государствовѣдѣніе и географія. Прибавимъ къ этому элементы морали и естественнаго права, а также exercitia—упражненія въ рыцарскихъ искусствахъ, какъ верховая ѣзда, фехтованіе, танцы, игра въ мячъ", и мы почти исчерпаемъ программу тогдашнихъ, „рыцарскихъ академій" [1]).

---

[1]) Фр. Паульсенъ, op. cit., 126—7 стр.

Чѣмъ же другимъ, какъ не простымъ сколкомъ съ этой программы является то, что давалось въ „гимназіи“ Глюка? Въ „гимназіи“ учащіеся дѣлились на три группы; каждый учащійся долженъ былъ избрать своею спеціальностью одинъ изъ новыхъ языковъ (преподавались три языка: латинскій, французскій и нѣмецкій, а позднѣе къ нимъ прибавились еще итальянскій и шведскій). Кромѣ языка, первая группа обучалась грамотѣ и началамъ ариѳметики, въ средней группѣ проходили математику въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и учили исторію и географію, въ старшей группѣ обращалось особое вниманіе на усовершенствованіе въ языкахъ, а также слушали „изъ философіи дѣлательныя ітіку и политику“, философію картезіанскую и высшую математику. Кромѣ того, необходимо было учиться у Стефана Рамбура комплиментамъ и танцамъ, а у „конскаго учителя“ Штурмевеля верховой ѣздѣ. Такимъ образомъ „гимназія“ Глюка ставила своей задачей превратить русскую „плодовитую, да токмо подпоръ и тычинъ требующую дидивину“ въ своего рода halant-homme'a по рецепту Западной „рыцарской академіи“. Несмотря на то, что школа Глюка была официально признана дѣломъ „всеобщей всенародной пользы“, она удержала свою широкую общеобразовательную программу только при жизни Глюка (1703—1705 гг.); при трехъ его преемникахъ она постепенно теряетъ свой общеобразовательный характеръ и уже въ 1707 году превращается въ профессіональную „подьяческую четырехъязычную школу“, распадаясь на 4 самостоятельныхъ отдѣленія: цесарскую (нѣмецкую), французскую, шведскую и латинскую школу. Такимъ образомъ „гимназія“ Глюка съ ея широкой общеобразовательной программой пришлась не ко двору русской жизни, оказалась пустоцвѣтомъ; судьба ея еще разъ подтверждаетъ ту истину, что времена Петровской реформы требовали отъ школы профессіональныхъ техническихъ и ремесленныхъ знаній, а не общаго образованія, запрашивали у нея спеціалистовъ-дѣльцовъ, а не просвѣщенныхъ halant-homme'овъ. Ихъ вѣкъ наступилъ не въ рабочую пору Петра, а въ вѣкъ царствованія императрицъ, въ вѣкъ господства „Шляхетства“ и его сословнаго учебнаго заведенія—„Шляхетскаго корпуса“...

Трудно допустить, чтобы „молодымъ робяткамъ“ и „дидивинамъ“ легко давалась наука въ перечисленныхъ школахъ съ иноземнымъ педагогическимъ персоналомъ, особенно въ первые годы ихъ дѣятельности. Мы не говоримъ уже о совершенно новомъ, невѣдомомъ русскому обществу мірѣ отвлеченныхъ понятій и представленій, въ который вводила „государственныхъ младенцевъ“ спеціальная школа; самый языкъ преподаванія, его терминологія, то иностранная, то переведенная на вновь созданные изъ русскихъ словъ термины, дѣлали для учащихся корень науки поистинѣ горькимъ. О языкѣ преподаванія того времени мы можемъ судить по языку учебниковъ, которые стали переводиться для школы съ 1703 г., когда вышла „ариѳме-

тика, сирѣчь наука числительная. Съ разныхъ діалектовъ на славянскій языкъ переведенная, и въ едино собрана, и на двѣ книги раздѣлена. Въ Москвѣ типографскимъ тиснѣніемъ ради обученія мудролюбивыхъ россійскихъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена“ Леонтіемъ Магницкимъ; въ томъ же году были изданы „таблицы lg, sn и tg“ подъ редакціей Фарварсона; въ 1704 г. вышелъ въ Москвѣ „Лексиконъ трехъязычный, сирѣчь реченій славенскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище“; въ 1708 г. появилась „геометрія“ и т. д. Языкъ этихъ „сокровищъ“ былъ таковъ, что и теперешніе спеціалисты едва ли уразумѣютъ смыслъ ихъ „славенскихъ реченій“. Вотъ, напр., опредѣленіе географіи: „География есть математическое смѣщенное, изъясняетъ фигура или корпусъ и фикціи, свойство земноводнаго корпуса, купно съ феноменами, со явленіями небесныхъ свѣтилъ“. Или можно ли понять, что есть ариѳметика, изъ такого ея этическаго опредѣленія: „ариѳметика или числительница есть художество честное и независтное, всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнихъ и отъ новѣйшихъ въ разныя времена явившихся философовъ, изобрѣтенная и изложенная“. „Радиксъ есть число яковыя либо хтворобочныя или равномѣрныя фигуры или вещи, единъ бокъ содержащее. И того ради корень или радиксъ именуется, зане отъ него вся препорція всея алгебры начинаются или рождаются“. Немудрено, что головы учениковъ не выносили этой мудрости, и они дезертировали изъ школъ, съ рискомъ подвергнуться розгамъ.

Императрица Екатерина I. (По стар. русск. гравюрѣ).

Самою многочисленною по количеству учениковъ была школа математическо-навигацкая. Первоначальный комплектъ ея былъ въ 200 человѣкъ, въ

1706 г. дошелъ до 500. Въ эту школу, если вѣрить Курбатову, ученики шли охотно. „А нынѣ многіе,—пишетъ онъ,—изъ всякихъ чиновъ припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейторскія дѣти и молодые изъ приказовъ подьячіе приходятъ съ охотою немалою“... Туже заполнялся комплектъ инженерной школы. Первоначально въ нее поступило 23 человѣка; Петръ приказалъ набрать 150 человѣкъ, при чемъ $^2/_3$ должно было быть изъ дворянъ; указъ не былъ исполненъ вслѣдствіе абсентеизма дворянъ; тогда новымъ указомъ повелѣвалось вербовать учениковъ изъ разночинцевъ, а изъ московскихъ дворянъ—принудительно. Вообще говоря, мелькнувшая было у Петра мысль сдѣлать нѣкоторыя школы сословными, а именно, инженерную и морскую академію дворянскими, славяно-латинскую академію—духовною для подготовки лицъ „въ надеждѣ священства“, не встрѣтила поддержки въ жизни: дворяне оказывались въ академическихъ „нѣтѣхъ“, а ихъ мѣста охотно заполнялись разночинцами; студентовъ академіи разбирали то докторъ Бидлоо, то неумолимая рекрутчина... Этимъ и объясняется, что всѣ школы Петра были всесословными не столько de jure, сколько de facto.

Намъ остается бросить взглядъ на результаты просвѣтительной дѣятельности названныхъ школъ Петровскаго времени. Противъ ихъ глубоко-народнаго образовательнаго значенія говоритъ то, что вызваны онѣ были не столько общественною потребностью, сколько государственною необходимостью, и поддерживались больше личною энергіею Петра и его сотрудниковъ, чѣмъ общественнымъ сознаніемъ ихъ необходимости. Быстрое исчезновеніе большинства этихъ школъ со смертью Петра является лучшимъ тому доказательствомъ.

Но для Петровской реформы школы эти принесли несомнѣнную пользу. Я приведу говорящіе за себя факты, конечно, далеко не исчерпывающаго характера. Докторъ Бидлоо, занимавшійся съ пятьюдесятью „студентами“ медициной, писалъ царю, что нѣкоторые изъ его учениковъ такъ „обыкли“ въ этой наукѣ, что онъ, Бидлоо, „лучшихъ изъ сихъ студентовъ Е. И. В. освященной особѣ или лучшимъ господамъ рекомендовать не стыдится“. Курбатовъ такъ изображалъ ходъ дѣла въ подвѣдомственной ему школѣ: „180 человѣкъ... учатся ариѳметикѣ, изъ которыхъ человѣкъ съ десять учатъ радиксы и готовы совершенно въ геометрію“... Магницкій, въ свою очередь, обѣщалъ на третьемъ году существованія навигацкой школы, что „если имѣть къ ученикамъ совершенное радѣніе во ученіи, то возможно быть шести человѣкамъ къ весеннему времени на корабли“... И Матвѣевъ даетъ похвальный отзывъ о ходѣ работъ въ Морской академіи: „здѣсь все идетъ порядочно,—писалъ онъ Макарову:—кадеты въ наукахъ прилежно преуспѣваютъ, а солдатской экзерциціи такъ хорошо обучались, какъ бы старые“... Но это только отзывы, а вотъ и дѣло.—„Гимназія“ Глюка и „четырехъязычная

школа“, полагаютъ, выпустили болѣе 250 человѣкъ, такъ или иначе знающихъ иностранные языки. Изъ навигацкой школы вышло не только много хорошихъ моряковъ, но и много инженеровъ, артиллеристовъ, геодезистовъ. Въ 1703 г. велѣно было прислать изъ навигацкой школы въ Воронежъ „ради ученія матросовъ ариѳметикѣ изъ числа лучшихъ учениковъ двухъ человѣкъ“, и, „по освидѣтельствованію Магницкаго, двухъ человѣкъ отпустили, опредѣля жить имъ на Воронежѣ по два мѣсяца, перемѣняясь съ иными, чтобъ отъ ученія отъ прочихъ не отстали“. Интересный фактъ вскрылся съ преобразованіемъ старшихъ классовъ навигацкой школы въ морскую академію: въ послѣднюю были вызваны „профессора“ англичане, а въ элементарной математической въ Москвѣ остался одинъ Магницкій, который набралъ себѣ помощниковъ по преподаванію изъ своихъ окончившихъ учениковъ, которые помогали ему обучать школьниковъ „грамотѣ, ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи“.

Математическая школа, въ концѣ концовъ, превратилась какъ бы въ учительскую семинарію. Съ учрежденіемъ цыфирныхъ школъ въ 1714 г. было предписано посылать въ каждую губернію по два учителя изъ учениковъ математической школы. Если принять во вниманіе, что такихъ школъ при Петрѣ было одно время до 50, то намъ понятно станетъ значеніе математической школы въ качествѣ проводника „реальныхъ“ знаній въ провинціи. Въ „цыфирныя школы“ должны были поступать дѣти дворянъ, дьяковъ и подьячихъ и пройти въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ программу этой школы, состоявшую въ грамотѣ и письмѣ, въ ариѳметикѣ, въ элементарной геометріи и св. исторіи. Недоросли, уклонявшіеся отъ школьной повинности, штрафовались запрещеніемъ жениться. Школы эти должны были заводиться при богатыхъ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ, на ихъ иждивеніи.

Цыфирныя школы не упрочились на Руси, и большинство ихъ не пережило Петра. Неудача эта вполнѣ понятна. Она объясняется прежде всего отрицательнымъ отношеніемъ дворянства къ обязательному образованію: дворянскіе недоросли, при вербовкѣ въ школу, оказывались въ „пѣтѣхъ“ чаще, чѣмъ при наборѣ въ рекруты. Только энергичнымъ провинціальнымъ администраторамъ удавалось силой скомплектовать школу, которая, впрочемъ, быстро расползалась отъ бѣгства учениковъ и недостатка въ средствахъ.

Вторая причина неудачи объясняется несочувствіемъ духовенства этой школѣ, во-первыхъ, потому, что на духовенство взваливалась новая обуза по содержанію этой школы, часто въ ущербъ имѣющимся при каѳедрахъ и монастыряхъ школамъ церковнымъ; а во-вторыхъ, потому, что духовенству навязывалась школа, чуждая ему по духу, организаціи и программѣ,—и противъ этой школы открыто запротестовали даже лучшіе іерархи, искренно по своему заботившіеся о просвѣщеніи паствы. Тщетно гремѣлъ противъ митроносной оппозиціи Скорняковъ—Писаревъ, вѣдавшій цыфирными шко-

лами, упрекая духовенство въ крамольномъ духѣ, обличая его невѣжество, мѣшавшее ему постигнуть сладость и общеполезность реальнаго знанія: послѣднее обличеніе отвѣчало дѣйствительности, и потому-то духовенство и отвѣтило молчалпвымъ бойкотомъ цыфирныхъ школъ, убившимъ ихъ въ концѣ-концовъ.

III.

На помощь реформѣ Петра было привлечено и другое могучее образовательное средство—книга. Отъ нея прежде всего требовалось сообщеніе точныхъ знаній изъ области науки, техники, исторіи и т. д., насколько все это соприкасалось съ реформой. Сюда относятся многочисленные учебники и спеціальныя книги по математикѣ въ широкомъ смыслѣ, по географіи, землемѣрію, всеобщей исторіи, земледѣлію и т. д. Книги эти допускались Петромъ съ выборомъ. Новоучрежденный Синодъ долженъ былъ заниматься, между прочимъ, и переводомъ книгъ. Любопытное заданіе даетъ Петръ этому высшему церковному учрежденію въ Россіи въ октябрѣ 1724 г.: „Посылаю книгу Пуфендорфа,—пишетъ Петръ въ Синодъ,—въ которой два трактата: первый—о должности человѣка и гражданина, другой—о вѣрѣ христіанской, но требую, чтобы первый токмо (о должности) переведенъ былъ, понеже въ другомъ (о вѣрѣ) не чаю къ пользѣ нужда быть“.

Книга должна, кромѣ сообщенія полезныхъ знаній, еще и воспитывать русское общество въ духѣ европейской общественности. Въ этомъ отношеніи особенно характернымъ является изданіе „прикладовъ, како пишутся компленменты разные“ и „юности честнаго зерцала, или показанія къ житейскому обхожденію“, своего рода „самоучители“ въ предѣлахъ воспитательной части программы „гимназіи“ Глюка и западныхъ „рыцарскихъ академій“. Книги эти выдержали при Петрѣ нѣсколько изданій.

Петровской книгѣ ставилась и третья служебная задача: она ясно выражена наряду съ отмѣченными выше задачами въ привилегіи, данной Петромъ голландцу Тессингу на заведеніе русской типографіи: „Тѣ чертежи и книги,—говорится въ привилегіи,—печатались бы къ славѣ нашему превысокому имени и всему россійскому нашему царствію, межъ европейскими монархами къ цвѣтущей наивящшей похвалѣ и ко общей народной пользѣ и прибытку, и къ обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію, а пониженія бъ нашего Ц. В. Превысокой чести и государствъ нашихъ къ славѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было“. Слѣдовательно, книга должна содѣйствовать прославленію дѣлъ Петра и возвышенію русскаго государства въ глазахъ Европы. Рѣчь здѣсь идетъ не о пустомъ тщеславіи и самолюбованіи. Дѣлу Петра много вредилъ установившійся на Западѣ взглядъ на Россію, какъ на варварскую страну; правдивое изображеніе реформъ, по мнѣнію Петра, должно было разсѣивать этотъ

взглядъ. Тому же дѣлу должно было служить описаніе царствованія Петра. Собираются историческіе матеріалы по монастырямъ, ведутся дневники событіямъ государственной важности, поручается разнымъ лицамъ писать исторію (Поликарпову, Прокоповичу). Въ 1713 г. издана въ Петербургѣ „Книга Марсова, или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ Ц. В. россійскихъ, во взятіи преславныхъ фортификацій, и разныхъ мѣстахъ храбрыхъ баталій, учиненныхъ надъ войсками Е. К. В. Свейскаго“. Заказанные историческіе опыты не удовлетворяютъ Петра, но онъ старается бодрить автора наградою: „Исторія твоя и Лексиконъ,—писалъ Мусинъ-Пушкинъ Поликарпову,—хотя и неугодны были, но Ц. В. изволилъ приказать за оные твои труды выдать тебѣ съ Печатнаго двора 200 рублевъ“. Отъ книгъ, издаваемыхъ въ Россіи, Петръ не требовалъ обязательнаго восхваленія всего русскаго, только потому, что оно русское. По словамъ Голикова, собирателя разсказовъ о Петрѣ по свѣжимъ слѣдамъ, государю представили переводъ одного сочиненія о Россіи. Ознакомившись съ работой, Петръ обратился къ переводчику:

— Глупецъ! Что я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ сею книгою?

— Перевесть,—отвѣчалъ тотъ.

— Развѣ это переведено?—продолжалъ государь и показалъ ему статью о Россійской державѣ, въ которой совершенно были выпущены всѣ жестокія и колкія мѣста для Россіи и замѣнены похвалами.—Сейчасъ поди и переведи книгу въ подлинникѣ, какъ она есть...—При этомъ монархъ объявилъ свое мнѣніе, что онъ приказалъ напечатать сію статью „не въ поношеніе своимъ подданнымъ, но къ ихъ исправленію и въ извѣстіе, что объ нихъ доселѣ думали въ другихъ земляхъ и чтобъ мало-по-малу научались знать, что они были прежде и каковыми сдѣлались теперь“ [1]).

Не объ одной цѣлесообразности, но и о доступности содержанія и изложенія книги заботился Петръ при выборѣ книгъ для русскаго читателя.

Отъ каждой книги онъ требовалъ сути дѣла, пренебрегая и въ содержаніи и въ изложеніи всѣмъ, что отвлекало мысль отъ главнаго. Сохранилась собственноручная записка Петра въ Синодъ, въ которой ярко выражено, чего Петръ требовалъ отъ книги: „Указъ трудящимся въ переводѣ экономическихъ книгъ. Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобъ велики казались, чего (т.-е. лишняго), кромѣ самого дѣла и краткаго передъ всякою вещію разговора переводить не надлежитъ, но и вышереченный разговоръ чтобъ не праздной ради красоты, но для вразумленія и наставленія о томъ чтущему былъ, чего ради и о хлѣбопашествѣ трактатъ выправить (вычеркня негодное), и для примѣру посылаю, дабы посему книги переложены были безъ лишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и у чтущихъ охоту отъ-

---

[1]) Гол., 2-е изд., V, 321—322.

емлютъ“. Чужой трудъ, для пользы дѣла, рекомендовалось не только сокращать и передавать своими словами, но и дополнять въ случаѣ надобности, точь въ точь, какъ поступалъ самъ Петръ съ попадавшими въ его руки рукописями. Въ письмѣ къ Конону Зотову Петръ рекомендуетъ „все, что по флоту принадлежитъ, сыскивать книги, также чего нѣтъ въ книгахъ, но отъ обычая чинятъ, то пополнить и все перевесть на славянской языкъ нашимъ штилемъ, токмо храня то, чтобъ дѣла не проронить, а за штилемъ ихъ не гнаться“. Но такъ какъ и „словенскій штиль“ въ родѣ штиля „люботруднаго мужа Симеона Полоцкаго“ были „тяжекъ за высоту словесъ“, то и тутъ Петръ требовалъ, какъ главнаго, общедоступности. Мусинъ-Пушкинъ писалъ Поликарпову, „по имянному Ц. В. указу“: „посылаю тебѣ... Географію переводу твоего, которая за не искусствомъ либо какимъ переведена гораздо плохо, того ради исправь хорошенько, не высокими словесы словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ... Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словенскихъ класть не надобеть, но посольскаго приказу употреби слова“.

На службу дѣлу реформы Петръ вызываетъ къ жизни невѣдомую еще досель Россіи форму воздѣйствія на общественное сознаніе—публицистику. Въ статьѣ: „Петръ и оппозиція“ было показано, какъ тяжесть налоговъ и войны вызывали въ разныхъ слояхъ русскаго народа недовольство реформою и ропотъ противъ реформаторовъ. Къ этой домашней оппозиціи присоединилась иноземная, питавшаяся опасеніемъ растущаго могущества Россіи и находившая себѣ краски для злословія въ сложившемся въ Западной Европѣ представленіи объ азіатскомъ варварствѣ Россіи. Терпѣла Россія неудачи въ войнѣ, надъ Петромъ издѣвались въ Западной Европѣ, изображая его трусомъ, покидающимъ войска въ минуту опасности; одерживала побѣды—сторонники Швеціи били тревогу объ азіатской опасности; происходили кровопролитныя битвы — на Западѣ говорили о невѣроятной кровожадности русскихъ; затягивалась война вслѣдствіе несговорчивости шведовъ—Россію упрекали въ варварскомъ упорствѣ, покупаемомъ цѣною безцѣльно проливаемой крови и изнуренія подданныхъ. Эти нападки, повидимому, находили себѣ сочувствіе и среди русской оппозиціи: русскіе путешественники приносили на родину слухи о ней съ Запада. И Петръ обращается къ офиціозной публицистикѣ, какъ къ орудію борьбы съ оппозиціей. Въ 1717 году выходитъ написанное Шафировымъ, съ редакціонными вставками Петра, „разсужденіе, какія законныя причины Е. Ц. В. Петръ I къ начатію войны противъ короля Карла XII шведскаго 1700 году имѣлъ, и кто изъ сихъ обоихъ потентатовъ, во время сей пребывающей войны болѣе умѣренности и склонности къ примиренію показалъ, и кто въ продолженіи оной столь великимъ разлитіемъ крови христіанской и разореніемъ многихъ земель виновенъ, и съ которой воюющей страны та война по правиламъ христіан-

скихъ и политичныхъ народовъ болѣе ведена. Все безъ пристрастія, фундаментально, изъ древнихъ и новыхъ актовъ и трактатовъ, также и изъ записокъ о воинскихъ операціяхъ описано, съ надлежащею умѣренностью и истиною". Намъ нечего говорить, въ чью пользу были сдѣланы выводы въ этомъ „разсужденіи". Для насъ любопытно произведенное въ вставкѣ Петра разслоеніе состава оппозиціи и указаніе той ея части, которую Петръ удостоиваетъ своимъ вниманіемъ: „Понеже всякая война въ настоящее время не можетъ сладости приносить, — пишетъ Петръ, — но тягость, того ради многіе о сей тягости негодуютъ, одни для незнанія (по невѣдѣнію), другіе по прелестнымъ словамъ ненавистниковъ, зря отечество наше возвышаемо Богомъ (западная оппозиція), третіи, понеже тунеядцы, нынѣ не вышней степени суть (русская оппозиція отстраненной отъ дѣлъ партіи)". Петръ не отвѣчаетъ первымъ, „понеже зависть не умѣетъ цѣнить полезное, а злоба ничѣмъ не можетъ утолиться"; третьихъ онъ считаетъ недостойными отвѣта, такъ какъ тунеядцамъ апостолъ „и ясти воспрещаетъ, и яко корень всѣмъ злымъ праздность есть, того ради" онъ обращается только къ первымъ, „ниже доброй совѣсти суть, но точію невѣдѣнія ради негодуютъ". Памфлетъ былъ написанъ, главнымъ образомъ, для русской публики, хотя и не безъ разсчета стать извѣстнымъ „христіанскимъ и политичнымъ государствамъ"; но Петромъ были приняты прямыя мѣры воздѣйствія на общественное мнѣніе Западной Европы въ свою пользу.

Въ 1702 г. Паткуль пригласилъ на русскую службу доктора правъ Гюйсена, который, между прочимъ, обязался „склонять голландскихъ, германскихъ и другихъ ученыхъ, чтобъ они посвящали царю или членамъ его семейства или, наконецъ, царскимъ министрамъ замѣчательныя изъ своихъ произведеній, преимущественно по исторіи, политикѣ и механикѣ; также, чтобы эти ученые писали статьи къ прославленію Россіи" [1]).

Воспитатель царевича Алексѣя Нейгебауеръ, получивши отказъ отъ мѣста, въ отместку написалъ пасквиль на Россію, въ которомъ изображалъ варварство русскихъ, грубость царя, рекомендовалъ иностранцамъ не обольщаться обѣщаніями милости и наградъ у русскаго царя. Упомянутый Гюйсенъ получилъ въ 1705 г. „комиссію" опровергнуть пасквиль Нейгебауера, и дѣйствительно выпустилъ въ слѣдующемъ году опроверженіе подъ заглавіемъ: „Пространное обличенье преступнаго и клеветами наполненнаго пасквиля, который за нѣсколько времени передъ симъ былъ изданъ въ свѣтъ подъ титуломъ: „Искреннее письмо знатнаго нѣмецкаго офицера". Завязалась полемика, обратившая вниманіе западнаго общества, главнымъ образомъ, вслѣдствіе вскрытія интимныхъ сторонъ жизни Петра и его друзей.

---

[1]) Соловьевъ. „Исторія Россіи", т. XV, 111 стр.

Петръ, побывавъ на Западѣ, научился замѣчать, что въ государствѣ, помимо самодержца и его слугъ, есть еще одна крупная „персона“—народъ, съ мнѣніемъ которой приходится считаться и сочувствія которой не мѣшаетъ добиваться ради пользы дѣла; правда, „персона“ эта не всегда бываетъ на высотѣ замысловъ своихъ руководителей, но „политичные“ государи слишкомъ въ это время вѣрили въ силу разсудка и не скупились на просвѣщенныя рѣчи, чтобы ими поднять управляемыхъ до своихъ высокихъ замысловъ, пріобщить ихъ къ пониманію тѣхъ заботъ, какія проявляли о нихъ въ законодательствѣ, въ политикѣ и финансовой жизни страны ея правители. Петръ тѣмъ болѣе проникся этимъ „модпымъ“ въ Западной Европѣ теченіемъ, что данныя Преображенскаго застѣнка воочію его убѣждали, какъ тяжести реформы туманили мысль народныхъ массъ и удаляли ее отъ пониманія смысла реформы: все перетолковывалось навыворотъ, во всемъ видѣли только обратную сторону дѣла, не замѣчая ея положительныхъ послѣдствій. Здѣсь именно мы должны искать объясненія тому, что указы и официальные акты Петра скорѣе напоминаютъ собою серьезныя журнальныя и газетныя статьи въ пользу партійнаго законопроекта или объяснительныя записки къ нему, чѣмъ правительственныя распоряженія и законодательныя опредѣленія, какъ мы ихъ привыкли понимать. Возьмите вы любой изъ „регламентовъ“ Петра: въ нихъ половина содержанія удѣлена разсужденіямъ о пользѣ и разумности нововведенія, о вредѣ стараго порядка, о неразумности его приверженцевъ, которые, по своей собственной винѣ и неразумности, навлекутъ на себя карающую руку правителя и т. д.

Этимъ публицистическимъ характеромъ проникнуты почти всѣ правительственные акты и распоряженія Петра, который, такимъ образомъ, самую словесную форму своихъ реформъ превратилъ въ средство возбужденія сочувствія и разумнаго отношенія къ нимъ населенія. Этимъ же цѣлямъ служила и церковная проповѣдь въ устахъ такихъ сторонниковъ реформы, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Но если, по мысли Петра, книга проводила въ русскую среду знаніе и европейскую культуру, публицистика, официальная литература и проповѣдь разъясняли населенію смыслъ дѣйствій и распоряженій правительства, то оставалось еще ввести населеніе въ курсъ текущихъ событій, не только русской жизни, но и заграничной, тѣмъ болѣе, что теперь разрушилось средостѣніе между этими мірами, и событія одной изъ нихъ чувствительно отражались на другихъ. И Петромъ заводится въ Москвѣ наша первая газета, разсчитанная, повидимому, на вниманіе не одной только русской публики.

17 декабря 1702 г. царь указалъ: „По вѣдомости о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты“, и для этого, какія имѣ-

ются теперь и впредь будутъ извѣстія въ приказахъ, „присылать въ монастырскій приказъ, откуда тѣ извѣстія отсылать на печатный дворъ“. Въ 1703 г. вышелъ первый номеръ этой газеты, прошедшій черезъ редакцію и корректуру самого Петра, подъ названіемъ: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ“.

На подборѣ матеріала для этого номера можно видѣть, что больше всего занимало вниманіе его редактора, чѣмъ онъ хотѣлъ похвалиться передъ читателемъ и на какія мысли навести его. Симпатіи и антипатіи, радости и надежды Петра невольно читаются между строкъ этой еще церковно-славянскимъ шрифтомъ набранной газеты. Въ ней, послѣ указанія о количествѣ отлитыхъ пушекъ въ Москвѣ, объявляется, что „московскія школы (академія) умножаются и 45 человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили. Въ математической штюрмерской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ. На Москвѣ ноября съ 24 числа по 26 декабря родилось мужескаго и женскаго полу 386 человѣкъ. Въ китайскомъ государствѣ езуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены. Силы казацкія подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются, вырубя въ Немировѣ коменданта, съ своими ратными людьми городъ овладѣли, уже намѣренъ есть Бѣлую Церковь добывать“. Освѣдомленность „вѣдомостей“ была столь велика, что даже изъ непріятельской страны, изъ осаждаемыхъ городовъ, попала какимъ-то путемъ корреспонденція на ихъ столбцы. Гарнизонъ Ніеншанца по Невѣ корреспондировалъ, очевидно, не въ газету, а въ другое учрежденіе, не думая попасть въ русскую газету: „Мы здѣсь живемъ въ бѣдномъ постановленіи, понеже Москва въ здѣшней землѣ зѣло недобро поступаетъ“; а „изъ Олонца пишутъ“, что попъ Иванъ Окуловъ съ тысячей охотниковъ побилъ за шведскимъ рубежомъ 50 человѣкъ шведской конницы, да 400 пѣхоты, сжегъ до тысячи дворовъ“, изъ своего войска потерявши только 2 раненыхъ.

„Вѣдомости“ выходили не совсѣмъ регулярно: обычно на второй или третій день по приходѣ заграничной почты. Большого распространенія газета эта не могла имѣть, а, слѣдовательно, и не могла вліять на общественное мнѣніе; но фактъ ея возникновенія очень характеренъ для Петра, который всячески старался подѣлиться съ обществомъ своими завѣтными мыслями, привлечь его вниманіе къ событіямъ, вызвать общественное мнѣніе и сообщить ему желательное направленіе.

IV.

Мы уже видѣли, какое мѣсто занималъ театръ въ впечатлѣніяхъ русскихъ путешественниковъ. Въ бытность свою въ Парижѣ Петръ часто посѣщалъ театры и даже сдѣлалъ своеобразное подношеніе знаменитому ар-

тисту Барону: подарилъ ему шпагу. Да и въ семьѣ Петра, несомнѣнно, живы были воспоминанія о „прохладныхъ комедіяхъ“ времени „тишайшаго“. Все это не могло, конечно, не обратить вниманія Петра на театръ; но и на театръ посмотрѣлъ Петръ обычнымъ для него взглядомъ: и здѣсь онъ уяснилъ себѣ сущность культурнаго явленія и оцѣнилъ его прикладныя силы. Какъ смотрѣлъ Петръ на театръ, видно изъ тѣхъ заданій, какія онъ далъ выписанной изъ-за границы труппѣ актеровъ. Прежде всего для него театръ былъ серьезное и „общеполезное“, учрежденіе: „директору Е. Ц. В. гофъ-комедіантовъ“, Куншту съ его труппой было положено жалованье въ годъ 5 тысячъ ефимковъ (около 20 тысячъ рублей на наши деньги), да построенная на Красной площади „комедіальная хоромина“ стоила болѣе тысячи рублей, да освобожденіе „проѣзжихъ и всякаго чина людей отъ проѣзжей указанной пошлины“ два раза въ недѣлю во время представленій чего-нибудь да стоило казнѣ; а Петръ на „бездѣльное“ бросаться деньгами не любилъ. Чтобы стать общеполезнымъ, театръ Петра былъ объявленъ „всенароднымъ“—общедоступнымъ,—въ этомъ разница его отъ придворнаго театра царя Алексѣя и отъ школьныхъ представленій академіи и ростовской школы Димитрія Ростовскаго. „Проѣзжая пошлина“ не бралась, „чтобъ смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно“. Петръ требовалъ, чтобы театръ давалъ зрителямъ здоровое развлеченіе, воспитывалъ бы въ нихъ художественное чувство реальною драмой и комедіей, не переходящей въ арлекинаду. Берхгольцъ разсказываетъ, что въ его время „императоръ приказалъ сыграть такую пьесу, которая была бы только изъ трехъ актовъ и притомъ безъ любовной интриги, не очень печальная и не очень серьезная, и вмѣстѣ съ тѣмъ не забавная. За ней должна быть представлена комедія: „Von den armen jungen“, т.-е. „Georges Dandin“. Веберъ разсказываетъ, что Петръ назначилъ премію актерамъ, если они представятъ что-нибудь порядочное, пьесу трогательную безъ любви, всюду вклеиваемой, которая ему надоѣла, и веселый фарсъ безъ шутовства, и не будутъ игру свою сопровождать крикливыми жестами и напыщенной декламаціей.

Съ другой стороны, отъ театра Петръ требовалъ художественнаго служенія дѣлу реформы, изображенія въ пьесахъ успѣховъ русскаго оружія, уясненія смысла реформы, заклеймленія ея враговъ. Это видно изъ пьесъ, разыгранныхъ по случаю побѣды надъ шведами. Такъ, при вступленіи Петра въ Москву послѣ Полтавской битвы въ „комедіальной храминѣ“ была разыграна ad hoc написанная Куншtомъ героическая драма: „Александръ Македонскій и Дарій“ съ намеками на событіе при Полтавѣ. Сестра Петра, Наталья Алексѣевна, изъ всей семьи самая близкая ему по духу, вполнѣ прониклась преобразовательными замыслами своего царственнаго брата и въ написанныхъ ею трагедіяхъ и комедіяхъ чаще всего затрагивала событія современности. По словамъ Вебера, упомянутаго уже выше брауншвейгскаго

резидента, „царевна Наталья устроила представленіе одной трагедіи, на которое дозволялось приходить всякому. Для этой цѣли она приказала приготовить большой пустой домъ и раздѣлить его на ложи и партеръ. Вышелъ ораторъ, объяснившій исторію представленнаго дѣйствія и обрисовавшій въ заключеніе гнусность возмущеній и бѣдственный всегда исходъ опыхъ". Какъ увѣряли Вебера, „во всемъ этомъ драматическомъ представленіи подъ скрытыми именами представлялось одно изъ послѣднихъ возмущеній". Не безъ намека на событія шведско-русской войны была возобновлена, по приказу царя, трагедія изъ репертуара „комедійной храмины" царя Алексѣя: „Божіе униженіе гордыхъ, въ гордомъ Израиля унижитель, чрезъ смиреннаго Давида о униженномъ Галіафѣ" и вновь поставлено „праведное (Божіе) въ отцѣ ругателѣ Авесоломѣ наказаніе" съ намеками на разладъ Петра съ сыномъ Алексѣемъ.

Къ той же категоріи театральныхъ заданій времени Петра относилась попытка „учить людей, изображая нравы". Въ „интерлюдіяхъ", разыгрывавшихся студентами академіи, выводились „гансвурсты" въ русскомъ обликѣ раскольниковъ, взяточниковъ, подьячихъ, мракобѣсовъ изъ „учительнаго класса".

Царевна Наталья Алексѣевна. (Романовская галлерея).

Но все это были отдѣльныя попытки осуществить замыслы Петра на сценѣ,—попытки, при этомъ успѣшно выполненныя на сценѣ придворнаго театра царевны Натальи Алексѣевны и школьнаго театра академіи, которые не могли быть „всенародными", по своему спеціальному характеру; всенародный же театръ Кунштa такъ и не смогъ справиться съ заданіями Петра, по вполнѣ понятнымъ причинамъ. Наемные артисты принадлежали къ той театральной школѣ бродячихъ комедіантовъ, которую еще Шекспиръ характеризовалъ въ такихъ чертахъ: „Какой-нибудь дюжій длинноволосый дѣтина разрываетъ страсть въ клочки, чтобы гремѣть въ углахъ райка, который не смыслитъ ничего, кромѣ непзъяснимой нѣмой пантомимы и крика... Актеры

усердно пилятъ воздухъ руками и кричатъ такъ, какъ еслибы стихи распѣвалъ разнощикъ... Въ словахъ, въ походкѣ они не походятъ ни на христіанъ, ни на евреевъ, ни вообще на людей, выступаютъ и орутъ такъ, какъ будто какой-нибудь поденщикъ природы надѣлалъ людей, да неудачно: такъ ужасно подражаютъ они человѣку". Тѣмъ менѣе можно было отъ такихъ артистовъ требовать народнаго театра: не зная русскаго языка и русскихъ нравовъ, они не могли проникнуться бытовымъ содержаніемъ русской жизни и матеріалъ для своей игры вынуждены были брать не изъ русской дѣйствительности, а изъ готоваго уже репертуара нѣмецкаго театра, о которомъ Веберъ даетъ такой отзывъ: „Германскій театръ въ то время былъ не больше, какъ сборъ плоскихъ фарсовъ, такъ что кое-какія наивныя черты и острые сатирическіе намеки совершенно исчезали въ безднѣ грубыхъ выходокъ, чудовищныхъ трагедій, нелѣпаго смѣшенія романическихъ и вычурныхъ чувствъ, высказываемыхъ королями или рыцарями, и шутовскихъ продѣлокъ какого-нибудь Jean-Potage, ихъ наперсника". Изъ пьесъ подобнаго репертуара и склеивалъ Кунштъ свои героическія представленія на событія дня. Кромѣ того, составленныя на нѣмецкомъ языкѣ пьесы приходилось переводить на русскій все тѣмъ же приказнымъ переводчикамъ Посольскаго приказа, которымъ чужды были и театральная среда, и театральная терминологія. Немудрено, что переведенныя ими пьесы способны возбудить смѣхъ тамъ, гдѣ авторъ ихъ хотѣлъ вызвать у зрителя совсѣмъ иныя переживанія. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ тяжеловѣсныхъ и не совсѣмъ эстетичныхъ выраженіяхъ изъясняется въ любви нѣжная парочка, герцогъ и герцогиня, на сценѣ „комедіальнаго амбара" на Красной площади: „Удовольствованія полное время, когда мы веселость весны безъ препятія и овощь любви безъ зазрѣнія употреблять могли! Пріиди, любовь моя, позволь чрезъ смотрѣніе нашихъ цвѣтовъ очеса и чрезъ изрядное воненіе чувствованія нашего наполнить". „Гансвурстъ" переводился „заячье сало", „химера сна" въ смыслѣ „ночной призракъ" преображалась въ „сонную козу", Мольеровскій „докторъ поневолѣ" (Medecin malgré lui) — на приказномъ языкѣ сталъ „докторомъ принужденнымъ" и „Precieuses ridicules" перешли въ „Драгыя смѣяныя".

Несмотря на все это, театръ Куншта вначалѣ собиралъ полную залу зрителей, самой пестрой московской публики; не даромъ билеты того времени были „внѣ конкуренціи": билеты перваго разряда стоили гривну, втораго — 2 алтына, третьяго — 5 копеекъ и послѣдняго — алтынъ. По словамъ голштинскаго министра Бассевича, человѣку „порядочному" не было смысла посѣщать этотъ „варварскій" театръ, „посѣщаемый только простымъ народомъ и, вообще", людьми низкаго званія... Подьячимъ Посольскаго приказа, которымъ ввѣрено наблюденіе за порядкомъ въ театрѣ, много дѣла. То тамъ, то тутъ въ толпѣ вспыхиваютъ ссоры. Въ одномъ углу кто-то громко жа-

Цвѣтныя вазы царевича Алексѣя Петровича и натѣльные кресты Петра В.

(Изъ альбома Солнцева). Оружейная Палата.

Цвятинари-вазэ цэрсвяну Аласкэр Цэмпоовяну и нэшфарнрэ

кресэпэ Цэмпэ Р.

(Цэр фарроома Соанцеяа).

(Фуэжсяннэя Цаяаша.

луется, что у него во время давки обчистили карманы; въ другомъ углу челядникъ-шведъ, невзирая на строгое запрещеніе, куритъ въ „комедійной храминѣ“, разсѣлся съ трубкой и пепелъ съ огнемъ сыплетъ на полъ съ великимъ небреженіемъ. Его обступаютъ ближайшіе сосѣди, подьячій вырываетъ у него трубку, а онъ вынулъ саблю, бранится невѣжливо и неистово рвется изъ рукъ, крича, что ему табакъ курить никто не закажетъ“.

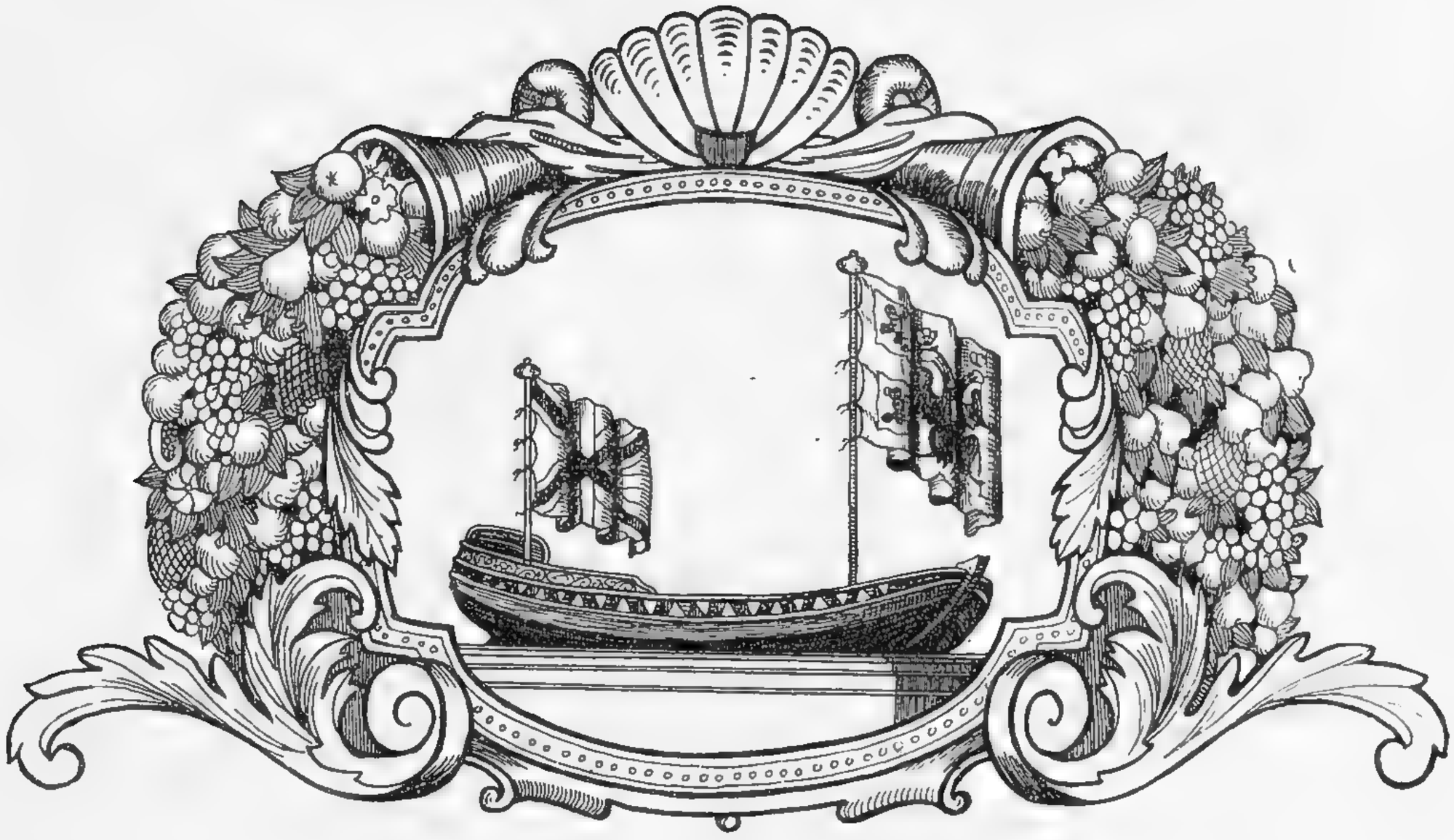
Что влекло эту публику въ „комедійную храмину“? Возможность увидѣть царя съ семьей и знатныхъ баръ, чувство непринужденности, съ которымъ могъ вести себя „челядникъ“ въ присутствіи знатнаго министра, обиліе свѣта отъ люстръ, роскошная обстановка театра и декорацій, потасовки заячьяго сала съ сотрудниками въ интермедіяхъ, кое-какія зрительныя сценки представленія, но едва ли интересъ къ внутреннему содержанію куншговской стряпни. Петръ и публика замѣтно охладѣли къ „стараніямъ“ „директора гофъ-комедіантовъ“, который, захвативши жалованье, предназначенное труппѣ, бѣжалъ за границу. Черезъ четыре года своего существованія „храмина“ была разобрана, и декораціи ея были куплены съ аукціона придворнымъ театромъ Натальи Алексѣевны. Здѣсь да еще въ духовныхъ школахъ и хирургической академіи продолжалъ теплиться жертвенникъ Діониса. Дѣло народнаго театра не удалось, но театральное сѣмя было брошено на русскую почву и дало пышные ростки уже въ 40-хъ годахъ XVIII в.

Намъ пришлось уже говорить въ другой статьѣ, что Петръ придавалъ тенденціозную, педагогическую окраску и военнымъ публичнымъ парадамъ, и тріумфальному въѣзду, и народнымъ увеселеніямъ, и безпардоннымъ выступленіямъ своего „всепьянѣйшаго собора“ [1]). Даже невинные фейерверки у Петра принимали форму двуглаваго орла, бросающаго смертоносную молнію въ шведскаго льва. Мы не говоримъ уже объ изображеніяхъ Марсовъ, Посейдоновъ и другихъ божествъ, подвизавшихся, „по указу Е. Ц. В.“, на поприщѣ прославленія и пропаганды дѣлъ Петра. По словамъ Юля Юста, всѣ искусства соединились для этой цѣли во время Петра. Всѣ эти эмблемы, образы и символы, несомнѣнно, ярко запечатлѣвались въ памяти современниковъ. Небезынтересно отмѣтить, что большинство этихъ эмблемъ и аллегорій Петровской пиротехники и живописи попало на скромныя кремлевскія ворота Ростова Великаго: здѣсь мы видимъ и свинью, нюхающую цвѣтокъ, съ „изъясненіемъ“: „Не по твоимъ ноздрямъ духъ“, и орла, поражающаго льва, который успѣлъ пошатнуть постаментъ съ польской короной, и льва, повѣшеннаго на веревкѣ, съ многоговорящей надписью: „Да знаетъ властительствовати“.

В. Улановъ.

---

[1]) См. мою статью: „Петръ и оппозиція“.



Ботикъ Петра Великаго.

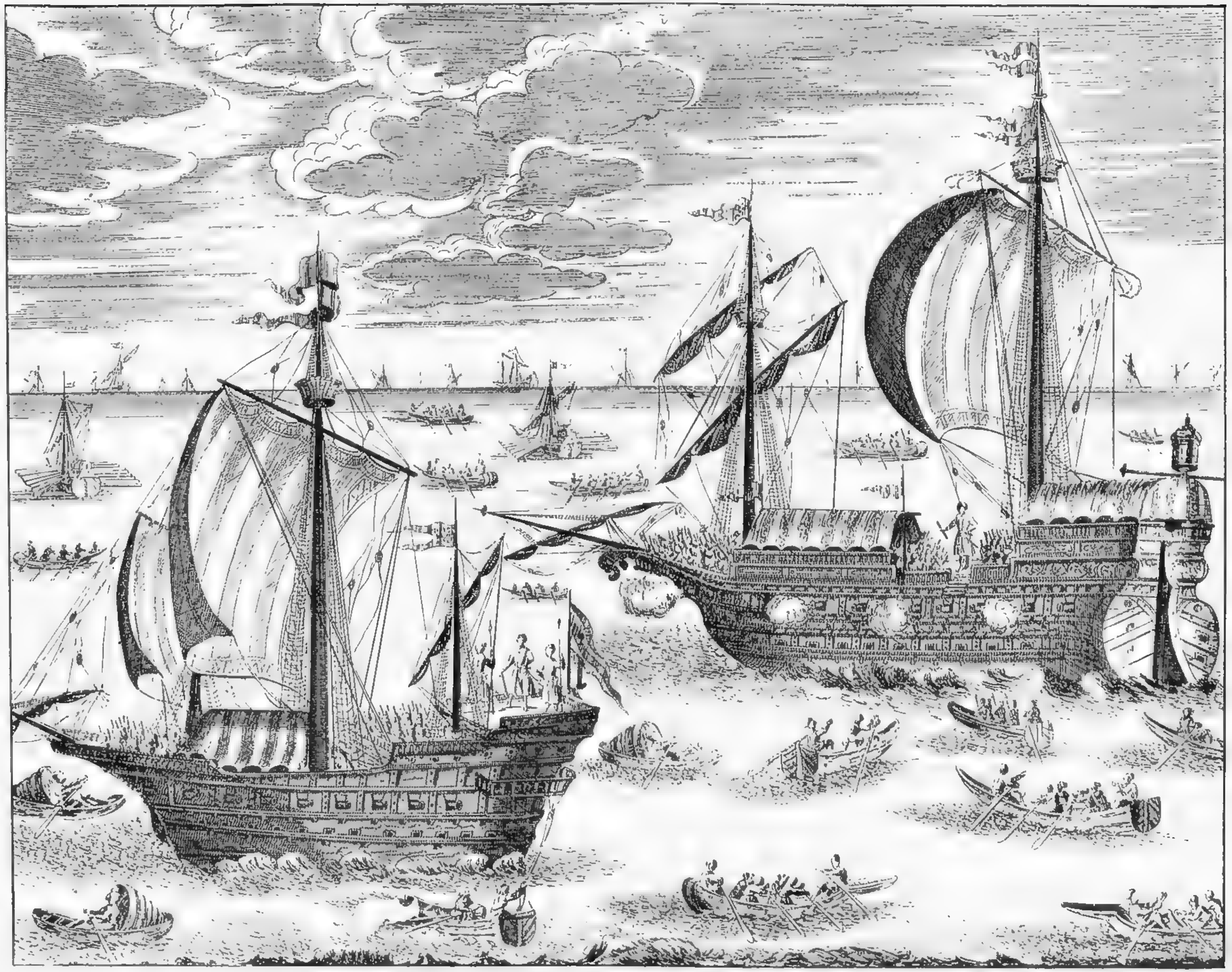
Реформа арміи и флота при Петрѣ Великомъ.

Стоявшіе на очереди вопросы внѣшней политики, требовавшіе разрѣшенія, заставили Рюриковичей и первыхъ Романовыхъ обращать исключительное вниманіе на организацію арміи. Господствующій ея типъ въ XVII в. опредѣлился вѣкомъ раньше и вполнѣ соотвѣтствовалъ примитивнымъ хозяйственнымъ отношеніямъ, сложившимся въ странѣ. Армія въ XVII в. состояла изъ двухъ частей — дворянской конницы и стрѣлецкой пѣхоты. Первая несла обыкновенно двухъ родовъ службу: „полковую“ и „городовую“. Полковая служба заключалась въ систематической охранѣ границъ государства, преимущественно южныхъ. Каждое лѣто, на опредѣленныхъ мѣстахъ, выставлялись полки дворянской конницы. Полковую службу несли болѣе состоятельные военно-служилые элементы; на менѣе состоятельныхъ и отчасти отставныхъ служилыхъ людей лежала гарнизонная, „городовая“ служба. Дворянская конница обыкновенно дѣлилась на полки, въ составъ которыхъ входили землевладѣльцы одного уѣзда. Такая ирре-

гулярная армія, при томъ разнообразно и примитивно вооруженная, годилась для защиты южныхъ границъ отъ татарскихъ набѣговъ, но была мало пригодна въ борьбѣ съ болѣе культурными западными сосѣдями. И стрѣлецкое войско дѣлилось на полки, приблизительно въ тысячу человѣкъ. Въ мирное время стрѣльцы несли въ уѣздныхъ городахъ гарнизонную службу и занимались земледѣліемъ и торговлей. Въ общемъ, и это былъ весьма недоброкачественный военный матеріалъ. Правительству новой династіи пришлось довольно скоро убѣдиться въ негодности того боевого матеріала, который представляли собой дворянская конница и стрѣлецкая пѣхота. Не имѣя возможности реформировать радикальнымъ образомъ организацію арміи, правительство новой династіи стало пополнять ее кадрами изъ регулярныхъ войскъ, обученныхъ по европейскому образцу. Приглашенные иностранные офицеры ретиво принялись за обученіе и снаряженіе новой арміи, и въ Смоленскомъ походѣ 1631—1632 г. въ войскѣ Шеина находились „рейтары“, конница иноземнаго строя, и пѣхотные солдатскіе полки. Численность этой регулярной арміи къ концу вѣка прогрессивно увеличивалась, тогда какъ дворянская конница и стрѣлецкая пѣхота численно уменьшались. Такъ, въ арміи царя Ѳеодора новая конница и пѣхота составляли около 90 тысячъ (29.844 конницы и 59.203 солдатъ), тогда какъ на долю дворянской конницы и стрѣлецкой пѣхоты приходилось только 60 т. человѣкъ. Въ правленіе Софьи войска иноземнаго строя численно увеличиваются еще болѣе. Недаромъ первый министръ правительницы Софьи былъ противникомъ войска, обученнаго по русскому образцу, и стоялъ за введеніе регулярной арміи, обученной европейскому строю. Такъ, въ XVII вѣкѣ уже чувствовалась крайняя необходимость въ реформѣ арміи, и даже намѣчалось то направленіе, въ какомъ должна была идти реформа. Необходимо было пререгулярные полки иноземнаго строя сдѣлать постоянными, не отпускать домой, по окончаніи похода, для занятія своимъ хозяйствомъ. Окончательное устройство новой арміи относится къ эпохѣ Петра. Она выросла изъ тѣхъ потѣшныхъ войскъ, которыми забавлялся Петръ въ дѣтствѣ и юности, и окрѣпла подъ вліяніемъ той внѣшней политики, которой держался Петръ.

Первое время, послѣ побѣды надъ Софьей, Петръ все время отдавалъ своимъ потѣшнымъ, устраивая съ ними около Москвы маневры, напоминавшіе собой въ миніатюрѣ настоящія сраженія. Такъ, 4 сентября около Преображенскаго происходило настоящее сраженіе: стремянный стрѣлецкій полкъ дрался противъ Семеновскаго потѣшнаго полка. Одновременно два другихъ стрѣлецкихъ полка должны были драться другъ съ другомъ. Дрались до самаго вечера. Только наступившая темнота прекратила сраженіе. Бой былъ кровопролитный, много было раненыхъ и обожженныхъ порохомъ. Въ октябрѣ 1691 года былъ большой бой у города Пресбурга. Самъ „генералиссимусъ“ Фридрихъ Ромодановскій его защищалъ. Потѣшныя войска

сильно отличились. Но кончился бой для многихъ очень печально: по словамъ Петра, „и тотъ бой равнялся судному дню“. Ближній стольникъ, князь Иванъ Димитріевичъ Долгорукій, „отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселился въ вѣчные кровы, по чину Адамову, идѣ же и всѣмъ намъ по времени быти“. Осенью 1694 года происходили большіе маневры у деревни Кожухова. Русская армія находилась подъ командой генералиссимуса Ѳеодора Юрьевича Ромодановскаго. Ядро его арміи составили потѣшные полки: Преображенскій и Семеновскій. Непріятельской арміей командовалъ „польскій король“, Ив. Ив. Бутурлинъ. Въ обѣихъ арміяхъ было $7^1/_2$ т. человѣкъ. Согласно составленному плану маневровъ, польскій король долженъ былъ защищать безымянный городъ. Ромодановскій его бралъ, и, конечно, его штурмъ окончился удачно. Съ обѣихъ сторонъ было не мало раненыхъ и убитыхъ. Такими пріемами совершалось военное воспитаніе вновь организованной арміи, состоявшей ко времени Азовскихъ походовъ изъ 4 полковъ (кромѣ двухъ старыхъ потѣшныхъ, еще Лефортовскій и Бутырскій, устроенные по образцу потѣшныхъ). Въ Азовскомъ походѣ эта регулярная армія принимала весьма дѣятельное участіе. Когда у Петра окрѣпла мысль о необходимости борьбы со Швеціей, онъ въ 1699 г. отдалъ приказъ произвести рекрутскій наборъ, достаточный для укомплектованія 31 полка въ количествѣ 32 тыс. человѣкъ. Благодаря этому, наканунѣ войны онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 33 полка при общей численности въ 35—40 тыс. человѣкъ. Армія дѣлилась на три корпуса, численностью въ 11—12 тыс. человѣкъ. Къ ней надо еще присоединить служилое ополченіе въ 12 тыс. человѣкъ и около 10 тыс. казаковъ. Новонабранная армія всѣ дни обучалась военному дѣлу, и обученіе было настолько удовлетворительно, что одинъ саксонскій генералъ, видѣвшій эту армію до Нарвскаго пораженія, пришелъ въ восторгъ отъ блестящаго внѣшняго вида арміи, въ особенности пѣхоты, которая по своимъ качествамъ не уступала и нѣмецкой. Конечно, въ новой арміи было не мало дефектовъ, недоступныхъ для посторонняго наблюдателя. Больше всего ощущался недостатокъ въ офицерскомъ составѣ. Иностранцевъ не хватало, своихъ еще не было, а первые не всегда оказывались пригодными къ военному дѣлу. Одни было просто „гуляки великіе“, другіе, по словамъ начальника гвардейскаго корпуса Головина, „за мушкеты взяться не умѣли“. Конечно, такіе элементы были попросту удалены Петромъ изъ арміи. Боевое крещеніе арміи подъ Нарвой кончилось неудачей. Молодая армія была разбита на голову Карломъ XII. Но Нарвское пораженіе не заставило Петра отказаться отъ борьбы со Швеціей за берега давно желаннаго Балтійскаго моря. Съ большими усиліями была создана новая армія, постоянно пополняемая новыми рекрутскими наборами. Къ концу царствованія Петра въ новой регулярной арміи было 126 полковъ, при общей численности въ 200.000 солдатъ всѣхъ родовъ оружія, и больше



Флотъ Петра I.

Корабъ.

100 тыс. казачьей иррегулярной конницы. И всю эту армію должно было содержать населеніе, и безъ того доведенное до обнищанія узко-фискальной политикой правительства. Такъ при Петрѣ окончательно была создана регулярная армія.

Образованіе новой арміи совершенно измѣнило способъ ея комплектованія. Въ арміи XVII вѣка главный военный контингентъ составляло дворянство, обязанное личной наслѣдственной службой. Затѣмъ вербовались въ нее „охотники“, а во время войны производился наборъ „даточныхъ людей“ съ опредѣленнаго числа крестьянскихъ дворовъ.

Послѣ войны даточныхъ отпускали домой. Начиная съ Петра, укомплектованіе арміи производится исключительно рекрутскими наборами, падавшими на всѣ классы общества. Рекрутскіе наборы производились въ теченіе всего царствованія Петра, но до указа 20 февраля 1705 года не были повсемѣстными. Только съ опубликованіемъ этого указа дѣло укомплектованія арміи становится на прочную почву,—армія стала пополняться ежегодными рекрутскими наборами. Завѣдываніе наборами первоначально сосредоточивалось въ вѣдомствѣ Помѣстнаго приказа, а съ 1710 г. было передано губернскимъ властямъ. Помѣстный приказъ посылалъ въ области особыхъ для этого сборщиковъ. Указъ 20 февраля и инструкція, данная сборщикамъ, опредѣляютъ тѣ правила, которымъ они должны были слѣдовать при производствѣ набора.

По указу 20 февраля рекруты брались „со всѣхъ городовъ и уѣздовъ“, „съ посадовъ, съ дворцовыхъ волостей“, съ вотчинныхъ церковныхъ и „всякихъ чиновъ помѣщиковъ и вотчинниковъ“, „съ крестьянскихъ и бобыльскихъ, съ задворныхъ и дѣловыхъ“, занесенныхъ въ переписныя книги 186 года. Нормой сбора было положено 20 дворовъ. Если количество дворовъ того или другого владѣльца не доходило до 20, то нѣсколько малодворныхъ складывались и выставляли 1 рекрута съ полныхъ 20 дворовъ. Въ рекруты нужно было брать лицъ отъ 15 до 20 лѣтъ, холостыхъ „добрыхъ, человѣчныхъ и въ службу годныхъ“. Каждый даточный непремѣнно снабжался необходимымъ провіантомъ и амуниціей. Что касается обязанностей сборщиковъ-стольниковъ, то онѣ заключались въ слѣдующемъ: по пріѣздѣ въ назначенное мѣсто, стольникъ назначалъ нѣсколько пунктовъ (станцій) для сбора, съ точнымъ обозначеніемъ, изъ какихъ городовъ на какой пунктъ надо было приводить даточныхъ. Рекруты приводились съ именными сказками и росписями владѣльцевъ о числѣ дворовъ. За утайку даточные брались въ двойномъ количествѣ. На станціяхъ даточные обучались военному строю, а затѣмъ, при первой надобности, ихъ отправляли въ армію. И послѣдующіе наборы производились по правиламъ 20 февраля 1705 года, впрочемъ, съ нѣкоторыми отступленіями. Такъ, съ 1708 года стали брать въ рекруты и женатыхъ, возрастомъ отъ 20 до 30 лѣтъ. Затѣмъ бывали наборы

когда по одному рекруту ставилось съ 10 дворовъ (18 ноября 1708 года). Зато, когда выяснилось истощеніе народної массы, и недоимка рекрутовъ прогрессивно увеличивалась, наборы производились съ 40 дворовъ по человѣку (15 января 1713 года) и съ 75 дворовъ по человѣку (12 февраля 1715 года). Но это было не общее правило, а исключеніе, всегда оговоренное въ указѣ о производствѣ рекрутскаго набора. Производство рекрутскаго набора всегда создавало немало препятствіи для администраціи. И населеніе и землевладѣльцы принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ-нибудь уклониться отъ набора. Подавались невѣрныя справки. Указы не дѣйствовали. Населеніе разбѣгалось по лѣсамъ. Иногда приходилось устраивать даже цѣлыя облавы. Неудивительно, что почти никогда не удавалось набрать того количества рекрутъ, которое полагалось по окладу. Временами этотъ недоборъ былъ настолько ощутителенъ, что новый наборъ объяснялся необходимостью добрать недобранное количество рекрутовъ. Но и собраннаго количества не удавалось довести до мѣста назначенія. На станціяхъ рекрутамъ приходилось жить въ весьма антисанитарныхъ условіяхъ. Ихъ плохо кормили, вслѣдствіе чего заболѣваемость и смертность среди нихъ достигали не малаго %. На станціяхъ за рекрутами былъ организованъ строгій надзоръ, но, несмотря на это, бѣгство стало обыкновеннымъ явленіемъ. Для предупрежденія побѣговъ рекрутовъ съ 1712 года заковывали въ ручные и ножные кандалы, но затѣмъ эта мѣра была отмѣнена: на лѣвой рукѣ накалывали крестъ и затирали его порохомъ. Для поимки бѣглыхъ губернское начальство посылало особыхъ сыщиковъ съ отрядами, а иногда присылались и спеціальные военные отряды. Тогда исканіе бѣглыхъ переходило въ руки начальника отряда, а губернаторъ долженъ былъ смотрѣть за тѣмъ, „чтобы отъ того офицера въ сыску тѣхъ бѣглыхъ солдатъ обидъ и налоговъ никому не было“.

Независимо отъ разслѣдованія официальныхъ лицъ, и частныя лица должны были доводить до свѣдѣнія правительства о проживавшихъ у нихъ бѣглыхъ, подъ угрозой „жестокаго наказанія и конфискаціи имѣнія“. Пойманныхъ бѣглецовъ приводили въ мѣстную губернскую канцелярію и допрашивали, прибѣгая даже къ пыткамъ. Виновнаго обыкновенно подвергали смертной казни черезъ повѣшеніе, но впослѣдствіи смертная казнь замѣнена была ссылкой на каторжныя работы безъ срока по отношенію къ рекрутамъ, уличеннымъ въ троекратномъ побѣгѣ. Для лицъ, уличенныхъ впервые или вторично, полагалась ссылка на каторгу на срокъ и наказаніе плетьми съ оставленіемъ въ полкахъ попрежнему. По воинскому уставу 1716 года рекруты, бѣжавшіе вторично со службы, подвергались вырѣзыванію ноздреи и ссылкѣ на безсрочныя каторжныя работы, солдаты же подвергались смертной казни. Родственники бѣглыхъ и виновные въ укрывательствѣ рекрутъ были подвергаемы денежнымъ штрафамъ, а въ случаѣ несостоятельности — наказанію кнутомъ. Но и такія жестокія мѣры не прекратили бѣгства и рекрутовъ и

солдатъ. Слишкомъ была тяжела военная служба, къ тому же прекращавшаяся только по случаю инвалидности.

Введеніе регулярной арміи значительно увеличило расходъ по ея содержанію и вынудило правительство предпринять новую финансовую реформу—ввести подушную подать.

Стремленіе проникнуть къ морю, главнымъ образомъ, къ Балтійскому, было давнишнимъ желаніемъ Московскаго правительства. Съ этой цѣлью велись войны со Швеціей и Польшей, впрочемъ, кончившіяся неудачно. Была даже попытка обратиться къ курляндскому герцогу съ предложеніемъ за денежное вознагражденіе дать разрѣшеніе строить и держать корабли въ курляндскихъ гаваняхъ. Это предложеніе потерпѣло фіаско. Правительству первыхъ Романовыхъ не удалось утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, но ему была не чужда мысль о необходимости флота для сношеній съ Европой. Созданіе флота относится къ эпохѣ Петра. Въ необходимости флота послѣдній убѣдился во время неудачнаго Азовскаго похода, такъ какъ безъ флота нельзя было взять сильную приморскую крѣпость. Не отказываясь отъ мысли еще разъ попытаться взять Азовъ, Петръ, по возвращеніи въ Москву, принялся за огромную работу—постройку флота на сушѣ. Зимой 1695—1696 гг. въ Преображенскомъ строились галеры, которыя потомъ были переправлены въ Воронежъ. Попытка Петра удалась. Выстроенный флотъ представлялъ собою довольно грозную силу. Съ его помощью, Петръ вторично осадилъ Азовъ и, обложивъ его съ моря судами, взялъ. Завладѣвъ Азовомъ, какъ ключомъ ко входу въ Черное море, Петръ рѣшилъ завести на Азовскомъ морѣ цѣлый флотъ. Началась усиленная постройка судовъ на верфяхъ въ Воронежѣ. Такъ какъ правительство не располагало свободными деньгами, то постройка кораблей была возложена на купечество, духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ не менѣе 100 дворовъ, имѣвшіе же менѣе 100 дворовъ должны были платить полтинныя деньги. Для постройки кораблей вышепоименованныя лица составляли „кумпанства“, товарищества.

Въ свѣтскомъ „кумпанствѣ“ заключалось 10.000 крестьянскихъ дворовъ, а въ духовномъ—8.000. Каждое „кумпанство“ на свой собственный счетъ должно было выстроить 12 кораблей; кромѣ того, посадское населеніе всей Россіи обязывалось построить 12 кораблей. Завѣдываніе постройкой кораблей входило въ вѣдомство Адмиралтейскаго приказа. Въ 1700 г. „кумпанства“ были отмѣнены. Постройка кораблей всецѣло сосредоточивалась въ рукахъ правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, взамѣнъ снятой съ „кумпанствъ“ повинности, былъ назначенъ новый ежегодный денежный сборъ, по 1000 руб. съ „кумпанства“. Благодаря работамъ „кумпанствъ“, скоро на Азовскомъ морѣ появился большой флотъ, и Черное море не разъ уже пересѣкали русскіе корабли. Но дальнѣйшее развитіе флота на Азовскомъ морѣ было остано-

Польскій костюмъ Петра Великаго.

(Изъ альбома Солнцева). Оружейная Палата.

Лодыжкин Космомир Петрович Вечный.

(Мир праздных Сочинений).

Одуванчик Шоколад.

Битва при Нарвѣ. По стар. шведск. гравюрѣ.

влено прутской катастрофой: Азовъ былъ возвращенъ туркамъ, мелкія суда отвели вверхъ по Дону, а 4 большихъ новыхъ суда были проданы туркамъ. Такъ Азовскій флотъ прекратилъ свое существованіе. Съ этого момента все вниманіе Петра сосредоточивается на Балтійскомъ морѣ. Еще до начала войны со Швеціей было приказано выстроить 600 струговъ по рѣкамъ Волхову и Лугѣ, затѣмъ уже въ началѣ войны Петръ, прекрасно понимая, что безъ флота нельзя захватить Неву и ея устья, построилъ верфь на берегу Ладожскаго озера, и уже въ сентябрѣ 1702 г. здѣсь были спущены 2 фрегата. Въ 1703 г. Петромъ строится верфь на берегахъ рѣки Свири, покрытыхъ прекраснымъ корабельнымъ лѣсомъ. Здѣсь было заложено 7 фрегатовъ и до 30 мелкихъ судовъ. Съ основанія Петербурга вся постройка кораблей сосредоточивается почти исключительно въ Петербургѣ. По мѣрѣ развитія хода Сѣверной войны, количество флота все возрастало. Кромѣ военныхъ надобностей, флотъ былъ нуженъ, по мнѣнію Петра, для цѣлей торгово-промышленныхъ, такъ какъ имъ обезпечивалась независимость торговли съ Западомъ. Къ концу Петровскаго царствованія русскій флотъ состоялъ изъ 48 линейныхъ судовъ и 788 галерныхъ и другихъ судовъ. Организуя флотъ, Петру приходилось заботиться о снабженіи его матросами. Первое время экипажъ Азовскаго флота состоялъ исключительно изъ гвардейскихъ потѣшныхъ, но затѣмъ стали производиться спеціальные наборы въ матросы, которыхъ для обученія отдавали въ опытныя руки иностранныхъ моряковъ. Уже въ 1700 г. на судахъ Азовскаго флота было 1104 матроса, взятыхъ изъ солдатъ. Наборъ матросовъ 1702 г. далъ 1300 человѣкъ и 394 добровольцевъ. Обыкновенно въ матросы набирали людей молодыхъ, жителей Поволжья, Поморья и Озерной области. Приглашались также на службу и иностранцы въ значительномъ количествѣ. Такъ, въ 1704 г. было нанято въ Голландіи 69 офицеровъ, 103 унтеръ-офицера, а въ 1707 году въ Амстердамѣ было нанято 1500 матросовъ. Послѣ окончанія Сѣверной войны всѣ иностранцы-матросы были уволены, а численность русскихъ матросовъ равнялась 7205. Морская военная служба была такъ же тяжела, какъ и сухопутная. Матросы обыкновенно помѣщались въ трюмѣ, въ самыхъ антисанитарныхъ условіяхъ, среди провіанта и бочекъ съ водой, дававшихъ течь отъ качекъ. Питаніе матросовъ было очень плохое. Сплошь и рядомъ приходилось питаться сгнившими сухарями и пить протухлую воду. Вслѣдствіе этого, во флотѣ часто царили желудочныя болѣзни, и смертность среди него была огромная. По свидѣтельству одного англичанина-современника, вслѣдствіе дурного содержанія, русскій флотъ терялъ вдвое больше матросовъ, чѣмъ иностранный. Вполнѣ понятно, что бѣгство изъ флота было такъ же распространено, какъ и бѣгство изъ сухопутной арміи, и никакія жестокія наказанія не могли остановить этого стихійнаго движенія.

В. Пичета.

Финансовая и экономическая политика Петра и государственное хозяйство Россіи конца XVII и начала XVIII вѣка.

I.

Московскому правительству пришлось въ теченіе XVII вѣка вести довольно активную внѣшнюю политику, разрѣшать вопросы, оставленные „великой разрухой“ въ наслѣдіе новой династіи. Всѣ эти многочисленныя, удачныя и неудачныя войны въ финансовомъ отношеніи были очень дорогими для народа и совершенно разорительными для народнаго хозяйства. Такая интенсивная внѣшняя политика до крайности напрягла платежныя силы населенія и заставляла его весь свой доходъ отъ труда отдавать въ распоряженіе государства. Благодаря войнамъ необычно стремительно растутъ расходы на военныя нужды, и въ зависимости отъ нихъ увеличивается текущій доходный бюджетъ[1]). Такъ, въ бюджетѣ 1701 г.

[1]) Въ 1701 году онъ равнялся 2.995.765 руб.

расходы на военныя нужды занимаютъ 82,9% всего расходнаго бюджета. Въ сравненіи съ данными 1680 года расходъ на армію увеличился болѣе, чѣмъ въ $4^1/_2$ раза (650—700 т. руб.).

Остальные расходы сравнительно съ военными расходами занимали въ бюджетѣ довольно скромное мѣсто. Такъ, дворцовые расходы поглощали всего только 4,1% расходнаго бюджета, благотворительность и пенсіи—3,8%, администрація — 1,9%. Но зато и на удовлетвореніе культурныхъ нуждъ и потребностей населенія не тратилось ни одной копейки. Размѣры расходнаго бюджета по мѣрѣ развитія Сѣверной войны значительно увеличились. По бюджету 1710 года они равнялись 3.834.000 (почти на 1.300.000 больше сравнительно съ бюджетомъ 1701 года), при чемъ попрежнему на удовлетвореніе военныхъ нуждъ шла большая часть бюджета—3.010.000 руб. (83%). Съ большимъ напряженіемъ платежныхъ силъ населенія правительству Петра удавалось сводить кое-какъ концы съ концами, но и такихъ форспированныхъ текущихъ поступленій не хватало, и въ 1710 году правительству пришлось имѣть дѣло съ настоящимъ дефицитомъ на сумму около $^1/_2$ милл. рублей.

Въ виду быстро растущихъ военныхъ расходовъ правительство Петра было сильно озабочено отысканіемъ средствъ для ихъ покрытія. Въ этомъ отношеніи финансовая политика первыхъ лѣтъ Петровскаго царствованія не преслѣдовала никакого систематическаго плана, а имѣла въ виду только интересы даннаго момента, стремилась удовлетворить ихъ съ помощью тѣхъ пріемовъ и средствъ, которые находились у правительства подъ рукой. Доходный бюджетъ 1701 года и послѣдующіе за нимъ составлялись изъ прямыхъ налоговъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, и косвенныхъ налоговъ, составлявшихъ около 40,4% всего доходнаго бюджета. Кромѣ того, въ составъ его входили промысловые сборы, разнаго рода регаліи и монополіи. Стремясь найти новыя средства для удовлетворенія текущихъ военныхъ расходовъ, Петръ и обратилъ свое вниманіе на тѣ объекты бюджетныхъ поступленій, которые находились всецѣло въ распоряженіи правительства. Правительство Петра и сосредоточило все свое вниманіе на регаліяхъ и монополіяхъ. Желая увеличить доходы, связанные съ чеканкой монеты, оно приступило къ общей перечеканкѣ иностранной монеты въ русскую съ „наддачей“ 10% въ сравненіи съ прежней высокопробной монетой. Ради той же цѣли оно тщательно скупало хорошую старинную полноцѣнную монету. Выпуская низкопробную монету по той же номинальной цѣнѣ, сначала получили значительную прибыль и, слѣдовательно, имѣли всѣ основанія быть довольнымп произведенной финансовой операціей. Такъ, въ 1701 году было выручено благодаря ей 717.744 руб., въ 1702 году — 764.939 руб.

Но такъ продолжалось только два года. Затѣмъ эта прибыль начинаетъ медленно падать, и вся финансовая операція кончилась полнѣйшей неуда-

чей. Эта неудача зависѣла, конечно, отъ разныхъ условій: вслѣдствіе слабаго развитія товарообмѣна шла очень медленно продажа правительственныхъ товаровъ на ефимки, которые перечеканивались правительствомъ, затѣмъ почти исчезла изъ обращенія высоко-пробная старая монета. Ее успѣли или перечеканить, или населеніе ее тщательно прятало, не желая нести ее на монетный дворъ для перечеканки. Предпринятая Петромъ мѣра временно дала правительству кое-какой доходъ, но главный недостатокъ этого мѣропріятія заключался въ томъ, что этотъ доходъ не былъ постояннымъ, а всецѣло зависѣлъ отъ привлеченія въ страну металлическихъ денегъ. Неудобство такой перечеканки еще сказалось въ паденіи цѣнности новыхъ денегъ почти на половину и увеличеніи цѣнъ на товары въ такомъ же размѣрѣ.

Затѣмъ правительство Петра обратило вниманіе на промысловые сборы. Старое обложеніе было значительно повышено; и самое число сборовъ было увеличено. Для отысканія новыхъ статей было учреждено особое вѣдомство—пингерманландская канцелярія съ Меншиковымъ во главѣ. Въ государственную собственность для обложенія оброкомъ были отобраны рыбныя ловли, „которыя даны помѣщикамъ и вотчинникамъ за службы по жалованнымъ грамотамъ въ вотчины“; отбирались въ казну постоялые дворы. Впрочемъ, впослѣдствіи это распоряженіе было отмѣнено. Постоялые дворы были оставлены по-старому въ частномъ владѣніи, только четвертая часть доходовъ съ ихъ эксплуатаціи поступала въ казну. Наложило правительство также свою тяжелую руку и на бани. Сначала предполагалось уничтожить всѣ частныя бани и сохранить только однѣ торговыя, чтобы обложить ихъ усиленнымъ промысловымъ сборомъ, но даже Петровскому правительству такая мѣра показалась чрезмѣрной. Было рѣшено оставить бани въ частномъ владѣніи, только обложивъ ихъ налогомъ въ размѣрѣ трехъ рублей, одного рубля и 15 коп. въ зависимости отъ сословія; обложили особымъ налогомъ дубовыя колоды, которыя шли для гробовъ, а также мельницы.

Одновременно съ этимъ правительство Петра значительно расширяетъ сферу казенныхъ монополій: указомъ 1 января 1705 года была взята въ казну соль, послѣ чего ея продажная цѣна была увеличена вдвое [1]). Кромѣ того, къ числу казенныхъ товаровъ были впослѣдствіи отнесены: табакъ, деготь, смола, сало, рыбій жиръ — товары все ходкіе, большею частью, находившіе большой сбытъ на заграничномъ рынкѣ. Наконецъ, къ прежнимъ пошлиннымъ сборамъ: судебнымъ и печатнымъ, была присоединена еще гербовая. Такими мѣрами правительству удалось значительно увеличить свой доходный бюджетъ.

---

[1]) По 21 коп. за пудъ.

Но какъ ни эксплуатировало правительство различныя статьи дохода, все-таки обыкновенныхъ поступленій не хватало на удовлетвореніе текущихъ государственныхъ потребностей. Оно попрежнему принуждено было обращаться къ чрезвычайнымъ налогамъ, и въ этомъ отношеніи не было никакой системы. Обыкновенно, какъ только являлась необходимость удовлетворенія какой-нибудь государственной потребности, правительство сейчасъ же учреждало экстренные сборы. Такъ возникли драгунскій сборъ на покупку драгунскихъ лошадей, во время вербовки новыхъ 9 драгунскихъ полковъ, въ размѣрѣ 242.628 руб., адмиралтейскіе сборы на починку кораблей, на покупку всякихъ корабельныхъ припасовъ и на дачу разнымъ мастерамъ и матросамъ, съ самаго начала ставшіе обыкновенными прямыми налогами; вводились сборы на постройку Архангельской крѣпости. Таковы были элементарные пріемы финансовой политики Петровскаго правительства.

Дефицитъ 1710 года поставилъ правительство въ серьезное затрудненіе: подъ рукой не было средствъ для его покрытія, а платежныя силы населенія уже были достаточно напряжены. Чтобы выйти изъ создавшагося затруднительнаго положенія, Петръ предпринялъ новую перепись населенія, въ томъ предположеніи, что со временъ послѣдней общей переписи прошло около 30 лѣтъ, и за это время число окладныхъ единицъ—дворовъ должно было, несомнѣнно, увеличиться. Новая перепись была возложена въ каждой губерніи на губернатора. Ему принадлежало общее руководство переписью. Непосредственное же завѣдываніе переписью было поручено ландрихтерамъ, но еслибы они „за многодѣльствомъ во всѣ городы“ ѣздить сами не могли, то могли передать переписку тѣхъ городовъ комендантамъ. Перепись велась очень энергично, но она дала не тѣ результаты, которыхъ отъ нея ждало правительство. Вмѣсто предполагаемой прибыли населенія получилась убыль. Послѣдняя была особенно замѣтна въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ, несмотря на то, что онѣ являлись наиболѣе населенными. Такъ, въ Архангельской губерніи убыль населенія равнялась 40%, С.-Петербургской — 40,3%, Смоленской — 21,2%, Московской—24%, Азовской—12,2%. Наоборотъ, въ Кіевской была прибыль населенія (2,6%). То же можно сказать и относительно Рязанской (14,8%) и Сибирской (46,9%). Общая убыль населенія составила 19,5%, на 153.899 дворовъ, въ сравненіи съ переписью 1678 года. Конечно, правительство ожидало другихъ результатовъ.

А между тѣмъ убыль населенія вполнѣ понятна, если вспомнить тѣ энергическія требованія, которыя предъявляло къ нему Петровское правительство. Прежде всего значительная „пустота“ дворовъ образовалась подъ вліяніемъ тѣхъ систематическихъ рекрутскихъ наборовъ, которые производились въ первыя 10 лѣтъ Сѣверной войны. Такихъ наборовъ было шесть, благодаря чему къ 1711 году комплектъ арміи достигъ 164.000 человѣкъ. Бла-

годаря большой смертности на полѣ битвы, а также отъ болѣзней въ арміи и въ рекрутскихъ партіяхъ по пути въ армію, рекрутскіе наборы были особенно тяжелы для населенія и немало содѣйствовали его убыли. На послѣднюю также вліяло и отбываніе населеніемъ натурой работной повинности по постройкѣ укрѣпленій, сооруженію новыхъ судовъ, постройкѣ Петербурга, прорытію Ладожскаго канала. Съ 1699 года по 1709, по подсчету П. Н. Милюкова, ежегодно было занято работами не менѣе 16.754 человѣка. Вслѣдствіе плохихъ санитарныхъ условій и работы въ нездоровой мѣстности населеніе быстро вымирало. Мѣста умершихъ занимали новыя лица, также обреченныя на смерть. Кромѣ того, населеніе, раздраженное большими финансовыми требованіями, предъявляемыми правительствомъ къ плательщику налоговъ, а также увеличеніемъ помѣщичьихъ сборовъ и повинностей, отчасти разнаго рода народными бѣдствіями: эпидемическими болѣзнями, пожарами, неурожаями, бѣжало на южныя и южно-восточныя окраины, гдѣ не было еще помѣщиковъ, куда не проникли еще сборщики, гдѣ можно было еще подышать свободнымъ воздухомъ. Возможны также были и злоупотребленія при производствѣ переписи, въ видѣ утайки дворовъ. Вотъ общія условія убыли населенія. Несмотря на данныя переписи, правительство Петра съ ней совершенно не считалось и отдало распоряженіе собирать окладные налоги по переписи 1678 года. Остававшемуся на мѣстахъ населенію приходилось платить за опустѣлые дворы, отчего податная тяжесть, и безъ того чрезмѣрно давившая плечи крестьянина, становилась еще невыносимѣе. Конечно, возвращеніе къ окладнымъ листамъ 1678 года—это не разрѣшеніе того финансоваго затрудненія, въ которое попало правительство Петра. А между тѣмъ убыль населенія, на которую правительство сознательно закрывало глаза, давала себя знать, благодаря прогрессивно-увеличивавшейся недоимкѣ при сборѣ окладныхъ и неокладныхъ налоговъ. Правительство Петра все время чувствуетъ хроническую нужду въ деньгахъ и совершенно не въ состояніи удержать равновѣсіе въ бюджетѣ, обыкновенно сводившемся съ дефицитомъ.

Послѣ Полтавской битвы ходъ военныхъ дѣйствій на театрѣ войны сталъ менѣе интенсивнымъ. Петръ вѣрилъ въ близкое окончаніе войны. Тогда же возникалъ вопросъ, какъ быть съ арміей, созданной съ такими усиліями и съ такими колоссальными жертвами со стороны населенія. Необходимы были новые рессурсы для ея содержанія. И вотъ, подъ вліяніемъ отчаяннаго состоянія финансовъ и необходимости въ будущемъ содержать армію въ мирное время, укрѣпилась мысль объ измѣненіи старой податной единицы „двора“ и замѣнѣ ея „душой“, чтобы тѣмъ самымъ всякаго плательщика налоговъ поставить въ непосредственныя отношенія къ правительственной власти и сдѣлать невозможнымъ уклоненіе отъ платежа налоговъ. Эта мысль находила себѣ полное подкрѣпленіе въ проектахъ сотрудни-

ковъ Петра, ссылавшихся на французское податное устройство. Пока правительство Петра обдумывало новую финансовую мѣру, имъ была предпринята вторая общая перепись населенія, названная „ландратской“, такъ какъ завѣдываніе ею находилось въ рукахъ ландратовъ.

Производство ея было начато въ 1716 году. Но и вторая общая перепись не оправдала возлагаемыхъ на нее ожиданій. Ея результаты были въ общемъ такъ же мало благопріятны, какъ и перепись 1710 года. Населеніе въ общемъ продолжало убывать, хотя по нѣкоторымъ губерніямъ (Петербургской, Московской) была замѣтна прибыль населенія. Но, конечно, для податныхъ цѣлей данныя переписи 1716—1718 гг. были еще менѣе пригодны, чѣмъ перепись 1710 года, но зато въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ замѣчалась прибыль населенія, было обнаружено, что ростъ населенія не отражается въ такой же степени на увеличеніи дворовъ. Бывали и такіе случаи, когда замѣчались общій приростъ населенія и въ то же время убыль дворовъ; это опредѣленно обнаруживало стремленіе населенія уклониться отъ обложенія посредствомъ увеличенія скученности населенія двора. Такого рода наблюденія и поторопили правительство съ введеніемъ подушной подати, которая должна была прикрѣпить къ тяглу всякаго плательщика налоговъ и сдѣлать невозможнымъ уклоненіе населенія отъ платежа повинностей.

Къ введенію подушной подати правительство Петра приступило еще до окончанія ландратской переписи. Указъ 26 ноября 1718 года предписывалъ приступить къ производству ревизіи. Въ томъ же указѣ, изложенномъ, по словамъ В. О. Ключевскаго, „съ тѣмъ торопливымъ лаконизмомъ, какимъ отличался законодательный языкъ Петра“, впервые излагались и главныя положенія новаго податного строя. Указъ предписывалъ, въ теченіе годичнаго срока, „взять сказки у всѣхъ, чтобы правдивыя принесли сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужского полу, объявя имъ то, что кто что утаитъ, то отдано будетъ тому, кто объявитъ о томъ“. Тотъ же указъ затѣмъ требуетъ опредѣленія, „на сколько душъ рядовой солдатъ съ долею на него роты и полкового штата“, и по этому разсчету „росписать полки по крестьянамъ“; распредѣливъ ихъ, „учинить на каждый полкъ два комиссара: одного полкового, другого отъ земли“. Обязанность земскаго комиссара, избраннаго дворянствомъ, состояла въ томъ, чтобы „въ уреченные сроки“ собирать съ крестьянъ деньги и отдавать полковому комиссару при всѣхъ офицерахъ.

Этотъ указъ давалъ только общія указанія относительно предстоящей реформы и нуждался въ дальнѣйшимъ развитіи своихъ основныхъ положеній. Только черезъ два мѣсяца указомъ отъ 22 января 1719 г. были даны болѣе подробныя разъясненія. Прежде всего указъ опредѣлилъ точно кругъ тѣхъ лицъ, которыя подлежали переписи. Къ нимъ относились: крестьяне, бобыли, задворные и дѣловые люди всѣхъ владѣльцевъ—однодворцы. Вслѣдъ

По гравюрѣ Хубракена.

за этимъ постановленіемъ въ указѣ находятся указанія относительно порядка подачи сказокъ: составленіе и подача сказокъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ была возложена на помѣщиковъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія на приказчиковъ, старостъ и выборныхъ отъ крестьянъ; выборные старосты и приказчики представляли за своею подписью сказки о дворовыхъ, государевыхъ, патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ крестьянахъ. Однодворцы должны были сами подавать сказки о себѣ и своихъ семьяхъ. Сказки должны были поступать къ губернаторамъ, а отъ нихъ вмѣстѣ съ вѣдомостями въ Петербургъ къ бригадиру Зотову, на котораго была возложена разработка всѣхъ получаемыхъ данныхъ. Для представленія сказокъ былъ опредѣленъ годовой срокъ. За утайку душъ приказчикамъ и старостамъ грозила смертная казнь, а за тотъ же проступокъ со стороны помѣщиковъ отбирали у нихъ двойное количество противъ утаеннаго числа крестьянъ. Въ теченіе года, несмотря на то, что указъ былъ повторенъ 4 раза, „ниоткуда присылки“ сказокъ не было, „кромѣ что изъ немногихъ мѣстъ присланы“. Въ поданныхъ же оказались „многія неисправы“. Видя такое отношеніе къ правительственному распоряженію, Петръ рѣшилъ воздѣйствовать на провинціальную администрацію изъ центра. Въ декабрѣ 1719 г. во всѣ губерніи и провинціи были посланы гвардейскіе солдаты съ строгимъ порученіемъ: сыскать виновныхъ въ промедленіи и „держать на цѣпяхъ и желѣзахъ и не выпуская никуда“, пока не подадутъ требуемыхъ правительствомъ свѣдѣній. Одновременно съ этимъ было приказано всѣмъ помѣщикамъ и вотчиннымъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, находящимся въ Петер-

Андрей Виніусъ.

бургѣ, немедленно подать сказки о своихъ душахъ съ угрозой, что въ противномъ случаѣ у нихъ „помѣстья ихъ и вотчины отписаны будутъ безповоротно“. Но и этотъ указъ не произвелъ надлежащаго впечатлѣнія. Несмотря на наказанія, сказки не подавались, и правительство совершенно не знало, какъ добиться требуемыхъ свѣдѣній. Только къ веснѣ 1721 г. сталъ поступать въ Петербургъ требуемый матеріалъ. Въ немъ сразу обнаружилсь немало дефектовъ: была замѣчена значительная утайка душъ, несмотря на строгія за нее наказанія. Видя, что строгость мало помогаетъ дѣлу, правительство рѣшило на время отказаться отъ нея и отмѣнило всѣ наказанія за утайку въ случаѣ представленія такихъ свѣдѣній до 1 сентября 1722 г (указъ 28 февраля 1722 г.). Не ожидая особенныхъ результатовъ отъ опубликованія этого указа, правительство само приступило къ провѣркѣ результатовъ ревизіи. Ревизія была возложена на губернаторовъ и воеводъ. Они должны были объѣздить подвѣдомственные города и села и провѣрить данныя ревизіи. Указомъ Синода мѣстному духовенству предписывалось оказывать всевозможное содѣйствіе, „ибо оное дѣло особливо государственное нужное и не на краткое сочиняется время“. Результаты предпринятой ревизіи скоро обнаружились: по подсчету П. Н. Милюкова, въ шести губерніяхъ (Азовской, Кіевской, Московской, Нижегородской, С.-Петербургской и Смоленской) по поданнымъ сказкамъ приходилось 2.625.842 души. Ревизія обнаружила утайку 452.448 душъ. Въ общемъ по предварительному подсчету правительства количество крестьянъ и дворовыхъ равнялось 5 милл.; такъ какъ на содержаніе арміи требовалось 4 милл. руб., то раскладка на одну душу должна была равняться 80 коп. Выяснивъ размѣры оклада на одну душу, правительство приступило къ распредѣленію полковъ по дистриктамъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ содержать одинъ полкъ. Съ этой цѣлью въ каждую губернію было послано по одному генералу или штабъ-офицеру. Согласно инструкціи, посланные генералы и штабъ-офицеры имѣли право произвести провѣрку переписи и въ случаѣ обнаруженія утайки по сравненіи съ сказками, поданными до 1 февраля 1722 г., наказывать виновныхъ. Посланные военные принялись дѣятельно за исполненіе возложеннаго на нихъ порученія. Не обращая вниманія на жалобы населенія, которому посланные отряды чинили сплошь и рядомъ „великія обиды и разоренія“, ревизоры удачно для правительства выполнили возложенное на нихъ дѣло.

Въ 1724 г. провѣрка сказокъ была окончена и дала нѣсколько неожиданные для правительства результаты, во всякомъ случаѣ доставившіе ему истинное удовольствіе. Численность всего крестьянскаго населенія равнялась 5.401.042 души, а съ посадскими, записанными въ ревизскія сказки въ 1721 г., доходила до 5.590.458. Насколько были неточны данныя первой ревизіи и провѣрка ея губернаторами и воеводами, можно судить на основаніи того, что въ вышеназванныхъ шести губерніяхъ, послѣ ревизіи гу-

бернаторовъ, была обнаружена значительная утайка душъ, составлявшая 41,2% всего населенія.

Окончательный подсчетъ населенія въ 1724 г. далъ возможность понизить предварительный восьмигривенный подушный окладъ до 74 коп. При этомъ на посадскихъ и на государственныхъ крестьянъ къ первоначальному окладу 80 коп. было прибавлено еще 40 коп. оброчныхъ денегъ взамѣнъ тѣхъ платежей, которые помѣщичьи крестьяне отдавали своимъ владѣльцамъ. Такъ подушная подать установила новую единицу обложенія и одновременно окончательно прикрѣпила населеніе къ тяглу. Введеніемъ подушной подати было приведено въ исполненіе давнишнее желаніе московскаго правительства, чтобы каждое лицо, способное служить государству, стояло къ нему въ непосредственномъ отношеніи, принявъ на себя ту или другую прямую государственную повинность, и чтобы въ государствѣ не оставалось избылыхъ, т.-е. лицъ, свободныхъ отъ такихъ повинностей. Такъ правительство и уловило плательщиковъ, и нашло деньги, необходимыя на содержаніе арміи.

Введеніе подушной подати имѣло огромное значеніе для государственнаго хозяйства. Благодаря ей по бюджету 1724 г. окладной доходъ государства увеличился до $8^1/_2$ милл., при чемъ одна подушная подать давала 4.671.107 р., т.-е. 54, 1%. Такимъ образомъ, совершенно измѣнился характеръ бюджета. Раньше въ немъ доминировали косвенные налоги, кабацкіе и таможенные сборы, теперь же, наоборотъ, первое мѣсто заняла подушная подать, тогда какъ косвенные налоги заняли въ немъ второе мѣсто, составляя только 2.128.122 р., т.-е. всего 25%. Введеніе подушной подати очень тяжело отразилось на податномъ населеніи. По словамъ современниковъ, новая подать была вдвое тяжелѣе прежнихъ налоговъ, что отчасти зависѣло отъ способа ея раскладки. Ревизская душа была прежде всего счетной единицей. Количествомъ душъ опредѣлялись размѣры налога, падавшаго на помѣщичью деревню, на общину государственныхъ крестьянъ и на посадское населеніе. Какъ и въ XVII вѣкѣ, назначенный правительствомъ окладъ развертывался самой общиной между отдѣльными хозяйствами въ зависимости отъ состоянія того или другого хозяйства. Но обыкновенно въ государственныхъ и посадскихъ общинахъ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ наличность населенія была въ дѣйствительности меньше записанной въ ревизскія сказки. Особенно значительна была убыль населенія на сѣверѣ и въ центрѣ, благодаря большой смертности и хроническому бѣгству крестьянъ. Оставшееся же на мѣстахъ населеніе должно было вносить „подушныя“ за ушедшихъ и умершихъ, что и вызывало справедливыя нареканія и недовольство плательщиковъ. Помимо этого, новая подать оказала сильное вліяніе на общественныя отношенія, такъ какъ она уничтожила свободное состояніе нѣкоторыхъ классовъ населенія, расширивъ сферу крѣпостного права и усиливъ при этомъ власть помѣщика.

II.

Вѣчная погоня Петра за деньгами и прогрессивный ростъ недоимокъ заставляли его, помимо всякихъ теоретическихъ соображеній, принять рядъ мѣръ къ подъему производительности народнаго хозяйства. Выколачивая изъ кармана народа послѣднюю копейку и напрягая до крайности платежныя силы населенія, Петръ, однако, прекрасно понималъ, что такимъ форсированнымъ способомъ, конечно, невозможно поправить финансы страны, и что для этой цѣли необходимы развитіе производительныхъ силъ страны и подъемъ производительности народнаго труда. Прекрасно понимая, что богатство страны заключается не въ наличности металлической монеты, различными насосами втягиваемой въ государственную казну, а въ планомѣрномъ развитіи производительныхъ силъ страны, Петръ на практикѣ свелъ свою экономическую политику только къ одному денежному интересу и, преслѣдуя эти цѣли, довелъ крестьянское населеніе Россіи до полнаго разоренія, хотя и сознавалъ, что крестьянская масса—основной плательщикъ налоговъ, съ которымъ нужно обращаться чрезвычайно осторожно, „понеже поселяне суть артерія государства, и какъ черезъ артерію, т.-е. большую жилу, все тѣло человѣческое питается, такъ и государство поселянами. Чего ради надлежитъ оныхъ беречь и не отягощать черезъ мѣру“... Расходясь съ меркантилистами въ пониманіи народнаго богатства, Петръ на практикѣ приближался къ нимъ и, принимая рядъ мѣръ къ поднятію туземной индустріи, не столько заботился объ увеличеніи платежеспособности населенія, сколько объ измѣненіи торговаго баланса въ благопріятную для Россіи сторону. Послѣднее условіе и заставило Петра строго придерживаться протекціонизма въ своей торговой политикѣ, какъ единственнаго средства привлечь въ страну возможно большее количество звонкой монеты, необходимой для удовлетворенія текущихъ государственныхъ потребностей. Считая крестьянское населеніе основнымъ плательщикомъ налоговъ, Петръ интересовался деревней лишь настолько, насколько подъемъ сельско-хозяйственной техники увеличивалъ количество сырья, предназначеннаго на вывозъ и на удовлетвореніе потребностей фабрикъ и заводовъ, ибо черезъ увеличеніе вывоза сырья могъ измѣниться торговый балансъ въ положительную для Россіи сторону. Съ этой цѣлью имъ было издано нѣсколько указовъ о примѣненіи болѣе усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій,—впрочемъ, фактически не исполнявшихся, хотя и сулившихъ большія кары за ихъ невыполненіе. Заботясь о снабженіи мануфактуръ необходимымъ сырьемъ, Петръ намѣревался принудительнымъ способомъ развить на югѣ овцеводство, приплодъ отъ котораго поступалъ бы въ собственность, а шерсть обязательно продавалась бы на суконныя фабрики. Устройство конныхъ заводовъ должно было освободить государство отъ крымскихъ татаръ, у которыхъ приходилось

покупать лошадей для нуждъ арміи. Въ интересахъ увеличенія вывоза Петромъ настоятельно рекомендовалась культивировка льна и конопли, а также на югѣ табаку для прекращенія ввоза послѣдняго изъ Турціи. Нѣтъ никакой необходимости въ подробномъ перечисленіи всѣхъ родовъ и видовъ техническихъ растеній, рекомендуемыхъ Петромъ для культивированія. Всѣ они должны были удовлетворять или нуждамъ фабрики, или потребностямъ внѣшняго рынка. Въ общемъ можно сказать, что всѣ правительственныя распоряженія Петра въ области сельско-хозяйственной техники прямо или косвенно имѣли въ виду только международный товарообмѣнъ и намѣреніе повернуть его въ сторону, болѣе благопріятную для страны. Достигнуть послѣдняго только и было возможно при условіи развитія крупнаго производства, необходимость котораго сознавалась еще въ XVII в. Посѣщеніе Западной Европы и впечатлѣнія, вынесенныя отъ знакомства съ промышленнымъ состояніемъ европейскихъ государствъ, усиленно подталкивали въ этомъ направленіи мысль Петра. О томъ же говорили и проекты Ѳедора Салтыкова, указывавшаго на необходимость развитія крупной индустріи, какъ „прибыточнаго государству дѣла“, и записка барона Любереса, развивавшаго въ ней всѣ основныя положенія европейскаго меркантилизма и доказывавшаго необходимость перехода къ крупному производству съ точки зрѣнія указанной экономической доктрины. Въ продолженіе всего царствованія Петра правительство проявляло усиленную дѣятельность по открытію новыхъ фабрикъ и заводовъ. Открывались фабрики: суконныя, шелковыя, шпалерныя, ковровыя, полотняныя, бумажныя, шляпныя, волосяныя. Устраивались также селитренные, пороховые и пушечные заводы. Въ Пріуральѣ и Олонецкомъ краю были открыты мѣдные, желѣзные, чугуно-плавильные заводы. По мѣрѣ хода Сѣверной войны дѣятельность этихъ заводовъ развивалась все больше и больше, благодаря спросу со стороны арміи на продукты горнозаводской работы. Особенно заботилось Петровское правительство о развитіи суконной промышленности, фабрикаты которой до сихъ поръ большею частью привозились изъ-за границы. У Петра все время было сильное желаніе одѣть русскую армію въ сукно туземнаго производства, но достигнуть этого ему такъ и не удалось до конца его царствованія. Принимая рядъ мѣръ къ развитію національной индустріи, правительство высокими таможенными ставками стремилось обезпечить себя отъ конкуренціи съ продуктами европейской промышленности.

Несмотря на активное вмѣшательство правительства въ насажденіе крупной промышленности, послѣдняя не только не врѣзывалась клиномъ въ экономическую жизнь страны, а всецѣло вытекала изъ предыдущаго экономическаго развитія.

Россія XVII вѣка — страна по преимуществу земледѣльческая. Только въ нѣкоторыхъ районахъ, гдѣ для этого создались благопріятныя условія,

развилась кустарная промышленность. Во многихъ мѣстностяхъ эта домашняя промышленность достигла довольно большихъ размѣровъ. Намѣчался даже переходъ къ болѣе крупнымъ формамъ производства. Кустарь XVII вѣка не работалъ непосредственно ни на рынокъ, ни на заказчика, а продавалъ все скупщику. Несмотря на всѣ неблагопріятныя для торговли условія, скупщики въ убыткѣ не были, и нѣкоторые изъ крупныхъ торговцевъ (гостиная и суконная сотни и особенно гости), по свидѣтельству Котошихина, вели торговлю на сотни тысячъ рублей (1 милліонъ на наши деньги). Несомнѣнно, скупничество способствовало накопленію торговаго капитала у частныхъ лицъ, но долгое время капиталъ былъ скрытъ отъ посторонняго взора и обыкновенно лежалъ безъ приложенія, гдѣ-нибудь спрятаннымъ въ землѣ. Конечно, царившіе въ XVII вѣкѣ безправіе, произволъ и хищничество таможенныхъ чиновниковъ, также чрезмѣрная финансовая эксплуатація самого правительства создавали такія условія, при которыхъ накопленному капиталу было выгоднѣе оставаться безъ приложенія и быть скрытымъ гдѣ-нибудь въ подпольѣ. Трудно судить о возможныхъ размѣрахъ накопленія капитала. Слишкомъ отрывочны сохранившіеся факты. Тѣмъ не менѣе, все же можно думать, что мѣстами накопленіе капитала достигало значительной суммы. И правительство чувствовало, что въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ могутъ быть большіе капиталы. Поэтому, въ началѣ Сѣверной войны былъ изданъ суровый указъ, запрещавшій прятать деньги въ землю: „кто станетъ въ землѣ деньги хоронить, а кто про это доведетъ и деньги вынетъ, доносчику изъ тѣхъ денегъ треть, а остальныя на государя“. Всѣ торговые и промышленные люди должны были сообщить правительственнымъ агентамъ объ имѣвшихся въ ихъ распоряженіи средствахъ. Но правительственный указъ не произвелъ надлежащаго впечатлѣнія. Заинтересованныя лица утаивали средства или показывали совершенно невѣрныя цифры.

Только впослѣдствіи стали открыто показывать капиталы, когда явилась возможность весьма выгоднаго ихъ приложенія къ обрабатывающей промышленности, а дарованныя правительствомъ льготы защищали капиталистовъ отъ царившаго произвола и хищничества администраціи. Правда, правительство Петра, для открытія фабрикъ, давало частнымъ лицамъ безпроцентныя ссуды, но въ сравненіи съ количествомъ фабрикъ общее число получившихъ было незначительно, да и размѣръ правительственныхъ субсидій не поражаетъ своей грандіозностью. Не имѣя собственнаго капитала, было невозможно открыть фабрику. Кромѣ того, открывались фабрики и на одни собственныя средства, безъ всякихъ правительственныхъ субсидій. Слѣдовательно, фабрикантами могли быть только лица, располагавшія кое-какими капиталами. Дѣйствительно, на шелковыя мануфактуры компаніи Шафирова учредители истратили капиталъ въ 57.830 руб., дополненный впослѣдствіи приглашенными въ компанію купцами на сумму 23.000 руб.; на устройство

полотняной мануфактуры Тамеса было затрачено 46.700 руб.; на устройство игольнаго завода Томилина и Рюминыхъ 33 т. руб., а на полотняную фабрику Гончарова былъ затраченъ капиталъ въ 142 т. рублей. Приведенныя цифры въ достаточной степени иллюстрируютъ все вышеуказанное. Большею частью заводчики и фабриканты были изъ среды прежняго торговаго класса. Правда, встрѣчались въ ихъ средѣ и титулованные люди, принявшіеся за промышленную дѣятельность въ надеждѣ на большой дивидендъ, но они совершенно въ ней растворялись. Въ общемъ, въ рукахъ дворянства находилось очень ограниченное количество фабрикъ. На основаніи этихъ данныхъ можно съ увѣренностью утверждать, что Петровская крупная индустрія не такъ уже оторвана отъ предшествовавшей ей стадіи экономическаго развитія страны. Торговый капиталъ, накоплявшійся годами, былъ налицо. Государство лишь дало усиленный толчокъ для его приложенія. Купечество же оцѣнило выгоду приложенія новаго капитала и въ общемъ отнеслось въ высшей степени сочувственно къ промышленной политикѣ Петра.

Гр. Я. В. Брюсъ. (По гравюрѣ Бекетова.)

Можно отмѣтить также связь съ XVII вѣкомъ и въ другомъ отношеніи: кустарная промышленность опредѣлила районы будущей крупной промышленности. Уже въ XVII вѣкѣ можно отмѣтить крупный металлургическій районъ въ Новгородской землѣ, въ области старыхъ пятинъ: обонежской и водьской, а также въ уѣздѣ Устюжны Желѣзнопольской, въ Пріуральѣ, около Тулы, гдѣ уже въ XVII вѣкѣ была попытка построить казенные заводы. Далѣе, вся мѣстность около Ярославля была уже издавна центромъ производства полотенъ и холстовъ на небольшихъ станкахъ въ крестьянскихъ избахъ. Кромѣ того, въ Москвѣ устраивались и болѣе крупныя, самостоятельныя предпріятія: шелковыя, суконныя. Правда, они находились не въ особенно цвѣтущемъ состояніи, но все-таки фабрики не погибли, поддерживаемыя частнымъ спросомъ и казенными заказами

Поставивъ себѣ широкую задачу — поднять производительность народнаго труда и направить его на новые, незнакомые еще промыслы, Петръ усиленно заботится объ изученіи природныхъ богатствъ Россіи, нуждавшихся въ обработкѣ, но пока лежавшихъ въ землѣ, такъ какъ „до настоящаго времени безъ всякаго прилежанія исканы“, а между тѣмъ „наше россійское государство передъ многими иными землями преобилуетъ и потребными минералами и металлами благословенно есть“. Петру нужны были на удовлетвореніе казенныхъ нуждъ и минералы, и металлы. Въ теченіе всего царствованія, по его уполномочію, разыскивали во всей странѣ руду и минералы. Заботы Петра въ этомъ направленіи не прошли безслѣдно. Иностранцы нашли горный хрусталь и камень сердоликъ, краску-марену, торфъ, каменный уголь. Были открыты залежи мѣдной руды въ Кунгурѣ, а въ Нерчинскѣ— серебряной. Открытіе послѣдней было особенно важно. Это давало возможность перейти къ чеканкѣ собственной монеты. Были открыты залежи селитры. Начали устраивать селитренные заводы, а раньше не хватало селитры на выдѣлку пороха, приходилось и въ этомъ зависѣть также отъ иностранцевъ.

Первоначальная обработка металловъ, минераловъ и сырья не могла быть произведена мѣстными силами. Для этого требовались достаточно обученные рабочіе. Петръ и вызываетъ иностранцевъ, стараясь сманить ихъ большимъ жалованьемъ въ далекую Россію. Въ большинствѣ случаевъ иностранцы соблазнялись заманчивыми обѣщаніями и ѣхали въ Россію. Кромѣ исправной уплаты жалованія, имъ гарантировались свобода выѣзда и безпошлинный вывозъ своего имущества. Если иностранецъ открывалъ фабрику, ему обыкновенно давалось на нѣкоторое время разрѣшеніе на безпошлинную продажу своихъ издѣлій, изготовленныхъ на его фабрикѣ. Разрѣшалась безпошлинная выписка инструментовъ и сырого матеріала для нуждъ фабрики. Пріѣзжіе иностранцы должны были обучить своему ремеслу и русскую рабочую молодежь, большею частью пригоняемую на фабрику принудительнымъ путемъ. Такъ, въ 1711 году былъ изданъ Петромъ указъ „прислать изъ церковниковъ, служекъ монастырскихъ и изъ ихъ дѣтей сто человѣкъ, которые были бы лѣтъ по пятнадцати или двадцати и умѣли бы писать, чтобы итти имъ въ ученіе къ мастерамъ разныхъ дѣлъ“. Иностранные мастера должны были „обучать русскихъ людей безъ всякой скрытности и прилежно“.

Національзируя крупную промышленность, правительство поощряло ее разными облегченіями и льготами. Благодаря послѣднимъ, представители индустріи заняли довольно привилегированное положеніе. Это отчасти и тянуло капиталы въ промышленность. Такъ, посадскіе освобождались отъ всѣхъ государственныхъ и мѣстныхъ службъ; для фабрикантовъ, заводчиковъ и ихъ семей, рабочихъ устанавливалась особая подсудность, по гра-

жданскимъ дѣламъ, въ лицѣ мануфактуръ- или бергъ-коллегіи. Нѣкоторые изъ фабрикантовъ были подсудны непосредственно Сенату. Всѣ эти льготы избавляли фабрикантовъ и заводчиковъ отъ злоупотребленій мѣстной юстиціи.

Во главѣ новооткрытыхъ фабрикъ и мануфактуръ была поставлена мануфактуръ-коллегія. Въ ея вѣдомствѣ сосредоточился высшій надзоръ по управленію и надсмотру за фабриками. Мануфактуръ-коллегія должна была слѣдить, чтобы въ открытыхъ фабрикахъ строго соблюдались изданные правительствомъ регламенты и узаконенія. Кромѣ того, та же коллегія должна была принимать всякаго рода мѣры къ дальнѣйшему открытію новыхъ фабрикъ, при этомъ ей рекомендовалось дѣйствовать „не только однимъ предложеніемъ, но и принужденіемъ, и вспомогать наставленіями и всякими способами, чтобы всякихъ чиновъ и народовъ люди съ вящшей охотой и безопасно въ компанію вступали“. Но устройство такихъ торгово-промышленныхъ компаній шло очень туго, купечество не рѣшалось вступать въ акціонерныя компаніи и приняться за нѣсколько необычный для него способъ веденія дѣлъ. Все-таки понуканія правительства не прошли безслѣдно: такъ, образовались компанія для выдѣлки шелковыхъ матерій съ складочнымъ капиталомъ въ 88.000 руб., товарищество Тамеса для выдѣлки полотняныхъ издѣлій съ капиталомъ въ 46.700 руб. Къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстна внутренняя организація такого рода товариществъ. Замѣчая со стороны купечества отрицательное отношеніе къ „компанейскому“ способу веденія торгово-промышленныхъ дѣлъ, Петръ устраивалъ компаніи и принудительнымъ способомъ, вводя въ ихъ составъ „капитальныхъ“ людей. Устройство такого рода компаній было не безъ убытка для казны: обыкновенно участники компаніи получали отъ правительства денежныя субсидіи. Кромѣ того, съ нихъ слагались разнаго рода недоимки. Такъ, компаніи шелковыхъ издѣлій была выдана субсидія въ 45.672 руб.; другія компаніи получали нѣсколько уменьшенныя суммы отъ 30.000 до 15.000 руб. Иногда такимъ компаніямъ передавались фабрики, совершенно оборудованныя казной, за что онѣ были обязаны платить въ казну извѣстный процентъ. Дѣятельность торгово-промышленныхъ компаній находилась подъ бдительнымъ контролемъ правительства. Никакія переустроїства въ хозяйствѣ компаній не допускались безъ соотвѣтствующаго разрѣшенія мануфактуръ- или бергъ-коллегіи.

Съ открытіемъ фабрикъ и заводовъ возникалъ серьезный вопросъ о снабженіи ихъ рабочими, требованія на которыхъ было крайне трудно удовлетворять. Правда, фабриканты получили право нанимать русскихъ и иноземныхъ мастеровъ, платя имъ „за труды достойную плату“, но это позволеніе нисколько не разрѣшало возникшаго рабочаго вопроса. Вѣдь фабрики могли бы быть снабжены рабочими руками въ достаточномъ количествѣ только при условіи свободнаго отхода населенія на фабрики. Но послѣдній не могъ получить широкаго распространенія, такъ какъ вся страна находи-

лась въ рамкахъ крѣпостного хозяйства, не допускавшаго свободнаго отхода населенія. Правда, въ самой странѣ было немало такъ называемыхъ „гуляющихъ людей“, которые могли бы приложить свой трудъ къ фабрично-заводскому производству, но эти пока еще не закрѣпощенные элементы были мало расположены къ труду и предпочитали бродячую жизнь трудовой. Кромѣ того, сама организація труда требовала продолжительной первоначальной выучки и долговременнаго пребыванія на фабрикѣ. Въ этомъ отношеніи для Петровской фабрики несвободный трудъ былъ предпочтительнѣе свободнаго.

Заботясь объ открытіи новыхъ фабрикъ и заводовъ, Петръ принималъ рядъ мѣръ для обезпеченія ихъ необходимыми рабочими руками, идя и въ этомъ отношеніи по стопамъ своихъ предшественниковъ, только, согласно практикѣ европейскаго меркантилизма, придавъ этимъ мѣрамъ больше системы и однообразія. Считая фабрику учрежденіемъ не столько частнымъ, сколько государственнымъ, Петръ признавалъ необходимымъ скорѣйшее удовлетвореніе ея нуждъ. Съ этой цѣлью правительство поспѣшило использовать тотъ элементъ, который былъ у него подъ руками, но который сидѣлъ безъ дѣла. Это были разнаго рода преступные элементы, разбросанные по тюрьмамъ. Петръ и сталъ посылать ихъ на фабрику въ видѣ наказанія: такъ, въ 1699 году тюменскому воеводѣ было предписано назначать на работу на кирпичныхъ заводахъ „татей, мошенниковъ и пропойцъ“, сковывая по два человѣка шейнымъ и ножнымъ желѣзомъ. Посылались также на работу и воры, а на полотняныхъ фабрикахъ и заводахъ можно было встрѣтить „винныхъ бабъ и дѣвокъ“, отправленныхъ туда въ видѣ наказанія. Кромѣ того, на фабрики посылались лица, занимавшіяся нищенствомъ, публичныя женщины, несовершеннолѣтніе преступники, дѣти солдатъ и изъ воспитательнаго дома, военноплѣнные. Такъ, фабрики принимали характеръ исправительнаго заведенія. Считая фабрику государственнымъ учрежденіемъ, Петръ смотрѣлъ на трудъ, какъ на видъ повинности. Иногда къ фабрикамъ и заводамъ приписывались цѣлыя села, загонялись на фабрику „гуляющіе люди“ съ превращеніемъ ихъ въ состояніе вѣчно-отданныхъ людей съ передачей своего состоянія потомству. Такъ, къ девяти пермскимъ заводамъ было приписано 25 т. крестьянъ. Фабрикантъ Тамесъ получилъ къ своимъ полотнянымъ фабрикамъ село Кохму въ Шуйскомъ уѣздѣ съ 641 крестьянскимъ дворомъ. Указомъ 10 февраля 1719 года предписано было отослать на полотняныя фабрики Андрея Турчанинова съ товарищами „для пряжи льну бабъ и дѣвокъ, которыя, будучи на Москвѣ изъ приказовъ, также и изъ другихъ губерній по дѣламъ за вины свои наказаны“. Указъ 1721 года—это сепаратное распоряженіе—сдѣлалось общей мѣрой, предписывая отправлять виновныхъ женщинъ на работу на компанейскія фабрики, на извѣстный срокъ или пожизненно, по усмотрѣнію мануфактуръ- или бергъ-коллегіи.

Такимъ образомъ, классъ фабричныхъ рабочихъ слагался изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: бѣглыхъ крестьянъ, бродягъ, нищихъ, проститутокъ, преступниковъ. Каковы бы ни были его размѣры, однако нужда въ рабочихъ рукахъ не была удовлетворена. Это и заставило Петра закономъ 18 января 1721 года разрѣшить фабрикантамъ покупать къ фабрикамъ и заводамъ населенныя деревни.

Впрочемъ, послѣднія становились собственностью учрежденій, а не лицъ, и отчужденіе крестьянъ безъ фабрики было строго запрещено. Полученіемъ права пріобрѣтать крестьянъ фабрика нашла, наконецъ, желанный контингентъ рабочихъ рукъ. Наконецъ фабрики получили право не выдавать бѣглыхъ, составлявшихъ значительный контингентъ рабочихъ рукъ

По старин. русск. гравюрѣ.

Къ концу царствованія Петра общее количество фабрикъ достигло до 200. Многія изъ нихъ дали хорошіе результаты, хотя было немало и мертворожденныхъ. Собственно говоря, достигли извѣстныхъ результатовъ только тѣ производства, зачатки которыхъ были еще и раньше. Такъ, въ хорошемъ состояніи находилась металлургическая промышленность: достигли относительно большого развитія заводы въ Олонецкомъ краѣ, тульскіе, казенные и частные заводы Демидова и Баташева и въ особенности заводы по обѣ стороны Урала: по верховьямъ Камы и рѣкъ, входящихъ въ систему Оби. По даннымъ 1718 года здѣсь было выплавлено 6.641 пудъ чугуна, изъ числа которыхъ 87% пало на долю частныхъ заводовъ. Весь же чугунъ шелъ преимущественно на нужды арміи и флота. Нельзя не отмѣтить также относительно большого развитія суконной промышленности, хотя Петру такъ и не удалось одѣть армію въ русское сукно. Хорошихъ результатовъ достигло и полотняное производство. По словамъ Берхгольца, на фабрикѣ Тамеса, гдѣ работало около 100 ткацкихъ станковъ, приготовлялись всѣ

сорта полотна, отъ грубаго до самаго тонкаго, скатерти и салфетки, тикъ, толстые и тонкіе цвѣтные носовые платки, тонкіе канифасы. Въ очень хорошемъ состояніи находилось производство бумажныхъ и парусиновыхъ тканей, выдѣлка которыхъ была столь успѣшна, что Петръ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что онѣ „яко близко къ голландскимъ“. Но цѣлый рядъ фабрикъ, въ особенности выдѣлывавшихъ предметы роскоши, находился въ очень жалкомъ состояніи, хотя и былъ защищенъ тарифами. То же можно сказать и относительно шапочныхъ, кружевныхъ, иголочныхъ и нѣкоторыхъ другихъ фабрикъ. Кромѣ того, крайняя и стѣснительная регламентація промышленности иногда прямо-таки содѣйствовала полному разоренію населенія. Такъ, стремясь вытѣснить съ русскаго рынка европейское полотно, Петръ издалъ рядъ указовъ, которыми запрещалось выдѣлывать узкіе сорта полотна. Населеніе, конечно, не могло обзавестись соотвѣтствующими станками, и безъ всякой выгоды для государства погибло сильно развитое кустарное производство. Такъ погибло кустарное производство полотенъ у Архангельска.

Заботясь о національизаціи крупной промышленности, Петръ обратилъ особенное вниманіе и на внѣшнюю торговлю, стремясь поставить ее въ наиболѣе благопріятныя условія къ внѣшнему товарообмѣну. Въ этихъ цѣляхъ вниманіе Петра было обращено на устройство путей сообщенія. Замѣтивъ, что лѣтомъ рѣчные пути удобнѣе сухопутныхъ, Петръ задался цѣлью устроить цѣлую систему искусственныхъ водныхъ путей; они должны были удовлетворять двумъ цѣлямъ: улучшить сообщеніе между Петербургомъ и внутренними областями, а также соединить Балтійское и Каспійское моря въ надеждѣ на захватъ въ будущемъ въ свои руки транзитной торговли съ Азіей. Считая, что для развитія торговыхъ сношеній Балтійскій путь былъ удобнѣе и естественнѣе, Петръ строитъ Петербургъ и затѣмъ стремится сдѣлать его центромъ вывозной и ввозной торговли, хотя для этой цѣли ему пришлось совершенно убить торговое значеніе Архангельска, куда въ большомъ количествѣ пріѣзжали русскіе и иностранные купцы и гдѣ были устроены всевозможные склады и магазины. Такъ, въ 1710 году было запрещено вывозить хлѣбъ черезъ Архангельскъ и ввозить черезъ него шелковыя издѣлія. Въ 1713 году было запрещено возить въ Архангельскъ и Вологду пеньку и нефть и, кромѣ того, предметы государственной монополіи: икру, клей, поташъ, смолу, ревень. Все это было повелѣно возить на Петербургъ. Затѣмъ, корабли, присылаемые для нагрузки товаровъ въ Петербургѣ, платили только 3%, а не 5%, какъ это было въ Архангельскѣ. Наконецъ, указъ 1718 года требовалъ, чтобы русскіе купцы $^2/_3$ товаровъ отправляли на Петербургъ, при чемъ съ товаровъ, предназначенныхъ для вывоза, не бралось никакихъ пошлинъ на внутреннихъ заставахъ. Наконецъ еще раньше, въ 1717 году, именитые архангельскіе купцы были переселены въ столицу, чѣмъ и былъ нанесенъ окончательный ударъ Архангельску. Всѣ эти мѣры

превратили Петербургъ въ центръ европейской торговли. Но Петръ придавалъ также большое значеніе и Каспійскому морю, которое было очень удобно для развитія торговыхъ сношеній съ Азіей. По мысли Петра, Азія должна была стать центромъ для сбыта туземныхъ фабрикатовъ. Отсюда его планы о торговлѣ съ Индіей черезъ Хиву и Бухару, отсюда его постоянныя наблюденія за Азіей и стремленіе болѣе точно разузнать объ ея богатствахъ. Не даромъ Петръ послалъ въ Хиву цѣлое войско, лишь услышалъ о золотыхъ пріискахъ. Впрочемъ, эта попытка потерпѣла рѣшительную неудачу и только обострила отношенія Хивы къ Россіи. Тогда Петръ обратилъ вниманіе на Персію, и русскому резиденту Волынскому было приказано хлопотать о томъ, чтобы вся торговля шелкомъ-сырцомъ шла черезъ Россію, а не на Алеппо и Смирну. Когда же въ Персіи вспыхнулъ бунтъ, и въ Шемахѣ и Дербентѣ были ограблены русскіе купцы, Петръ сдѣлалъ попытку захватить берегъ Каспія отъ Баку до Дербента, но его преемники не сумѣли оцѣнить значеніе Каспійскаго моря для торговли и возвратили всѣ завоеванія.

Мечтая о болѣе выгодныхъ условіяхъ для отечественной торговли и о завоеваніяхъ рынка, Петръ заключалъ съ державами торговые договоры, которые должны были опредѣлить взаимныя условія товарообмѣна. Такъ, въ 1689 году былъ заключенъ договоръ съ Пруссіей, а девять лѣтъ спустя—съ Даніей. Въ 1710 году состоялось соглашеніе съ Данцигомъ. Далѣе были заключены трактаты съ Мекленбургомъ, Франціей, Голландіей. Ништадтскій миръ повлекъ за собою сближеніе Швеціи и Россіи. Кромѣ того, за границей учреждались консульства и торговыя агентуры. Въ концѣ царствованія Петра всѣ торговые договоры, заключенные раньше, потеряли свое значеніе съ введеніемъ обязательнаго для всѣхъ державъ таможеннаго тарифа 1724 г. Это былъ тарифъ рѣзко покровительственнаго характера, величина котораго соизмѣрялась со степенью внутренняго производства и возрастала сообразно размѣрамъ производства. Такъ, если производство относилось къ импорту, какъ 1:3, то и пошлины составляли $^1/_3$ цѣны. Слѣдовательно, если размѣры производства равнялись ввозу, то послѣдній запрещался. Меркантилистическая политика Петра не достигла своихъ цѣлей. Правда, Петръ своей энергіей пробудилъ отчасти духъ предпріимчивости, но эмансипировать страну отъ иностранцевъ въ области торговли и промышленности такъ ему и не удалось. Страна попрежнему вывозила за границу сырые продукты, а взамѣнъ этого получала готовые фабрикаты, платя за нихъ большія таможенныя пошлины. Попытки завоеванія иностранныхъ рынковъ кончились ничѣмъ: несмотря на покровительственную политику, Россія попрежнему оставалась очень отсталой страной въ экономическомъ отношеніи, и, конечно, ей было невозможно выдержать конкуренцію съ Западомъ, а вѣдь изъ-за послѣдней интересы народной массы приносились въ жертву фискальнымъ интересамъ и привилегіямъ компанейщиковъ.

В. Ничета.

Эпоха дворцовыхъ переворотовъ.

(1725—1762.)

I.

Основныя явленія эпохи и отношеніе ихъ къ реформамъ Петра В.

Эпоха Петра Великаго пріучила Россію къ сильнымъ впечатлѣніямъ, отъ которыхъ у современниковъ кружилась голова и мутилось сознаніе. Но наступившій затѣмъ тридцатисемилѣтній періодъ царствованія „дес-цендентовъ“ императора Петра и царя Іоанна былъ въ исторіи русскаго самосознанія эпохою не только „дворцовыхъ переворотовъ“, но и нескончаемымъ рядомъ переворотовъ въ области политическихъ представленій, національнаго сознанія и соціально-правовыхъ отношеній, подъ вліяніемъ быстро смѣнявшихся разныхъ „отмѣнокъ“, „обманокъ“, „людодерствъ“ и взаимоистребленій. Въ это время порой и желѣзная эпоха Петра казалась, блаженной памяти, золотымъ вѣкомъ, вызывающимъ вздохи. Въ самомъ дѣлѣ, на протяженіи 37—38 лѣтъ шесть царствованій женщинъ и дѣтей по возрасту или по духовному развитію, часто съ спорными правами на престолъ и еще съ болѣе сомнительными средствами достиженія его; съ головокружительными перемѣнами и колебаніями въ курсѣ національной, государственной и международной политики, съ безсистемною ломкою правительственныхъ учрежденій, не говоря уже объ ослѣпительныхъ карьерахъ

разныхъ „припадочныхъ“ и „случайныхъ“ людей, на глазахъ современниковъ продѣлывавшихъ свой путь изъ конюшенъ, лакейскихъ и съ клиросовъ къ ступенямъ трона, чтобы затѣмъ подъ грохотъ барабановъ и съ позоромъ взойти на эшафотъ или, въ лучшемъ случаѣ, трагикомически промѣнять роскошные апартаменты своихъ дворцовъ на тѣсную хижину Березова, Пелыма или на казематъ тюрьмы.

Въ этомъ хаосѣ трескучихъ переворотовъ, ставившихъ втупикъ безхитростнаго современника и наложившихъ особый отпечатокъ на государственныхъ людей того времени съ чрезвычайно гибкой моралью и соотвѣтственно подвижной физіономіей, — въ этомъ хаосѣ, можетъ-быть, недостаточно для современниковъ, но съ очевидностью для потомковъ, выдѣляются основныя явленія эпохи, главныя теченія вихреобразной жизни, на которыя разлагается каждый изъ моментовъ этой эпохи. Это, во-первыхъ, дворцовые перевороты, во-вторыхъ, фавориты и временщики, управлявшіе именемъ царствовавшихъ дѣтей и женщинъ, въ-третьихъ, возникновеніе надъ системой правительственныхъ учрежденій такихъ органовъ управленія, которые отражали въ себѣ большую или меньшую степень полноты верховной власти, то ограничивая послѣднюю на законномъ основаніи, то фактически замѣняя ее, въ силу неопытности и бездѣятельности носителей власти (я разумѣю Верховный Тайный Совѣтъ, Кабинетъ министровъ, Конференцію); четвертымъ, проходящимъ чрезъ всю эпоху явленіемъ представляется процессъ раскрѣпощенія шляхетства отъ службы и, какъ обратная его сторона, развитіе практической и юридической стороны крѣпостного права; наконецъ, бросается въ глаза разорительная и совершенно безплодная для интересовъ Россіи иностранная политика, въ которой Россія принимаетъ громкое и кровопролитное участіе въ раздиравшихъ въ это время Европу войнахъ за наслѣдство и выравненіе границъ.

Кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій.
(Петров. галлерея).

Всѣ эти явленія въ значительной степени обусловливались въ области политической, съ одной стороны, какъ это было отмѣчено еще кн. Щербатовымъ, „дѣйствіемъ недостатка основательныхъ законовъ“ по вопросу о престолонаслѣдіи и выступленіемъ на политическую арену самаго сильнаго въ экономическомъ, военно-организаціонномъ и культурномъ отношеніи сословія — шляхетства, поднявшаго свой властный голосъ подъ давленіемъ своихъ сословныхъ интересовъ тамъ, гдѣ бездѣйствовало право; въ области соціально-экономической измѣненія происходили въ зависимости отъ интересовъ коман-

дующаго сословія столько же, сколько подъ давленіемъ крайняго истощенія народнаго и государственнаго хозяйства.

Но и эти силы, и обусловливаемыя ими явленія тѣснѣйшимъ образомъ вытекаютъ изъ событій и реформъ царствованія Петра Великаго, какъ изъ своего истока. Война изъ-за береговъ Балтійскаго моря, напрягшая до послѣдней степени военныя и хозяйственныя силы и средства страны и сообщившая необычайно напряженный и безпорядочный ходъ реформаторской дѣятельности Петра, съ расширеніемъ нашей западной границы до ея естественнаго предѣла, потеряла свой прежній смыслъ цѣли, для которой все было сдѣлано средствомъ по волѣ Петра. Съ прекращеніемъ Петровскихъ войнъ вопросы внутренней жизни страны выступили на первый планъ и заставили обратить на себя тѣмъ большее вниманіе, чѣмъ больше они приносились въ жертву завоевательной политикѣ Петра и связаннымъ съ нею реформамъ.

Такимъ вопросомъ оказался прежде всего вопросъ о престолонаслѣдіи. Для Петра, не щадившаго ни себя, ни подданныхъ для проведенія въ жизнь новыхъ началъ государственной жизни, было не все равно, кому передать продолженіе своего дѣла вмѣстѣ съ тономъ Россіи. Петръ развязалъ свою „волю монаршую“ для избранія достойнаго продолжателя своихъ замысловъ, принесши въ жертву этимъ замысламъ взрослаго наслѣдника престола и узаконенный традиціей порядокъ престолонаслѣдія по наслѣдству и избранію, но жертвы оказались, по непонятной случайности, напрасными: воля его оказалась на послѣднемъ словѣ недосказанной, и Россія очутилась и безъ наслѣдника, и безъ законнаго руководства къ избранію его.

Созданная почти непрерывными войнами регулярная армія во главѣ съ дворянскою гвардіей, съ прекращеніемъ войны, вышла за предѣлы своего обычнаго назначенія и, съ одной стороны, поставила уже для Петра трудную экономическую задачу о содержаніи праздныхъ полковъ за счетъ народнаго труда въ мирное время, а, съ другой стороны, и объединенное въ гвардейскихъ полкахъ дворянство, сильное своей боевой организаціей и командующимъ положеніемъ въ арміи, а также своею сравнительной обезпеченностью и культурностью, съ прекращеніемъ войны могло свою энергію направить по линіи наименьшаго сопротивленія сословныхъ интересовъ, вмѣшавшись для этого въ ранѣе заповѣдную для нея область политическихъ вопросовъ въ ихъ приложеніи къ русской жизни, благо политическая „конъюнктура“ втягивала эту силу, даже вопреки ея сознательному стремленію, въ область, гдѣ сила должна была диктовать вмѣсто замолкшаго съ Петромъ права. Сила эта не сразу формулируетъ интересы той среды, изъ которой она выросла, не разрывая съ нею связи: трудно было сословію, слѣпо дѣйствовавшему четверть вѣка подъ команду неумолимаго „воителя“, обдумать свои интересы и выставить строго формулированныя требованія: вначалѣ гвардія пойдетъ по

Якоби. Шуты при дворѣ Императрицы Анны Іоанновны, Солдатенковская галлерея.

Якоби. Шумы при дворе Императрицы Анны Іоанновны, Сухаревская башня.

инерціи подъ привычную команду знакомыхъ старыхъ соратниковъ, во имя интересовъ семьи страшнаго гипнотизера, противъ, можетъ-быть, законныхъ выступленій старыхъ бояръ, „не въ авантажѣ обрѣтавшихся“ при Петрѣ. Только черезъ 5—6 лѣтъ она сознаетъ свою силу и возможность пользоваться ею не по командѣ старшихъ соратниковъ, въ ихъ пользу, а по сознательному разсчету въ интересахъ той самой среды, изъ которой выходила гвардія, связанная съ нею экономическими и культурными интересами. Только тогда, оглядываясь безъ страха на время Петра, ставшее невозвратнымъ прошлымъ, увѣренное въ своемъ командующемъ настоящемъ, дворянство предастъ ис-

Венеціановъ. Петръ Великій на берегу Прута. (Изъ книги „А. В. Венеціановъ въ частныхъ собраніяхъ“.)

пепеляющей критикѣ дѣла Петра и властно скажетъ власти, не чувствующей подъ собою твердой правовой почвы: „Послѣ того, какъ иностранцы внушили Петру I, что войско слѣдуетъ держать всегда, въ мирную и военную пору, мы не знали покоя. Для удовлетворенія самолюбія государя и его близкихъ слугъ разоряютъ на-смерть нашихъ крестьянъ, да и мы сами должны многіе годы къ ряду жить вдалекѣ отъ своихъ домовъ и семействъ, входить въ долги, между тѣмъ отдавать помѣстья въ варварскія руки нашихъ приказчиковъ. Для насъ ненужно новыхъ завоеваній, отъ которыхъ нѣтъ пользы, а много хлопотъ. Земля наша такая обширная, а нивы такія плодородныя, что ни одному дворянину не съ чего голодать: сиди онъ только дома да смотри за

своимъ хозяйствомъ“ [1]). Съ этими рѣчами Петровской гвардіи должны будутъ согласиться и зависимые отъ нея наслѣдники Петра: содержать армію и дворянство военное въ полкахъ нелегкое дѣло, когда платежныя силы страны и народное хозяйство оставлены Петромъ въ такомъ видѣ, что страшно подумать. Можетъ-быть, горькою истиной звучали для преемниковъ Петра подслушанныя Фоккеродтомъ слова его гвардіи: „Петръ I поступилъ бы гораздо умнѣе, еслибы милліоны людей, которыхъ стоила шведская воїна и основаніе Петербурга, оставилъ за сохою дома, гдѣ недостатокъ въ нихъ слишкомъ чувствовался“... II наслѣдникамъ Петра только и оставалось слѣдовать повелительнымъ совѣтамъ его гвардіи: распускать помаленьку служилое дворянство въ его помѣстья, чтобы тѣмъ держать его не противъ себя, сократить дефициты бюджета, особенно тяжелаго для народа въ военной его части, а кстати въ лицѣ помѣщика заполучить опытнаго руководителя и отвѣтственнаго сборщика податей въ уступленномъ ему разоренномъ и обезлюдѣвшемъ сельскомъ хозяйствѣ, съ предоставленіемъ помѣщику безграничнаго права распоряженія личностью и трудомъ тяглеца-земледѣльца. Эти же соображенія, вытекающія изъ дефицитовъ, какъ показателей полнаго разстройства государственнаго и народнаго хозяйства, побудятъ преемниковъ Петра упростить созданную Петромъ сложную систему управленія, непосильную для казначейства настолько, что до-Петровская система управленія превращается въ глазахъ реформаторовъ этой эпохи въ идеальную панацею всѣхъ недуговъ управленія.

Шутъ Петра Великаго, Балакиревъ.
(Музей Александра III).

II.

Дворцовые перевороты.

Если для Петра Великаго было не все равно, кто будетъ его наслѣдникомъ, то и русское общество въ его разныхъ сферахъ проявляло живоїй интересъ къ тому же вопросу. „Духовники“ Преображенскаго приказа и Тайной канцеляріи не одинъ разъ выслушивали признанія отъ своихъ кліэн-

[1]) Фоккеродтъ.

товъ-поневолѣ на тему о правахъ на престолъ первой семьи Петра отъ Евдокіи Лопухиной и о неодобреніи „волѣ монаршей“ по данному вопросу. Слѣдственное дѣло царевича Алексѣя Петровича показало Петру, что вопросъ о престолонаслѣдіи представлялъ для его подданныхъ не только академическій или праздный интересъ обывательской болтовни, но становился для нѣкоторой части подданныхъ вопросомъ дѣятельныхъ выступленій, знаменемъ, объединявшимъ вокругъ себя оппозицію, въ рядахъ которой числились „знатныя персоны“ духовнаго и свѣтскаго общества. Жестокій разгромъ партіи Алексѣя не доказалъ оппозиціи внутреннюю „Правду воли монаршей“, заставивши партію старины, сочувствующихъ Алексѣю и его незамысловатой программѣ, глубже замкнуться въ себѣ и въ одиночку вынашивать свои завѣтныя надежды, которымъ какъ бы благопріятствовали неудачи династическихъ замысловъ Петра, потерявшаго двухъ сыновей отъ Екатерины, для которыхъ онъ, повидимому, расчищалъ путь къ трону гибелью Алексѣя. Съ ихъ смертью для Петра династическіе его замыслы были разстроены настолько, что даже онъ, умѣвшій не задумываться передъ рѣшительными шагами, такъ и не использовалъ изданный ad hoc законъ о назначеніи себѣ преемника, по своему усмотрѣнію: нé изъ кого было выбирать лица, которому было бы по плечу завершеніе основательно разрушенной, но далеко

Императоръ Петръ II. По стар. русск. гравюрѣ. (Публич. библіотека).

не достроенной храмины русскаго государства Петровской конструкціи. Выборъ былъ качественно не богатъ: женщина или ребенокъ? Но едва ли Петръ склонялся въ пользу ребенка-внука: вѣдь это сынъ ненавистнаго Алексѣя и, конечно, наслѣдникъ упованій оппозиціи: недаромъ же дѣти Алексѣя были при Петрѣ въ такомъ загонѣ, который не позволялъ сомнѣваться въ рѣшеніи Петра отстранить потомство Лопухиныхъ отъ престола. Конечно, дѣло не въ лицѣ и полѣ, а въ неукоснительномъ желаніи лица продолжать начатое по выяснившемуся уже плану и духу реформы; это доступно было и женщинѣ, располагающей кадрами „птенцовъ“ Петровской школы. Но имя этой женщины-наслѣдницы такъ и не начертила ослабѣвшая отъ страданій рука Петра. И вопросъ о престолонаслѣдіи былъ сведенъ съ его правового основанія: недописанное Петромъ имя въ фразѣ: „все отдать...“ должна была продиктовать организованная сила, такъ какъ законъ безмолвствовалъ, а обычай въ подобныхъ случаяхъ спрашивать совѣта всей земли какъ-то никѣмъ даже не вспомянулся въ день смерти Петра, хотя нѣкоторыя соборныя избранія XVII в. едва ли были по существу отраженіемъ мнѣнія земли болѣе, чѣмъ обстоятельства провозглашенія Екатерины I императрицею. Правда, мы не видимъ въ послѣднемъ случаѣ руководящей роли іерарховъ церкви, можетъ-быть, потому, что Синодъ менѣе всего могъ въ глазахъ паствы играть роль „освященнаго собора“ съ патріархомъ во главѣ; не видимъ мы здѣсь представителей торговаго класса, но зато непрошенное, хотя и рѣшающее участіе въ провозглашеніи Екатерины гвардіи, этого организованнаго „выбора“ изъ дворянства, едва ли на какомъ-либо избирательномъ соборѣ полнѣе отражало мнѣніе служилаго сословія, чѣмъ теперь; выступаютъ въ старой роли вліятельныхъ руководителей избранія и тѣ сотрудники и совѣтники Петра, которые въ царствованіе послѣдняго играли роль думной знати XVII в., входившей въ лицѣ Боярской думы однимъ изъ непремѣнныхъ и самыхъ авторитетныхъ элементовъ въ составъ собора; привыкшіе распоряжаться подъ команду Петра, его сотрудники теперь выступили въ привычной роли разгадчиковъ недосказанной Петромъ мысли, которую, тѣмъ не менѣе, необходимо было развить въ духѣ его намѣреній, правда, уже не въ силу страха взысканія съ его стороны, а подъ вліяніемъ честолюбія и инстинкта самосохраненія, заговорившаго съ тѣмъ большею силой, что противъ властнаго голоса истолкователей воли Петра выступили теперь съ традиціонной осанкой тѣни прошлаго величія, остатки думной знати, которые хотя при Петрѣ и „не въ авантажѣ обрѣталися“, но не были окончательно затерты его властнымъ игнорированіемъ, и теперь, несмотря на свою малочисленность, заявили о себѣ съ тѣмъ большей увѣренностью и авторитетомъ, что чувствовали подъ собою сочувствіе много выстрадавшей при Петрѣ оппозиціи, сильной своею затаенной ненавистью и неизвѣстностью, освободившейся теперь отъ страха предъ бездыханнымъ

Петромъ. „Кн. Д. М. Голицынъ съ товарищи“ (Долгорукимъ, Репнинымъ и П. М. Апраксинымъ) были страшны для сторонниковъ Петра не только своимъ прошлымъ въ качествѣ вождей оппозиціи: „Петръ хоть умеръ, да страхъ его остался“; они страшны были своимъ будущимъ, въ качествѣ сторонниковъ кандидатуры ребенка Петра, единственно законнаго наслѣдника угасающаго императора, который, устранивши сына Алексѣя, не успѣлъ отстранить въ силу закона внука своего, „на сторонѣ котораго“, по словамъ такого знатока тайныхъ помысловъ русскаго народа, какимъ былъ П. А. Толстой, начальникъ Тайной канцеляріи,—станетъ часть шляхетства и большая часть подлаго народа. „Голицынъ съ товарищи“ готовы во имя своего будущаго пойти на компромиссъ въ истолкованіи воли Петра Великаго: объявить Петра Алексѣевича императоромъ, а его мачеху, Екатерину Алексѣевну, регентшей, при сотрудничествѣ Сената. Но могли ли „птенцы Петра“ ограничиться этой „помазкой по губамъ“? Для Меншикова, Толстого, Ягужинскаго, Головкина и др. слугъ Петра нужно было играть „ва-банкъ“: вѣдь наивно было разсчитывать, что сынъ не отомститъ имъ, цѣпнымъ слугамъ Петра Великаго, за вынесенный ими смертный приговоръ отцу, царевичу Алексѣю; регентство Екатерины ихъ не спасетъ: оно временно, да къ тому же и не прочно: „Это распоряженіе (о регентствѣ Екатерины) произведетъ междоусобную войну,—отвѣтилъ Толстой на предложеніе Голицына,—потому что въ Россіи нѣтъ закона, который бы опредѣлялъ время совершеннолѣтія государя; какъ только великій князь будетъ объявленъ императоромъ, то часть шляхетства и большая часть подлаго народа станетъ на его сторону, не обращая никакого вниманія на регентство“.

Княжна М. А. Меншикова. (Музей Александра III.)

Другое дѣло, если Екатерина станетъ при ихъ содѣйствіи полновластною государыней, съ правомъ назначать себѣ наслѣдника: ея интересы, безопасность и судьба тѣсно связаны съ судьбою, интересами и дальнѣйшей карьерой ближайшихъ слугъ Петра; они вмѣстѣ могутъ управлять во имя завѣтовъ Петра; опираясь другъ на друга, они не только удержатъ власть, но и безопасность, такъ какъ провозглашеніе Петра Алексѣевича императоромъ грозитъ Екатеринѣ съ семействомъ не меньше, чѣмъ имъ,—по меньшей мѣрѣ заточеніемъ въ монастырь: объ этомъ не преминули обмолвиться сторонники сына царевича Алексѣя. Съ другой стороны, и Екатерина, обязанная только имъ и безопасная только ихъ поддержкой, будетъ во всемъ послушна имъ,—и при ней „птенцы Петра“ развернутъ крылья пошире, чѣмъ при Петрѣ. За Екатерину стояли и члены Синода. Только власть, продолжающая направленіе Петра Великаго, дастъ имъ прежнее мѣсто въ церкви, возвращеніе къ старинѣ было бы равносильно если не замѣнѣ Синода патріархомъ, который не можетъ быть изъ членовъ непопулярнаго Синода, то по меньшей мѣрѣ преслѣдованію особенно выдвинувшихся при Петрѣ Великомъ архіереевъ. Изъ нихъ, въ частности, Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ѳеодосій Яновскій ничего не могли ждать добраго отъ правительства внука Петра Великаго, — первый потому, что своимъ авторствомъ „Правды воли монаршей“ участвовалъ въ дѣлѣ отстраненія царевича Алексѣя, а, слѣдовательно, и его сына отъ престола, а второй за безтактную ревность къ реформѣ Петра. Такимъ образомъ, направленіе царствованія Петра Великаго связывало въ солидарную группу его вторую семью съ сотрудниками его реформы свѣтской и духовной, которые къ тому же въ моментъ смерти Петра занимали самые отвѣтственные и командующіе посты, не говоря уже о томъ, что большинство сенаторовъ и генералитета, будучи людьми новыми, обязанными своимъ возвышеніемъ только Петру и потому благодарные ему и его семьѣ, не могли разсчитывать на прочность своего положенія при возстановленіи до-Петровскаго значенія родовитой титулованной и думной знати. Опасеніе все потерять съ воцареніемъ Петра или возможность удержать за собою самое вліятельное положеніе при воцареніи Екатерины придавали особую энергію сторонникамъ Екатерины, въ рядахъ которыхъ къ тому же были выдающіяся способности, отмѣченныя геніемъ Петра, и, что главное, привычный для подчиненныхъ гипнозъ власти, столь необходимый въ данный моментъ для мобилизаціи инертной силы въ пользу своего дѣла.

Впрочемъ, что касается военной силы, особенно гвардіи, то про безучастность ея къ происходящему говорить нельзя: гвардія обожала своего императора, всегда близкая къ его обаятельной личности, всегда уважаемая имъ и пользующаяся его чрезвычайнымъ довѣріемъ; конечно, интересы близкихъ людей Петра Великаго были не безразличны для гвардейцевъ, и особенно не могли быть они равнодушны къ интересамъ жены своего импе-

ратора, не разъ оказывавшей услуги и протекцію обращавшимся къ ней. Не обошлось дѣло и безъ искусственнаго привлеченія гвардіи и арміи на сторону Екатерины и ея сторонниковъ. Было выдано жалованье части войскъ. не получавшей его около 16 мѣсяцевъ, обѣщаны награды; находившіяся на работахъ войска были возвращены въ столицу подъ предлогомъ молиться за своего императора. Военщина въ сущности и придала аргументамъ сторонниковъ Екатерины рѣшающій голосъ. Въ залу засѣданія, гдѣ вельможи обсуждали вопросъ о преемникѣ Петру, незамѣтно вошли гвардейскіе офицеры, которые хотя и стояли почтительно у дверей, но не стѣснялись громко выражать свое мнѣніе по поводу мудрыхъ рѣчей сановниковъ, недвусмысленно грозя голову проломить боярамъ, если они осмѣлятся отстранить государыню отъ престола; тѣ же офицеры вошли къ императрицѣ и клялись пожертвовать за нее своею жизнью; въ довершеніе всего подъ окнами дворца, гдѣ происходило совѣщаніе, раздались барабаны, и присутствующіе увидѣли оба гвардейскіе полка во дворѣ. Фельдмаршалъ Репнинъ, сторонникъ кандидатуры Петра, съ гнѣвомъ спросилъ: „Кто осмѣлился привести ихъ сюда безъ моего вѣдома? Развѣ я не фельдмаршалъ?“— „Я велѣлъ имъ придти сюда по волѣ императрицы, которой всякій подданный долженъ повиноваться, не исключая и тебя!“ отвѣтилъ фельдмаршалу Бутурлинъ, подполковникъ гвардіи, личный врагъ Репнина.

Императоръ Петръ II. (Музей Александра III.)

Послѣ такихъ доказательствъ отъ барабана споръ о правахъ могъ имѣть чисто академическій интересъ, и предложеніе Толстого считать Екатерину императрицею на основаніи акта коронованія ея, какъ символическаго выраженія воли монаршей о назначеніи ея наслѣдницей, было принято единогласно, одними съ восторгомъ, другими—скрѣпя сердце. Но послѣдніе, съ избраніемъ Екатерины, еще не все потеряли: будущее не ускользало отъ нихъ, такъ какъ Екатерина была въ годахъ, а вел. кн. Петръ съ каждымъ годомъ будетъ укрѣплять свои позиціи въ правовомъ сознаніи общества, какъ и въ своихъ собственныхъ глазахъ: вѣдь на его сторонѣ право, непо-

колебимое въ общественномъ сознаніи, право неосуществленное, могущее стать законнымъ знаменемъ для всякаго рода недовольныхъ новаго царствованія. Съ избраніемъ Екатерины дѣло партіи старины не гибло, а отсрочивалось до болѣе благопріятнаго момента. А благопріятный моментъ наступилъ уже въ царствованіе Екатерины I: въ лагерѣ побѣдителей начался расколъ. Птенцы Петра сплотились предъ общей опасностью, и возненавидѣли другъ друга, когда стали дѣлить добычу. Началъ съ неумѣренныхъ требованій Меншиковъ, дѣлецъ, преуспѣвавшій больше наглостью, чѣмъ талантами, въ нападеніи на казенную собственность не меньше, чѣмъ на врага, умѣвшій оказать дѣйствительно важную услугу лицу, но вмѣстѣ съ тѣмъ находившій случай во-время напомнить объ этой услугѣ, и заодно уже подсказать и достойную степень награды за нее. За Екатерину онъ дѣйствовалъ напроломъ, главнымъ образомъ, потому, что его судьба и карьера были неразрывно связаны съ нею, дважды обязанной ему: за сближеніе съ Петромъ Великимъ и теперь за возведеніе на престолъ. Успѣхъ ихъ общаго дѣла вскружилъ голову Меншикову, который обнаглѣлъ отъ открывшейся возможности всего требовать за услугу. Его не только освободили отъ слѣдствія, которое грозной тучей нависло надъ нимъ предъ смертью Петра: ему простили наложенный на него штрафъ въ сотни тысячъ; онъ фактически руководилъ растерявшеюся государыней; но этого для Меншикова было мало: онъ сталъ домогаться титула владѣтельнаго герцога Курляндіи, настаивалъ почти властно на полученіи чина генералиссимуса, доказывая при этомъ, съ циничной откровенностью, что этотъ чинъ столь же справедливая награда для него, сколько и необходимый шагъ для укрѣпленія верховной власти: „Я прошу (званія генералиссимуса) не для себя, но для самодержавной власти вашего величества“, значилось въ его прошеніи: вѣдь это почти угроза!

Если такъ говоритъ Меншиковъ съ верховной властью, то чего же можно ожидать отъ него въ обращеніи съ товарищами и подчиненными? Своимъ высокомѣріемъ при обсужденіи государственныхъ дѣлъ онъ приводитъ въ бѣшенство Ягужинскаго, который публично въ соборѣ обращается съ жалобой къ гробу Петра, говоря, что Меншиковъ обижаетъ, и нѣтъ на него управы.

Онъ издѣвается надъ самимъ Сенатомъ, заставляя его потратить часы на обсужденіе вопроса, чтобы въ концѣ обсужденія объявить Сенату волю государыни, предрѣшившей вопросъ до обсужденія въ Сенатѣ въ пользу мнѣнія Меншикова: оскорбленные сенаторы грозятъ бойкотировать Сенатъ, гдѣ равный имъ членъ диктуетъ свою волю.

Основаніе трона Екатерины даетъ трещину. Противники не дремлютъ; пошли слухи о безволіи Екатерины предъ временщикомъ; заговорили о новомъ Годуновѣ: слухи находили отзвуки не только въ средѣ старой оппози-

ціи, но поддерживались и обиженнымъ Меншиковымъ. Самъ Θеофанъ Прокоповичъ не безъ злорадства звонилъ объ опасности отъ „малконтентовъ“: „Нынѣ многіе негодуютъ, особенно за свѣтлѣйшаго князя (Меншикова), что ея величество изволила вручить ему весь домъ свой, и Богъ знаетъ, что будетъ далѣе. Подождать малость, въ скоромъ времени у насъ произойдетъ что-нибудь великое; про ея императорское величество говорятъ и то, что она иноземка и лютеранка. Когда императрица изволила смотрѣть строя, и въ то время чуть ее изъ ружей не убили дважды, и пулею убило человѣка, который былъ отъ нея въ полусажени; изъ чего видно, что многіе ея величеству не благопріятствуютъ; только одинъ, кажется, вѣренъ—Толстой, но и тотъ, какъ всѣ вознегодуютъ, къ нимъ же приклонится: и то захотѣлось ей жеманиться, да отнюдь не пристало, потому что вотъ какіе на нее замахи; а воинство муштровать есть на то генералы, а не ея дѣло“... Между тѣмъ и „воинство“ не совсѣмъ было надежно: выстрѣлы въ сторону императрицы на парадѣ могли быть случайностью; но грозною тучей стояла на горизонтѣ южная армія подъ командой популярнѣйшаго генерала кн. М. М. Голицына, на все смотрѣвшаго глазами своего старшаго брата кн. Д. М. Голицына, вождя старой партіи и сторонника вел. кн. Петра.

Княжна М. А. Меншикова. По стар. русск. гравюрѣ. (Рум. музей).

До Тайной канцеляріи дошли недвусмысленные слухи, что сторонники Петра собираются по ночамъ, агитпруютъ въ его пользу; австріійскій дворъ благопріятствуетъ заговору; такъ какъ австрійскому императору желательно было видѣть своего внука на тронѣ сосѣдняго государства, въ поддержкѣ котораго австріійскій домъ нуждался въ наступающемъ для него династическомъ кризисѣ. Гр. Толстой, „умная голова“ Екатерининской партіи, не на шутку обезпокоился: барометръ Тайной канцеляріи показывалъ надвигающуюся грозу, предотвратить которую дыбой и виской казалось невозможнымъ. Нужно было спасать такъ глупо ускользающій выигрышъ, хотя бы цѣною уступокъ побѣжденной партіи.

Февральскій указъ 1726 года объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ тою отдушиной, чрезъ которую должно было, по мысли его учредителей, безъ взрыва выйти накопившееся недовольство, такъ какъ въ этомъ Совѣтѣ, взявшемъ дѣйствія верховной власти подъ свою опеку, получила свой авторитетный голосъ и оппозиція въ лицѣ кн. Д. М. Голицына; на равныхъ же правахъ съ Меншиковымъ вошли сюда товарищи его по выступленію 1725 года (гр. Толстой, ген.-адм. Апраксинъ, канцлеръ Головкинъ и поднимающаяся вторая „умная голова“ Остерманъ). Партія старины могла теперь считать себя, по крайней мѣрѣ, временно удовлетворенною: съ нею считаются, ее слушаютъ; довольны были и „товарищи“ Меншикова, который теперь подъ ихъ бдительнымъ надзоромъ не могъ вызвать носительницу верховной власти ни на какую вопіющую безтактность, такъ какъ третьимъ пунктомъ одобреннаго императрицей устава предписывалось „никакимъ указамъ прежде не выходить, пока они въ Тайномъ Совѣтѣ совершенно не состоялись“... Не могъ особенно печаловаться и Меншиковъ, потому что съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта суживалась сфера его аттакъ на высшія правительственныя учрежденія: то, что онъ раньше достигалъ столкновеніями и вліяніями въ Сенатѣ, въ трехъ автономныхъ коллегіяхъ (военной, морской и иностр. дѣлъ), теперь онъ можетъ проводить чрезъ одинъ только Совѣтъ, имѣя на своей сторонѣ предсѣдательницу его, Екатерину, и раздѣляя товарищей.

Здѣсь, въ Верховномъ Т. Совѣтѣ, Меншиковъ сдѣлалъ такой маневръ, который ему едва ли когда удавался на полѣ брани: онъ измѣнилъ своей партіи, стоявшей за Екатерину и ея дочерей, и перешелъ на сторону Голицына, вождя партіи в. кн. Петра. Этотъ ходъ, поразившій его не совсѣмъ покорныхъ друзей, попытавшихся взять его подъ надзоръ, былъ не только актомъ мести со стороны Меншикова, но и естественнымъ выводомъ изъ создавшихся къ этому времени „конъюнктуръ“. Это былъ ходъ въ сторону наилучшаго обезпеченія личныхъ интересовъ Меншикова.

Со смертью дряхлѣющей Екатерины опять долженъ былъ стать на очередь вопросъ о престолонаслѣдіи: совершить новый обходъ правъ в. кн. Петра въ пользу одной изъ дочерей Екатерины представлялось теперь дѣломъ крайне рискованнымъ: его партія достаточно показала свою силу только попыткой произвести движеніе въ царствованіе, какъ-никакъ, все же законно вступившей на престолъ государыни. Силу правъ в. кн. Петра признавали теперь даже искренніе приверженцы второй семьи Петра Великаго. Теперь настала очередь и для нихъ искать компромисса для примиренія интересовъ этихъ двухъ семействъ. Остерманъ предложилъ планъ, который былъ болѣе остроуменъ, чѣмъ практически возможенъ, и только характеризовалъ затруднительное положеніе господствующей партіи: онъ предложилъ женить внука Петра отъ первой семьи на дочери Петра Великаго отъ второй жены, на

Елизаветѣ. Екатерина съ заклятыми врагами в. кн. Петра, въ числѣ которыхъ былъ гр. Толстой, создавала болѣе приличный выходъ изъ затруднительнаго положенія. Она всюду выдвигала, какъ свою опору, голштинскаго герцога, женившагося на старшей дочери Петра, Аннѣ. По всѣмъ видимостямъ, послѣдней съ ея „десцендентами“ и хотѣла передать тронъ; но эта комбинація, кромѣ ея непрочности, во всякомъ случаѣ не могла улыбаться Меншикову, хотя бы потому, что, возводя Анну, онъ загребалъ бы своими руками жаръ для герцога голштинскаго, его наперсника, Бассевича, что не входило въ личные планы временщика; а возможный неуспѣхъ дѣла выдавалъ Меншикова съ головою партіи в. кн.; итакъ, уже связь съ голштинцами создала Меншикову въ подпольныхъ кругахъ репутацію Годунова. Не лучше ли перемѣной фронта стать на вѣрный путь, благо на него толкалъ „оракулъ“ Остерманъ и къ нему приманивалъ австрійскій посолъ Рабутинъ, обѣщавшій Меншикову первый освободившійся въ имперіи фьефъ за радѣніе племяннику цесаря? Датскій же посланникъ только и мечталъ объ этомъ, потому что для Даніи, отнявшей у Голштиніи Шлезвигъ, было бы сущей бѣдою, еслибы русскій престолъ очутился въ рукахъ голштинскаго дома. Такъ мало терялъ и такъ много пріобрѣталъ Меншиковъ, измѣняя своей партіи. За него теперь могла ухватиться партія Голицына, его поддерживалъ теперь увидѣвшій въ немъ „умницу“ Остерманъ: они втроемъ составляли половину Верховнаго Тайнаго Совѣта, а если принять во вниманіе безотвѣтность предъ временщикомъ благодарноіі Екатерины, то намъ вполнѣ понятнымъ станетъ, почему Верховный Таіный Совѣтъ, направленный противъ Меншикова, превратился въ игрушку въ его рукахъ. „Что жъ вы молчите,—говорилъ гр. Девьеръ Толстому:—Меншиковъ овладѣлъ всѣмъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ“.—„Меншиковъ что хочетъ,

Императоръ Петръ II. (Романовская галлерея.)

то и дѣлаетъ,—жаловался на временщика его старый товарищъ Бутурлинъ,—и меня, мужика стараго, обидѣлъ, команду отдалъ мимо меня младшему... и откуда онъ такую власть взялъ!“

Старые друзья предупреждали Меншикова противъ союза съ старыми врагами: „Такъ-то онъ знаетъ, кто ему добро дѣлаетъ,—говорили они,—ужъ не думаетъ ли онъ того, что кн. Д. М. Голицынъ съ братомъ и кн. Б. И. Куракинъ и ихъ фамилія допустятъ, чтобы онъ властвовалъ; напрасно онъ думаетъ, что они ему друзья; какъ только великій князь вступитъ на престолъ, то они скажутъ Меншикову: „Полно, миленькій, и такъ ты нами долго властвовалъ,—поди прочь!“

С. Ѳ. Апраксинъ (1702—1760).

Но Меншиковъ зналъ, что дѣлалъ и съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Онъ даромъ не привыкъ оказывать услугъ и за поддержку партіи Голицына потребовалъ неслыханной награды—согласія на бракъ своей дочери съ в. кн. Петромъ. Стать зятемъ и опекуномъ юнаго императора, законнаго наслѣдника престола, это значило много болѣе, чѣмъ разсчитывать на скромную благодарность герцога голштинскаго въ рискованной борьбѣ за его интересы. При такомъ оборотѣ дѣла и новые друзья не осмѣлятся сказать: „Поди прочь!“

Но какъ отнесется къ этому проекту своего друга и благодѣтеля Екатерина: вѣдь отъ нея еще зависитъ многое, вѣдь во имя ея послѣдняго распоряженія можетъ подняться гвардія, ласкаемая въ теченіе всего царствованія ея. Формальная санкція проекту необходима: уступитъ ли она по привычкѣ назойливымъ домогательствамъ временщика, въ ущербъ интересамъ своей семьи, вопреки лелѣяннымъ собственнымъ планамъ на счетъ голштинской фамиліи? Для Меншикова во всякомъ случаѣ это была сторона наименьшаго сопротивленія. Къ старымъ услугамъ, за которыя Екатерина была обязана благодарностью, онъ присоединилъ новую, „фамильную“: уступилъ ей выходца изъ Польши Сапѣгу, присватавшагося къ дочери Меншикова, для родственницы Екатерины, Скавронской, и за эту великодушную уступку потребовалъ награду, тоже фамильнаго характера,—въ видѣ согласія императрицы на бракъ пока еще только великаго князя Петра съ своею дочерью

Екатерина не имѣла силъ отказать властнымъ требованіямъ временщика, несмотря на колѣнопреклоненныя просьбы и протесты плачущихъ дочерей Затѣмъ оставалось вырвать у умирающей Екатерины согласіе, подъ угрозой переворота, на провозглашеніе Петра своимъ „сукцессоромъ“, съ порученіемъ опеки надъ нимъ Верховному Тайному Совѣту, вкупѣ съ обѣими цесаревнами и герцогомъ голштинскимъ, который, впрочемъ, еще до подписанія императрицей этого завѣщанія выслушалъ отъ Меншикова приказъ собираться въ Голштинію, получивъ въ видѣ отступного милліонъ рублей, впрочемъ, со сдачей въ 80 тыс. Меншикову. 7-го мая 1727 г. воцарился Петръ II.

Съ его воцареніемъ, казалось, повторялась старая страница исторіи Россіи въ малолѣтство Грознаго: именемъ малолѣтняго царя управляютъ лица, овладѣвшія волею малолѣтняго государя, при чемъ надъ интересами государства, даже надъ интересами партій, торжествуютъ узкіе интересы торжествующихъ фамилій; заодно начинаются отношенія, которыя впослѣдствіи хорошо охарактеризовалъ современникъ этихъ событій: „русскимъ мяса не надо: они другъ друга ѣдятъ!“

Гр. А. И. Ушаковъ.

Первымъ завладѣлъ волею юнаго императора Меншиковъ: онъ уже при Екатеринѣ безраздѣльно командовалъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, который потому не былъ тронутъ Меншиковымъ, оставившимъ, съ внѣшней стороны, все въ старомъ видѣ. Впрочемъ, Меншиковъ не утерпѣлъ—назначилъ-таки себя генералиссимусомъ, чего тщетно добивался въ два предшествующія царствованія; а затѣмъ перевелъ своего нареченнаго зятя къ себѣ въ домъ, чтобы руководить его воспитаніемъ и заодно сподручнѣе управлять его именемъ. Связавши свои личные фамильные интересы съ интересами верховной власти, Меншиковъ посмотрѣлъ на задачу управленія не взглядомъ наемника и карьериста, а государственнаго человѣка, для котораго интересы имперіи и императора стали личнымъ дѣломъ. Привычною рукою онъ вершитъ дѣла Россіи, съ большой осторожностью выбираетъ себѣ помощниковъ изъ среды старыхъ дѣльцовъ и но-

выхъ союзниковъ; по-отечески серьезно, хотя по-фельдфебельски грубо принимается онъ за воспитаніе императора, поручивши ближайшее завѣдываніе этимъ дѣломъ мастеру на всѣ руки Остерману. Тщетно послѣдній рекомендовалъ Меншикову менѣе принудительное отношеніе къ воспитанію Петра, „чтобы не вдругъ очень на него налегать“,—Меншиковъ былъ педагогомъ Петровской школы, и терять времени не любилъ. Больше того, во имя будущихъ интересовъ своего зятя и настоящихъ нуждъ Россіи Меншиковъ пресѣкалъ такіе порывы своего воспитанника, которые составляютъ слишкомъ интимную и даже хорошую сторону дѣтской души: Меншиковъ отдалялъ Петра отъ его сестры и тетки Елизаветы Петровны, отмѣнялъ распоряженія Петра, посылавшаго этимъ лицамъ подарки изъ лично ему принесенныхъ денегъ, грубо выбрасывалъ изъ дворца слугъ, пріобрѣтавшихъ привязанность Петра, и все это сопровождалъ скучной моралью въ томъ смыслѣ, что государь, молъ, молодъ, цѣны деньгамъ не знаетъ, истинную оцѣнку людямъ давать не можетъ и т. д. Въ результатѣ — охлажденіе Петра къ своему ментору и навязанной Петру невѣстѣ поневолѣ. Охлажденіе это сталъ поддерживать въ своемъ питомцѣ и Остерманъ, испытавшій уже за это время властный тонъ временщика. Съ другой стороны, удары Меншикову готовили новые друзья — Долгорукіе, вліявшіе на императора чрезъ юнаго гофмейстера царя, Ивана Долгорукаго, который своими забавами и разсказами ввелъ Петра въ ту желанную для ребенка область, какой онъ былъ лишенъ суровымъ режимомъ Меншикова.

Меншиковъ, отдѣлившій теперь свое дѣло отъ интересовъ партій, раньше его поддерживавшихъ, все свое вліяніе могъ обосновывать на солидарности своихъ интересовъ съ интересами императора; но интересы императора слишкомъ расходились съ суровыми требованіями Меншикова, и нареченный тесть сразу потерялъ подъ собою опору и встрѣтилъ злорадствующія или равнодушныя лица, когда юный государь отвернулся отъ него. Меншиковъ пробовалъ найти опору у новыхъ союзниковъ—Голицыныхъ, но они были безсильны, да и не расположены особенно поддерживать временщика; не помогъ генералиссимусу и его чинъ: гвардія не пошла бы за своимъ привычнымъ командиромъ противъ законнаго государя. И паденіе Меншикова, оформленное Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, было встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ.

Начался походъ между „фамиліями“ и „персонами“ съ цѣлью овладѣть несовершеннолѣтнею волею Петра. Самыми испытанными и традиціонными доброжелателями Петра II были Голицыны; но они слишкомъ серьезно смотрѣли на задачи воспитанія государя и обязанности управленія; они не лучше Меншикова отнеслись бы къ свободѣ воли императора; къ тому же они ближе другихъ стояли къ Меншикову, и даже, какъ разсказываютъ, фельдмаршалъ кн. М. М. Голицынъ пытался замолвить за сверженнаго времен-

щика на аудіенціи у переживавшаго дни свободы императора. Выборъ императора на Голицыныхъ пасть не могъ, а овладѣть его волей вопреки его волѣ значило послѣдовать по стопамъ Меншикова. Свои явныя симпатіи Петръ дѣлилъ между Остерманомъ, умѣвшимъ „не вдругъ очень налегать на него“, и Долгорукими, очень умѣвшими потакать запросамъ юной природы Петра. Дѣло не обошлось безъ столкновеній между Остерманомъ и Долгорукими. Петръ, несмотря на свой возрастъ, сумѣлъ развести друзей, предоставивши Остерману дѣла, а Долгорукимъ—себя. Поступокъ можетъ казаться даже мудрымъ: имъ какъ бы примирялись двѣ враждующія партіи: нѣмецкая и старорусская, еслибы только Долгорукіе стремились стать проводниками программы своей партіи. На самомъ дѣлѣ они пародировали шаги Меншикова вплоть до обрученія Петра съ княжною своей фамиліи, не умѣя въ то же время возложить на себя по-меншиковски отвѣтственность по воспитанію Петра. „Въ дѣйствіяхъ Долгоруковыхъ этой эпохи,—говоритъ одинъ изъ потомковъ этихъ Долгоруковыхъ, — не было иныхъ побужденій, кромѣ личныхъ, эгоистическихъ, имѣвшихъ цѣлью разбогатѣть, удалить отъ двора всякое вліяніе, кромѣ своего, и пользоваться жизнью и ея наслажденіями, нисколько не считаясь съ правами и достоинствами ближняго. Единственная ихъ заслуга въ томъ, что они не были жестоки; за исключеніемъ трагической исторіи Меншикова, всѣ преслѣдованія и изгнанія этого царствованія отличались мягкостью, и ни одно имущество, кромѣ имущества Меншикова, не было конфисковано“. Зато чванство ихъ доходило до глупости. Оно приняло особо отталкивающіе размѣры во время обрученія Петра II съ Екатериной Долгоруковой. „Каждый Долгоруковъ выражалъ свою радость по-своему, — пишетъ П. В. Долгоруковъ, — въ зависимости отъ своего ума — съ большей или меньшей заносчивостью: Алексѣй Долгоруковъ (отецъ невѣсты), всегда и во всемъ глупый, заставлялъ гостей своихъ цѣловать себѣ руку!“ Даже желанія старо-русской партіи начать реставрацію разрушенныхъ Петромъ Великимъ институтовъ старины Долгорукіе извращали при-

Кн. В Л. Долгорукій.

мѣсью къ этимъ партійнымъ планамъ своихъ фамильныхъ интересовъ. По словамъ цитированнаго автора, умнѣйшій изъ Долгорукихъ, видный дипломатъ времени Петра Великаго, кн. В. Л. Долгорукій, „при помощи... іезуитовъ затѣялъ цѣпь интригъ, изъ которыхъ самой крупной былъ планъ возстановленія патріаршаго сана съ тѣмъ, чтобы возвести въ этотъ санъ кн. Якова Петровича Долгорукова, круглаго дурака, которымъ надѣялись вертѣть по желанію“... Насколько своею погонею удовлетворять инстинктамъ Петра II Долгорукіе отвлекали его отъ серьезныхъ занятій, видно изъ найденнаго въ фамильныхъ бумагахъ кн. Долгорукихъ списка охотничьихъ поѣздокъ Петра II: „Съ февраля 1728 до ноября 1729 г., въ теченіе 21 мѣсяца—243 дня, т.-е. 8 мѣсяцевъ, не считая мелкихъ охотъ въ 2 и 3 дня.—„Гдѣ же тутъ думать объ ученіи и о занятіяхъ государственными дѣлами? Члены дипломатическаго корпуса почти не видѣли государя и очень на это жаловались“.

Простуда во время охоты и смерть четырнадцатилѣтняго императора въ тотъ самый день, когда назначена была его свадьба съ княжною Долгорукой, была не только достойнымъ возмездіемъ для обезумѣвшихъ отъ фавора Долгорукихъ, но и громовымъ ударомъ, глубоко потрясшимъ разные слои русскаго общества, для которыхъ были небезразличны перевороты на тронѣ. Событіе произвело тѣмъ болѣе сильное замѣшательство и волненіе, что къ нему никто не былъ подготовленъ: вѣдь такимъ далекимъ казался жизненный путь четырнадцатилѣтняго императора, что и въ голову никому не приходило думать о преемникѣ ему; если поспѣшили со свадьбой, то это было сдѣлано по волѣ самого императора, который хотѣлъ „рыцарски“ бракомъ прикрыть ожидаемые результаты своихъ отношеній къ „государынѣ—невѣстѣ“. Замѣшательство усиливалось еще отъ того, что со смертью Петра II прекращалась прямая мужская линія Романовыхъ на русскомъ престолѣ, завѣщанія императоръ не оставилъ, а въ силу сфабрикованнаго Долгорукими завѣщанія откровенно не вѣрили они сами.

Два неотложныхъ вопроса стояли на очереди, отвѣтъ на которые никому не былъ ясенъ: при сомнительности права разныхъ членовъ династіи, кто же имѣетъ наибольшія права на престолъ; а, съ другой стороны, кто имѣетъ право взять на себя отвѣтственность разрѣшить династическій вопросъ? При всеобщемъ замѣшательствѣ, казалось, такъ естественно взяться за это дѣло Верховному Тайному Совѣту, формально опекавшему и фактически управлявшему Россіей при юномъ императорѣ; но избирательныхъ и учредительныхъ правъ Совѣту никто не давалъ; Совѣтъ и самъ, очевидно, это понималъ, когда самовольно увеличилъ свой составъ двумя вліятельными въ арміи фельдмаршалами, кн. М. М. Голицынымъ и кн. Долгоруковымъ, бывшими, къ слову сказать, подполковниками обоихъ гвардейскихъ полковъ, и искалъ впослѣдствіи санкціи своему рѣшенію въ „согласіи собравшихся чи-

Буровъ.

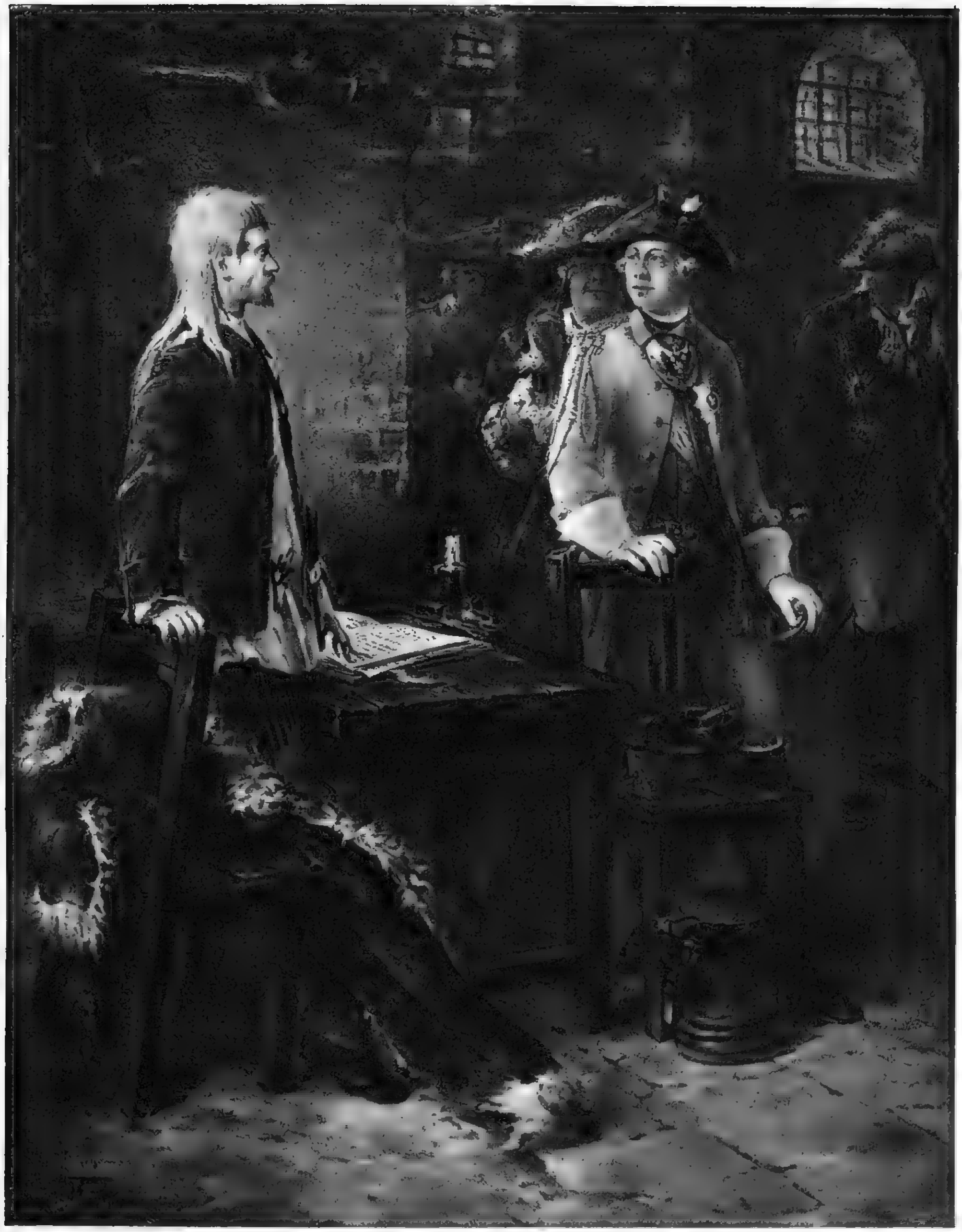
Посѣщеніе Іоанна Антоновича
Императоромъ Петромъ III.

Музей Александра III.

Гіфвоя.

ГОСФПШСНІС ЮЭННЯ ААНШОНОВЧЧЭ

ЧЭЗСЙ ААГАКСЭНАЭА III. ЛМІГСЭГЭМОЭОМГ ГГЭМЭОМГ III.



новъ". Если Верховный Совѣтъ и взялся за рѣшеніе этого дѣла, то былъ ли, по крайней мѣрѣ, хоть кто-нибудь въ немъ подготовленъ къ выясненію упавшаго съ неба вопроса, при чемъ такого выясненія, которое бы вызвало сочувственную поддержку въ командующихъ классахъ встревоженнаго русскаго общества?—вѣдь только въ этомъ случаѣ можно было имъ надѣяться на пріемлемость своего рѣшенія. Описаніе засѣданія Верховнаго Тайн. Совѣта не только отвѣтитъ намъ на вопросъ о подготовленности отдѣльныхъ его членовъ, но и о тѣхъ кандидатурахъ на престолъ, которыя всплыли тогда, такъ сказать, на скорую руку. О совѣщаніи этомъ такъ разсказываетъ кн. П. В. Долгоруковъ, на основаніи письменныхъ фамильныхъ преданій [1]).

Кн. И. А. Долгорукій.

Пока Остерманъ хлопоталъ съ приготовленіемъ тѣла своего царственнаго воспитанника, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта удалились во внутренніе покои на предварительное совѣщаніе о преемникѣ. „Пошли просить и Остермана, но тотъ пришелъ только на минуту и со своей обычной тонкостью заявилъ, что онъ, какъ иностранецъ, не считаетъ себя въ правѣ принимать участіе въ совѣщаніи, въ которомъ будутъ располагать короною Россійской имперіи, прибавивъ, что подчинится мнѣнію большинства, и ушелъ къ тѣлу императора. Верховники размѣстились вокругъ большого стола подъ предсѣдательствомъ стараго канцлера Головкина, кашлявшаго, дрожавшаго и боявшагося остановиться на какомъ бы то ни было рѣшеніи. Правитель дѣлъ Верховнаго Совѣта, Степановъ, готовился писать протоколъ... Засѣданіе велъ кн. Д. М. Голицынъ. Смыслъ его рѣчи былъ слѣдующій: нѣсколько часовъ передъ тѣмъ угасла мужская линія императорской династіи; законныхъ наслѣдниковъ у императора Петра I больше нѣтъ; считаться съ его незаконными дѣтьми нечего; завѣщаніе Екатерины недѣйствительно; Екатерина сама, какъ женщина низкаго происхожденія (выраженія его были крайне рѣзки),

---

1) Нужно замѣтить, что въ этомъ засѣданіи Совѣта присутствовало четыре Долгоруковыхъ. Кромѣ того, цитируемый разсказъ не противорѣчитъ другимъ извѣстіямъ, примиряя ихъ разногласія.

не имѣла права занимать престола, и тѣмъ менѣе располагать россійскою короной; завѣщаніе покойнаго императора (въ пользу „нареченной невѣсты“), только что предъявленное, фальшиво. Здѣсь В. Л. (Долгоруковъ) хотѣлъ его перебить, но фельдмаршалъ Долгоруковъ остановилъ его, заявивъ, что завѣщаніе это, дѣйствительно, фальшиво, что справедливѣе было возвести на престолъ царицу Евдокію (Лопухину): фельдмаршалъ былъ личный другъ царицы и преданъ ей всецѣло. Голицынъ продолжалъ. Доводъ въ пользу Евдокіи онъ отклонилъ, заявивъ, что, отдавая должное достоинствамъ царицы, онъ не можетъ не признать, что она только вдова государя, тогда какъ есть дочери царя Ивана, за коими всѣ законныя права. Выборъ Екатерины Ивановны затруднителенъ: онъ признавалъ за ней всѣ достоинства, но супруга ея считалъ злымъ и опаснымъ глупцомъ. Кандидатура герцогини Анны Іоанновны, по его мнѣнію, была наиболѣе желательна. Кн. Василій Лукичъ (Долгорукій) поспѣшилъ согласиться. Онъ былъ одно время резидентомъ въ Митавѣ, былъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль очень близокъ съ герцогиней и надѣялся, возобновивъ дружбу, подчинить ее своему вліянію. Совѣтъ согласился на избраніе Анны Іоанновны. Тогда Голицынъ заявилъ, что на комъ бы выборъ ни остановился, „надобно себѣ полегчить“, чтобы воли себѣ прибавить. Осторожный Василій Лукичъ усомнился: „Хоть и зачнемъ это, но не удержимъ“. — „Неправда, удержимъ!“ воскликнулъ Голицынъ, и сталъ настаивать на составленіи „пунктовъ“, которые и были написаны на слѣдующее утро подъ диктовку Д. М. Голицына и вошедшаго въ его мысли В. Л. Долгорукаго, и состояли въ обѣщаніи Анны не вступать въ бракъ и не назначать себѣ наслѣдника, а также въ содержаніи Верховнаго Тайнаго Совѣта „въ восьми персонахъ и безъ онаго согласія: 1) ни съ кѣмъ войны не вчинать, 2) миру не заключать, 3) вѣрныхъ подданныхъ никакими податьми не отягощать, 4) въ знатные чины... выше полковничья ранга, не жаловать, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайн. Совѣта, 5) у шляхетства живота, имѣнія и чести не отнимать, 6) вотчины и деревни не жаловать...“ и т. д. „А буде чего посему обѣщанію не исполню,—должна была заключить свое обѣщаніе Анна, — то лишена буду короны россійской“.

Баронъ И. А. Черкасовъ.
(Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ).

Сказанное вполнѣ рисуетъ намъ роль Д. М. Голицына на знаменитомъ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г. Въ то время, когда одни „дрожали“ отъ страха предъ опредѣленными рѣшеніями, другіе неувѣренно предлагали свои кандидатуры, третьи сомнѣвались въ

своихъ способностяхъ довести дѣло до конца, четвертые вовсе уклонялись отъ опасной чести вершить судьбы русской короны и, во всякомъ случаѣ, вначалѣ всѣ „брели врозь“, одинъ только голосъ зазвучалъ увѣренно и убѣжденно, отбрасывая съ дерзкою смѣлостью однѣ кандидатуры и быстро объединяя мнѣнія на своемъ предложеніи съ такой неотразимой силой, что, по словамъ очень освѣдомленнаго Маньяна, на предложеніе Голицына всѣ единогласно воскликнули: „Такъ, такъ! Нечего больше разсуждать, — мы выбираемъ Анну!“ Не безъ продуманной связи этой кандидатуры, неожиданной для всѣхъ, включая и самое кандидатку, стояло второе предложеніе Голицына объ ограниченіи самодержицы въ пользу верховниковъ: чтобы въ два засѣданія въ теченіе одной ночи объединить собраніе съ разными фамильными притязаніями на одномъ рѣшеніи, и не только огорошить головокружительнымъ и крайне рискованнымъ проектомъ, но и заставить принять и подписать его, для этого нужно было явиться въ собраніе съ вполнѣ разработаннымъ планомъ дѣйствія, съ продуманными рѣчами и съ всесторонне взвѣшенными интересами и переживаніями своихъ товарищей. Такія нервирующія перспективы пережилъ хотя бы одинъ Василій Лукичъ Долгорукій во время рѣчи Голицына,—отъ роли временщика у трона племянницы до положенія поддѣлывателя завѣщанія, а отсюда къ перспективѣ фаворита при когда-то благосклонной кандидаткѣ и до вліятельнаго положенія въ оли-

Князь А. М. Черкасскій. (Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

гархическомъ учрежденіи, гдѣ половина членовъ будетъ одноіі его фамиліи! Или эта рѣзкая реплика въ непередаваемыхъ выраженіяхъ по адресу „незаконныхъ дѣтей Петра I“, вызванная напоминаніемъ архіеп. Ѳеофана о завѣщаніи Екатерины въ пользу малолѣтняго герцога голштинскаго и его тетки в. кн. Елисаветы Петровны,—развѣ не рисуетъ намъ Голицына идущимъ напроломъ съ сознаніемъ правоты своего дѣла, неувѣренности окружающихъ и продуманности „конъюнктуръ“ этого для всѣхъ неожиданнаго выступленія?

Кн. Д. М. Голицына мы уже встрѣчали въ царствованіе Екатерины и ея преемника. Строгій сторонникъ „законноі семьи“ Петра Великаго, онъ сталъ открыто во главѣ немногихъ противъ Екатерины I при ея воцареніи, вызвалъ панику въ рядахъ господствующей партіи въ царствованіе Екатерины и достигъ одной только своей угрожающей, но непроявленноі открыто оппозиціей созданія Верховнаго Тайнаго Совѣта, который, можетъ-быть, организованъ былъ не безъ его руководства, и, одинокій представитель своей партіи въ Совѣтѣ, онъ перетянулъ временщика на свою сторону и достигъ торжества законнаго наслѣдника Петра I; но и тутъ успѣхами дѣла жизни его воспользовались другіе выскочки, способные идти на все, лишь бы добиться фавора, а чрезъ него—власти. Уязвленный въ своихъ вельможныхъ чувствахъ, поруганныхъ еще при Петрѣ I и игнорируемыхъ въ два слѣдующихъ царствованія, кн. Д. М. Голицынъ задумывался, конечно, не одинъ разъ надъ порядками своей родины и не одинъ разъ сравнивалъ ихъ съ порядками другихъ странъ, именно тѣхъ, гдѣ вельможность играетъ роль не столь унизительную, какъ въ Россіи, и по праву рожденія, какъ и по дарованьямъ вершитъ дѣла государственныя, не допуская верховную власть злоупотреблять ея болѣзнями и слабостями — фаворомъ и произволомъ. Эти мысли могли попутно рождаться въ головѣ кн. Д. М. Голицына, когда онъ въ роли президента камеръ-коллегіи приспособляетъ „по своему соображенію“ пункты шведскаго регламента областного и центральнаго управленія, если они были „несходны съ ситуаціей сего государства“. Не даромъ онъ приказалъ перевесть для личнаго употребленія съ шведскаго языка всѣ матеріалы по государственному праву Швеціи, которые удалось достать, по порученію Петра Великаго, гамбуржцу Фику. Не одинъ разъ этотъ республиканецъ на службѣ у самаго неограниченнаго монарха, какимъ былъ Петръ Великій, являлся въ домъ своего непосредственнаго начальника Д. М. Голицына, чтобы за трубкой табаку, попросту, безъ чиновъ, побесѣдовать съ нимъ, столпомъ старобоярской партіи, „о старой и новой исторіи, также о различіяхъ между религіями“. Не только практика, но и теорія западной политической мысли и государственнаго права занимали умъ „не обрѣтавшагося въ авантажѣ“ при Петрѣ вельможи. Въ его знаменитой архангельской библіотекѣ находилось 334 названія книгъ только „на россійскомъ языкѣ—историческихъ, гражданскихъ (т.-е. политическихъ) и прочихъ свѣтскихъ рукописныхъ, которыя

вошли въ реестръ, при конфискаціи имущества Д. М. Голицына; но, кромѣ того, при описи его имущества было „отобрано книгъ голландскаго, шпанскаго, аглинскаго и швецкаго языковъ, изъ которыхъ имѣющіеся при разборѣ книгъ переводчики объявили, что они показанныхъ языковъ не знаютъ“; небезынтересно отмѣтить, что на „вышній судъ“, сооруженный надъ Д. М. Голицынымъ, было доставлено однихъ только сочиненій Макіавелли— 16 книгъ, Баккалили — 4;

были здѣсь также и менѣе крамольныя сочиненія Томазія, Гроція и Локка. Эта справка лучше всего объясняетъ намъ какъ подготовленность и находчивость Д. М. Голицына въ то время, когда смерть Петра всѣхъ его товарищей выбила изъ колеи, такъ и то, почему продиктованныя имъ „кондиціи“ ограниченія Анны Іоанновной являются простымъ сколкомъ съ шведскихъ государственныхъ актовъ 1720 года, въ той ихъ части, гдѣ они воспроизводятъ долю конституціоннаго участія шведскаго государственнаго совѣта въ верховной власти. Швеція при посредствѣ Фика дала не только абсолютному Петру I образцы центральнаго и областного управленія подданными, но и его подданнымъ при содѣйствіи того же Фика показала способъ ограниченія оставленной Петромъ власти для своихъ не совсѣмъ счастливыхъ преемниковъ.

Гр. И. А. Остерманъ. (Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ.)

Но если сказанное объясняетъ намъ блестящій успѣхъ выступленія кн. Голицына въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и въ пріемной курляндской герцогини Анны Іоанновны, то для выясненія конечной неудачи этого выступленія мы должны будемъ обратиться къ инымъ сферамъ русской жизни.

Вѣсть о рѣшеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта избрать императрицею Анну Іоанновну вызвала почти единодушное одобреніе. Но ограничительныя „затѣйки“ и „обманное ловительство“ верховниковъ, какъ называли современники „кондиціи“, вызвали если не всеобщій протестъ, то испепеляющую критику, исходящую изъ разныхъ партійныхъ соображеній, которыя быстро намѣтились въ то время, не безъ вліянія этихъ „затѣекъ“. Въ Москву въ то время съѣхалось все, что было въ Россіи выдающагося въ чиновномъ титулованномъ и служиломъ мірѣ на предполагаемую свадьбу императора въ тотъ самый день, когда его не стало. Съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи чины вмѣстѣ съ московскими обывателями и явились случайно выразителями того мнѣнія земли, къ которому въ XVII в. спеціально обращались въ аналогичныхъ случаяхъ. Рѣшеніе верховниковъ естественно и поступило на судъ служилой Россіи, собравшейся въ первопрестольной.

Отношеніе къ кондиціямъ разслоило чиновный и служилый людъ на группы, выставившія на ряду съ критикой плана верховниковъ и свои положительныя программы, отвѣчающія ихъ групповымъ и соціальнымъ интересамъ.

Явно намѣтилась партія неограниченнаго самодержавія, враждебная по принципу „затѣйкамъ“ верховниковъ. Ея лозунгами было: „Старое и отъ прародителей воспріятое государства правило удержать непремѣнно“. Подъ этимъ знаменемъ объединились довольно пестрые элементы. Въ числѣ ихъ стали родственники и фамильные доброжелатели Анны Іоанновны, думавшіе при ея самодержавномъ управленіи выдвинуться въ качествѣ родственниковъ и ближайшихъ довѣренныхъ лицъ; таковы: Салтыковы, Ромодановскіе, родственники Анны по женской линіи, и ихъ пріятели Трубецкіе, Головкины и пр. „Хмурились иностранцы и нѣмцы“ русской службы при вѣсти о „затѣйкѣ“. Это была партія, которая ничего добраго не ожидала для себя отъ ограниченія самодержавія учрежденіемъ, въ составъ котораго входило 6 лицъ, принадлежавшихъ къ двумъ вельможнымъ фамиліямъ, извѣстнымъ своею оппозиціей къ „нѣмецкому“ направленію предшествующихъ царствованій. Для нихъ было важнымъ симптомомъ, что въ число верховниковъ попало только два „птенца Петра“: Остерманъ и Головкинъ, и господствующая при Петрѣ и Екатеринѣ I партія становилась въ еще болѣе ограниченное положеніе, чѣмъ партія старины при Екатеринѣ I: Головкину и Остерману не на кого было опираться въ своихъ выступленіяхъ въ Совѣтѣ, и положеніе ихъ было тамъ крайне не прочно: одна „помазка по губамъ“ изъ милости, которая всегда можетъ быть смѣнена на гнѣвъ. Немудрено, что Остерманъ съ Головкинымъ были въ самомъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ ненадежными приверженцами его „затѣйки“, естественными вождями „нѣмецкой партіи“. Раздававшіяся въ это время рѣчи противъ направленія Петровскихъ дѣлъ всю вину сваливали на нѣмцевъ: „Послѣ того, какъ вы, иностранцы, внушили Петру I,

что войско слѣдуетъ держать всегда, намъ нечего помышлять о покоѣ... Старинные цари поступали съ побѣжденными, какъ съ побѣжденными, дѣлили между дворянствомъ ихъ земли; а на мѣсто того ливонцы чуть у насъ на головахъ не пляшутъ и пользуются большими льготами, чѣмъ мы сами". Такія рѣчи запугивали и, во всякомъ случаѣ, не располагали иноземцевъ въ пользу верховниковъ, столповъ русскаго вельможества съ его московскими традиціями. Не даромъ осторожные верховники старались успокоить эту „нѣмецкую" партію заявленіемъ, что „лифляндцы и эстляндцы, какъ шляхетство, такъ и гражданство, будутъ содержаны равною ея импер. величества милостью, какъ и россійское, и во всемъ поступаться будетъ по ихъ правамъ и привилегіямъ; также и къ прочимъ иноземцамъ, которые теперь находятся и впредь будутъ находиться въ русской службѣ, имѣть почтеніе и склонность ко всякой любви и по контрактамъ жалованіе будетъ неотъемлено".

Императрица Анна Іоанновна. Растрелли. (Музей Александра III).

Но если „хмурились" лица, которыя не ожидали для себя отъ „затѣйки" верховниковъ ничего добраго въ будущемъ, то тѣмъ болѣе враждебна была имъ группа вліятельныхъ лицъ, которая такъ или иначе уже потерпѣла отъ верховниковъ, или не получила ожидаемаго. Къ числу
такихъ относится третій фельдмаршалъ кн. Трубецкой и бывшій оберъ-прокуроръ Петровскаго Сената непстовый Ягужинскій, которые очень разсчитывали попасть въ Верховный Совѣтъ, и до этого сочувствовали „прибавкѣ воли" боярству, но когда очутились за бортомъ командующаго учрежденія, то всѣми силами души возненавидѣли верховниковъ и ихъ „затѣйку". Въ числѣ недовольныхъ по фамильнымъ счетамъ были Антіохъ Кантемиръ и

гр. Матвѣевъ, первый изъ ненависти къ Голицынымъ, лишившимъ его наслѣдства, второй—оскорбленный временщиками Долгорукими.

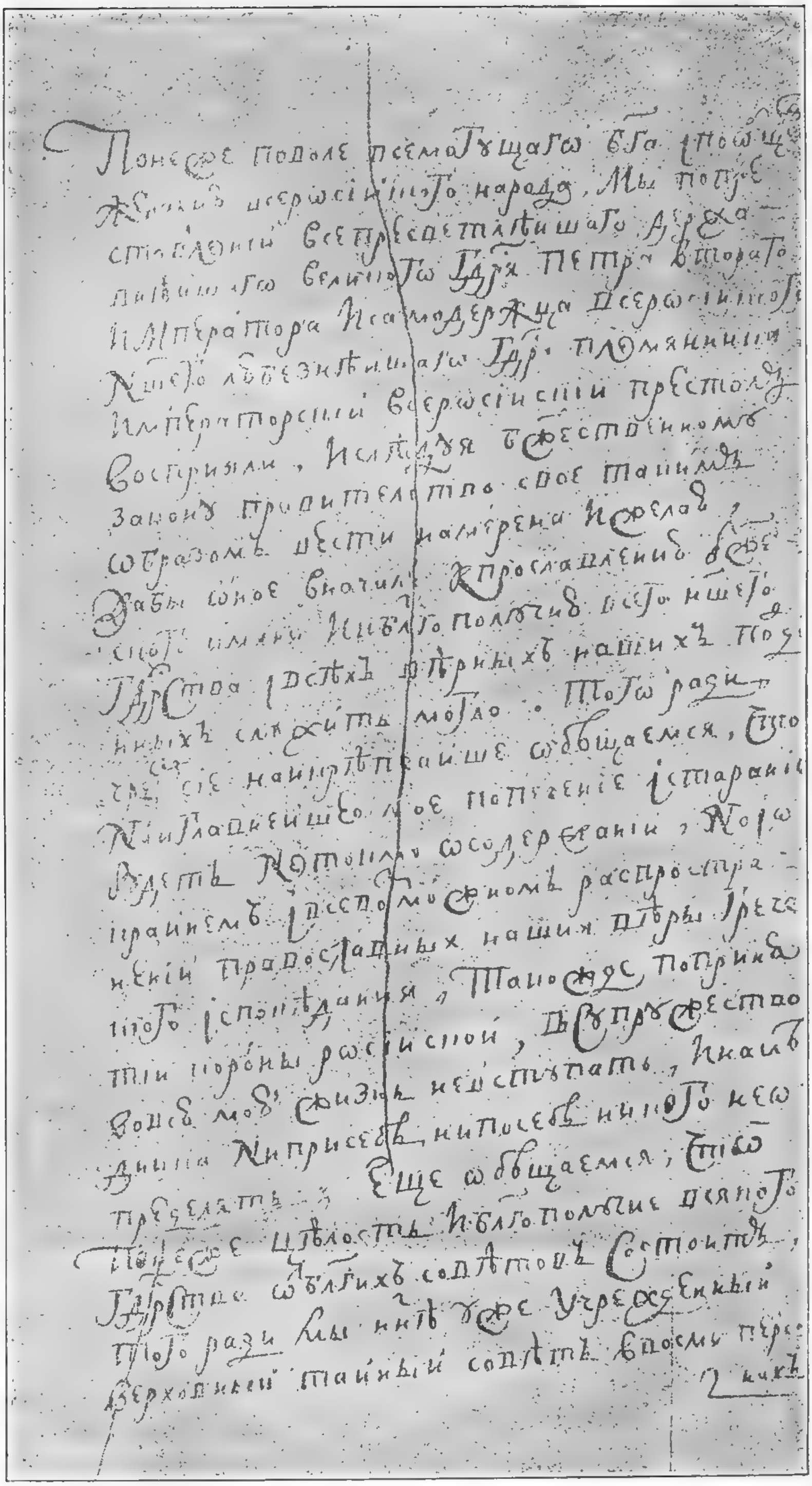
Синодальное духовенство во главѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ также враждебно относилось къ „кондиціямъ“, отчасти по соображеніямъ принципіальнаго характера. Съ торжествомъ Голицыныхъ и Долгорукихъ синодальному строю грозила опасность: мы уже говорили о проектѣ Долгорукихъ возстановить патріаршество; партія старины не могла забыть участія Ѳеофана Прокоповича въ отстраненіи семьи Алексѣя отъ престола, заодно трактовала его, какъ еретика и лютера, продавшаго церковь; кн. Д. М. Голицынъ не скрывалъ своего презрѣнія къ духовенству за его радѣніе Екатеринѣ I и дочерямъ Петра Великаго.

Естественно, синодальное духовенство не могло сочувствовать возвышенію верховниковъ, и всѣми силами постаралось провалить ихъ „обманное ловительство“, тѣмъ болѣе, что въ его рукахъ были сильныя средства противодѣйствія. Ѳеофанъ служитъ молебенъ и какъ бы по традиціонной формѣ всенародно молится за „самодержицу“ Анну; поднимаетъ цѣлую бурю изъза перемѣны формы присяги, готовый съ амвона отказаться приводить народъ къ присягѣ по нововымышленной верховниками небывалой формулѣ; въ преподнесенной Аннѣ рѣчи, которую произнести ему не позволили верховники, Прокоповичъ умиляется милостью Божіей, награждающей императрицу за перенесенные ею „страхъ, тѣсноту и неслыханное гоненіе отъ неблагодарныхъ рабовъ и всецѣло безбожныхъ злодѣевъ“. Строгій контроль, которымъ верховники стремились изолировать Анну отъ приверженцевъ ея самодержавія, духовенство использовало, какъ агитаціонное средство противъ „замахъ“ верховниковъ: „Смотрите,—говорили они,—она никуда не показывается, народъ не видитъ ея, не встрѣчаетъ радостными криками; кн. Василій Лукичъ стережетъ ее, какъ драконъ; неизвѣстно, жива ли она, и если жива, то насилу дышитъ... Симъ и симъ подобныя, когда вездѣ говорено,—разсказываетъ самъ Ѳеофанъ о своей агитаціи,—у другой компаніи (приверженцевъ самодержавія) ревность жесточала, воспламенялась; видать было, что нѣчто весьма страшное умышляютъ“...

Больше того, Ѳеофанъ ухитрялся провести самого „дракона“, когда передавали Аннѣ записки отъ ея приверженцевъ, въ преподнесенныхъ ей часахъ.

Но главную силу этой „другой компаніи“ составляло враждебное верховникамъ настроеніе части гвардіи.

Прошло то время, когда гвардейскіе полки воодушевленно шли за своими привычными вождями на защиту интереса семьи обожаемаго императора. Теперь самые недалекіе изъ гвардіи видѣли, какъ использовали выступленіе гвардіи въ свою пользу честолюбцы и ничтожества, бывшіе при Петрѣ Великомъ „не въ авантажѣ“, а теперь беззаконно и нагло третирующіе полки



„Кондиціи", разорванныя Императрицей Анной Іоанновной.

и ихъ офицерство, уважаемые самимъ великимъ императоромъ. Свѣжо еще было у всѣхъ на памяти, какъ въ день обрученія Петра II съ княжною Долгорукой фаворитъ кн. Иванъ Долгорукій далъ приказъ подполковнику Юсупову ввести цѣлый батальонъ Преображенскаго полка въ Лефортовскій дворецъ для предотвращенія ожидаемыхъ протестовъ, и Юсуповъ, позволявшій себя третировать и отзывавшійся на грубый окрикъ Алексѣя Долгорукаго — „Эй, ты, татаринъ!“ — поторопился исполнить незаконное требованіе фаворита безъ разрѣшенія фельдмаршала, старшаго подполковника полка.

Н. Б. Долгорукова вспоминаетъ, какъ въ день встрѣчи Анны часть гвардейцевъ кричала ей вслѣдъ, узнавши въ ней невѣсту фаворита Ивана Долгорукова: „Прошло ваше время,—теперь не старая пора!“

Гвардія противъ Долгорукихъ, изъ которыхъ 3 засѣдало въ Верховномъ Совѣтѣ, а между тѣмъ верховники четвертымъ пунктомъ „кондицій“ вырвали у Анны согласіе, чтобы „гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“. Если вѣрить Лефорту, гвардія ясно высказалась противъ „затѣйки“. Фельдмаршалъ кн. В. В. Долгоруковъ предложилъ Преображенскому полку присягнуть государынѣ и Верховному Тайному Совѣту, но получилъ отвѣтъ, что если онъ будетъ настаивать на этомъ, то ему ноги переломаютъ... Едва ли только однѣ обиды, полученныя гвардіей отъ верховниковъ, отбрасывали ее во враждебный верховникамъ лагерь. Были и болѣе глубокія основанія противиться ограничительнымъ попыткамъ Го-

Растрелли. Арапчонокъ, подающій державу имп. Аннѣ Іоанновнѣ. (Музей Александра III.)

лицыныхъ и Долгорукихъ; возраженія военщины ясно формулировалъ Волынскій: „Боже сохрани, чуть не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій,—писалъ казанскій губернаторъ,—и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадаемъ и принуждены будемъ горше прежнева идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать: одинъ будетъ миловать, а другіе, на того ярясь, вредить и губить станутъ“... Олигархія вредна и для военнаго успѣха: „Не допусти, Боже, если при власти верховниковъ война у насъ будетъ“: гдѣ потребно сосредоточеніе власти, тамъ будутъ руководить многіе: въ распоряженіяхъ „голосовъ сообразить никакъ невозможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того... въ годъ не сдѣлаютъ“.

Къ тому же, при правленіи знати, шляхетству грозятъ несправедливые налоги и поборы: „что положено будетъ (подати или рекрутъ), то будетъ на главныхъ въ доимкахъ (недоимкахъ), и мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ“. Опасенія эти раздѣлялись болѣе или менѣе всѣмъ шляхетствомъ и, слѣдовательно, служилымъ цвѣтомъ его—гвардіей.

Поддержка самодержавія противъ „затѣйки“ верховниковъ вытекала изъ чувства самосохраненія всѣхъ перечисленныхъ группъ, сильныхъ своимъ опытомъ и поддержкой гвардіи.

Но ограничительная попытка верховниковъ не встрѣтила поддержки и въ тѣхъ кругахъ чиновнаго люда и шляхетства, которые въ принципѣ были не противъ ограниченія самодержавія.

Что ни говорятъ въ защиту широкихъ конституціонныхъ плановъ верховниковъ, но даже самые талантливые ихъ адвокаты согласны въ томъ, что ихъ конституціонный проектъ былъ строго олигархическимъ: верховная власть ограничивалась только восемью лицами, изъ которыхъ 6 были представителями двухъ вельможныхъ фамилій; уступки, сдѣланныя ими впослѣдствіи, не говорятъ еще о широтѣ и искренности ихъ конституціонныхъ замысловъ, во-первыхъ, потому, что онѣ сдѣланы послѣ того, когда верховники убѣдились, что арестами и застращиваніемъ противной партіи не запугаешь, а, во-вторыхъ, предоставленное генералитету, шляхетству, духовенству и купечеству вліяніе на управленіе и законодательство было чисто совѣщательнымъ, и притомъ безъ всякихъ гарантій.

Конституціоналисты изъ генералитета и шляхетства ставили верховникамъ въ упрекъ прежде всего узурпацію послѣдними учредительныхъ правъ, съ игнорированіемъ мнѣнія „общенародія“: „Хотя бы (верховники) преполезное нѣчто усмотрѣли, однакожъ скрывать то передъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ (Сенату) не сообщать—непріятно то и смрадно пахнетъ“.

Еще болѣе „смрадно пахло“ для Сената и генералитета то обстоятельство, что, по прокту верховниковъ, ограниченіе самодержавія направлялось въ

пользу только 8 знатныхъ персонъ, не прибавляя ни капли „воли“ генералитету и другимъ „правительствующимъ особамъ“. Какъ и слѣдовало ожидать, генералитетъ въ своемъ конституціонномъ проектѣ, принадлежащемъ перу извѣстнаго историка-инженера Татищева, потребовалъ включенія въ составъ ограничивающаго самодержавіе учрежденія генералитета и вообще высшихъ чиновъ: на мѣсто Верховнаго Тайнаго Совѣта долженъ былъ, по проекту Татищева, стать Сенатъ въ числѣ 21 члена, включая сюда и наличный составъ Верховнаго Совѣта,—это „вышнее правительство“. Для занятія „внутренней экономіей“ организуется „нижнее правительство“ изъ 100 членовъ. Соединеніе того и другого образуетъ „вышнее собраніе“, которое вѣдаетъ важнѣйшими вопросами государственной жизни (война, провозглашеніе государя и т. д.). Выборы въ эти собранія, какъ и на высшія должности, происходятъ въ „вышнемъ собраніи“ при участіи всѣхъ генераловъ или всѣхъ президентовъ коллегій, смотря по характеру замѣщаемой должности. Проектъ этотъ явно выражаетъ узкіе интересы того круга, изъ котораго онъ вышелъ — высшихъ государственныхъ чиновъ, генералитета и Сената. Онъ одинаково „скверно пахъ“ какъ для верховниковъ, растворяя ихъ „право“ въ массѣ „правительствующихъ особъ“, такъ и для средняго шляхетства, которое отстранялось генералитетомъ и высшими чинами даже отъ того вліянія на дѣла государственнаго управленія, какое уступалось ему верховниками. Немудрено поэтому, что шляхетство выступило съ своимъ проектомъ, въ которомъ „Верховный Совѣтъ“ состоялъ изъ 21 члена, Сенатъ оставлялся въ его подчиненномъ положеніи; для обсужденія дѣлъ высокой государственной важности организуется особое собраніе изъ „вышняго правительства“—Сената, генералитета и шляхетства. На высшія государственныя

Э. І. Бирон. (Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ.)

должности выбираетъ особое сточленное собраніе, куда входятъ генералитетъ in corpore и представители отъ шляхетства.

И проектъ генералитета, и проектъ шляхетства согласны въ одномъ: въ уничтоженіи Верховнаго Совѣта въ его настоящемъ видѣ и въ расширеніи его состава въ пользу генералитета и шляхетства. Выше уже было сказано о неудовлетворительности уступокъ, какія дѣлали верховники своимъ оппонентамъ слѣва, и Верховный Тайный Совѣтъ долженъ былъ такимъ образомъ отстаивать свое положеніе и противъ конституціоналистовъ, и противъ партіи самодержавія: онъ не выдержалъ, когда эти два лагеря объединились въ борьбѣ противъ верховниковъ, и Аннѣ не представлялось большого труда разорвать ту ограничительную грамату, которую она недавно добровольно подписала, тѣмъ болѣе, что всѣ группы, на которыя распалось ограничительное направленіе, представили взаимно исключающіе другъ друга проекты, слѣдовательно, не удовлетворить ни одинъ изъ нихъ значило удовлетворить всѣхъ, поскольку ни одна группа не получала предпочтенія; съ другой стороны, всѣ партіи, на которыя распалось все мыслящее и сильное въ это время, въ своихъ desiderata выставили удивительно согласное требованіе, удовлетвореніе котораго, не посягая на прерогативы самодержавной власти, было вполнѣ въ ея волѣ и силѣ и явилось бы наградой за возстановленіе самодержавія, вырваннаго верховниками „обманнымъ ловительствомъ“, по убѣжденію большинства участниковъ событія: я разумѣю служебныя и сословныя привилегіи шляхетству, сводившіяся по требованію всѣхъ проектовъ 1) къ сокращенію срока государственной службы, первоначально пожизненнаго, 2) къ отмѣнѣ ненавистнаго закона о единонаслѣдіи и 3) къ заведенію Шляхетскаго корпуса, откуда дворянскія дѣти выходили бы въ службу въ офицерскихъ чинахъ. Анна въ теченіе своего царствованія удовлетворила это единодушное желаніе разныхъ степеней шляхетства и чиновъ, какъ удовлетворила другое единодушное требованіе тѣхъ же группъ и партій въ области политической—уничтожила Верховный Тайный Совѣтъ, поставивши на его мѣсто Сенатъ изъ 21 члена съ правами подчиненнаго императрицѣ высшаго правительственнаго учрежденія имперіи.

Происшедшее во дворцѣ въ 1730 г. 25 февраля, когда Анна Іоанновна разорвала подписанныя ею „кондиціи“, нашло себѣ образную оцѣнку въ устахъ все потерявшаго кн. Д. М. Голицина: „Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными. Знаю, что я буду жертвою неудачи этого дѣла,—такъ и быть: пострадаю за отечество; мнѣ уже немного остается, а тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать долѣе моего“.

Голицыну не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать правду царствованія Анны и Бироновщины: для этого нужно было помнить прошедшее, знать русскую среду, ея нравы и характеръ внезапной самодержицы. Анна Іоанновна, столь неожиданно для всѣхъ, не исключая самой себя, по-

лучившая корону русской имперіи цѣною ограниченія власти предшественниковъ, и еще неожиданнѣе однимъ движеніемъ своихъ рукъ разорвавшая „кондиціи“, достигла возстановленія самодержавія не въ силу какой-либо придворной интриги, ни тѣмъ менѣе въ силу своихъ личныхъ плановъ и способностей, а по обстоятельствамъ, на первый взглядъ, крайне курьезнаго свойства. Благородное шляхетство, испугавшись перспективы имѣть „восемь тирановъ вмѣсто одного деспота“ и не сумѣвши занять мѣсто въ приготовленной для нихъ другими трапезѣ, предложило Аннѣ неограниченное самодержавіе въ благодарность за „милостивое“ съ ея стороны согласіе ограничить самодержавную власть своихъ предковъ. Такъ и говорилось въ шляхетской петиціи, приподнесенной Аннѣ 24 февраля: „Ваше императорское величество всемилостивѣйше изволили... наше прошеніе объ лучшемъ утвержденіи и пользѣ отечества... подписать, въ знакъ нашего благодарства всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные предки имѣли“.

Эрнестъ Бпронъ. По стар. гравюрѣ. (Публичная библіотека.)

Анна исполнила просьбу своихъ подданныхъ. Для совершенія этого акта государственной важности ей даже не потребовалось съ кѣмъ бы то ни было совѣтоваться: это было съ ея стороны столь же непосредственный поступокъ, какъ и то, что она при встрѣчѣ съ гвардейцами въ видѣ монаршей ласки собственноручно поднесла имъ по чаркѣ водки и провозгласила себя

ихъ полковникомъ, на радости свиданія забывши, что дѣлать этого она не смѣла въ силу 4 пункта „кондицій“. Все это поступки, которые смогъ бы совершить и блаженной памяти родитель ея, царь Іоаннъ Алексѣевичъ, и совсѣмъ не ея вина, что эти безхитростные поступки имѣли важныя государственныя послѣдствія для дѣла, на которое кн. Д. М. Голицынъ потратилъ столько усилій и заботъ. Дѣло тутъ, какъ мы знаемъ, не въ личности Анны Іоанновны, которая не была слишкомъ сложною натурой. До насъ дошли двѣ ея характеристики, набросанныя современниками по первому впечатлѣнію въ разные періоды ея жизни. Въ 1724 г. герцогъ голштинскій сдѣлалъ въ Петербургѣ Аннѣ Іоанновнѣ визитъ, и бывшій при этомъ камеръюнкеръ Берхгольцъ, большой мастеръ мѣткихъ характеристикъ, разсказываетъ: „Она (герцогиня курляндская) приняла его высочество очень ласково, но не просила его садиться и не приказывала разносить вино, какъ обыкновенно здѣсь водится. Герцогиня — женщина живая и пріятная, хорошо сложена, не дурна собою и держитъ себя такъ, что чувствуешь къ ней уваженіе“. Черезъ 6 лѣтъ, изъ окна дворца, уже императрица Анна Іоанновна произвела на кн. П. Б. Шереметеву, невѣсту П. А. Долгорукаго, совсѣмъ другое впечатлѣніе: „Во дворцѣ, въ одной отхожей комнатѣ, я сидѣла, гдѣ церемонію видѣла,—разсказываетъ Наталья Борисовна.—Она (Анна Іоанновна) шла мимо тѣхъ оконъ, подъ которыми я была, и тутъ послѣдній разъ видѣла, какъ мой женихъ командовалъ гвардіей; онъ былъ майоръ, отдавалъ ей честь на лошади. Подумайте, каково мнѣ глядѣть на сіе позорище! И съ того времени въ жизни своей я ее не видала. Престрашнаго была взору. Отвратное лицо имѣла; такъ была велика, когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста“... За шесть лѣтъ едва ли Анна могла такъ измѣниться, имѣя всего 37 лѣтъ отъ роду: думается, что въ этой характеристикѣ изъ окна много субъективнаго, навѣяннаго послѣдующими для П. Б. несчастіями, связанными съ именемъ Анны: здѣсь больше впечатлѣнія отъ ея царствованія, чѣмъ отъ ея вида; но ея богатырская неуклюжая фигура и

Императрица Анна Іоанновна. По стар. рус. гравюрѣ. Собр. Ровинскаго. (Румянц. музей.)

грубый мужской голосъ произвели сильное впечатлѣніе даже и на гвардейцевъ, встрѣтившихъ ее въ одной изъ подмосковныхъ. Это была грубая, тяжелая натура, къ тому же не смягченная ни сердечнымъ отношеніемъ къ себѣ въ дѣтствѣ, ни послѣдующею жизнью въ Курляндіи. Мать ея, властная, вздорная ханжа и злой человѣкъ, деспотически обращалась съ нею и совершенно серьезно прокляла ее за отношенія къ Бестужеву-Рюминy, ставшему необходимымъ молодой вдовѣ курляндскаго герцога. Бракъ по политическому разсчету державнаго дяди, а не по внутреннему влеченію, не принесъ счастья Аннѣ, да къ тому же былъ непродолжителенъ. Затѣмъ началось горькое вдовье положеніе, съ опасеніемъ, что въ Курляндіи поляки отберутъ ея столовыя имѣнія, съ грубымъ невниманіемъ со стороны родственниковъ въ Россіи; а тутъ еще безтактное вмѣшательство петербургскаго двора въ ея личную жизнь (отозваніе отъ нея Бестужева), запрещеніе выйти замужъ за Морица Саксонскаго, кандидата въ герцоги Курляндіи, косые взгляды и рѣзкіе намеки. Приходится предъ всѣми заискивать, всѣмъ угождать, писать къ „неблагодарнымъ рабамъ“ раболѣпныя письма. „Вашей свѣтлости многія милости ко всѣмъ людямъ показаны,—писала Анна Меншикову, ставшему нареченнымъ тестемъ Петра II,—также и государыня матушка, и всѣ мы много отъ вашей свѣтлости одолжены. И съ покорностью прошу вашу свѣтлость: какъ прежде я имѣла вашей свѣтлости къ себѣ любовь и милость, тако и нынѣ, и по нынѣшнему съ вами свойству меня не оставить, но содержать въ милости и протекціи“. Но „неблагодарный рабъ“ даже не отвѣчаетъ на это искательство: Бестужева не возвращаютъ. Курляндская вдова замѣстила опустѣвшее мѣсто Бирономъ; въ отместку Бестужевъ „чрезъ свою диспозицію разорилъ“ свою покровительницу: „подлинныя доказательства мои... на вдовьи маятности (маетности) тайно утащилъ“... „Неблагодарный рабъ“ въ Петербургѣ свергнутъ; но на его мѣсто другіе; и пронырливый Бирон старается задобрить новыхъ фаворитовъ, но какъ? Бирон, при встрѣчѣ съ кн. Пв. Долгорукимъ въ Москвѣ, обѣщалъ ему сыскать породистую собаку;

Э. Бирон.

по возвращеніи въ Митаву дворъ Анны только и былъ занятъ исполненіемъ этого обѣщанія: „Доношу вашему высочеству, — пишетъ Анна в. кн. Натальѣ Алексѣевнѣ,—что нѣсколько собакъ сыскано, а прежде августа послать невозможно: охотники сказываютъ, что испортить можно, если въ нынѣшнее время послать. И прошу ваше высочество донести государю братцу о собакахъ, что сысканы и еще будемъ стараться“. Затѣмъ неожиданное счастье: предложенье стать русской императрицей, но вмѣстѣ съ тѣмъ новое униженіе: ограничиваютъ не только власть, но и личную жизнь: дѣтей отъ Бирона взять можно, но самого Бирона ни въ какомъ случаѣ! Больше того, Василій Лукичъ, передъ сообщеніемъ важныхъ вѣстей изъ Россіи, не только предложилъ Бирону выйти изъ кабинета, но собственноручно вытолкалъ его, когда Биронъ не послушался. И послѣ всѣхъ этихъ оскорбленій — неограниченная власть вмѣстѣ съ ожесточеніемъ противъ „неблагодарныхъ рабовъ“! Въ 37 лѣтъ характеръ сформировался, привычки сложились: отъ всего вѣетъ жестокостью, грубыми вкусами и безсердечностью: ни одной черты женственности... Анна, сдѣлавшись неожиданно императрицей, устроила свою жизнь согласно съ своими тайными желаніями. Больше всего, кажется, любила Анна охоту, не ту охоту, которая воспитываетъ художественныя чувства и доводитъ охотника царя Алексѣя до лиризма въ его трактатѣ о соколиной охотѣ, а охоту въ смыслѣ убійства беззащитнаго животнаго.

Говорятъ, что у Анны во дворцѣ стояло всегда заряженное ружье, изъ котораго она стрѣляла изъ окна въ пролетавшихъ птицъ. „С-Петербургскія Вѣдомости“ съ умиленіемъ сообщали, что 14 марта 1737 г. „Е. И. В., Всемилостивѣйшая Государыня, изволила потѣшаться охотой на дикую свинью, которую изволила изъ собственныхъ рукъ застрѣлить“. Въ заведенномъ при Зимнемъ дворцѣ охотничьемъ манежѣ въ теченіе 3 мѣсяцевъ было убито: 9 оленей, 16 дикихъ козъ, 4 кабана, 1 волкъ, 374 зайца, 68 утокъ и т. д.

Стрѣльбой же Анна занималась въ знаменитомъ манежѣ Бирона, гдѣ она также ѣздила верхомъ, не столько изъ любви къ верховой ѣздѣ, сколько изъ желанія не разставаться съ Бирономъ, который отдыхалъ отъ общества Анны съ лошадьми въ манежѣ, часто вслухъ жалуясь на свой плѣнъ.

Любимымъ времяпрепровожденіемъ Анны было послѣобѣденное время, когда она вполнѣ становилась собою—въ своемъ свободномъ шлафрокѣ, съ головою, повязанною по-крестьянски краснымъ платкомъ, ложилась она на кровать и послѣ часового отдыха, открывъ дверь въ сосѣднюю комнату, кричала фрейлинамъ, изъ знатныхъ, титулованныхъ фамилій: „Ну, дѣвки, пойте!“ Не прочь была она позабавиться кривляніемъ шутовъ и послушать болтливую разсказчицу. Сохранилось письмо Анны, въ которомъ она приказываетъ „поискать въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ или изъ посадскихъ, которыя бы похожи на Татьяну Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобы годны были ей на перемѣну;

Собр. *Ровинскаго.* По стар. рус. гравюрѣ. Рум. Музей.

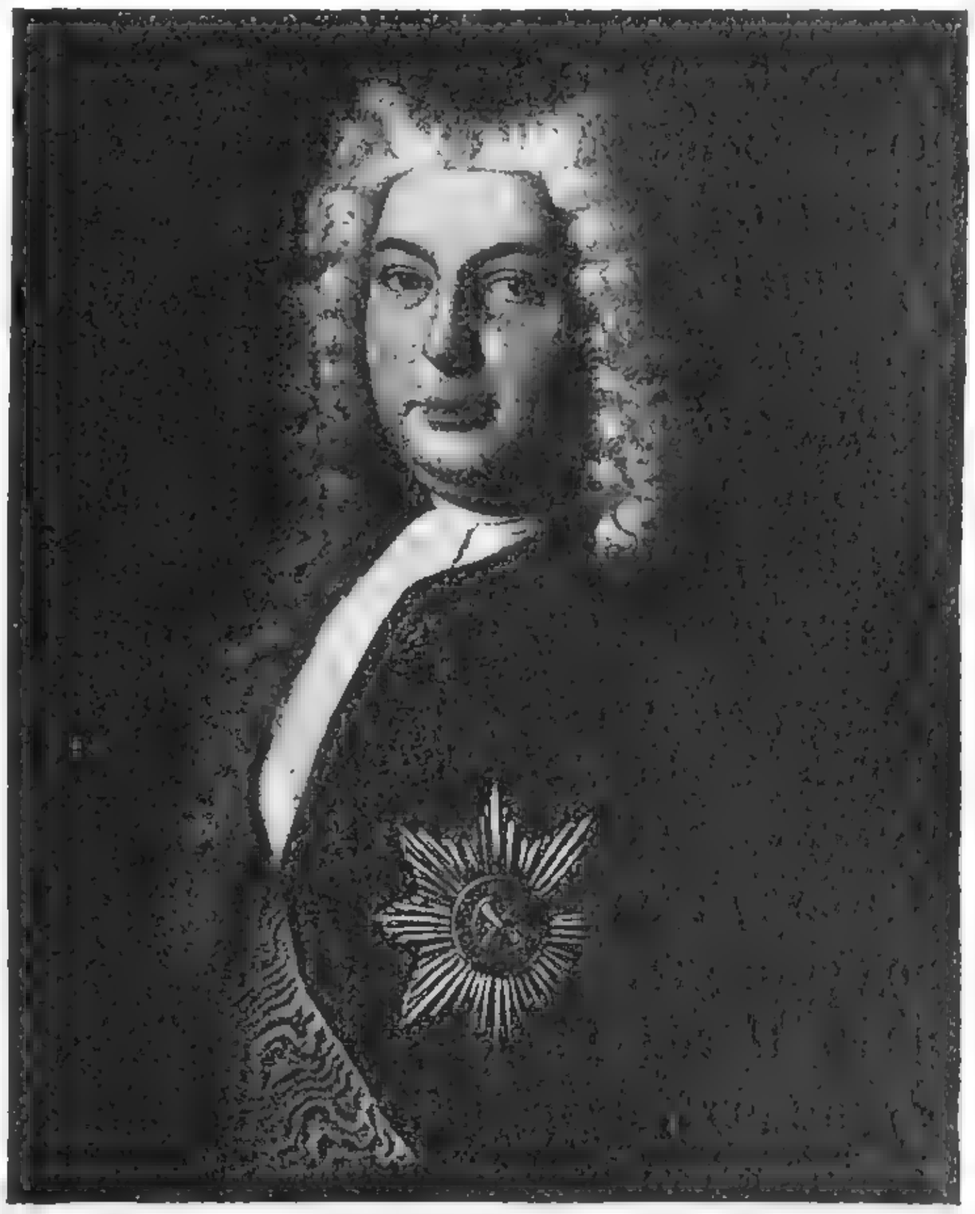
ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были лѣтъ по сороку и такъ же бы говорливы, какъ та Новокщенова или какъ были княжны Настасья и Анисья". Къ такимъ забавницамъ Анна даже проявляла несвойственную ей заботливость и предупредительность: „у вдовы Загряжской живетъ княжна Вяземская, дѣвка: и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтобъ она не испужалась: объяви ей, что я беру ее изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы: какъ сказываютъ, что она много говоритъ". Анна тѣшилась иногда комедіями, но изъ нихъ наибольшее удовольствіе она испытывала отъ тѣхъ, гдѣ потасовки и драки составляли главныя дѣйствія, и ея грубый хохотъ былъ достойнымъ поощреніемъ придворныхъ лицедѣевъ. Впрочемъ, подобныя дѣйствія Анна допускала не въ одномъ театрѣ: съ снисходительной улыбкой она слѣдила, какъ „шумный" Ягужинскій отчитывалъ непристойными словами корректнаго Остермана и на жалобы послѣдняго оправдывала Ягужинскаго „шумствомъ". И затѣмъ тотъ же подагрикъ Остерманъ, корчась отъ боли, но съ пріятнымъ лицомъ, долженъ былъ продѣлывать замысловатыя „па" передъ веселой императрицей. Вкусы и привычки, какъ видимъ, не говорятъ о мягкости натуры и изысканности вкусовъ. Отсюда естественный шагъ къ непризнанію за человѣкомъ его человѣческаго достоинства. Какъ бы желая отомстить „неблагодарнымъ рабамъ", унизить родовитую знать за „дерзкія обманки" и „ловительства", Анна превращала титулованныхъ сановниковъ въ форменныхъ шутовъ: таковы кн. Н. Ѳ. Волконскій, кн. М. А. Голицынъ (внукъ В. В. Голицына, любимца Софьи), гр. А. П. Апраксинъ. Голицынъ былъ насильно разведенъ и женатъ на уродливой камчадалкѣ въ Ледяномъ домѣ. Своеобразная благодарность роду Д. М. Голицына за мысль возвести Анну на престолъ! Равнодушная къ дѣламъ

Императрица Анна Іоанновна. (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

вѣры, Анна не прочь была прикрывать ревностью къ православію дикія сцены мести роднѣ „неблагодарныхъ рабовъ“. Ссылая въ деревню семью кн. С. П. Долгорукова, который не принималъ участія въ событіяхъ, предшествующихъ воцаренію Анны, послѣдняя призвала жену этого князя и стала упрекать ее за принятіе католицизма. Когда княгиня нагнулась, чтобы, согласно этикету, поцѣловать государынѣ руку, та дала ей сильнѣйшую пощечину, осыпала ругательствами и закончила „аудіенцію“ словами: „Пошла вонъ, мерзавка!“ Примѣненіе рукоприкладства, впрочемъ, не ограничивалось титулованными особами. Персоны царствующаго дома не были изъяты отъ него. Анна, объявивши наслѣдникомъ своимъ будущаго сына Анны Леопольдовны, озаботилась затѣмъ о подысканіи мужа для матери еще незачавшагося императора, и нашла такого ей супруга, къ которому Анна Леопольдовна съ первой же встрѣчи почувствовала физическое отвращеніе. Всю ночь послѣ свадьбы новобрачная провела одна въ Лѣтнемъ саду, и фрейлины видѣли въ полуотворенную дверь, какъ императрица била по щекамъ свою племянницу. Этимъ же свойствомъ души Анны Іоанновны объясняются жесточайшія казни ея царствованія, отличающіяся своимъ обиліемъ такъ же, какъ и варварскою изысканностью въ жестокости. Сравнительно „милостивымъ“ наказаніемъ считались при Аннѣ урѣзываніе языка, вырываніе ноздрей, кнутъ. Осужденныхъ на смерть, особенно по политическимъ дѣламъ, предварительно заставляли пожелать поскорѣе умереть: не ограничивались страданіями въ возстановленномъ застѣнкѣ, подъ руководствомъ Ушакова, опытнаго ученика кесаря Ромодановскаго и П. А. Толстого; лицамъ, выходившимъ изъ застѣнка съ вывихнутыми руками, съ окровавленной спиной, сначала отрубали висѣвшія плетью руки, и только послѣ этого сажали на колъ или обезглавливали, часто только за то, что эти лица, состоя въ высшихъ чинахъ, осмѣливались не соглашаться со взглядами „великолѣпнаго“ Бирона, изъ „курляндской канальи“ превратившагося въ вершителя судебъ Россіи. Слово „политическая смерть“ при Аннѣ перестало быть фигуральнымъ выраженіемъ: ссылаемыхъ въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ правъ, предварительно уродовали и давали имъ другое имя и фамилію, чтобы никогда ихъ нельзя было послѣ узнать и возстановить въ правахъ. Да и сами ссыльные упорно умалчивали о своихъ прежнихъ титулахъ, такъ какъ хорошо знали Анну, которая, не довольствуясь сравнительно мягкимъ наказаніемъ по первому суду, отдавала уже наказанныхъ новому розыску, съ обычно роковымъ для нихъ исходомъ: судьба Долгорукихъ была у всѣхъ на виду. Прапорщикъ Семеновскаго полка А. Я. Шубинъ, первая „пассія“ Елизаветы Петровны, былъ сосланъ съ перемѣной имени и въ изуродованномъ видѣ въ Камчатку. Разсказываютъ, что Елизавета по воцареніи вспомнила о своемъ возлюбленномъ и приказала возвратить его. Посланный за розыскомъ Шубина семеновскій офицеръ Булгаковъ объѣхалъ всѣ тюрьмы Сибири и пришелъ въ отчаяніе: слѣды Шубина про-

пали. Въ одномъ изъ остроговъ, въ присутствіи арестантовъ, Булгаковъ съ горечью замѣтилъ: „Что же скажу я государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ?“ — „Развѣ теперь вступила на престолъ Елизавета Петровна?“ спросилъ кто-то изъ толпы арестантовъ. „Да А что?“ — „Это я, Шубинъ“, воскликнулъ арестантъ, до сихъ не признававшійся въ своемъ настоящемъ имени.

Аннѣ никто не отказывалъ въ природномъ умѣ, но проявлялся онъ слишкомъ неуклюже и въ неотшлифованныхъ образованіемъ формахъ. Она, напримѣръ, могла писать своему резиденту руководящую инструкцію, въ которой всѣ стороны дипломатическихъ сношеній обозначались мѣстоименіемъ „онъ“ и „они“, неизвѣстно къ кому относимыхъ, а бѣдному резиденту легче было расшифровать перехваченное имъ письмо другого резидента, чѣмъ написанную по-русски инструкцію своей государыни. Впрочемъ, ума у Анны хватало, чтобъ при случаѣ искусно выйти изъ нежелательнаго положенія или ловко воспользоваться выгодою момента. Канцлеръ Головкинъ поднесъ Аннѣ орденъ св. Андрея; Аннѣ не понравилось полученіе этого ордена отъ члена Совѣта, когда она считала себя въ правѣ на этотъ орденъ, какъ императрица: „Ахъ, правда, я и позабыла надѣть его“, какъ бы спохватилась Анна, и приказала кому-то изъ своей свиты прикрѣпить этотъ орденъ, не допуская сдѣлать это члену Совѣта.



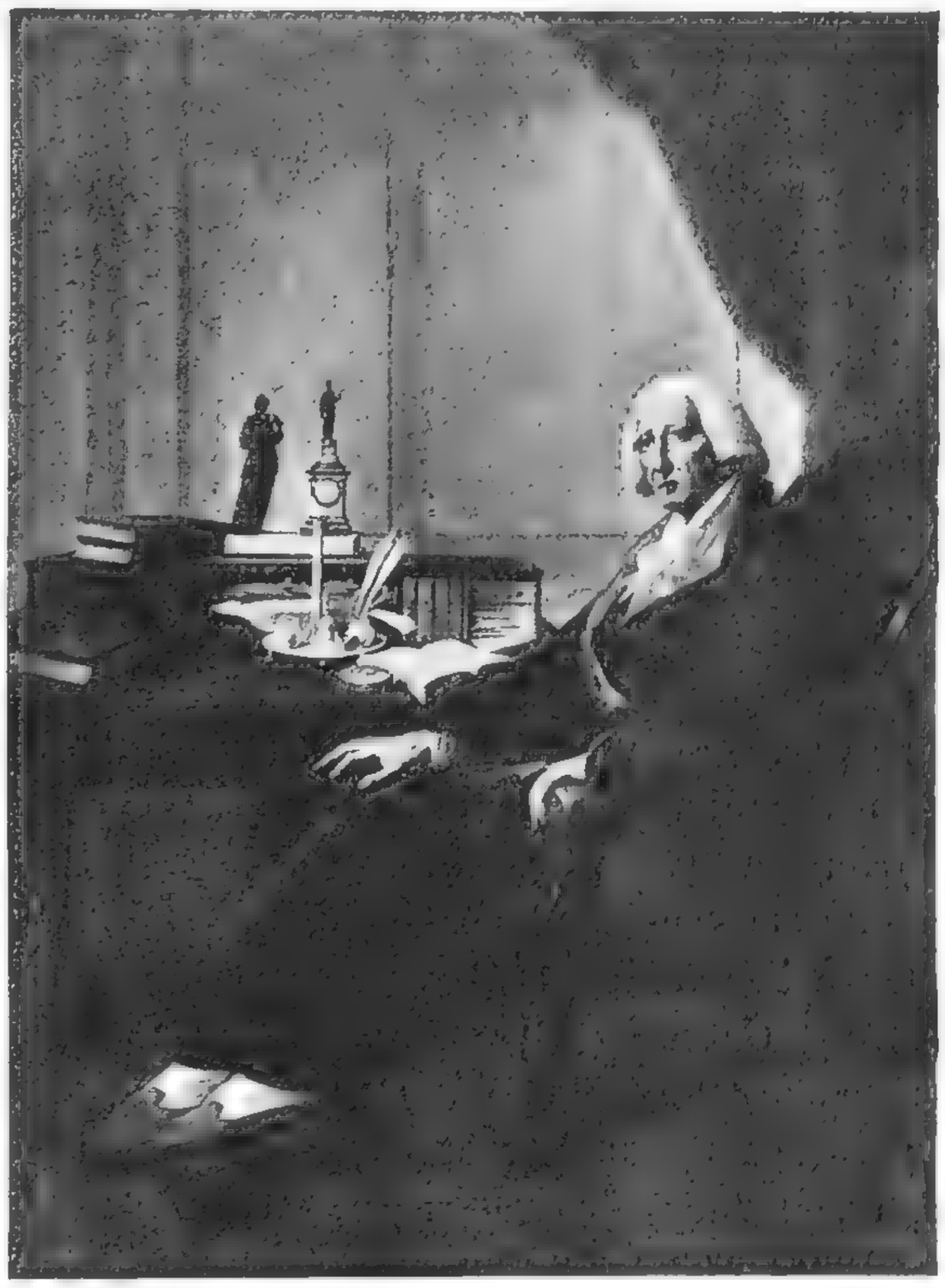
Гр. И. А. Остерманъ. (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

Ловкимъ маневромъ оправдала Анна свое рѣшеніе разорвать подписанныя ею „кондиціи“. Получивъ петицію шляхетства о возстановленіи самодержавія, Анна съ недоумѣвающимъ видомъ обратилась къ Долгорукому: „Какъ, развѣ пункты, поднесенные мнѣ въ Митавѣ, составлены не по желанію цѣлаго народа?“—„Нѣтъ!“ завопили вмѣсто Долгорукаго сторонники самодержавія. „Такъ, значитъ, ты меня, кн. Василій Лукичъ, обманулъ!..“ Ну, а съ вырванными обманомъ обязательствами можно свободно не считаться! Впрочемъ, ума этого все же не хватало у Анны настолько, чтобы не брезговать нелѣпѣйшей лестью, которую ей расточали придворные панегиристы. Анна съ большимъ удовольствіемъ слушала составленную въ честь ея кан-

тату, гдѣ говорилось между прочимъ: „Сколько благихъ дѣяній совершено божественной Анной... Благодаря ей, германцы, галлы, британцы и бельгійцы спокойно благоденствуютъ. Радость и величіе твоихъ подданныхъ дѣлаютъ рѣшеніе затруднительнымъ, могутъ ли они сравниться съ пылкою любовью, которую питаетъ къ тебѣ твой непобѣдимый народъ. И ничего болѣе? Но слишкомъ затруднительно перечислить славныя дѣянія великой императрицы— такъ же, какъ нѣтъ возможности счесть звѣзды на небѣ... Моя смѣлость потерпѣла аварію среди океана ея добродѣтелей. Солнце не нуждается въ похвалахъ: божественная Анна—также!“ И эта „божественная Анна“, которая не такъ давно ставила себѣ въ заслугу, что отыскала, наконецъ, породистыхъ собакъ для Пв. Долгорукаго, теперь со слезами умиленія слушала пѣснь о своемъ величіи, какъ и восторженное перешептываніе придворныхъ, похожее на иронію: „какъ онъ (авторъ) хорошо понялъ императрицу, какъ вѣрно очертилъ ея характеръ и царствованіе“. Можетъ-быть, въ глубинѣ души и сомнѣвалась Анна въ искренности этихъ воскуреній, но не находила въ себѣ достаточно такта, чтобъ не обращать вниманія на мелочи, которыя могли набросить тѣнь на ея мнимое величіе. Извѣстно ея злое и мелочное письмо къ казанскому архіерею: „Преосвященный архіерей, письмо ваше мы получили, въ которомъ пишешь, что ты пріѣхалъ туда въ самый Благовѣщеньевъ день и даешь знать, что то есть марта 25 числа; за то мы благодарствуемъ, что научилъ насъ здѣсь, въ Петербургѣ, знать, въ которомъ числѣ оный день бываетъ; а мы до сихъ поръ еще не знали, но уповали, что то какъ въ Казани, такъ и здѣсь въ одно время прилучается“. Еще менѣе умѣла Анна оцѣнивать искреннія чувства и честную откровенность подданныхъ. Анна приблизила было ко двору одного изъ младшихъ птенцовъ Петра В. — Румянцева, давши ему чинъ подполковника гвардіи; но Румянцевъ, искренній патріотъ и прямой солдатъ, не поладилъ съ нѣмцами, и Анна стала упрекать его въ неблагодарности и сообщила, что изъ подполковниковъ гвардіи она переведетъ его въ президенты финансовой коллегіи. Румянцевъ, въ порывѣ обиды, сказалъ, что онъ всегда былъ и будетъ вѣрнымъ солдатомъ, но ничего не смыслитъ въ финансахъ, и тѣмъ болѣе не сможетъ выдумывать средствъ для удовлетворенія небывалой роскоши двора. Анна вспылила,—покорная ей юстиція вынесла честному человѣку смертный приговоръ, замѣненный, впрочемъ, ссылкой въ казанскія деревни..

При надменности и высокомѣріи, Анна была непостоянна и скрытна. По выраженію лица ея трудно было судить объ ея искреннихъ чувствахъ и мысляхъ. Частыя бесѣды Волынскаго съ Анной въ качествѣ кабинетъ-министра навѣяли на него безотрадныя мысли насчетъ женскаго пола: „Правду пишутъ о женскомъ полѣ,—думалъ вслухъ Волынскій,—что нравъ измѣнчивый имѣетъ, и когда женщина веселое лицо показываетъ, тутъ-то и бойся скрытаго въ сердцѣ ея гнѣва... Вотъ гнѣвается,—воскликалъ Волынскій, пере-

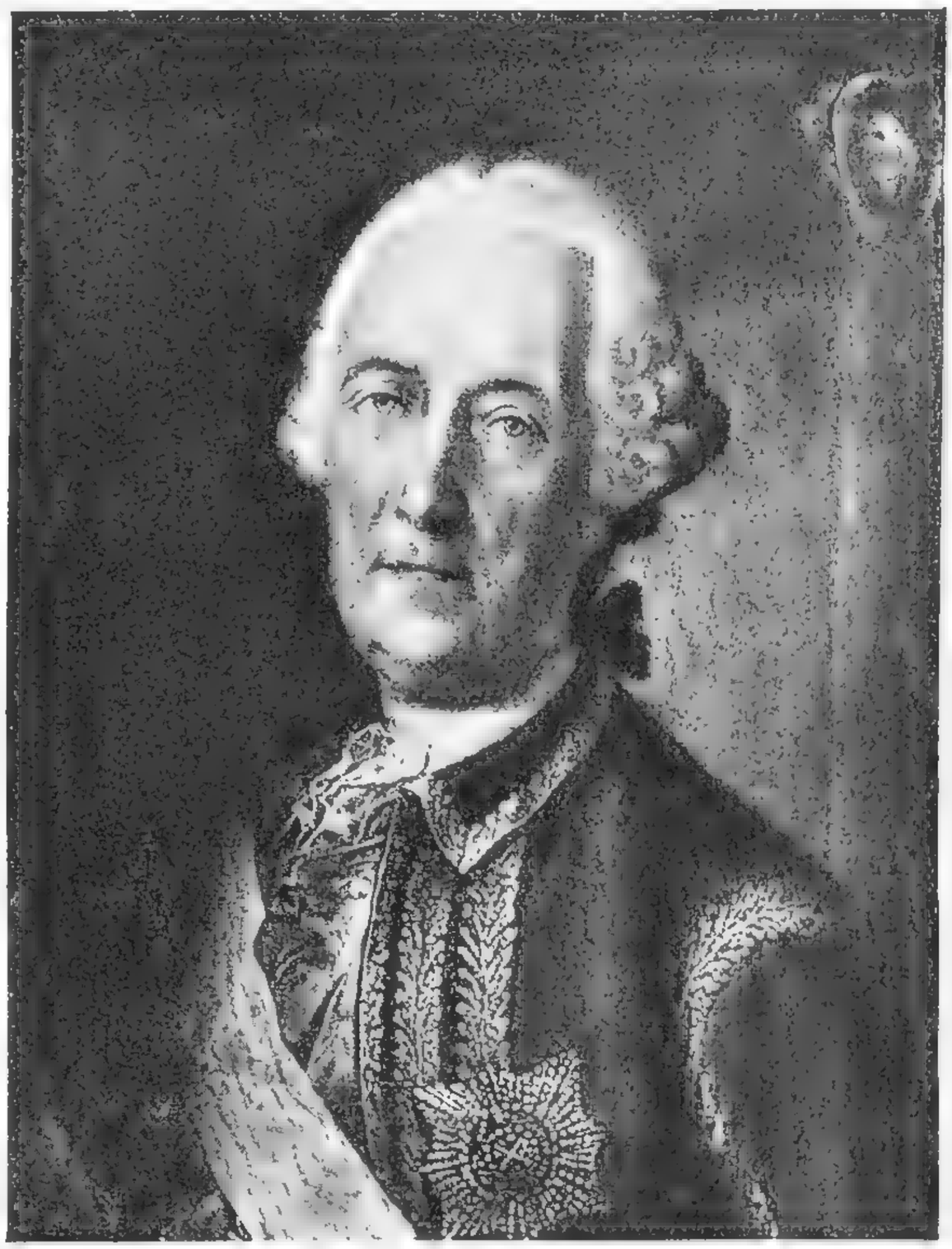
ходя отъ женскаго пола вообще къ Аннѣ Іоанновнѣ, — иногда и самъ не знаю, за что; надобно ей судъ съ грозою и милостью имѣть, а то-то и бѣда—иногда такъ, иногда сякъ, и ничего постояннаго нѣтъ; и въ самыхъ государяхъ то худо, ежели скрытность бываетъ". Были двѣ причины этого непостоянства Анны, первая—это слѣпое подчиненіе волѣ Бирона, который могъ заставить Анну перерѣшить любое дѣло, вырвать у нея любое рѣшеніе: извѣстно, съ какой неохотой и слезами пожертвовала она Волынскимъ въ угоду Бирону; съ другой стороны, скрытность была выраженіемъ недовѣрія Анны къ ея „неблагодарнымъ рабамъ". Личный секретарь ея, Эйхлеръ, жаловался на „пребезмѣрну подозрительность ея, что во всѣхъ безъ причины сомнѣвается; какъ бы кто вѣренъ ни былъ, безъ подозрѣнія миновать не можетъ, и Богъ знаетъ, какъ угодить стало"... Эта подозрительность и недовѣріе къ людямъ — естественный выводъ изъ опыта жизни Анны: съ ними она взошла на русскій престолъ, и царствовала она, не довѣряя ни „неблагодарнымъ рабамъ", ни управляемой ею Россіи. Это же чувство недовѣрія толкнуло Анну въ объятія нѣмцевъ-выскочекъ, личная судьба которыхъ была тѣсно связана съ ея судьбою: имъ поэтому можно было довѣрять, на нихъ можно положиться во всемъ, для нихъ можно пожертвовать всѣмъ. Эти настроенія и выводы и составили лейтъ-мотивъ царствованія Анны Іоанновны со всѣми мрачными сторонами ея жизни,—съ фаворомъ Левенвольдовъ и Бироновъ, съ преслѣдованіемъ всего русскаго и самостоятельнаго, съ тяжелыми и жестокими жертвами Россіи въ пользу нѣмецкаго направленія и презрительнымъ недовѣріемъ къ народу и его національнымъ представителямъ или тѣмъ, кто казался такими. Въ общемъ въ лицѣ Анны Іоанновны на



Мин. Гр. И. А. Остерманъ. (Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ.)

русскомъ престолѣ царствовала женщина съ типичными чертами крѣпостницы-помѣщицы, какихъ было немало въ это время въ разныхъ углахъ крѣпостной Россіи: безъ умѣнья управлять крѣпостнымъ хозяйствомъ, съ врожденнымъ недовѣріемъ къ производителю труда и капитала, и съ слѣпою вѣрою въ пройдоху-приказчика, сумѣвшаго къ тому же втереться въ личное положеніе вдовы-хозяюшки. Немудрено, что въ этой крѣпостной усадьбѣ зарождались враждебныя чувства между угнетаемыми и угнетателями, и въ отвѣтъ на истязанія конюховъ крѣпостной людъ отвѣчалъ если не разгромомъ самой крѣпостницы, то ненавистью и насиліями къ приказчикамъ и ихъ семьямъ. Павшіе жертвами этихъ истязаній въ конюшняхъ, застѣнкахъ или на эшафотахъ превращались въ глазахъ угнетателей въ героевъ, погибшихъ за смѣлое дерзаніе противъ насильниковъ за народное дѣло, за угнетенныхъ и оскорбленныхъ. Съ такимъ именно ореоломъ сошли съ эшафота въ память потомства всѣ эти загубленные Анною и Бирономъ Долгорукіе, Голицыны, Волынскіе, генералы и архіереи, попы и простые солдаты, сболтнувшіе неосторожное слово, забывшіе „помолебствовать въ табельный день“ или носившіе въ мысляхъ дѣйствительные планы освобожденія родины изъ-подъ нѣмецкаго приказчичьяго засилья, или просто виновные въ поступкахъ, ничего общаго съ антинѣмецкими направленіями не имѣющими. Результаты анненскаго управленія лучше всего учли устами Менгдена приказчики-нѣмцы предъ смертью хозяйки: „Если герцогъ Бирон (послѣ смерти Анны) регентомъ не будетъ, то мы, нѣмцы, всѣ пропали!“ Но Анна завѣщала Россію Бирону по настоянію двухъ-трехъ нѣмцевъ да ихъ русскихъ креатуръ, радѣвшихъ Бирону за милость или страхъ передъ неизвѣстностью. Анна наканунѣ смерти подписала составленное Остерманомъ завѣщаніе, а на другой день послѣ ея смерти 18 октября 1741 г. уже былъ опубликованъ написанный Бестужевымъ, врагомъ Остермана, уставъ о регентствѣ Бирона, а въ немъ говорилось, что „по всемилостивому материнскому милосердію къ имперіи“ императрица, до 17-лѣтняго возраста наслѣдника-внука, младенца, поручала Россію „регенту государю Эрнсту-Іоанну, владѣющему свѣтлѣйшему герцогу курляндскому, лифляндскому и семигальскому, которому... (дается) полная мочь и власть управлять... всѣ государственныя дѣла“. — „Небось!“ подбадривала Анна оторопѣвшаго немного Бирона, когда онъ обнаруживалъ естественное смущеніе предъ сказочной и жуткой для него перспективой. Да и кого было бояться? Все, что оставалось отъ Петровской Россіи сильнаго, вліятельнаго и опаснаго въ средѣ русскихъ государственныхъ людей, было погублено, сослано, терроризовано. Остались креатуры въ родѣ Бестужева и кн. Трубецкого да робкіе вельможи, какъ кн. Черкасскій, служившій національной декораціей для лицедѣевъ нѣмецкой трагикомедіи; гвардія на первое время не подниметь руки на регента, управляющаго именемъ законно-назначеннаго императора; ее можно задобрить милостями, льготами, денежными наградами, а потомъ раскасси-

ровать по провинціальнымъ полкамъ, замѣстивши ее полками изъ разночинцевъ. Среди со-нѣмцевъ хотя и есть враги и ненавистники (Остерманъ, Минихъ), но они слишкомъ умны, чтобы не понять, что раздробленность опасна для всѣхъ одинаково. Оправившійся отъ перваго смущенія Бирон сталъ увѣренно у кормила правленія, тѣмъ болѣе, что протестовъ не было: таковъ былъ гипнозъ возстановленнаго и укрѣпленнаго при Аннѣ самодержавія. Спокойствіе рождало вѣру въ право дѣлать именемъ императора въ пеленкахъ все,—даже грозить его родителямъ участью царевича Алексѣя Петровича: вѣдь если царствующій императоръ-отецъ могъ лишить престола и жизни бунтаря-сына, то и, наоборотъ, царствующій сынъ можетъ сдѣлать то же съ интриганомъ-отцомъ: доводъ, какимъ привели отца Іоанна VI, Антона Ульриха, въ такой трепетъ, что онъ не только отказался отъ своихъ происковъ противъ Бирона, но съ испугу наговорилъ на себя, чего и не было: съ отцомъ, который, по выраженію Миниха, былъ „ни рыба, ни мясо“, покончили, а мать, Анна Леопольдовна, была не опасна: вѣдь она такъ неумна и дика!



Гр. Б. Х. Минихъ, Бухгольца. (Музей Александра III).

Но у подданныхъ есть своя логика, отличная отъ правительственной: она заговорила и теперь. Если темная Русь и Петра В., прирожденнаго государя, обратила въ нѣмца и въ наваждение, то теперь открыто, на глазахъ у всѣхъ, воцарился нѣмецъ, „лютеръ“, достигшій власти позорными средствами. Ужъ если признавать младенца Іоанна законнымъ государемъ, то не Бирону, совершенно чужому для царствующаго младенца, а родителямъ послѣдняго слѣдовало бы управлять его именемъ,—такова политическая традиція и логика естественныхъ семейныхъ отношеній. Къ тому же, пошли слухи про подложность указа Анны о регентствѣ Бирона.

Кабинетъ-секретарь Яковлевъ, „надѣвая худой кафтанъ, хаживалъ собою по ночамъ по прешпективной (Невскому проспекту) и другимъ улицамъ и слышалъ, что въ народѣ говорятъ о томъ (регентствѣ Бирона) съ неудовольствіемъ, а желаютъ, чтобы государственное правительство было въ рукахъ у родителей его императорскаго величества“.

Въ гвардіи тоже начиналось опасное броженіе противъ Бирона. Гвардейцы открыто говорили: „Теперь нечего дѣлать, пока матушка-государыня не предана землѣ; а тамъ, какъ вся гвардія соберется, то ужъ“... Броженіе парализовалось отсутствіемъ вождя и неувѣренностью въ сочувствіи лицъ, близкихъ къ императору. Поручикъ Преображенскаго полка Ханыковъ, встрѣтившись съ сержантомъ Алфимовымъ, заговорилъ: „Что мы сдѣлали, что государева отца и мать оставили? Они, думаю, на насъ плачутся, а отдали все государство какому регенту? Что онъ за человѣкъ?“

Милости и награды Бирона только усиливаютъ въ гвардіи мысль о неувѣренности положенія регента: заискиваетъ, слѣдовательно, не твердъ. Мѣры недовѣрія къ гвардіи раздражаютъ ее. Только глупые не могли не понять цѣли образованія при Аннѣ Іоанновнѣ третьяго гвардейскаго полка — Измайловскаго, въ который рядомъ съ русскимъ дворянствомъ наполовину вошелъ всякій сбродъ, стянутый изъ Курляндіи, Эстляндіи и нѣмецкихъ областей. Ходятъ слухи, что Биронъ желаетъ преобразовать гвардію: ему не нравится, что въ ней рядовые изъ дворянъ,—ихъ можно опредѣлить офицерами въ армейскіе полки, а ихъ мѣсто заполнить рекрутами. Неспроста и теперь призвали въ столицу шесть армейскихъ батальоновъ и 200 драгунъ. Правда, Минихъ пытался позолотить пилюлю, говорилъ, что гвардейцы служатъ только высочайшимъ особамъ, и призывомъ армейскихъ солдатъ регентъ только желаетъ облегчить гвардейцевъ. — Миниху не вѣрятъ. Регентъ чувствуетъ, что изъ-подъ его ногъ ускользаетъ почва: онъ мраченъ и нервничаетъ, — его никто не поддержитъ въ случаѣ смѣлаго выступленія противъ него. Смѣльчакъ нашелся. Если гвардейскому поручику было неизвѣстно, „угодно ли будетъ“ матери императора сверженіе Бирона, то фельдмаршалъ Минихъ навѣрняка знаетъ, что это такъ же ей угодно, какъ для него, Миниха, выгодно: сверженіемъ Бирона онъ не только сведетъ счеты съ давнишнимъ недоброжелателемъ, но и самъ займетъ его мѣсто: благодарные родители, къ тому же неспособные безъ руководителя управлять, признаютъ за Минихомъ, доблестнымъ генераломъ, уложившимъ сотни тысячъ русскаго войска на ненужныя „взятія“ Хотина, Очакова,—признаютъ за нимъ право на положеніе Бирона, если не формальное, то фактическое. Съ горстью гвардейцевъ, даже непосвященныхъ въ свои замыслы, Минихъ проникаетъ въ покой герцога; послѣдній, увидя у своей кровати адъютанта Миниха, Манштейна, кричитъ: „караулъ!“— „Къ вашимъ услугамъ я привелъ много караульныхъ“, иронизируетъ Ман-

Принцъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгскій. Эрмитажъ.

штейнъ: гвардейцы ловятъ „его высочество“ подъ кроватью, вдоволь наминаютъ ему бока, затыкаютъ ротъ платкомъ, и закутаннаго въ одѣяло выносятъ въ караульню, чтобъ отсюда отправить подальше отъ трона и власти. Анна Леопольдовна провозглашается правительницей, Антонъ Ульрихъ — генералиссимусомъ; Минихъ въ званіи перваго министра становится фактическимъ правителемъ государства, игнорирующимъ какъ „генералиссимуса“, такъ и своихъ товарищей со-нѣмцевъ. За Бирона никто не вступился: переворотъ былъ совершонъ противъ похитителя правъ родителей младенца императора,—переворотъ этотъ былъ даже популярнымъ; но популяренъ ли былъ самъ Минихъ, обвиняемый въ безсердечномъ обращеніи съ солдатами, жертвовавшій тысячами ихъ въ завѣдомо безнадежныхъ и неподготовленныхъ бояхъ? — гвардія во всякомъ случаѣ не стала бы за него, еслибы противъ него высказались „родители“ государя. Для сверженія Миниха не потребовалось даже мобилизаціи гвардіи: онъ палъ вслѣдствіе неудовольствія генералиссимуса, котораго откровенно презиралъ, и отъ интригъ Остермана,

Арестъ Бирона. По стар. нѣм. гравюрѣ. (Публичная библіотека.)

который не могъ терпѣть надъ собою героя столь опереточнаго переворота: простой отставки, прочитанной на площади съ барабаннымъ боемъ, было достаточно для устраненія Миниха отъ дѣлъ, которыми теперь завладѣлъ на моментъ Остерманъ, превратившійся на языкѣ иностранныхъ посланниковъ въ „царя всероссійскаго“, на самомъ дѣлѣ вынужденный начать сложную сѣть подготовки въ регенты Антона Ульриха, вмѣсто ускользавшей изъ-подъ его вліянія „правительницы“ Анны.

Но въ то время, когда нѣмцы, захвативши власть именемъ младенца, послѣдовательно подставляли другъ другу ножку, для очищенія мѣста у трона, почва подъ самымъ тропомъ грозно колебалась. Съ сверженіемъ Бирона не было свергнуто ненавистное нѣмецкое засилье: на мѣсто Бирона сталъ Минихъ, котораго смѣнилъ темный интриганъ Остерманъ; а тутъ уже открыто афишировался новый Биронъ въ лицѣ графа Линара, одинаково опаснаго по личнымъ свойствамъ какъ для Остермана, такъ и для надеждъ русскаго шляхетства на возстановленіе національнаго правленія.

Права младенца Іоанна можно было сдѣлать знаменемъ для борьбы съ узурпаторами, но когда ненавистнѣйшіе изъ нихъ удалены, то для людей, страдавшихъ отъ нѣмецкаго засилья, права эти могли показаться не столь безспорными; времена Петра съ его нѣмецкимъ направленіемъ казались теперь золотымъ вѣкомъ русскаго національнаго движенія противъ направленія онѣмечившихся потомковъ царя Ивана Алексѣевича: Петръ помѣнялся ролью съ своимъ братомъ въ лицѣ своихъ потомковъ, и казавшійся нѣмецкимъ оборотнемъ въ глазахъ современниковъ выросъ въ памяти ближайшаго поколѣнія, какъ національный герой, заслуги и права семьи котораго должно охранять благодарное потомство отъ невѣдомо откуда налетѣвшей стаи хищниковъ.

Уже при воцареніи Іоанна VI нѣкоторые отказывались присягать ему и Бирону подъ тѣмъ предлогомъ, что „государствомъ повелѣно править... герцогу курляндскому, а орелъ леталъ да соблюдалъ все дѣтямъ своимъ, а (нынѣ) дочь его оставлена: императоръ Петръ первый соблюдалъ и созидалъ все дѣтямъ своимъ, а у него, государя, осталась дочь цесаревна Елизавета Петровна, и надобно нынѣ присягать ей государынѣ-цесаревнѣ. О томъ между собою говорили лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдаты, идучи отъ присяги“. Рѣчи эти, впрочемъ, не были новыми теперь. Я уже говорилъ, что загубленные Биронomъ и Анной Долгорукій и Волынскій стали въ глазахъ современниковъ и потомства мучениками національнаго дѣла; любопытно отмѣтить, что въ народѣ и за границей ихъ жестокую казнь объясняли попыткой этихъ лицъ произвести переворотъ въ пользу Елизаветы, хотя доподлинно извѣстно, что, напр., Долгорукіе не были приверженцами Елизаветы, даже, наоборотъ, очень непочтительно отзывались о ней. О дочери Петра, обойденной верховниками изъ-за ея рожденія до

брака, вспомнили очень скоро, когда національное чувство народа была поругано, и національное движеніе стало въ воображеніи современниковъ очень рано связываться съ именемъ привѣтливой, веселой и забытой дочери Петра, Елизаветы. Теперь симпатіи гвардіи были всецѣло на ея сторонѣ. Елизавета была лично хорошо извѣстна гвардейцамъ: у многихъ изъ нихъ она крестила дѣтей; гвардейскіе офицеры бывали у нея на веселыхъ вечерахъ.— Придворные правительницы язвили: „У цесаревны Елизаветы ассамблеи для преображенскихъ солдатъ“.

Государственный переворотъ 25 ноября 1741 г. По стар. нѣм. гравюрѣ. Собр. Ровинскаго. (Румянц. музей.)

Для двора правительницы не было секретомъ, что по сверженіи Бирона „три гвардейскіе полка шли ко двору въ убѣжденіи, что императрицею будетъ провозглашена ихъ матушка Елизавета Петровна; тотъ же духъ оказался въ гарнизонномъ полку на Васильевскомъ островѣ и въ Кронштадтѣ: здѣсь опасались возстанія, потому что солдаты кричали: „Развѣ никто не хочетъ предводительствовать намп въ пользу матушки Елизаветы Петровны!“ [1]). Сама Елизавета не стремилась къ перевороту, но обстоятельства принудили ее къ тому. Швеція, желая воспользоваться слабостью и непопулярностью носителей власти въ Россіи, нашла удобнымъ моментомъ дать реваншъ Россіи за пріобрѣтенія Петра. Франція гнула въ томъ же направленіи, и настолько откровенно и настойчиво, что ея представителя Шетарди рѣшили выслать изъ Россіи. Швеція и Франція начали дѣйствовать во имя правъ потомства Петра Великаго, надѣясь провести войну противъ Россіи при сочувствіи русскихъ: распускали даже слухъ, что въ шведскомъ войскѣ—внукъ Петра, сынъ голштинскаго герцога. Сама Елизавета будто бы просила гвардейцевъ не убивать ея

1) Соловьевъ, „Ист. Росс.“, XX, 124—170.

племянника и раздавала деньги солдатамъ. Все это становилось извѣстнымъ правительству, и все это становило Елизавету въ невозможное къ нему положеніе.

До Елизаветы дошли слухи, какъ она сама объ этомъ разсказывалъ, что правительницѣ Линаръ предложилъ допросить Елизавету о сношеніяхъ съ Швеціей и потребовать у нея отреченія отъ престола. „Но въ этомъ случаѣ,—говоритъ Елизавета,—правительница оказалась разсудительнѣе ихъ: „Къ чему это послужитъ,—отвѣчала она со вздохомъ,—развѣ нѣтъ тамъ чертенка (герцога голштинскаго), который всегда будетъ мѣшать нашему спокойствію". Пошли слухи, что Елизаветѣ грозитъ замужество съ братомъ Антона Ульриха или ядъ... Гвардейцы волнуются, требуютъ у Елизаветы разъясненій, просятъ наставленій, что дѣлать, ловятъ ее въ паркѣ съ изъявленіемъ готовности дѣйствовать за нее.

Правительству ясно, что противъ Елизаветы трудно что-либо предпринять, пока ее блюдетъ гвардія.—Рѣшено отправить гвардію сражаться противъ шведовъ, объявившихъ войну за права Елизаветы. Опасность минуты сознается гвардіей не менѣе, чѣмъ Елизаветой.—Друзья совѣтуютъ приступать, пока не поздно: тронъ или монастырь,—предупреждали друзья, которымъ тоже представлялись—награда или пытки. Но никто изъ этихъ друзей не могъ взяться за роль, которую разыгралъ Минихъ въ пользу Анны Леопольдовны: „Дѣло требуетъ немалой отважности, которой не сыскать ни въ комъ, кромѣ крови Петра Великаго"—поощряли Елизавету ея маленькіе друзья, врачи, пѣвчіе изъ малороссовъ, учителя танцевъ, дипломаты, пока еще будущіе, но ни одной воинственной фигуры. „Геро", какъ звали „друзья" Елизавету, рѣшилась на подвигъ, и даже вооружилась: надѣла кирасу поверхъ обыкновеннаго платья. Съ крестомъ въ рукѣ вмѣсто меча явилась дочь Петра въ казармы Преображенскаго полка и обратилась въ гренадерской ротѣ, бывшей уже въ готовности, несмотря на второй часъ ночи, съ рѣчью: „Ребята, вы знаете, чья я дочь,—ступайте за мною!"—„Матушка, мы готовы, мы ихъ всѣхъ перебьемъ", лаконически объяснились въ своихъ нравахъ и чувствахъ участники переворота. „Если будете такъ дѣлать, то я съ вами не пойду", осадила гренадеръ Елизавета, только что давшая клятву не проливать крови въ свое царствованіе. Заговорщики уничтожили барабаны и шли пѣшкомъ къ дворцу, чтобъ не произвести шума: солдаты шли такъ быстро, что „Геро" отставала, и ее понесли на рукахъ. Внѣшній караулъ и стража дворца съ восторгомъ склонились предъ „освободительницей". Анна Леопольдовна спросонку не поняла столь ранняго визита Елизаветы и, на ласковое предложеніе послѣдней: „Сестрица, пора вставать", довольно непривѣтливо удивилась: „Какъ, это вы, сударыня?" Стоявшіе за „сударыней" внушительные гренадеры были молчаливымъ отвѣтомъ на недоумѣніе правительницы, которая стала умолять о пощадѣ себѣ и близкимъ. Елизавета даже прослезилась и въ своихъ саняхъ отвезла

правительницу въ свой дворецъ вмѣстѣ съ малюткой-императоромъ; туда же были свезены и со-нѣмцы (Минихъ, Остерманъ, Левенвольдъ и пр.), еще наканунѣ точившіе другъ противъ друга зубы, а теперь очень помятые непочтительнами гренадерами. Сенаторы и именитые петербуржцы были пробуждены задорнымъ стукомъ въ окна и двери въ неурочный часъ: „просили явиться во дворецъ къ государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ“. — „Кто это сдѣлалъ? Какъ это сдѣлано?“ спрашивали другъ у друга вельможи, и многіе шли со страхомъ во дворецъ за отвѣтомъ. Тамъ царила радость. Господа положенія, тоже отъ радости, издѣвались надъ оторопѣвшими вельможами и поцѣлуями старались загладить свою безтактность. Переворотъ не сопровождался жестокостями: нѣмцевъ попугали на эшафотѣ смертною казнью, на которую были они столь щедры въ свое время, и разослали въ далекіе сѣверные и сибирскіе города. Можетъ-быть, къ лучшему для нихъ: расходившіяся волны національной побѣды могли бы кончиться печально для нѣмцевъ вообще, еслибы средп нихъ оставались наболѣе ненавистные: и безъ того всѣ были въ страхѣ предъ недвусмысленными угро-

Имп. Іоаннъ Антоновичъ. По стар. гравюрѣ. (Публич. библіотека.)

зами солдатчины. Особенно распустились лейбъ-компанцы, участники переворота, получившіе вмѣстѣ съ чинами и наградами право быть безнаказанными въ своихъ выходкахъ, подчасъ хулиганскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ не только афишировали торжество національнзма, — это было естественно, но были не совсѣмъ скромны въ выраженіи сознанія своей преторьянской силы: „Теперь нѣтъ лицъ знатнѣе насъ, а другія знатны до тѣхъ поръ, пока мы этого хотимъ“.

Елизавета была вынесена на тронъ поднимавшимся національнымъ движеніемъ подъ давленіемъ антинароднаго правительства. Дочь Петра Великаго была знаменемъ этого движенія, и характеръ переворота обязывалъ его „Геро“ удовлетворить наболѣвшему народному чувству: царствованіе Елизаветы будетъ національнымъ, возвращеніемъ къ поруганному недавнему прошлому. Елизавета сгоряча готова уничтожить слѣды двухъ предшествующихъ царствованій, считая законнымъ только то, что было сдѣлано властью при Екатеринѣ I и Петрѣ II; все послѣдующее было объявлено внѣ закона; но скоро выяснилось, что такъ торжествовать побѣду нельзя: месть мертвымъ, падшимъ затрогивала интересы живыхъ и сильныхъ, и прежде всего дворянства, ergo-гвардіи, которая была мало виновата въ злоупотребленіяхъ Бирона, Остермана и другихъ.

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ.
1841 г.

Ограничились возможнымъ: уничтожили монеты съ персоной Іоанна VI, сожгли присяжные листы, вырѣзали изъ церковныхъ книгъ „извѣстныя имена“, запретили ввозъ книгъ изъ-за границы, упоминающихъ объ этихъ особахъ, и проч. Занялись реставраціей Петровскихъ учрежденій,—о чемъ еще будетъ рѣчь ниже.

Съ торжествомъ Елизаветы не только было вновь поднято направленіе Петра, но и возстановлены права его семьи, которая имѣла въ это время двухъ представителей: кромѣ дочери, Елизаветы, въ Голштиніи жилъ внукъ Петра, тотъ самый „голштинскій чертушка“, который не давалъ покоя обѣимъ Аннамъ. Согласно завѣщанію Екатерины I, престолъ долженъ былъ

перейти сначала къ старшей ея дочери, Аннѣ, съ ея „десцендентами“, и только за неимѣніемъ послѣднихъ къ Елизаветѣ съ ея „десцендентами“. Слѣдовательно, „голштинскій чертушка“ изъ своего далека могъ безпокоить не однихъ только потомковъ царя Ивана, но и самое Елизавету, которая рѣшила назначить его своимъ преемникомъ, что примиряло съ нею возможныхъ сторонниковъ голштинской семьи и обезпечивало, на основаніи закона „о волѣ монаршей“, престолъ за императорской линіей тѣмъ болѣе, что Елизавета отказалась отъ мысли имѣть собственныхъ „десцендентовъ“. Съ восшествіемъ на престолъ Петра III снова нависла надъ Русью опасность нѣмецкаго засилія, снова и въ послѣдній разъ дворянская гвардія, уязвленная въ своихъ національныхъ традиціяхъ, произвела переворотъ, на этотъ разъ не въ пользу наслѣдственныхъ правъ лица популярной семьи,—такого лица уже не было, а въ пользу лица, наиболѣе подходящаго для интересовъ командующаго класса: не бѣда, что за этимъ лицомъ не было никакихъ правъ: дворянская гвардія на яркихъ примѣрахъ прошлаго убѣдилась, что чѣмъ меньше правъ имѣетъ лицо на престолъ, тѣмъ большая награда участникамъ переворота въ его пользу. Опытъ прошлаго и на этотъ разъ не обманулъ гвардію, поднявшую на тронъ Екатерину II: недаромъ ея царствованіе считается золотымъ вѣкомъ дворянскихъ привилегій и крѣпостного права.

III.

Высшіе органы управленія.

Послѣ кипучей и разносторонней реформаторской дѣятельности Петра Великаго какъ-то страннымъ кажется, что наслѣдники его уже на другой годъ послѣ его смерти спрашиваютъ у своихъ совѣтниковъ: 1) „Какимъ образомъ облегчить крестьянство въ подушныхъ деньгахъ? 2) Изъ какихъ доходовъ добавить снимаемую съ крестьянъ сумму, необходимую для поддержанія арміи? 3) Какъ разсмотрѣть штатъ? 4) Какъ исправить денежное дѣло? 5) Юстицію? 6) Торговлю?“

„Исправить денежное дѣло, торговлю, юстицію“ — исправить то, на что было затрачено Петромъ Великимъ столько энергіи, средствъ и силъ, исправить дѣло жизни Петра! И что всего любопытнѣе, эти вопросы задавались не только на другой годъ послѣ смерти Петра, но занимаютъ они мысль государственныхъ людей второго, третьяго, четвертаго и пятаго царствованій послѣ Петра.—Такъ долго не могла оправиться Россія отъ потрясеній Петровскаго царствованія, такъ мало цѣнили и ждали ближайшіе преемники Петра „плода добра“ отъ его реформъ въ настоящемъ и будущемъ, такую трудную задачу оставилъ Петръ своимъ наслѣдникамъ! Это и естественно. Послѣднимъ вѣдь Петръ оставилъ основательно „разрушенную“, но

далеко незавершенную „храмину“. Интенсивная и всеобъемлющая реформаторская дѣятельность Петра была оборвана на томъ моментѣ, когда до завершенія и плодотворныхъ слѣдствій этой дѣятельности было еще далеко, а силы и средства были истощены до послѣдней степени (недоимки, бѣгство крестьянъ, дефициты), и всѣ были утомлены и угнетены отъ этого безостановочнаго галопа Петровскихъ реформъ. Мы видѣли, какъ опереживали потребности жизни все то, что дѣлалось Петромъ для ихъ удовлетворенія, и какъ черезъ это самыя преобразованія казались неудовлетворительными [1]) при всей ихъ тяжести для народнаго благосостоянія. Отсюда вмѣстѣ съ реформой росли и недовѣріе къ ея смыслу, сомнѣніе въ ея необходимости и разочарованіе въ полезности: столько было затрачено силъ и средствъ, и никакого облегченія, никакой видимой пользы въ настоящемъ (слава и пріобрѣтенія Прибалтійскаго края считались малоцѣнными), а въ будущемъ — новыя усилія и жертвы для поддержанія этого колоссальнаго сооруженія Петровскихъ рукъ. И никого, кто бы на мѣстѣ Петра, съ его вѣрой въ преобразованія, съ его энергіей, талантомъ и неоспоримой властью, подобно ему, вдохновлялъ однихъ, подгонялъ другихъ, находилъ удачныхъ замѣстителей третьимъ, и всѣхъ вмѣстѣ объединялъ бы въ дружной, хотя бы и подневольной работѣ. Менѣе всего были пригодны къ этой роли преемники Петра Великаго вплоть до Екатерины II. О дѣтяхъ по возрасту или по развитію (Петръ II, Іоаннъ Антоновичъ, Петръ III) и говорить нечего. Не могли поднять бремя Петра и взрослыя женщины, царствовавшія въ это время. Екатерина I, хотя въ глазахъ ея сторонниковъ и „пріобрѣла искусство царствовать отъ своего супруга, который повѣрялъ ей самыя важныя тайны“, но на дѣлѣ, по мѣткому выраженію С. М. Соловьева, была „вьющимся растеніемъ, достигшимъ высоты благодаря только тому великану лѣсовъ, около котораго обвивалось; великанъ сраженъ — и слабое растеніе разостлалось по землѣ“. Екатерина сохранила знаніе лицъ и отношеній между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношеніями; но у нея не было ни должнаго вниманія къ дѣламъ, особенно внутреннимъ, и ихъ подробностямъ, ни способности начинанія и направленія. Въ этомъ отношеніи мѣсто Петра Великаго въ ея царствованіе осталось незамѣщеннымъ [2]).

Не могла замѣнить собою „мужескую персону“ и мужественная Анна, которая, по мнѣнію современниковъ, „какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна; пачежъ ей знанія законовъ не достаетъ“; кромѣ того, по мнѣнію цитируемаго автора, Татищева, „ея величеству неугодно (будетъ) самой законы сочинять“. Затѣмъ, какъ мы видѣли, и по направленію своему и по окружающимъ ее вліяніямъ Анна сознательно не могла

---

[1]) См. мою статью: „Устройство управленія при Петрѣ Великомъ“.
[2]) Соловьевъ. „Истор. Россіи“. XVIII, 279—280 стр.

По гравюрѣ Чемесова. Эрмитажъ.

быть продолжательницей дѣлъ Петра Вел. Повидимому, въ послѣднемъ смыслѣ полную ей противоположность представляла Елизавета, дочь Петра, достигшая престола въ результатѣ движенія во имя забытыхъ и поруганныхъ Петровскихъ традицій. Возстановленіе дѣлъ Петра и его „указовъ и регламентовъ“ стало лозунгомъ ея царствованія. Но дочь Петра Великаго по части трудоспособности и инициативы правленія скорѣе походила на мать, чѣмъ на отца. Заявивши въ началѣ царствованія о самостоятельномъ завѣдываніи дѣлами въ порядкѣ верховнаго управленія, Елизавета впослѣдствіи въ одномъ проектѣ указа созналась, что „напротиву того,—не всегда указы къ подписанію нашему подносимы и подписываемы могутъ съ такою скоростью, какой случающіяся дѣла и соизволенія наши, всегда ко пользѣ государства и подданныхъ касающіяся, иногда требуютъ“. И въ самомъ дѣлѣ, Елизавета не связывала себя назначеніемъ опредѣленнаго времени для пріема министровъ, канцлера, иностранныхъ дипломатовъ: для доклада неотложныхъ дѣлъ нужно было, чрезъ „припадочныхъ людей“, добиваться аудіенціи, когда императрица была свободна отъ придворныхъ увеселеній и личныхъ дѣлъ. Одинъ посланникъ объяснялъ неуспѣхъ порученнаго ему дѣла „недосугомъ“ императрицы: „Нездоровье молодого фаворита (Шувалова) перешло въ ревматизмъ, которымъ всецѣло теперь заняты заботы и мысли двора“.

Императрица Анна Іоанновна. (Музей Александра III.)

Министры Елизаветы могли поспѣшно заключать съ сосѣдями очень выгодные договоры, имѣющіе важное вліяніе на судьбы Западной Европы, но вся поспѣшность и важность ихъ парализовались неимѣніемъ времени у Елизаветы подписать ихъ: „Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, — отвѣчалъ англійскій министръ на тревожные запросы изъ Лондона,— императрица не могла найти свободной минуты, чтобы заняться дѣлами“. Одной изъ существенныхъ чертъ въ характерѣ Елизаветы, отличавшей ее отъ отца, была нерѣшительность: „Несмотря на то, что большой трудъ убѣдить въ чемъ-либо ея величество, очень легко помѣшать ей выбрать рѣшеніе. Все ея министерство, соединенное вмѣстѣ, можетъ съ трудомъ сдѣлать первое (т.-е. заставить принять рѣшеніе), и самый слабый успѣваетъ легко сдѣлать второе (т.-е. отмѣнить рѣшеніе)“.

И „птенцы Петровы“ послѣ его смерти не устояли на стражѣ дѣлъ своего учителя и командира. Сильные его волей и довѣріемъ, они энергично творили „дѣло пославшаго ихъ“, подъ непосредственнымъ его руководствомъ, подъ страхомъ отвѣтственности передъ нимъ и гипнозомъ личности этого человѣка. Со смертью Петра не измѣнились его „птенцы“ въ своихъ талантахъ, энергіи и опытѣ, но дѣло Петра, бывшее ихъ дѣломъ, не нашло въ нихъ преданныхъ продолжателей и защитниковъ. Они сильны и даже блестящи, какъ исполнители чужой воли, но оказались совершенно бездѣятельными, какъ иниціаторы и самостоятельные дѣятели въ духѣ реформъ, можетъ-быть, по привычкѣ работать подъ команду, развивать мысли, родившіяся въ другой головѣ. Трудно было имъ теперь не только поддерживать колоссальное зданіе Петра, но еще энергически, вопреки теченію, продолжать его дѣло по собственному плану, примѣняясь къ требованіямъ жизни и „ситуаціямъ сего государства“. Да и то сказать — утомились они вмѣстѣ съ Россіей и не прочь были отдохнуть, такъ какъ къ этому отдыху клонили и затишье на границахъ, и слишкомъ истощенный запасъ народной энергіи, и, наконецъ, доставшаяся въ руки власть, при слабости носительницы ея. Немудрено, что „птенцы“ Петра первые стали критиковать то дѣло, которое ихъ выдвинуло, но къ которому у нихъ теперь было мало внутреннихъ побужденій. Къ тому же, доставшаяся власть стала источникомъ разъединенія и борьбы, раздѣливши старыхъ сотрудниковъ на заклятыхъ враговъ, кончившихъ взаимоистребленіемъ и очищеніемъ мѣста для старой оппозиціи (Голицыны, Долгорукіе), для пришельцевъ (нѣмцы), или для дѣятелей второй величины (Остерманъ, Волынскій, Бестужевъ-Рюминъ и друг.). Не было воли, которая бы, какъ при Петрѣ, подавляла своекорыстные порывы всѣхъ этихъ дѣятелей, и дѣло Петра было промѣнено ими на личныя дѣлишки и домогательства фавора. Извѣстенъ афоризмъ гр. Завадовскаго, что въ Россіи „отъ самой кончины Петра I, во всѣ времена властолюбные люди, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ властвовать“.

Правда, Петръ, кромѣ отдѣльныхъ выдающихся лицъ, посвященныхъ въ свое дѣло (Меншиковъ, Ягужинскій, Толстой, Головкинъ и др.), взрастилъ цѣлое учрежденіе, которому довѣрялъ управленіе Россіей и разработку разныхъ сторонъ своего преобразованія, за личнымъ отсутствіемъ или недосугомъ. Я разумѣю Правительствующій Сенатъ [1]). Но это учрежденіе, при всей его „высокой довѣренности“, слишкомъ привыкло при Петрѣ дѣйствовать подъ его непосредственнымъ водительствомъ и личнымъ надзоромъ (непосредственно или черезъ генералъ-прокурора), чтобы послѣ Петра могло замѣнить его въ иниціативѣ и направленіи творческой дѣятельности правительства. Кромѣ того, Сенату принадлежала власть исполнительная, въ предѣлахъ узаконенныхъ уже нормъ управленія, распоряженія и суда; участіе же въ порядкѣ высшаго руководства и направленія жизни государства Сенатъ принималъ только по особому указанію носителя верховной власти; и на дѣятельность этого рода Сенатъ не только не имѣлъ права, но и возможности, по заваленности дѣлами текущаго управленія. Въ самостоятельномъ учрежденіи съ такою компетенціей самъ Петръ чувствовалъ потребность. Въ его меморіяхъ читаемъ: „О коллегіи такой подумать, которая бъ смотрѣла, что исправить, перемѣнить, оставить, вновь сдѣлать, наченши отъ порядковъ прибыли, даже до чистоты и украшенія во всемъ государствѣ“.

Анна Леопольдовна и Іоаннъ VI. (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

Если при Петрѣ Великомъ, непосредственно вѣдавшемъ этой стороной управленія, чувствовалась потребность въ подобномъ учрежденіи, то тѣмъ болѣе

[1]) См. о немъ выше въ моей статьѣ: „Устройство управленія при Петрѣ“.

въ немъ была неотступная нужда, когда на мѣстѣ Петра стали дѣти и женщины, съ властью, но безъ способности цѣлесообразно воплотить ее въ жизни государства.

Это пустое мѣсто въ дѣйствительности и заполнялось рядомъ смѣнявшихся учрежденій, которыя замѣщали собою верховную власть, то ограничивая ее юридически (Верх. Тайный Совѣтъ), то дѣйствуя именемъ верховной власти по особому довѣрію послѣдней (Кабинетъ министровъ, Конференція), но въ обоихъ случаяхъ составляя, по выраженію одного проекта временъ Елизаветы, тотъ „интервалъ между государемъ и правительствомъ", въ которомъ чувствовалась непосредственная нужда въ теченіе всей этой эпохи. Краткій очеркъ этихъ учрежденій выяснитъ ихъ настоящую роль.

Обстоятельства возникновенія Верховнаго Тайнаго Совѣта и характеръ этого учрежденія, растворившаго, такъ сказать, въ себѣ верховную власть, выяснялись уже выше. Въ своего рода объяснительной запискѣ, составленной членами Верховнаго Тайнаго Совѣта въ видѣ „мнѣнія не въ указъ", но утвержденной Екатериной, говорится: въ виду того, что „ея величество во оном Тайномъ Совѣтѣ первое президентство сама управляетъ", то онъ тѣмъ менѣе „за особливое коллегіумъ или инако почтенъ быть (т.-е. считаться) можетъ, понеже оный токмо ея величеству ко облегченію въ тяжкомъ бремени ея правительству служитъ, всѣ дѣла скорѣе отправлены и рѣшены, и болѣе, нежели отъ одного, къ ея величества безопасности и государства приращенію разсужденіе имѣть то будетъ, дабы толь безопаснѣе высокимъ ея именемъ указы выходили". Это учрежденіе не только не можетъ приравниваться къ коллегіямъ, но становится и надъ самимъ Сенатомъ, который ставится въ равное положеніе съ тремя первыми коллегіями (военной, адмиралтейской и иностранной), получаетъ отъ Совѣта „указы", а съ нимъ сносится „доношеніями", и впредь будетъ именоваться не „Правительствующимъ", а „Высокимъ Сенатомъ". Со стороны послѣдняго дѣло не обошлось безъ комической демонстраціи: „Къ вновь назначенному въ Совѣтъ (для „закрѣпы" его протоколовъ) В. П. Степанову пріѣхалъ на домъ экзекуторъ Сената Елагинъ и пытался возвратить ему присланный въ Сенатъ именной указъ объ учрежденіи Совѣта. Такъ какъ-де сенаторы его принять и „по оному чинить" исполненія не могутъ „для того, что присланъ къ нимъ указъ, велѣно Сенату быть въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ". Степановъ, конечно, не принялъ отъ Елагина возвращаемаго Сенатомъ именного указа, ссылаясь на то, что указъ этотъ сама императрица „апробовать изволила", а того указа, на который ссылается Сенатъ въ своемъ возраженіи, онъ не знаетъ, почему и предлагаетъ Елагину отправиться съ нимъ къ тѣмъ особамъ, „которыя тотъ подписали". Далѣе между Степановымъ и Елагинымъ произошла сцена, мало соотвѣтствующая достоинству тѣхъ учрежденій, отъ имени коихъ оба они дѣйствовали. А именно, когда Степановъ предложилъ Елагину

отправиться съ нимъ къ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Елагинъ объявилъ, что „ему ни къ кому ѣхать не велѣно, а велѣно отдать указъ ему, дѣйствительному статскому совѣтнику, и ежели онъ (Степановъ) его (указъ) не приметъ, то онъ (Елагинъ) его положитъ. И дѣйств. ст. сов. паки ему (Елагину) сказалъ, что онъ указа весьма принять не можетъ, и ежели онъ оставлять (указъ) будетъ, то онъ, дѣйств. т. сов., ему (указъ) за пазуху положитъ. И... экзекуторъ... принужденъ тотъ указъ паки отвезть и положить на столъ въ Сенатѣ“. Потребовалось для успокоенія Сената передать волю императрицы черезъ ея кабинетъ-секретаря, и потомъ лично на словахъ, „дабы по тому указу поступали и болѣе ея величество о томъ не трудили“ [1]). Такъ было „укращено“ взрощенное Петромъ учрежденіе его преемницей и ближайшими сотрудниками (Меншиковымъ, Толстымъ) по соображеніямъ политическимъ (уступка партіи Голицына) и временщичеству Меншикова столько же, сколько и по выяснившемуся пробѣлу въ системѣ управленія, по смерти Петра Великаго. Въ царствованіе Петра II, особенно послѣ паденія Меншикова и до уничтоженія кондицій, власть Верх. Т. Совѣта была исключительной, и въ области управленія не встрѣчала законнаго противодѣйствія.

По стар. русск. гравюрѣ.

Императрица Анна, уступая давленію давшей ей самодержавіе силѣ, по уничтоженіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, возстановила Сенатъ въ его прежнемъ значеніи „на такомъ основаніи и въ такой силѣ, какъ при дядѣ нашемъ, Петрѣ Великомъ, былъ“, и, введя въ число 21 его члена всѣхъ верховниковъ, сообщила Сенату такой блескъ и величіе, какимъ онъ никогда не обладалъ. Но въ такомъ своемъ значеніи Сенатъ не могъ долго оставаться при Аннѣ: онъ былъ опасенъ для ея только что возстановленнаго самодержавія и неудобенъ для того направленія, какое придавали царствованію Анны ея друзья изъ нѣмцевъ.

---

[1]) „Исторія Правит. Сената за 200 лѣтъ“, т. I, 362 стр.

Въ такомъ видѣ Сенатъ былъ, по справедливому замѣчанію А. Н. Филиппова, только „временной уступкой шляхетскимъ желаніямъ, съ одной стороны, и отражалъ въ себѣ лишь затруднительность положенія новаго правительства, съ другой. „Верховные господа“, какъ и другія „знаменитостп эпохи“, „были первоначально введены въ Сенатъ только потому, что на первыхъ порахъ не нашлись еще, что съ ними дѣлать, или же не желали нѣкоторымъ изъ нихъ показывать своей немилости“ [1]). Но безнаказанный разгромъ цѣлой фамиліи кн. Долгорукихъ, изъ которыхъ трое засѣдали въ Сенатѣ, былъ только началомъ разгрома и самого Сената. Князь Голицынъ самъ манкировалъ засѣданіями въ Сенатѣ, что ему потомъ и было поставлено въ вину. Выбываютъ скоро изъ Сената Ягужинскій, Остерманъ и другіе, получая новое назначеніе. Наконецъ, такъ торжественно возродившееся дѣтище Петра, получившее свою силу отъ непосредственнаго общенія съ верховной властью, опять оттѣсняется „интерваломъ между государемъ и правительствомъ“ въ видѣ Кабинетъ министровъ изъ довѣренныхъ императрицѣ и Бирону лицъ. Учрежденіе это безшумно выступаетъ на государственное поприще, съ внѣшней стороны ничего не отмѣняя и не измѣняя, точь въ точь, какъ всесильный его творецъ Остерманъ, который отъ всего открещивался въ теченіе четырехъ царствованій, и, тѣмъ не менѣе, на все вліялъ въ значительной степени.

Въ первые полтора года царствованія Анны Кабинетъ существовалъ въ качествѣ личной канцеляріи императрицы, и только съ 18 октября 1771 г. онъ объявляется не „во всенародное извѣстіе“, а только „въ прпстойныхъ мѣстахъ, куда надлежитъ“ (т.-е. въ правительственныхъ учрежденіяхъ). Въ качествѣ учрежденія, возникшаго „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному (ея величества) рѣшенію подлежащихъ, кабинетъ трехъ министровъ (Остермана, Головкина и Черкасскаго) докладывалъ императрицѣ поступавшія въ него дѣла и сообщалъ въ соотвѣтствующія учрежденія, не исключая и Сената, именные указы и резолюціи, а также требовалъ отъ нихъ объясненія и справки. Распоряжаться отъ своего имени кабинетъ не могъ, хотя фактически всѣ эти именные указы и резолюціи проходили уже въ это время чрезъ руки Кабинетъ министровъ. Только въ іюнѣ 1735 г. Кабинетъ министровъ получаетъ право издавать указы, которые, при условіи подписи ихъ тремя министрами, приравнивались къ именнымъ указамъ, и въ силу этого не только фактически, но и юридически превращается въ высшій органъ управленія, раздѣлявшій съ верховной властью ея права, по довѣренности послѣдней. Въ такомъ видѣ онъ просуществовалъ до воцаренія Елизаветы Петровны. Мѣнялись въ немъ лица, пользующіяся бо̀льшимъ или меньшимъ довѣріемъ обладателей вер-

---

[1]) „Исторія Правит. Сената за 200 лѣтъ“, т. I, 484 стр.

ховной власти, но внѣшнее положеніе его оставалось неизмѣннымъ при Аннѣ такъ же, какъ въ регентство Бирона и Анны Леопольдовны: не даромъ вступившей на престолъ Елизаветѣ Кабинетъ министровъ представлялся „сочиненнымъ въ равной силѣ, какъ былъ Верховный Таѣный Совѣтъ,—токмо имя перемѣнено“... Разница, конечно, была и весьма существенная: Совѣтъ дѣйствовалъ совмѣстно съ верховной властью, какъ учрежденіе, ограничивающее ее въ силу основного закона, и далеко не по доброй волѣ носительницы этой власти; Кабинетъ же, имѣя одинаковую съ Совѣтомъ компетенцію, свои полномочія основывалъ на довѣріи и доброй волѣ неограниченной монархини. Но это не помѣшало обоимъ названнымъ учрежденіямъ высоко стоять надъ системой подчиненныхъ имъ правительственныхъ учрежденій, включая сюда и Сенатъ.

При Елизаветѣ Петровнѣ въ области верховнаго управленія въ общемъ наблюдается какъ бы повтореніе явленій предшествующаго царствованія. Вначалѣ, какъ и слѣдовало ожидать, торжественное возстановленіе учрежденій Петра Великаго. Елизавета объявляетъ своему Кабинету, составившемуся при ней въ первые дни царствованія, свое „намѣреніе, чтобъ правительство возобновить на томъ фундаментѣ, какъ оное было при жизни... Петра Великаго, и для того бы Сенату быть въ такой силѣ, какъ оный въ то время былъ, и ея императорское величество сама своею высочайшею особой присутствовать въ немъ намѣреніе свое имѣетъ“... Но послѣднее намѣреніе не часто осуществлялось, и чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже, за недосугомъ личныхъ дѣлъ, увеселеній и богомольства благочестиво-веселаго двора Елизаветы. Это не мѣшало Сенату въ первую половину царствованія Елизаветы играть, дѣйствительно, видную роль въ управленіи, настолько видную, что для иностранцевъ казалось даже, что русскому самодержавію грозитъ опасность со стороны Сената. Шведскій министръ Руденшильдъ утѣшалъ Фридриха Великаго въ такихъ выраженіяхъ: „Какъ ваше величество, такъ Швеція должны радоваться, что правленіе Россіи въ рукахъ Сената, а у министерства руки связаны, чего прежде не было при Кабинетѣ, который давалъ большую силу самодержавію“.

Впрочемъ, „недосугъ“ императрицы заниматься дѣлами часто парализовалъ дѣятельность этого на взглядъ могущественнаго Сената не меньше, чѣмъ Елизаветинскихъ министровъ и дипломатовъ, и Правительствующему Сенату приходилось умиленно и униженно просить секретаря личнаго кабинета Елизаветы, П. А. Черкасова, уловить минутку для доклада сенатскихъ дѣлъ и напомнить о неотложности нѣкоторыхъ резолюцій, но часто вотще были ихъ старанія и просьбы. Это обстоятельство во всякомъ случаѣ ставило Кабинетъ Елизаветы и „припадочныхъ“ къ ней людей въ тотъ „интервалъ между государемъ и правительствомъ“, который естественно образовался при бездѣятельности императрицы. Но дѣла могли такъ тянуться только

при медленномъ и спокойномъ темпѣ первой половины царствованія Елизаветы. Начавшаяся при ней война за австрійское наслѣдство, втянувшая и Россію, заставила заполнить этотъ интервалъ болѣе дѣятельнымъ и полномочнымъ учрежденіемъ, чѣмъ Кабинетъ.

На этомъ настаиваютъ Бестужевъ-Рюминъ и вороха экстренныхъ дѣлъ, оставшихся безъ движенія въ кабинетѣ. 14 марта 1756 г. созвана была во дворцѣ „Конференція“ изъ десяти самыхъ близкихъ къ императрицѣ лицъ и министровъ. Лично присутствовавшая на этой Конференціи императрица „объявить и приказать соизволила, чтобы для произведенія съ лучшимъ успѣхомъ... весьма важныхъ дѣлъ и для скорѣйшаго исполненія монаршей воли и повелѣній собираться нижеподписавшимся въ каждой недѣлѣ по два раза—по понедѣльникамъ и четвергамъ на Конференцію при дворѣ“. Самостоятельныхъ полномочій и компетенціи не было опредѣлено для этого учрежденія, какъ и для Кабинета министровъ въ 1731 г.: Конференціи предоставлено было право сноситься со всѣми учрежденіями и лицами „рескриптами“ отъ имени верховной власти, хотя бы эти рескрипты и не были подписаны императрицей; при чемъ Сенатъ не былъ подчиненъ Конференціи, оставаясь „въ прежней силѣ“. Но эта неопредѣленность компетенціи новаго учрежденія, въ связи съ близостью его къ верховной власти, именемъ которой распоряжалась теперь Конференція, содѣйствовала на практикѣ развитію такой власти Конференціи, какая ставитъ ее въ уровень съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и Кабинетъ министрами. Конференція „указываетъ“, „предлагаетъ къ исполненію“, „наисильнѣйше рекомендуетъ“ „какъ только можно скорѣе исполнить“ коллегіямъ такъ же, какъ и „Правительствующему“ Сенату, который иногда протестуетъ противъ формы сношеній и отдѣльныхъ выраженій, но фактически исполняетъ волю императрицы, направленную и преломленную въ Конференціи. Въ такомъ видѣ это учрежденіе переживаетъ даже Елизавету.

Сказанное достаточно поясняетъ вызванную личными свойствами преемниковъ Петра въ данную эпоху необходимость въ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ отъ имени верховной власти или поглощающихъ ее, въ порядкѣ верховнаго управленія. Эти-то учрежденія и занимались, главнымъ образомъ, не сходившимъ съ очереди въ эту эпоху вопросомъ, какъ исправить бремя крестьянскаго тягла, финансы, штаты, юстицію, торговлю и прочее.

IV.

Внутренняя политика.

Безотрадную картину представляла Россія послѣ смерти Петра I. Меншиковъ, Макаровъ, Остерманъ, Волковъ и Ягужинскій въ поданныхъ ими мнѣніяхъ объ „исправленіяхъ“ съ откровенностью обнажаютъ язвы Россіи.

Photo

„Если армія такъ нужна,—говорили названные птенцы Петра, — что безъ нея государству стоять невозможно, то и о крестьянахъ надобно имѣть попеченіе, потому что солдатъ съ крестьяниномъ связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата. Теперь надъ крестьянами десять и больше командировъ находятся, вмѣсто того, что прежде (до Петра) былъ одинъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, называться могутъ; тому жъ подобны и многіе приказчики, которые за отлучкою помѣщиковъ своихъ надъ бѣдными крестьянами творятъ, что хотятъ... Мужикамъ бѣднымъ страшенъ одинъ въѣздъ и проѣздъ офицеровъ и солдатъ, комиссаровъ и прочихъ командировъ, тѣмъ страшнѣе правежъ и экзекуціи; крестьянскихъ пожитковъ въ платежъ податей недостаетъ, и крестьяне не только скотъ и пожитки продаютъ, но и дѣтей закладываютъ, а иные и врознь бѣгутъ... Хотя и прежде крестьяне бѣгали, однако бѣгали въ своемъ государствѣ отъ одного помѣщика къ другому, а теперь бѣгутъ въ Польшу, къ башкирцамъ, въ Запорожье, въ расколъ: и такъ мы нашими крестьянами снабжаемъ не только Польшу, но и собственныхъ своихъ злодѣевъ“. А тутъ еще „уже нѣсколько лѣтъ хлѣбу родъ худой и отъ подушнаго сбору происходитъ великая тягость, отъ того, а) что бѣглые и умершіе и взятые въ солдаты... не выключены изъ плательщиковъ; б) престарѣлые; г) увѣчные и младенцы... въ тотъ же окладъ положены, а подушныя деньги правятъ на наличныхъ, чего ради въ такое неурожайное время крестьяне не токмо лошадей и скотъ, но и сѣменной хлѣбъ распродавать принуждены, а сами терпѣть голодъ... и великое число умершихъ отъ голоду... Послѣ расположенія полковъ на квартиры въ душахъ такой ущербъ является, что въ одномъ Вологодскомъ полку, который расположенъ въ Казанской губерніи, убыло (изъ населенія, содержащаго этотъ полкъ) слишкомъ 13.000 человѣкъ... Да въ той же губерніи изъ опредѣ-

Принцесса Анна Леопольдовна. По стар. гравюрѣ. Собр. Ровинскаго. (Румянцевскій музей.)

леннаго числа душъ на тамошній гварнизонный (sic) полкъ бѣжало въ Башкиры 2.043 души“...

„Купечество въ Россійскомъ государствѣ едва не совсѣмъ разорено... Не полезнѣе ли будетъ купечеству дать волю ѣздить туда съ товаромъ, куда ему способно, и для того отворить портъ Архангельскій... Къ Архангельску провозъ товаровъ дешевле былъ, чѣмъ къ Петербургу... Нельзя не упомянуть о холстахъ россійскихъ, которыми прежде много тысячъ крестьянъ кормилось; а когда указъ (Петра) состоялся, чтобъ не ткать больше узкихъ холстовъ, но ткать холсты на широкія берда, то крестьянству прибыла немалая тягость и въ казну убытокъ, потому что крестьянину широкаго стану сдѣлать нечѣмъ и широкаго берда купить не сможетъ, а у иныхъ крестьянъ и въ избахъ столько мѣста нѣтъ, гдѣ такой широкій станъ поставить: разорились отъ этого крестьяне сѣверные, у которыхъ хлѣба мало родится“...

И какъ естественный результатъ этого истощенія платежныхъ силъ страны—систематическія недоимки, которыя съ каждымъ годомъ во всякомъ случаѣ не падали.

Изъ 7.804.880 рублей оклада 1724 года было недобрано 2.086.039 рублей, т.-е. 26,7% ожидаемаго сбора, въ частности недоимки подушной подати равнялись 33%; впрочемъ, недоимка этого года казалась пустяками сравнительно съ тѣмъ, что дали податные сборы 1726 года, когда недоимка во многихъ полковыхъ дистриктахъ превосходила половину оклада, доходя въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 82 и 83% окладной суммы.

Намѣченная картина характерна не для одного только царствованія Екатерины I. Ко времени учрежденія доимочнаго приказа при Аннѣ Іоанновнѣ (1732 г.) считалось недоимки около 15 милліоновъ, и поступленія этого времени не свидѣтельствовали о поправленіи народнаго хозяйства. Въ 1734 году, напр., съ дворцовыхъ селъ и волостей приходилось взять 154.842 руб., а взято только 84.485 руб.; сборщики и плательщики объясняли эти недоборы скудостію крестьянъ, неурожаемъ хлѣба и побѣгами. Бирономъ не хотѣлъ знать того, что ясно было для министровъ Екатерины I, и его экзекуціонныя мѣры по выбиванію податей и недоимокъ привели, какъ извѣстно, еще къ большимъ побѣгамъ и разоренію народнаго хозяйства. Двадцатилѣтнему управленію Елизаветы, сравнительно бережно относившейся къ платежнымъ силамъ населенія, не удалось поправить ни народнаго хозяйства, ни тѣмъ болѣе зависѣвшихъ отъ него государственныхъ финансовъ, вслѣдствіе тяжелыхъ войнъ конца царствованія. Правительство Екатерины I, какъ мы видѣли, поставило правильный діагнозъ недомоганіямъ народной и государственной жизни, оно же намѣтило и пріемы борьбы съ ними, частью уже имѣвшіе прецеденты въ прошломъ, частью отвѣчающіе новымъ условіямъ эпохи. Государственные люди видѣли, что корень систематическихъ

недоимокъ и бѣгства крестьянъ лежитъ, съ одной стороны, въ хроническомъ несоотвѣтствіи бюджета платежнымъ средствамъ населенія, съ другой—въ чрезмѣрномъ истощеніи народнаго хозяйства вообще. Выводъ отсюда естественный — установить приблизительное соотвѣтствіе между требованіями фиска и платежными силами тяглецовъ, путемъ пониженія налоговъ и уменьшенія расходовъ; найти способы пополненія государственнаго бюджета, минуя обременительные пріемы обложенія, и главное, принять мѣры къ поднятію производительныхъ силъ страны, оздоровить и укрѣпить сельское хозяйство въ его корняхъ.

Въ этомъ направленіи, подталкиваемыя необходимостью, и стали дѣйствовать лучшія правительства эпохи.

Въ первую очередь было рѣшено при Екатеринѣ I уменьшить размѣры подушной подати съ 74 коп. до 70 коп.; но мѣра оказалась недѣйствительною, и Сенатъ докладывалъ, что „дѣйствительнымъ сборомъ оказалось никакимъ образомъ того платежа понести не могутъ, и осталось положеннаго на крестьянъ окладу и недоимокъ близъ милліона“; Сенатъ рекомендовалъ, по выясненіи дѣйствительныхъ плательщиковъ, взять съ наличныхъ по 60 коп. съ души на 1726 г., а въ слѣдующій годъ брать по 70 коп.; но въ слѣдующемъ году, уже по рѣшенію Верховнаго Тайнаго Совѣта, подушная подать за майскую треть совсѣмъ была прощена крестьянамъ; при этомъ недоимки предшествующаго года было предписано собрать не съ крестьянъ, а съ ихъ помѣщиковъ или, за отсутствіемъ послѣднихъ, съ ихъ приказчиковъ, старостъ и выборныхъ: ибо извѣстно, мотивировалось это рѣшеніе, что въ небытность помѣщиковъ въ деревняхъ приказчики ихъ что хотятъ, то и дѣлаютъ, слѣдовательно, они виновники и недоимокъ... Несмотря на алчность Аннен-

Императрица Елизавета Петровна. По стар. рус. гравюрѣ.

скаго финансоваго правленія, даже Анна вынуждена была пойти по стопамъ предшественниковъ. „Всѣмъ извѣстно,—говорила Анна въ манифестѣ по поводу недоимокъ, — что въ 1730 г. подушныя деньги на майскую треть, а потомъ, въ 1735 г. на первую половину года съ всего государства сложены, всего близъ 4 милліоновъ рублей“; болѣе $2^1/_2$ милліоновъ рублей было сложено недоимокъ подушной подати въ 1752 г., накопившихся съ 1724 по 1747 г., несмотря на заявленіе Елизаветы, что „имперія такъ сильно возросла, что лучшаго времени своего состоянія, какое донынѣ ни было, несравненно превосходитъ въ умножившемся доходѣ государственномъ и народѣ“... Въ 1753 г. нашли возможнымъ подушную подать еще уменьшить на 5 коп. съ души.

Къ „великому же облегченію крестьянства“ была отмѣнена въ 1727 г. мѣра Петра о распредѣленіи полковъ среди населенія. „Какъ для лучшаго содержанія полковъ, такъ и для облегченія подданныхъ, — говорилось въ указѣ Екатерины I,—впредь полки селить при городахъ и преимущественно пограничныхъ и такихъ, гдѣ хлѣбъ дешевле и обиліе лѣса“.

Произведенной при Елизаветѣ ревизіей (1743—1747 гг.) была сдѣлана попытка выяснить дѣйствительныя платежныя силы населенія, чтобы налоги распредѣлялись по наличнымъ плательщикамъ, а не обременяли однихъ за ускользавшихъ или выбывшихъ изъ тягла другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались мѣры къ возвращенію бѣглыхъ на ихъ прежнія мѣста прикрѣпленія: для этого не ограничивались сыскомъ бѣглыхъ внутри государства, но въ международныхъ договорахъ (напр., съ Швеціей) вводились §§ о размѣнѣ бѣглыми, и послѣ русское правительство не разъ представляло шведамъ, что число возвращенныхъ не соотвѣтствуетъ числу бѣжавшихъ. Наконецъ хотѣли облегчить тяжести податныхъ повинностей, переводя ихъ въ 1727 г. съ денежныхъ на натуральныя, гдѣ этого пожелали бы сами крестьяне. Но всѣ эти мѣры исправляли только послѣдствія разоренія народа, и въ лучшемъ случаѣ уменьшали дѣйствіе обложенія, непосильнаго для разореннаго хозяйства страны, но мало содѣйствовали оздоровленію этого хозяйства, усиленію его производительныхъ силъ. Правительства эпохи дворцовыхъ переворотовъ обратили свое вниманіе и на эту сторону дѣла и пытались разрѣшить этотъ трудный вопросъ въ духѣ экономическаго строя эпохи и интересовъ господствующаго сословія.

Уже въ поданныхъ Екатеринѣ I мнѣніяхъ объ исправленіи Петровскаго наслѣдства, сотрудники Петра рекомендовали „двѣ части офицеровъ, урядниковъ и рядовыхъ, которые изъ шляхетства, отпустить по домамъ, а третью долю оставить при полкахъ—иноземцевъ и безпомѣстныхъ, которые безъ жалованія прожить не могутъ, отъ чего будетъ двойная прибыль: жалованіе ихъ (т.-е. отпущенныхъ по домамъ) въ казнѣ останется, деревни свои осмотрятъ и въ порядокъ приводить станутъ“. Мы цитировали уже

Фоккеродта, который передаетъ жалобы русскаго шляхетства на разорительную для дворянъ постоянную службу въ полкахъ: „разоряютъ не на животъ, а на-смерть нашихъ крестьянъ; да и мы сами должны... многіе годы къ ряду жить вдалекѣ отъ своихъ домовъ и семействъ, входить въ долги, между тѣмъ отдавать свои помѣстья въ варварскія руки нашихъ чиновниковъ, которые заурядъ такъ ихъ доймутъ, что, когда, наконецъ, придетъ такое благополучіе, что насъ по старости или по болѣзни уволятъ, намъ и всю жизнь не поправить свои хозяйства!“.. Подобные взгляды шляхетства были извѣстны правительству. Въ безыменномъ проектѣ, поданномъ въ Анненскій кабинетъ, отпускъ шляхетства въ помѣстья разсматривался, какъ панацея отъ недуговъ современной автору Россіи. Въ немъ говорилось: „Въ отлученіи всего шляхетства отъ своихъ домовъ, всѣми ихъ домами и деревнями владѣютъ приказчики и старосты, которые непорядками своими помѣщиковъ и крестьянъ разоряютъ, шляхетство своимъ фамиліямъ вспоможенія учинить не можетъ, а въ крестьянскихъ сборахъ доимки, крестьяне помѣщикову и свою пашню запускаютъ, въ воровствахъ и разбояхъ являются, тюрьмы таковыми вездѣ наполнены. Надобно опредѣлить двойное число оберъ-офицеръ и расписать въ полки пополамъ, отпустить одну половину въ домы безъ жалованья, а другой половинѣ быть три года въ полку неотлучно. Притомъ не соизволено ли будетъ нѣкоторое опредѣленное время положить, сколько въ военной и штатской службѣ быть, а потомъ отставлять: то бъ всякій съ прилежаніемъ и охотою службу свою отправлялъ въ такой надеждѣ, что ежели Богъ вѣку его продолжитъ, будетъ имѣть время деревнями своими довольствоваться и веселиться и экономіи свои исправлять; а изъ сего еще польза: 1) особливыхъ офицеровъ и солдатъ на вѣчныхъ квартирахъ держать не для чего; но всякій помѣщикъ вначалѣ въ своихъ деревняхъ порядочный сборъ подушныхъ денегъ установитъ и деревни въ лучшее состояніе привести можетъ. 2) Охранены будутъ крестьяне отъ воеводскихъ и приказныхъ лишнихъ сборовъ и нападокъ. 3) Можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ безъ высылки заплатить. 4) Крестьянъ отъ воровства удерживать не потребны будутъ сыщики, отъ которыхъ не меньше офицерскаго бываетъ обывателямъ разоренія“.

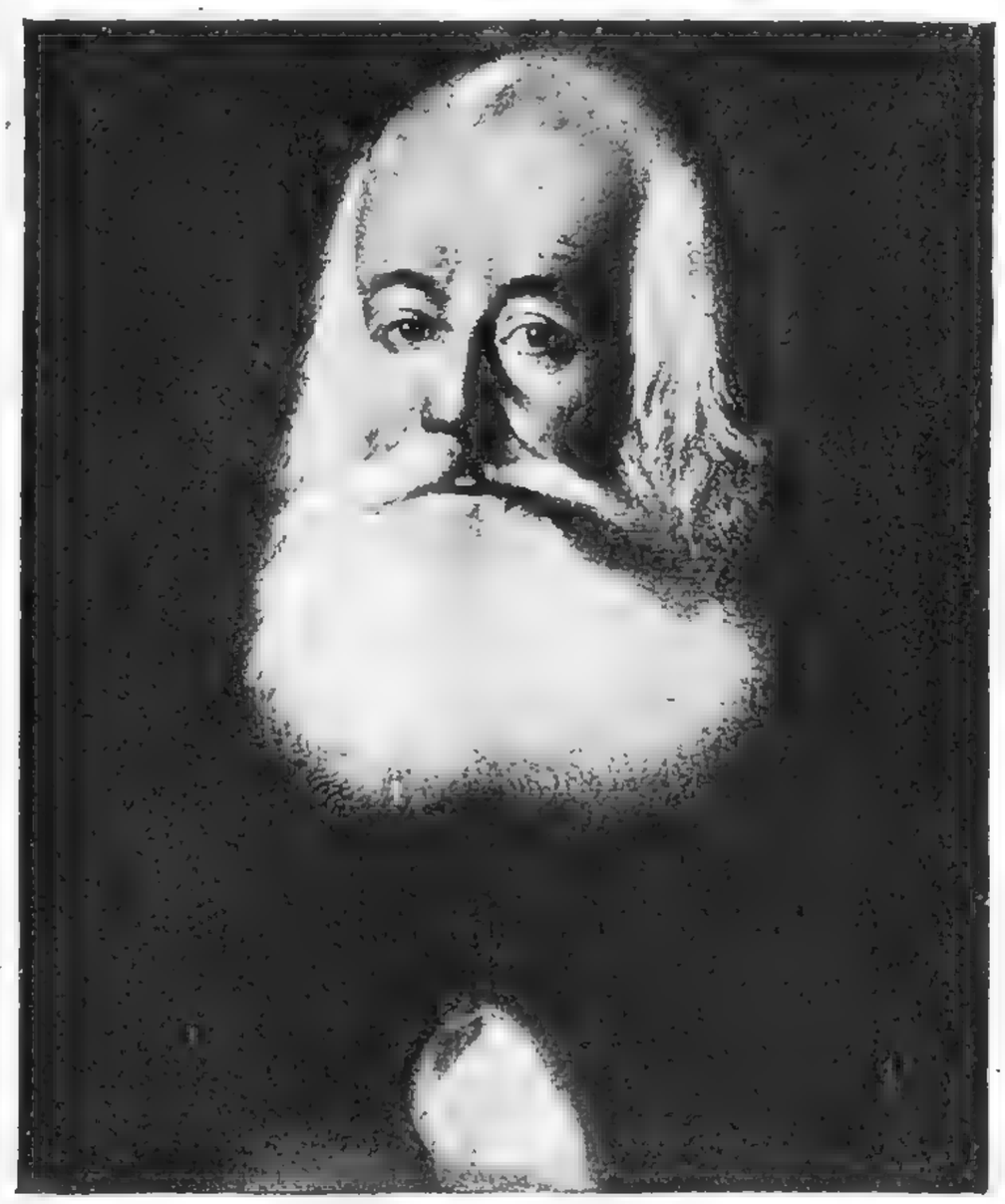
Ограниченіе военной службы 25-лѣтнимъ срокомъ, съ „употребленіемъ въ военную службу отъ 20 лѣтъ“, чтобы не старымъ получать увольненіе въ деревни, освобожденіе отъ военной службы одного изъ братьевъ, при нѣсколькихъ братьяхъ въ семьѣ „для смотрѣнія (ихъ общихъ) деревень и экономіи“ было официальнымъ признаніемъ правоты шляхетскихъ стремленій „для лучшей государственной пользы и содержанія шляхетскихъ домовъ и деревень“, какъ говорилось въ манифестѣ императрицы Анны отъ 31 декабря 1736 года.

Мѣрою этой правительство стремилось достигнуть разносторонних ъ результатовъ: мы не говоримъ уже о политическихъ побужденіяхъ—вознагра-

дить шляхетство за услуги, оказанныя ими Аннѣ возстановленіемъ самодержавія, что составляло наиболѣе пріятный даръ для шляхетства; съ политическими мотивами здѣсь перешлетались и финансово-экономическія соображенія. Правительство и шляхетство видѣли одну изъ основныхъ причинъ разоренія тяглаго крестьянства въ безконтрольномъ хозяйничаньѣ приказчика въ помѣстьѣ и чиновника въ податномъ дистриктѣ, при отсутствіи хозяйскаго присмотра и патрональной защиты помѣщика. Съ этой точки зрѣнія освобожденіе части шляхетства въ полный отпускъ въ деревню и всего военнаго и служилаго шляхетства послѣ 25 лѣтъ службы въ помѣстья казалось мѣрой столько же хозяйственной, сколько и государственной. Признавалось молчаливое согласіе интересовъ помѣщика и фиска,—такъ какъ личное наблюденіе шляхетства за помѣстнымъ хозяйствомъ должно было, по мнѣнію законодателей, увеличивать доходность этого хозяйства и вмѣстѣ поднимать податную платежеспособность тяглецовъ, и въ лицѣ отпущеннаго въ деревню шляхтича казна пріобрѣтала такимъ образомъ отвѣтственнаго агента по исправному сбору подушной подати, отвѣтственнаго потому, что теперь на помѣщика переносится обязанность вносить подати за своихъ крестьянъ, за своею имущественною и личною отвѣтственностью. Высказанная при Екатеринѣ I въ видѣ предположенія, мысль эта воплощается при Аннѣ (27 іюня 1731 г.) въ законъ, которымъ предписывалось помѣщикамъ или ихъ управляющимъ собирать съ своихъ крестьянъ подать по полугодіямъ и отвозить ее къ воеводѣ въ опредѣленный срокъ. Экзекуціонные обряды и правежи, которымъ подвергалъ Бирономъ запустившихъ подушную подать, показали помѣщикамъ обратную сторону ихъ, такъ сказать, „служебнаго“ хозяйничанья въ деревняхъ. Разразившійся въ 1733—1735 гг. неурожай съ его тяжелыми послѣдствіями для крестьянства вызвалъ нѣсколько разъ повторенный указъ объ обязанности землевладѣльцевъ кормить своихъ крестьянъ и давать имъ хлѣбъ на обсѣмененіе полей; вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось переселять самовольно крѣпостныхъ изъ одного помѣстья въ другое, „дабы отъ такого безуказнаго перевода въ платежѣ подушныхъ денегъ и рекрутъ... не было помѣшательствъ и недоимокъ“... Но эти обязательства требовали и полномочій, чтобъ помѣщикъ могъ безпрепятственно развернуть свою предпріимчивость въ отведенной ему новой области управленія. И правительство не скупится въ надѣленіи его такими полномочіями: обязательство собирать подати, вмѣсто прежнихъ податныхъ чиновниковъ (комиссаровъ), влекло за собой неограниченную власть помѣщика въ распоряженіи крѣпостнымъ трудомъ и его эксплуатаціи. Рядомъ другихъ указовъ 1736 г., 1758 г. и 1760 г. правительство вручало помѣщику обширную судебно-полицейскую власть съ правомъ слѣдить за поведеніемъ крестьянъ и налагать на нихъ наказанія вплоть до ссылки въ Сибирь, съ зачетомъ сосланныхъ за рекрутъ. Правительство тѣмъ охотнѣе надѣляло

шляхетство этими полномочіями, что съ перенесеніемъ на помѣщика обязанностей по сбору податей и судебно-полицейскаго управленія являлась возможность упразднить соотвѣтственную областную администрацію (комиссаровъ) и сократить часть расходовъ на управленіе; сокращеніе расходовъ достигалось еще и въ томъ отношеніи, что съ уменьшеніемъ служилаго военнаго шляхетства сокращались и расходы по арміи. Вообще говоря, упрощеніе и сокращеніе сложной системы Петровскихъ учрежденій, областныхъ и частью центральныхъ, непрерывно продолжалось при преемникахъ Петра Великаго въ цѣляхъ удешевленія этого управленія.

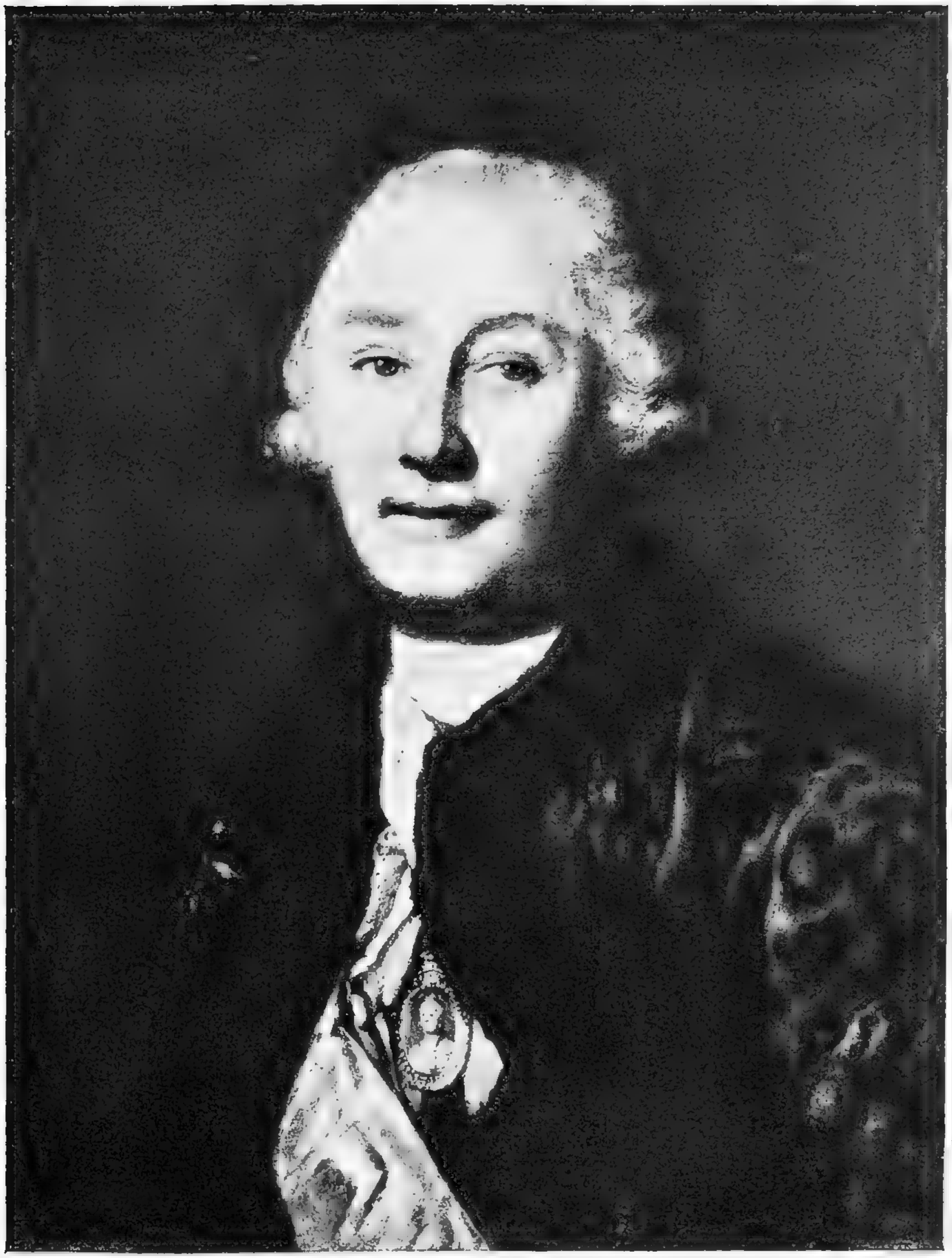
На Петровскую областную реформу рѣзко ополчились сотрудники Петра, едва онъ смежилъ очи. Въ докладѣ Меншикова, Остермана, Макарова и Волкова говорилось: „Теперь надъ крестьянами десять и больше командировъ находится, изъ воинскихъ, начавъ отъ солдата до штаба и генералитета, а изъ гражданскихъ—отъ фискаловъ, комиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные волками, въ стадо ворвавшимися, называться могутъ“. Между тѣмъ эта сложная, тяжелая и дорогая машина недостаточно гладко и цѣлесообразно дѣйствовала: „Народу отъ многихъ и разныхъ управителей тягости и волокиты“, говорили въ Верховн. Тайн. Совѣтѣ о Петровскихъ учрежденіяхъ, приписывая имъ эти исконныя явленія русской дѣйствительности, и при этомъ настолько добросовѣстно забывали „тягости и волокиты“ старыхъ воеводско-приказныхъ порядковъ, что видѣли въ возвращеніи къ нимъ средство къ исцѣленію „волокиты и тягостей“: „прежде бывали во всѣхъ городахъ одни воеводы, и всякія дѣла какъ государевы, такъ челобитчиковы, также по присылаемымъ изъ всѣхъ приказовъ указомъ исправляли и были безъ жалованья, и управленіе однимъ человѣкомъ было лучше, люди были довольны“. Въ результатѣ въ 1727 г. были уничтожены должность рекетмейстеровъ, надворные суды, при чемъ судъ и расправа снова соединены были въ рукахъ забытой памяти губернаторовъ и воеводъ, „понеже,—говорила Екатерина I,—чинъ воеводскій



Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ въ ссылкѣ.
(Оруж. палата.)

уѣзднымъ людямъ въ отправленіи всякихъ дѣлъ можетъ быть страшнѣе", а „нашимъ подданнымъ тѣмъ показано можетъ быть облегченіе, и вмѣсто бы разныхъ многихъ канцелярій и судей знали бы одну канцелярію и... въ дачѣ жалованья напраснаго убытку не было бы". Посягнули даже на центральныя учрежденія Петра. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ указывали на лишнія канцеляріи и коллегіи, а въ необходимыхъ коллегіяхъ усматривали слишкомъ большой ихъ составъ; поэтому рѣшено было сократить персоналъ коллегій до 6 человѣкъ, изъ которыхъ трое засѣдаютъ въ коллегіи, а трое живутъ по домамъ, смѣняясь погодно; при Аннѣ мануфактуръ- и бергъ-коллегіи сливаются съ коммерцъ-коллегіей въ одну. Но и этотъ урѣзанный персоналъ старались содержать подешевле. Такъ, въ 1736 г. рѣшили выплачивать чиновникамъ жалованье сибирскими и китайскими товарами, въ 1739 г., по старому закону Петра I, постановлено было гражданскимъ чинамъ уменьшить оклады до половины окладовъ, соотвѣтствующихъ по табели чиновъ военныхъ. Впрочемъ, отъ такого упрощенія Петровской администраціи и урѣзыванія штатовъ дѣла не пошли лучше,—„волокита и тяжести народныя" не уменьшились; напротивъ, воеводы оказались волками не менѣе хищными, чѣмъ были всѣ эти камериры, комиссары и т. п., и Анна вынуждена была сокращать срокъ воеводскаго управленія, открыто признавая, что „многіе воеводы чинятъ людямъ великія обиды"... Не уменьшилась и волокита: по докладу Сената въ мартѣ 1730 г. въ одной Московской губернской канцеляріи съ 1727 г. накопилось 21.388 невершенныхъ дѣлъ, перенесенныхъ изъ надворнаго суда къ губернатору! Анна и еще полнѣе Елизавета вынуждены были возстановить нѣкоторыя изъ отмѣненныхъ учрежденій Петра Великаго. Единственно, что было достигнуто этою ломкою Петровской системы управленія, это сравнительное сокращеніе расходовъ на его содержаніе, но это сокращеніе, впрочемъ, было сдѣлано въ пользу манежей и тировъ, а не ради облегченія народной „тяжести". Не безынтересно сопоставить нѣкоторыя цифры бюджета 1734 г. Изъ 8 милл. расходовъ тратилось на армію и флотъ около $6^1/_2$ милл.; остальные 1.285 тыс. шли на удовлетвореніе прочихъ государственныхъ потребностей, при чемъ на дворъ Анны тратилось 260.000 руб., а на центральное управленіе 180.000; на придворное конюшенное вѣдомство съ Бирономъ во главѣ 100.000, а на всю областную администрацію 51.000 руб.; на содержаніе Анны Леопольдовны 61.000, а на жалованіе учителямъ вмѣстѣ съ геодезистами 4.500 руб.; на строенія тратилось 256.000, а на жалованіе высшихъ государственныхъ сановниковъ 96.000 рублей..

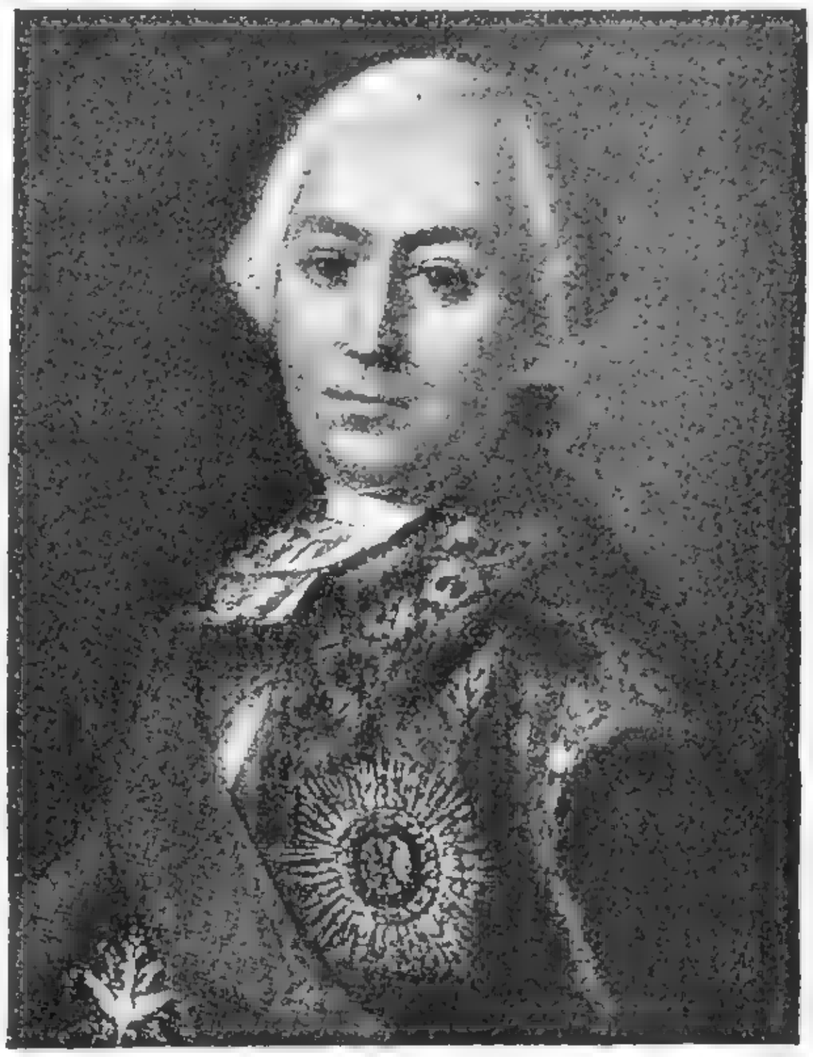
Дешево стоящая правительству администрація всею тяжестью своей традиціонной алчности и недобросовѣстности ложилась на народное благосостояніе, такъ какъ не получавшіе жалованья чиновники вынуждены были открыто перейти къ системѣ кормленій и „посуловъ". И во всякомъ случаѣ



Рокотовъ. И. И. Шуваловъ. Музей Александра III.

не въ экономіи на учрежденіяхъ находили облегченіе народнымъ тяжестямъ, равно какъ не въ отпускѣ помѣщиковъ по деревнямъ крылось возрожденіе народнаго хозяйства, такъ какъ достигаемое въ послѣднемъ случаѣ улучшеніе покупалось цѣною полнаго рабства и произвола, воцарившагося въ отношеніяхъ опекаемыхъ и опекуновъ.

Нѣкоторымъ временнымъ облегченіемъ тяжести государственныхъ требованій, предъявляемыхъ народному хозяйству, представлялись мѣры и операціи въ области финансовъ. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣляется царствованіе Екатерины I и Елизаветы Петровны: правительство Анны пробавлялось только выжиманіемъ податей и недоимокъ по готовымъ образцамъ. При Екатеринѣ I въ 1727 г. возобновляется дѣятельность московскаго монетнаго двора, гдѣ за послѣдніе годы дѣло велось „раковымъ ходомъ“, по свидѣтельству Волкова. Рѣшено было въ короткій срокъ сдѣлать мѣдной пятикопеечной монеты для перваго раза на 2 милл.; велѣно чеканить ихъ старымъ штемпелемъ, какъ будто готовятся они на перемѣну старыхъ пятаковъ, и предписывалось держать въ полномъ секретѣ количество выпущенной монеты, чтобъ въ другихъ государствахъ не имѣли о Россіи предосудительныхъ сужденій по поводу этой операціи. Прожектеръ Елизаветинскаго царствованія, П. Шуваловъ, побуждаемый корыстолюбіемъ столько же, сколько стремленіемъ „найти нужныя суммы для удовлетворенія роскоши императрицы“, повторилъ операцію съ мѣдными деньгами. Онъ перелилъ старыя пушки, это „неизвѣстное и погибшее сокровище“, въ деньги, при чемъ уменьшилъ вѣсъ старой мѣдной монеты вдвое, мотивируя это и прибылью казнѣ, и облегченіемъ населенія въ томъ смыслѣ, что такія деньги вдвое легче будетъ перевозить: эта операція дала возможность Шувалову не только содержать особый корпусъ, но и учредить ссудный дворянскій банкъ, занимая изъ котораго, „должно было платить по 2% и черезъ нѣсколько лѣтъ внести капиталъ серебромъ“. Впрочемъ, операціи эти, удовлетворяя неотложную нужду, въ конечномъ счетѣ отражались тяжело на народномъ хозяйствѣ. Если вѣрить кн. М. Щербатову, впрочемъ, большому недоброжелателю П. Шувалова, „бѣдные подданные на капиталѣ мѣдныхъ денегъ хотя не вдругъ, но $^3/_5$ капиталу своего потеряли“. Да и банковыя операціи



Гр. А. И. Шуваловъ. Ротари. (Гатчинскій дворецъ.)

принесли, по мнѣнію того же Щербатова, больше пользы организатору банка, чѣмъ кліэнтамъ, на которыхъ онъ былъ разсчитанъ. „Кто самъ банкомъ воспользовался?“ спрашиваетъ Щербатовъ, и отвѣчаетъ: „самъ (Шуваловъ) взялъ милліонъ; Готъ, взявшій у него на откупъ олонецкіе лѣса и взятыя деньги отдавшій ему; армяне, взявшіе въ монополію астраханскій торгъ и большую часть взятыхъ денегъ отдавшіе ему; кн. Б. С. Голицынъ, который, увѣряютъ, изъ 20 тыс. взятыхъ денегъ токмо 4 тыс. въ пользу себѣ употребилъ“.

Тому же Шувалову принадлежитъ обращеніе соляного промысла и винной продажи въ статью экстреннаго усиленія доходовъ про черный день. Усилившіеся расходы во время войнъ Елизаветы поставили ребромъ вопросъ объ усиленіи быстро опустѣвшаго казначейства. Играя на стремленіи Елизаветы „относительно народа оказывать большую умѣренность“, Шуваловъ доказывалъ, что для экстренныхъ сборовъ для населенія будетъ менѣе чувствительно внести эти налоги въ видѣ косвеннаго сбора, чѣмъ въ формѣ прямой подати. Требуется, говорилъ онъ, усилить бюджетъ на 2.028.815 руб. Если эту сумму собрать съ положенныхъ въ подушный окладъ, то придется съ числа нынѣ обревизованныхъ душъ, именно съ 6.491.781, сверхъ обыкновеннаго подушнаго сбора положить на душу по $31^1/_2$ копейки, что будетъ имъ чрезвычайно тяжело, да и нельзя надѣяться, что бездонмочно можно набрать; другое дѣло, если разложить эту сумму на потребляемую въ государствѣ соль и вино. Извѣстно, говорилъ Шуваловъ, что соли расходится 7.474.078 пудовъ и вина не менѣе 2 милл. ведеръ; для полученія названной суммы слѣдуетъ наложить на пудъ $13^3/_4$ копейки и придетъ 1.028.815 руб., а на вино по 50 коп. на ведро, и получится 1 милліонъ: или прибавить на вино и убавить на соль.

Елизавета согласилась на этотъ налогъ, тѣмъ болѣе, что изъ поступленій „соляной суммы“ былъ образованъ „заповѣдный милліонъ на комнатные и прочіе ея императорскаго величества расходы“; но ожидаемой суммы соляная реформа все же не дала, уменьшивши въ то же время количество потребленія соли, что вело къ цынгѣ и другимъ заболѣваніямъ: „Умножилъ цѣну на соль,— говоритъ Щербатовъ, — и симъ самымъ приключилъ недостатокъ и болѣзни въ народѣ“... Для поднятія доходовъ съ винной продажи Шуваловъ предпринялъ жестокую борьбу съ корчемствомъ,—„учредилъ родъ инквизиціи, изыскующей корчемство, и обагрилъ россійскія области кровью пытанныхъ и сѣченыхъ кнутомъ, и пустыни сибирскія, и рудники наполнилъ сосланными въ ссылку и на каторги; такъ что считаютъ до 15 тысячъ человѣкъ претерпѣвшихъ“...

Старались повыгоднѣе отдать монопольную продажу табаку и другихъ товаровъ. Шуваловъ хвалился въ Сенатѣ, что по его изобрѣтеніямъ казна получила прибыли болѣе 15 милліоновъ рублей. Благодаря усиленію косвенныхъ налоговъ, въ 1753 г. явилась возможность уменьшить подушную подать на 5 коп.; но это „полегченіе“ было отмѣнено, какъ только разразившаяся война опустошила государственное казначейство.

По примѣру Петра Великаго, въ эту эпоху и особенно въ царствованіе Елизаветы много хлопотали о поднятіи промышленности и торговли; какъ и при немъ, при его преемникахъ создавалась сложная система государственной опеки надъ промышленностью и торговлей, принимавшей подчасъ тягостныя и даже тормозящія формы. Казенныя субсидіи, отдача въ частныя руки казенныхъ предпріятій, казенныя и частныя монополіи, вмѣшательство въ организацію и руководство предпріятіями частныхъ лицъ, особенно, если на ихъ заводахъ приготовлялись нужные для государства фабрикаты, предоставленіе разнымъ предпріятіямъ безплатныхъ рабочихъ рукъ посредствомъ принудительнаго наряда на работу, все это говорило о заботливости правительства, шедшаго по стопамъ Петра, но все это мало содѣйствовало нормальному развитію производительныхъ силъ страны. Принудительно-крѣпостной характеръ правительственной опеки сушилъ живыя движенія экономической жизни, а безотвѣтственный бюрократизмъ, заслонявшійся за спинами фаворитовъ, обезцѣнивалъ даже положительные плоды этой системы, обращая доходы государства въ выгоду частныхъ лицъ. Про того же П. Шувалова мы читаемъ у кн. М. Щербатова: „Пользуясь узаконеніемъ Петра Великаго, чтобы заводы рудокопные отдавать въ приватныя руки, Шуваловъ испросилъ себѣ знатные заводы и между прочими лучшій въ государствѣ гороблагодатскій, и сіе съ такою безсовѣстностью, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многія ста тысячи рублей, былъ оцѣненъ въ 90 тысячъ, то онъ не устыдился о дорогой оцѣнкѣ приносить жалобу Сенату, и получилъ его по новой переоцѣнкѣ, гдѣ не справедливость и не польза государственная была соблюдаема, но страхъ его могущества, не съ большимъ за 40 тысячъ; заводъ, при которомъ было приписныхъ до 20 тыс. душъ,—заводъ, приносящій послѣ ему 200 тыс. руб. и который послѣ взятъ былъ обратно короною за его (Шувалова) долги, за 750 тыс. рублей“.

Всѣ эти предпріятія правительства, направленныя къ облегченію непосильнаго бремени, предъявленнаго государствомъ народному труду, не могли, конечно, облегчить его, и крѣпостное право, вызванное хроническимъ несоотвѣтствіемъ между платежеспособностью населенія и государственными расходами, естественно, продолжало развиваться въ его юридическихъ и бытовыхъ формахъ даже въ то время, когда шляхетство, подъ вліяніемъ политическихъ и фискально-хозяйственныхъ побужденій, постепенно сбрасывало съ себя обязательную, тоже крѣпостную службу государству.

V.

Международная политика.

Международная политика эпохи дворцовыхъ переворотовъ въ общемъ слѣдовала „системѣ“ Петра и „конъюнктурамъ“ европейскихъ государствъ, чему немало содѣйствовали какъ глубокая согласованность этой „системы“

съ жизненными интересами Россіи, такъ и оставленная Петромъ Великимъ школа русскихъ дипломатовъ. Головкинъ, кн. В. Л. Долгорукій, Остерманъ, Бестужевъ-Рюминъ,—все это были люди, хорошо изучившіе, подъ руководствомъ Петра, международныя „конъюнктуры“ своего времени, знавшіе удѣльный вѣсъ Россіи и другихъ государствъ Европы, усвоившіе себѣ пріемы дипломатической интриги не хуже своихъ западныхъ учителей. Конечно, разнымъ царствованіямъ эпохи отвѣчала большая или меньшая интенсивность русской политики, въ зависимости отъ состоянія государственныхъ финансовъ, внутренняго покоя и династическихъ связей царствующей особы, но основной характеръ отношеній остался прежній, и не мудрено: слишкомъ опредѣленно очертилъ Петръ Великій границы Россіи и слишкомъ ясно показалъ Европѣ удѣльный вѣсъ своего государства на вѣсахъ международной политики: его враги, хотя и замиренные, остались врагами и его преемниковъ, равно какъ и старые союзники Петра, соединенные общими интересами, неизмѣнно будутъ держаться испытанныхъ связей. Менѣе всего удалось Петру Великому ликвидировать свои отношенія къ Востоку. Прутскій позоръ не былъ отмщенъ; потери у Чернаго моря не были возмѣщены пріобрѣтеніями отъ Персіи у Каспія: занятыя здѣсь области превратились въ кладбище для русскихъ гарнизоновъ. Крымско-турецкая граница была больною частью русской периферіи: борьба откладывалась, но была неизбѣжна.

Въ этомъ направленіи Австрія была естественнымъ союзникомъ Россіи, такъ какъ интересы Австріи и Турціи были непроходимо запутаны. Солидарность интересовъ Россіи и Австріи не исчерпывалась ближнимъ Востокомъ. Слабая ихъ общая сосѣдка Польша требовала солидарной опеки этихъ двухъ сосѣдей, въ цѣляхъ устраненія могущественныхъ вліяній Франціи, стараго соперника Австріи, пытавшагося расшириться за счетъ слабыхъ сосѣдей (Испаніи, германскихъ княжествъ) территоріально и вытѣснить съ мірового рынка Стараго и Новаго Свѣта промышленныхъ конкурентовъ (Голландію и Англію). Тридцать слишкомъ лѣтъ войны Людовика XIV почти со всею Европой (противъ него дѣйствовали Австрія, Англія, Голландія, Бранденбургъ, Пруссія, Испанія, Швеція, Савойя) хотя и ослабили расцвѣтшія при Кольберѣ силы и средства Франціи, но не уничтожили притязаній Франціи на международныя вліянія въ Европѣ.

Непримиримое противодѣйствіе со стороны Австріи на континентѣ и Англіи въ колоніяхъ опредѣлило отношеніе Франціи къ союзникамъ своихъ враговъ. Солидарная съ Австріей въ вопросѣ восточномъ и польскомъ, Россія съ своими прославленными корпусами была недвусмысленной угрозой для Франціи въ ея стремленіи тѣснить уязвимую Австрію на границахъ, а Англію—въ Ганноверѣ, откуда были призваны на престолъ Англіи извѣстные Георги. Естественное чувство самосохраненія побуждало Францію дѣйствовать противъ Россіи чрезъ посредство ея заклятыхъ враговъ, Турціи и Швеціи,

изъ которыхъ послѣдняя, конечно, не могла покинуть надежды на реваншъ Россіи, а подкупность партійныхъ вождей и вліяніе горсти аристократовъ на судьбы Швеціи давали Франціи богатую и плодородную ниву для посѣва вмѣстѣ съ золотомъ постоянной вражды къ Россіи. Франція каждую минуту готова была спустить Турцію и Швецію на Россію, чтобъ отвлечь послѣднюю отъ поддержки ея враговъ.

Не столь опредѣленны были отношенія Россіи къ Англіи. Не однѣ только волны, шедшія отъ рус-

Кн. А. Д. Кантемиръ. (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

скихъ береговъ Балтійскаго моря, безпокоили владычицу морей. Несчастное родство Петра съ владѣтельными герцогами Голштиніи было въ колесѣ русской дипломатіи тою палкой, которая все это время тормозила ея естественный путь. Дѣло въ томъ, что Данія захватила у голштинскихъ герцоговъ Шлезвигъ, и все время была въ смертельномъ страхѣ отъ Россіи, на престолѣ которой сидѣлъ родственникъ голштинскихъ герцоговъ и могъ сѣсть даже самъ герцогъ, въ качествѣ внука Петра I (впослѣдствіи Петръ III).

Не менѣе тревожные взоры бросала Данія и на Скандинавскій полуостровъ, такъ какъ Швеція находила свои счеты еще не совсѣмъ сведенными съ Даніей, тѣмъ болѣе, что на шведскомъ престолѣ тоже сидѣлъ король голштинскаго дома. Единственная надежда была на Англію, сосѣдку по Ганноверу, не желавшую дать Россіи лишнюю базу на морѣ, и Францію, недоброжелательную Россіи; обѣ эти державы въ особенно тревожныя минуты для Даніи грозили послать, а иногда и посылали свой флотъ для прогулки

въ Балтійское море, въ виду Петровскаго флота, безпризорнаго и разрушающагося; но могущественныя покровительницы Даніи втягивали ее въ рискованную политику: Франція—въ союзъ съ Швеціей противъ Россіи и косвенно—противъ Австріи, Англія — въ ганноверскую систему, — косвенно противъ Франціи и опять Россіи: и та и другая комбинація не только была вызовомъ противъ Россіи, силы которой Копенгагенъ ясно себѣ представлялъ, но и Австріи, согласіе цезаря которой было нужно для санкціи захвата Шлезвига.

Чѣмъ была для Россіи Голштинія въ отношеніяхъ къ далекимъ сосѣдямъ, то же представляла изъ себя Курляндія въ установленіи добрососѣдскихъ отношеній съ ближайшими западными государями, наиболѣе заинтересованными въ судьбѣ Курляндіи, а именно съ Польшей и Пруссіей; но эти двѣ сосѣдки были не опасны: въ Польшѣ русскія войска и деньги рѣшали вопросы внутренняго порядка и управленія; прусскій король Фр.-Вильгельмъ I больше всего боялся, чтобы его владѣнія не сдѣлались „театромъ войны“, и Курляндія была обреченной жертвой преимущественнаго вліянія Россіи. Въ общемъ, какъ видимъ, Россія не была угрожаема отъ сосѣдей, напротивъ, враждебная ей часть Европы и Азіи стремилась удержать Россію въ бездѣйствіи, какъ опасную союзницу ея друзей. Это обстоятельство дало возможность Россіи уладить болѣе или менѣе свои внутреннія дѣла, безъ вторженія въ нихъ иноземной силы, чтобы потомъ властно вмѣшаться въ дѣла Европы, когда „конъюнктуры“ ея стали очень задѣвать интересы Россіи.

Стокгольмъ, Копенгагенъ, Парижъ ликовали при вѣсти о смерти Петра, но были разочарованы, когда посланники ихъ сообщили изъ Петербурга, что воцареніе Екатерины I произошло безъ замѣшательства. Дипломатія западная волновалась и предпринимала свои шаги по вопросу о преемникѣ Екатеринѣ I, такъ какъ вступленіе на русскій престолъ особы голштинскаго дома, чего желала сама Екатерина I, волновало Данію и ставшую на ея сторону Австрію, главнымъ образомъ, потому, что австрійскому императору хотѣлось видѣть на русскомъ престолѣ племянника Петра Алексѣевича (Петра II). Англія въ виду голштинскихъ тенденцій Екатерины I послала даже свой флотъ въ воды Балтійскаго моря.

Ганноверскій министръ при датскомъ дворѣ, Ботмаръ, встрѣтившись съ русскимъ посланникомъ въ Копенгагенѣ Бестужевымъ, обмѣнялся съ нимъ дипломатическими шпильками. Ботмаръ спросилъ Бестужева: „видѣлъ ли онъ англійскій флотъ?“ и сталъ его хвалить: „прекрасный флотъ!“—„Этого флота я еще не видѣлъ,—отвѣчалъ Бестужевъ,—но тотъ флотъ, который въ 1721 г. возвращался отъ береговъ (разоренныхъ Петромъ на виду у флота) Швеціи въ Англію, я видѣлъ“. Морская демонстрація кончилась только дипломатической перепиской.

Если вступленію на престолъ Петра II сочувствовала и даже содѣйствовала Австрія съ Даніей, то воцарившемуся при немъ затишью въ области внѣшней и внутренней политики Россіи радовались даже тѣ, кому опасны были международныя выступленія Россіи. Да и Россіи ничто не угрожало: Турція воевала съ Персіей. Враждебныя отношенія государствъ Западной Европы готовились разрѣшиться мирно на международномъ конгрессѣ, гдѣ русская дипломатія шла въ ногу съ австрійской; въ Курляндіи корпусъ генерала Лесси выгналъ желаннаго для курляндцевъ и еще болѣе для Анны Іоанновны (по сердечнымъ соображеніямъ) Морица, уже выбраннаго Курляндскимъ сеймомъ, и запретилъ польской комиссіи приступить къ составленію проекта раздѣленія Курляндіи на воеводства.

Вступленіе на престолъ Анны Іоанновны въ общемъ мало измѣнило создавшіяся международныя „конъюнктуры“ въ Западной Европѣ, если не считать военнаго выступленія Россіи вмѣстѣ съ Австріей противъ Франціи и ея кандидата на польскій престолъ, Станислава Лещинскаго, за общаго австро-русскаго ставленника Августа, курфюрста Саксонскаго, до врученія Курляндской короны Бирону. Больше, чѣмъ Западная Европа, тревожила Россію при Аннѣ Порта, которая слишкомъ злоупотребляла своимъ невѣдѣніемъ того, что дѣлается на ея границахъ ея подданными, въ частности крымцами, и къ тому же разжигаемая теперь Франціей, за польскія вмѣшательства Россіи. Анна объявила Турціи войну. Юнкеръ, членъ Петербургской Академіи Наукъ, очень близко стоявшій къ Миниху, главнокомандующему въ эту войну, въ общемъ вѣрно передаетъ международную политику Россіи передъ началомъ этой кампаніи.

„Россія находилась тогда, — пишетъ Юнкеръ, — въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя могли обѣщать ей успѣхъ въ предпріятіи (противъ Турціи). Казна была полна, войско въ хорошемъ состояніи, и при государственномъ устройствѣ сосѣднихъ европейскихъ государствъ (Польши и Швеціи, раздираемыхъ внутренними партійными распрями) ихъ нечего было опасаться; не было опасности и со стороны Азіи. Анна взошла на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ слѣдовать правиламъ своего дяди Петра I, довершить начатое имъ, опираясь болѣе на честность и способность иностранцевъ, чѣмъ природныхъ русскихъ. При такомъ поворотѣ почли нужнымъ армію и всю націю занять чѣмъ-нибудь внѣшнимъ и вмѣстѣ слѣдовать плану Петра I. И такъ какъ теперь приняли за основаніе не увеличивать болѣе своихъ предѣловъ на счетъ европейскихъ государствъ, а только удерживать ихъ при существующемъ правительственномъ устройствѣ, то и обратились къ Востоку“.

Мы уже говорили о блестящихъ успѣхахъ Миниха въ эту войну, достигнутыхъ цѣною громадныхъ потерь въ русской арміи, -потерь, часто не вызываемыхъ необходимостью и порицаемыхъ иностранцами. Но столь до-

рогіе, хотя и блестящіе успѣхи (взятіе Перекопа, Козлова, Бахчисарая, Кинбурна, Азова, Очакова, Хотина и Яссъ) не отвѣчали пріобрѣтеніямъ побѣдительницы. Миръ съ побѣжденной Турціей далъ Россіи всего на все Азовъ безъ укрѣпленій и окрестностей, право построить крѣпость на донскомъ островѣ Черкасскѣ и лишеніе Россіи права имѣть свой флотъ на Черномъ морѣ. Неудачѣ мирнаго договора содѣйствовали, во-первыхъ, интриги Франціи, послу которой, къ слову сказать, поручено было Россіей выработать условія мира, и, во-вторыхъ, неудача Австріи, потерпѣвшей пораженіе отъ турокъ, послѣ чего, по донесенію русскаго повѣреннаго, „вскрылась мирная негоціація (Австріи съ Турціей) зѣло гнило, неслыханно и такова, что добрая союзничая вѣрность и здѣшняго двора честь повреждена и репутація оружія ногами попрана“... Минихъ затаилъ ненависть противъ Австріи, обезцѣнившей всѣ его побѣды, и имѣлъ возможность даже отклонить политику Россіи отъ стараго пути, все время параллельнаго Австріи. Но это было уже въ царствованіе Іоанна Антоновича. Почти одновременно съ Анной Іоанновной умерли прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I и австрійскій императоръ, послѣдній Габсбургъ, Карлъ VI. Со смертью послѣдняго предъ Европой сталъ вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ, потому что у Карла не было мужского потомства, а за дочерью его, Маріей-Терезіей, не хотѣли признать права на объединеніе владѣній габсбургскаго дома въ ея рукахъ. Случай для Франціи былъ слишкомъ заманчивый, чтобы она отказалась ослабить своего исконнаго соперника на континентѣ. Одновременно и Пруссія выступила съ притязаніями на вымороченныя, по ея мнѣнію, владѣнія, — благо, король Фридрихъ Великій унаслѣдовалъ отъ бережливаго отца великолѣпную, почти сто-тысячную армію, полную казну (около 9 милл. талеровъ) и цвѣтущее народное хозяйство (съ 3 милл. населенія). Разсчитывая на эти силы и на солидарность Франціи, Фридрихъ и поспѣшилъ занять Силезію, когда Франція только еще собиралась объявить войну Австріи. Тутъ-то и выступилъ Минихъ, который въ качествѣ перваго министра правительницы Анны Леопольдовны готовъ былъ признать закономѣрность дѣйствій прусскаго короля, вопреки ясному обязательству Россіи защищать вѣнскій дворъ. Правда, тенденція Миниха послужила даже офиціальнымъ предлогомъ къ его сверженію, но помочь Маріи-Терезіи Россія не могла хотя бы потому, что Франція нашла моментъ удобнымъ для того, чтобы спустить Швецію на Россію, подъ предлогомъ защиты правъ сѣмени Петра противъ нѣмецкихъ узурпаторовъ.

Переворотъ, возведшій Елизавету на русскій престолъ, поставилъ ее въ затруднительное положеніе къ западно-европейскимъ конъюнктурамъ.

Съ одной стороны, симпатіи Елизаветы влекли ее къ Франціи, представитель которой, Шетарди, много сдѣлалъ для организаціи переворота; но за Франціей стояла Швеція, которая требовала за „услугу“, хотя и неудачную

для Швеціи, уступки земель, что побудило Елизавету продолжать побѣдоносную борьбу съ защитницею своихъ правъ. Въ то же время политика отца, ставшая традиціей, истинные интересы Россіи и опасеніе усилившейся Пруссіи за счетъ союзной Австріи, а потомъ вмѣшательства ея въ дѣла Польши и Курляндіи—побуждали Елизавету вступиться за Марію-Терезію и пойти на соблазнъ Англіи, предлагавшей милліонную субсидію за мобилизацію русскаго тридцатитысячнаго корпуса въ защиту материковыхъ англійскихъ владѣній (Ганноверъ) противъ французскихъ войскъ.

Пока Елизавета колебалась, война за австрійское наслѣдство кончилась въ пользу Пруссіи, которая присоединила видную часть габсбургскихъ владѣній.

За союзъ съ Австріей и Англіей противъ Пруссіи и Франціи стоялъ канцлеръ Елизаветы Бестужевъ-Рюминъ; но ему удалось провести свою „систему“ противъ сильныхъ вліяній, окружавшихъ Елизавету. Лестокъ, любимецъ императрицы, былъ преданъ Франціи и всячески старался не только помѣшать Бестужеву въ его „системѣ“, но и свергнуть его путемъ интригъ. За Фридриха стояла и голштинская клика, рабски преданная въ лицѣ наслѣдника Елизаветы, Петра Ѳеодоровича, прусскому королю. Съ другой стороны, заступиться за Австрію значило отказаться отъ тенденціи Елизаветы „относительно народа оказывать большую умѣренность“. Сенаторы и представители центральной администраціи были солидарны съ вице-канцлеромъ М. Ил. Воронцовымъ, который спрашивалъ: „Состояніе имперіи позволяетъ ли такую трату людей и денегъ?“.

Но Лестока Бестужеву удалось погубить, наслѣдникъ не имѣлъ никакого вліянія на дѣла; вскрытіе писемъ прусскаго посла и неосторожные отзывы Фридриха объ Елизаветѣ дали Бестужеву сильное средство настроить императрицу противъ Франціи и Пруссіи и склонить ее въ пользу „системы“ Бестужева. Нападеніе Фридриха на саксонскаго курфюрста, который былъ королемъ Польши, побудило Елизавету двинуть свой корпусъ къ границамъ Пруссіи и заключить союзный договоръ съ Австріей. Въ 1748 г. Россія послала свой тридцатитысячный корпусъ противъ Франціи, на защиту Ганновера и Голландіи. Эти выступленія Россіи имѣли своимъ слѣдствіемъ только ускоренное заключеніе мира между борющимися державами. Бестужевъ хвалился, что его системѣ „приписывать надобно дарованную на время Европѣ тишину и покой, въ которомъ король прусскій самъ остался и своихъ сосѣдей оставилъ“. Но это не значило, что „покой“ упроченъ. Бестужевъ продолжаетъ работать надъ способами „укрощенія“ прусскаго короля и возстановленія Австріи въ ея правахъ. Между тѣмъ въ отношеніяхъ борющихся государствъ произошелъ переворотъ. Съ одной стороны, охладѣли отношенія между Австріей и Англіей, помогавшей первой субсидіями въ борьбѣ съ Пруссіей, и Англія нашла больше пользы для себя

сблизиться съ Пруссіей, способной болѣе, чѣмъ Австрія, оградить интересы Англіи на материкѣ. Съ другой стороны, и Франція сближается съ Австріей, довольная своими успѣхами и опасаясь союза Пруссіи съ Англіей. Незамѣтно втягивается въ союзъ съ Австріей и Франціей и Россія, отшатнувшаяся отъ единенія съ морскими державами. И противъ Пруссіи выступила неожиданно для офиціальныхъ дипломатовъ союзная сила трехъ государствъ (Франціи, Австріи и Россіи), приведшая прусскаго короля почти къ гибели, отъ которой онъ былъ спасенъ смертью Елизаветы. Преданность Петра III прускому королю выразилась въ пріостановкѣ дѣйствій русской арміи. Пруссія и изъ этой непосильной борьбы вышла побѣдительницей. Зато ничего не пріобрѣла Россія, кромѣ напоминанія Европѣ о своей силѣ, которую она могла безкорыстно бросать на вѣсы европейскаго равновѣсія, — „honoris causa“.

VI.

Просвѣщеніе эпохи.

Эпоха дворцовыхъ переворотовъ отличается особымъ оживленіемъ по части организаціи просвѣтительныхъ учрежденій. Учреждается въ Петербургѣ Академія Наукъ, и при ней университетъ съ гимназіей; открываютъ Московскій университетъ съ гимназіями въ Москвѣ и Казани. Заводятся сословно-профессіональныя учрежденія: шляхетскій, морской, артиллерійскій и инженерный кадетскіе корпуса, пажескій корпусъ и гарнизонныя школы; наконецъ, замѣтно развиваются духовныя семинаріи „въ надеждѣ священства“.

Много начинаній, еще больше проектовъ и уставовъ, лучшіе изъ которыхъ остаются литературными упражненіями, не получая осуществленія, несмотря на высочайшее одобреніе.

На открывшейся нивѣ пробуютъ свои сѣмена и пріемы обработки люди разныхъ профессій, міровоззрѣній и педагогической подготовки, начиная отъ Вольфа и Ломоносова и кончая Минихомъ и секретаремъ лейбъ-медика Шумахеромъ. Создается впечатлѣніе какого-то столпотворенія Вавилонскаго. Къ одному и тому же дѣлу призваны люди, говорящіе не только на разныхъ языкахъ, но и на языкѣ разныхъ понятій и традицій, люди не только не понимающіе другъ друга, но и не могущіе сговориться между собою. Создаются всесословныя учебныя заведенія въ сословномъ государствѣ, своеобразно отражающія въ своемъ бытовомъ строѣ формы сословной розни; школу строятъ на общеобразовательныхъ началахъ и требуютъ отъ нея удовлетворенія профессіональныхъ нуждъ государства „наискорѣе“; организуется чисто сословное профессіональное учрежденіе, но съ программой, вытѣсняющей спеціальные предметы, и съ включеніемъ въ составъ сослов-

наго заведенія разночинцевъ, за уклоненіемъ отъ обученія въ сословныхъ школахъ лицъ, для которыхъ эти школы заводились. Однимъ словомъ, много просвѣтительныхъ учрежденій, большой, разноязычный шумъ вокругъ нихъ и подчасъ серьезная, глубокая, искренняя и мудрая работа, но мало толку: дѣло просвѣщенія находится въ стадіи зарожденія и опытнаго приложенія къ жизни. Дѣлались опыты, результатами которыхъ воспользуются позже. Корни неудачи не въ неумѣньѣ организаторовъ дѣла, и даже не въ томъ, что это были все люди разной закваски и культуры; а въ томъ своеобразномъ положеніи русскаго общества, въ которомъ старались воспитать культурные навыки къ наилучшему удовлетворенію предъявленныхъ ему государствомъ запросовъ, при чемъ навыки эти хотѣли привить при посредствѣ образовательныхъ пріемовъ, успѣшно практиковавшихся въ средѣ, далеко ушедшей отъ Россіи по своему культурному уровню. Неудача еще и въ томъ, что государство не могло быть послѣдовательнымъ и терпѣливымъ къ своимъ начинаніямъ, отъ которыхъ вынуждено было требовать немедленнаго удовлетворенія своихъ запросовъ. Петръ Великій больше всего заботился о профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что ему нужны были спеціалисты по разнымъ техническимъ вопросамъ; но мысль объ устройствѣ общеобразовательныхъ заведеніи не покидала его и вылилась, наконецъ, въ проектѣ Академіи Наукъ. „Расположеніемъ наукъ“ въ Россіи Петръ думалъ покончить съ культурной зависимостью отъ Запада. Чтобы „людей своихъ елико можно скорѣе обучить“, нужно было въ Россіи завести разсадникъ высшихъ „художествъ и наукъ“,— „хитростнонаукъ ученія“, и только „чрезъ обученіе и расположеніе опыхъ,— надѣялся Петръ Великій, польза въ народѣ впредь будетъ“. Но легко было сознать назрѣвшую нужду,—труднѣе найти средства къ ея удовлетворенію. Петръ отлично усвоилъ себѣ строй ученыхъ и учебныхъ учрежденій Западной Европы и ясно оттѣнилъ существенныя задачи каждаго изъ нихъ. По смыслу подписаннаго имъ проекта Академіи Наукъ, создавались два рода учрежденій для распространенія наукъ и художествъ: Академія Наукъ и университетъ. Первая представляетъ изъ себя „соціететъ наукъ“, собраніе ученыхъ, которые не только стоятъ на высотѣ современныхъ имъ знаній, „въ томъ градусѣ, въ которомъ оныя нынѣ обрѣтаются“, но и сами стараются черезъ новыя открытія и изобрѣтенія подвинуть науку впередъ. Это—ученое, а не учебное учрежденіе: послѣдняя задача отвлекла бы академиковъ отъ научныхъ занятій и разрѣшается обычно въ университетахъ, гдѣ ученые профессора обучаютъ молодыхъ людей „высокимъ наукамъ, до какого состоянія оныя нынѣ дошли“.

Но плодотворныя на Западѣ, оба эти учрежденія неприложимы въ ихъ чистомъ видѣ къ „ситуаціи“ Россіи. Одна Академія, двигающая науки, не прпнесетъ скорой „пользы въ народѣ“, такъ какъ въ Россіи нѣтъ подго-

товленной среды для воспріятія научныхъ открытій и изобрѣтеній. Для университета же нѣтъ подготовленныхъ слушателей, потому что въ Россіи нѣтъ „прямыхъ школъ“, гимназій и семинарій. Отъ предковъ Петръ унаслѣдовалъ начетчиковъ, самъ же съ грѣхомъ пополамъ своими экскурсіями и спеціальными школами подготовилъ профессіональныхъ мастеровъ, уже введенныхъ въ дѣло. Нужно было все начинать сызнова, не только возводить зданіе, но и наносить для него фундаментъ, подобно постройкамъ въ Петербургѣ, а для этого требовалось такое учрежденіе, которое и знанія бы „умножало“, и готовило профессоровъ, и заодно аудиторію для нихъ.

Заведеніе Академіи Наукъ съ университетомъ и гимназіей при ней и должно было „съ малыми убытками, съ великою пользою чинить то же, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинятъ“. На возраженія, что въ Россіи нѣтъ почвы даже для такого учрежденія, Петръ, по словамъ Татищева, отвѣтилъ притчею: „Нѣкоторый дворянинъ желалъ въ деревнѣ у себя мельницу поставить, а не имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера и болота, имѣющія воды довольство, немедленно зачалъ, по соглашенію оныхъ, каналъ копать и на мельницу припасъ заготовлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привесть не могъ, но дѣти, сожалѣя положеннаго иждивенія родителя ихъ, по нуждѣ принялись и совершили“.

Петръ не успѣлъ для своей мельницы ни канала выкопать, ни припаса заготовить: все это было сдѣлано при его преемницѣ, съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ яснаго проекта Петра. Главная цѣль — создать изъ Академіи ученое и учебное высшее и среднее учрежденіе—была усвоена учредителями полностью, но другое дѣло—достигнута ли?

Организовать Академію, какъ „соціететъ наукъ“, было не столь трудно даже преемникамъ Петра, если имѣть въ виду, что отношенія къ иностранцамъ при Петрѣ и роль ихъ при его преемникахъ не останавливали людей знаній отъ риска съ успѣхомъ приложить свои силы къ непочатымъ цѣлинамъ русской жизни.

На зовъ Петра I и Екатерины I явились въ Россію хотя и не первой величины свѣтила, но нѣкоторыя изъ нихъ занимали уже видное ученое положеніе на Западѣ (математикъ Германъ, членъ Берлинской и Болонской Академій Наукъ, Бильфингеръ, Беккенштейнъ и др.), другіе выдвинулись своими изслѣдованіями уже въ качествѣ членовъ Петербургской Академіи Наукъ; таковъ, напр., Даніилъ Бернулли, прославившійся своимъ сочиненіемъ „Гидродинамика“, напечатанномъ въ 1738 г. съ посвященіемъ Бирону; Буксбаумъ, обогатившій ботанику открытіемъ около 500 новыхъ растеній; Гмелинъ, о которомъ самъ Линней отзывался, будто онъ одинъ открылъ столько растеній, сколько другіе ботаники открыли ихъ вмѣстѣ.

Сохранился реестръ занятій петербургскихъ академиковъ, застающій ихъ въ разгарѣ очередныхъ работъ и развертывающій во всю ширь полезную дѣятельность Академіи „для славы и пользы“ ихъ новаго отечества.

Лубочный портретъ императрицы Елисаветы Петровны, уничтоженный по ея приказанію. (Публичная библіотека.)

„Профессоръ и совѣтникъ юстицкій Гольдбахъ сочинялъ всякія до академической корреспонденціи съ чужестранными учеными людьми касающіяся, письма на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ; онъ же самъ издаетъ математическія и другія, до наукъ касающіяся, письма. Делиль, первый профессоръ астрономіи, имѣетъ въ своемъ правленіи обсерваторію, днемъ и ночью трудится въ астрономическихъ обсерваціяхъ и надъ генеральной картою Россійскаго государства, а нынѣ старается, чтобъ свой поданный прожектъ о измѣреніи земли и поправленіи картъ Россійской имперіи въ дѣйство произвести. Винцгеймъ, второй профессоръ астроно-

міи, повѣряетъ на щетѣ всѣ изъ чужихъ краевъ присылаемыя сюда астрономическія обсерваціи и дѣлаетъ потребныя при обсерваціи таблицы; сочиняетъ С.-Петербургскіе календари, пишетъ политическую географію и капитулъ Россійскаго государства. Дювернуа, профессоръ анатоміи, дѣлаетъ анатомію надъ человѣческими тѣлами и звѣрьми, разсматриваетъ ихъ составы и тѣла; нынѣ пишетъ исторію о слонѣ, моржѣ и китѣ. Крафтъ, профессоръ физики и экспериментальной теоретики, разсматриваетъ натуру размышленіями и частыми экспериментами, и дѣлаетъ на всякій день метеорологическія обсерваціи, вписываетъ въ книгу. Эйлеръ, профессоръ вышней математики, сочиняетъ высокія и остроумныя математическія вещи, которыя, по прочтеніи въ конференціи, издаются въ печать. Вейбрехтъ, профессоръ физіологіи, такъ же какъ и анатомикъ, разнимаетъ человѣческія и звѣриныя тѣла, всѣ ихъ части смотритъ и старается какъ бы употребленіе ихъ сыскать. Аммонъ, профессоръ ботаники и историки (?), разсматриваетъ и описуетъ все, что въ трехъ частяхъ натуры случается, а именно: звѣрей, травы, камни, минералы и всѣ остъ-индскія и вестъ-индскія сѣмена, а которыя изъ Сибири, Астрахани и Казани присылаются, тѣ садитъ, а травамъ дѣлаетъ описаніе и рисунки; нынѣ сочиняетъ книгу о 200 разныхъ травахъ, которыя въ Сибири, Астрахани и около тѣхъ мѣстъ растутъ, и сія книга началомъ травной исторіи всея Россійскія имперіи будетъ. Гроссъ, профессоръ исторіи, исправляетъ исторію среднихъ и новѣйшихъ временъ, переводитъ съ французскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на французскій языкъ, а особливо всякія до Россійской исторіи касающіяся письма на французскій языкъ переводитъ. Байеръ, профессоръ антиквитетовъ (древнихъ вещей), его должность въ томъ состоитъ, чтобы греческія, римскія, а особливо оріентальныя древнія вещи и языки исправлять; трудится надъ исторіею его величества блаженныя памяти царя Алексѣя Михайловича, и по окончаніи оныя исторіи прочихъ государей, царей и великихъ князей россійскихъ равнымъ образомъ сочинять будетъ; начатый китайскій лексиконъ будетъ продолжать“.

Но Байера затмилъ своими историческими трудами и изслѣдованіями Миллеръ, изъ адъюнктовъ скоро перешедшій въ профессора Академіи. Своими изысканіями въ области древней исторіи Россіи онъ не только освѣтилъ по лѣтописямъ и византійско-скандинавскимъ источникамъ темный періодъ съ 860 по 1175 г., но и поднялъ вопросъ о происхожденіи варяговъ Руси, страстно захватившій русскихъ историковъ и даже часть общества его національностической стороной; въ „Сборникѣ“ статей, посвященныхъ исторіи и географіи Россіи, Миллеръ знакомилъ Западную Европу съ исторіей Россіи, разсѣивая укоренившіеся тамъ предразсудки насчетъ новаго отечества автора; при чемъ талантливый историкъ умѣлъ въ своихъ изслѣдованіяхъ затронуть такіе вопросы русской исторіи, которые и для Западной Европы

представляли живой интересъ. Таковъ его трудъ объ Александрѣ Невскомъ, связавшемъ свою славу съ военною исторіей нѣмецкихъ орденовъ и Швеціи; его статьи о восточныхъ народахъ (китайцахъ, татарахъ и др.) служили не однимъ академическимъ интересамъ, но отвѣчали и промышленной любознательности европейцевъ. Даже вынужденное путешествіе по Сибири съ академической научной экспедиціей дало возможность Миллеру обозрѣть архивы отъ Чердыни до Якутска, описать старые акты и свои наблюденія. Эти труды его составили 50 фоліантовъ.

Съ теченіемъ времени появляются въ составѣ Академіи знаменитые ученые изъ русскихъ, отчасти ученики академиковъ, отчасти — ученые самородки, вступившіе въ Академію съ научною подготовкой, полученной на Западѣ. Къ числу первыхъ относятся математики, ученики Эйлера: Котельниковъ, Румовскій, Иноходцевъ и Головинъ. Въ реестрѣ на 1737 г. встрѣчаемся съ ученою дѣятельностью Ададурова, „адъюнктъ профессора физики; его главное намѣреніе физику докончивать, дабы со временемъ самому профессорскаго чина удостоиться; перевелъ сокращенную механику на россійскій языкъ, а нынѣ переводитъ математику Эйлера“. Это—первый стилистъ русскаго языка: онъ „старается, чтобы переводы на россійскомъ языкѣ исправно въ печать выходили“. Шумно, не безъ сопротивленія нѣмецкаго академическаго состава, вступаетъ въ число академиковъ извѣстный В. К. Тредіаковскій. Бездарный поэтъ, къ тому же вынужденный иногда вдохновляться подъ ударами палокъ и въ заключеніи на заданную шутовскую тему, этотъ первый „профессоръ елоквенціи россійскія“ обладалъ, однако-же, достаточнымъ чутьемъ, чтобы не только почувствовать, но и громко заявить, что „языкъ словянскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень теменъ и многіе его наши читая не разумѣютъ, языкъ словенскій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми“. Въ своемъ „Способѣ къ сложенію россійскихъ стиховъ“, высказавшись противъ навязанной намъ силлабы, Тредіаковскій открылъ, что „долгота и краткость слоговъ въ новомъ семъ россійскомъ стихосложеніи не такая разумѣется, какова у грековъ и у латинъ въ сложеніи стиховъ употребляется; но токмо тоническая, т.-е. въ единомъ ударенiи голоса состоящая“. Въ „Россійскомъ собраніи“, организованномъ при Академіи Наукъ съ цѣлью обработки русскаго языка и слога, Тредіаковскій „о совершенствѣ россійскаго языка попеченіе воспріемлетъ“ въ царствованіе Анны Іоанновны. Но всѣхъ ярче и больше выдвигается на фонѣ Академіи геніальная фигура Ломоносова. Питомецъ русской духовной школы, онъ является талантливымъ ученикомъ знаменитаго Вольфа и вызываетъ ненависть у своихъ западныхъ учителей минералогіи, быстро и критически усвоивъ ихъ необширную премудрость. Съ запасомъ не столько научныхъ знаній, сколько научныхъ методовъ изслѣдованія въ области физики, минералогіи и механики не меньше, чѣмъ

въ области законовъ языка, является онъ въ Академіи Наукъ въ качествѣ адъюнкта, сознательно игнорируемаго членами Академіи и платящаго имъ не въ мѣру откровеннымъ презрѣніемъ. По жалобѣ профессоровъ, „Ломоносовъ, напившись пьянъ, приходилъ въ ту палату, гдѣ профессора для конференціи засѣдаютъ. Не поздравивши никого и не скинувъ шляпы, Ломоносовъ мимо нихъ (присутствующихъ) прошелъ въ географическій департаментъ, гдѣ рисуютъ ландкарты, а идучи около профессорскаго стола, ругаясь профессору (Винсгейму), остановился и весьма неприличнымъ образомъ безчестилъ и крайне поносный знакъ самымъ подлымъ и безстыднымъ образомъ руками противъ нихъ сдѣлалъ, пошелъ въ оный географическій департаментъ“. Послѣ свидѣтели говорили: Ломоносовъ кричалъ: „что они себѣ воображаютъ? Я такой же и еще лучше ихъ всѣхъ, я природный русскій!“ Это была не только выходка раздраженія противъ тѣхъ, кто, по словамъ Тредіаковскаго, составилъ тѣсный, непроницаемый для русскихъ кружокъ, опасавшійся, какъ бы въ ихъ „почтенную компанію не вмѣшался русскій, чего здѣсь отроду не бывало, да и быть не могло, потому что онъ (русскій), вмѣшавшись къ намъ, можетъ лишить хлѣба кого-нибудь изъ нашихъ (нѣмцевъ), который еще не выѣхалъ сюда; а за нимъ тожъ учинитъ другой и третій, такъ какъ ихъ уже нѣсколько видно готовыхъ“... Ломоносовъ считалъ себя выше нѣмцевъ-академиковъ еще и потому, что, при своихъ разносторонних знаніяхъ, сдѣлалъ науку доступной для широкихъ слоевъ русскаго общества, объявивши курсъ лекцій на „рускомъ языкѣ по физической географіи, химіи и исторіи натуральной о рудахъ, также обучать въ стихотворствѣ и штилѣ“. На его публичныхъ лекціяхъ „по физикѣ экспериментальной на россійскомъ языкѣ... сверхъ многочисленнаго собранія воинскихъ и гражданскихъ разныхъ чиновъ слушателей и самъ господинъ президентъ Академіи съ нѣкоторыми придворными кавалерами... присутствовалъ“... Этотъ великій русскій энциклопедистъ не только съ громаднымъ успѣхомъ популяризировалъ науки среди русскихъ, но и двигалъ ихъ впередъ своими европейски извѣстными открытіями и научными гипотезами; онъ давалъ духъ и планъ новымъ разсадникамъ высшаго знанія на Руси,—Московскій университетъ и улучшеніе строя академическаго университета—дѣло его творчески-организаторскаго генія. Наконецъ открытія Тредіаковскаго въ области русскаго языка были блистательно закрѣплены поэзіей Ломоносова, впервые давшаго художественный по красотѣ и простотѣ тоническій стихъ. Такъ распускался пышнымъ цвѣтомъ „соціететъ наукъ“ на русской національной почвѣ, по мысли Петра.

Менѣе удачна была вторая, поставленная Академіи Наукъ задача—образовательно-педагогическая: распространеніе среди молодыхъ людей „высокихъ наукъ, до какого состоянія оныя нынѣ дошли“. Организованный для этой цѣли при Академіи университетъ былъ безъ профессоровъ и студентовъ.

Гротъ. Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна. Музей Александра III.

Академики, обязанные читать лекціи въ этомъ университетѣ, тяготились этой обязанностью, такъ какъ она отвлекала ихъ отъ главной задачи ученыхъ изслѣдованій и занятій. Въ теченіе всего существованія академическаго университета въ немъ не были организованы систематическіе курсы; курсы опредѣлялись случайнымъ подборомъ лекторовъ изъ наличныхъ академическихъ силъ и чаще значились на бумагѣ, чѣмъ осуществлялись на дѣлѣ. У профессоровъ было вполнѣ основательное оправданіе ихъ манкировкамъ: отсутствіе студентовъ. Для полнаго обзаведенія Академіи и университета живымъ инвентаремъ вмѣстѣ съ профессорами изъ Германіи выписали около десятка студентовъ; но этого было слишкомъ мало, чтобы составить приличную аудиторію для профессора. Поэтому профессора, по словамъ Миллера, ходили другъ къ другу на лекціи, чтобъ заполнить пустоту аудиторій. Бывали времена, когда на 17 профессоровъ приходилось только 8 слушателей, $^{8}/_{17}$ на лектора. Ихъ вербовали гдѣ попало и изъ кого попало. Больше всего поставляла студентовъ московская Славяно-латинская академія и семинаріи; оно и понятно: только здѣсь преподавался латинскій языкъ, на которомъ, главнымъ образомъ, преподавали академики и который дѣлалъ лекціи профессоровъ приблизительно доступными для слушателей. Студентовъ привлекали разными льготами: жалованьемъ, чинами послѣ окончанія; но комплектъ ихъ былъ всегда невысокъ. Въ 1752 г. ихъ было только 20, въ 1753—18, 1758—16; чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ учрежденія университета число ихъ пало до первоначальной цифры—9.

М. В. Ломоносовъ, Шубина (?).

Связанная съ университетомъ академическая гимназія не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ въ смыслѣ подготовительнаго заведенія для сту-

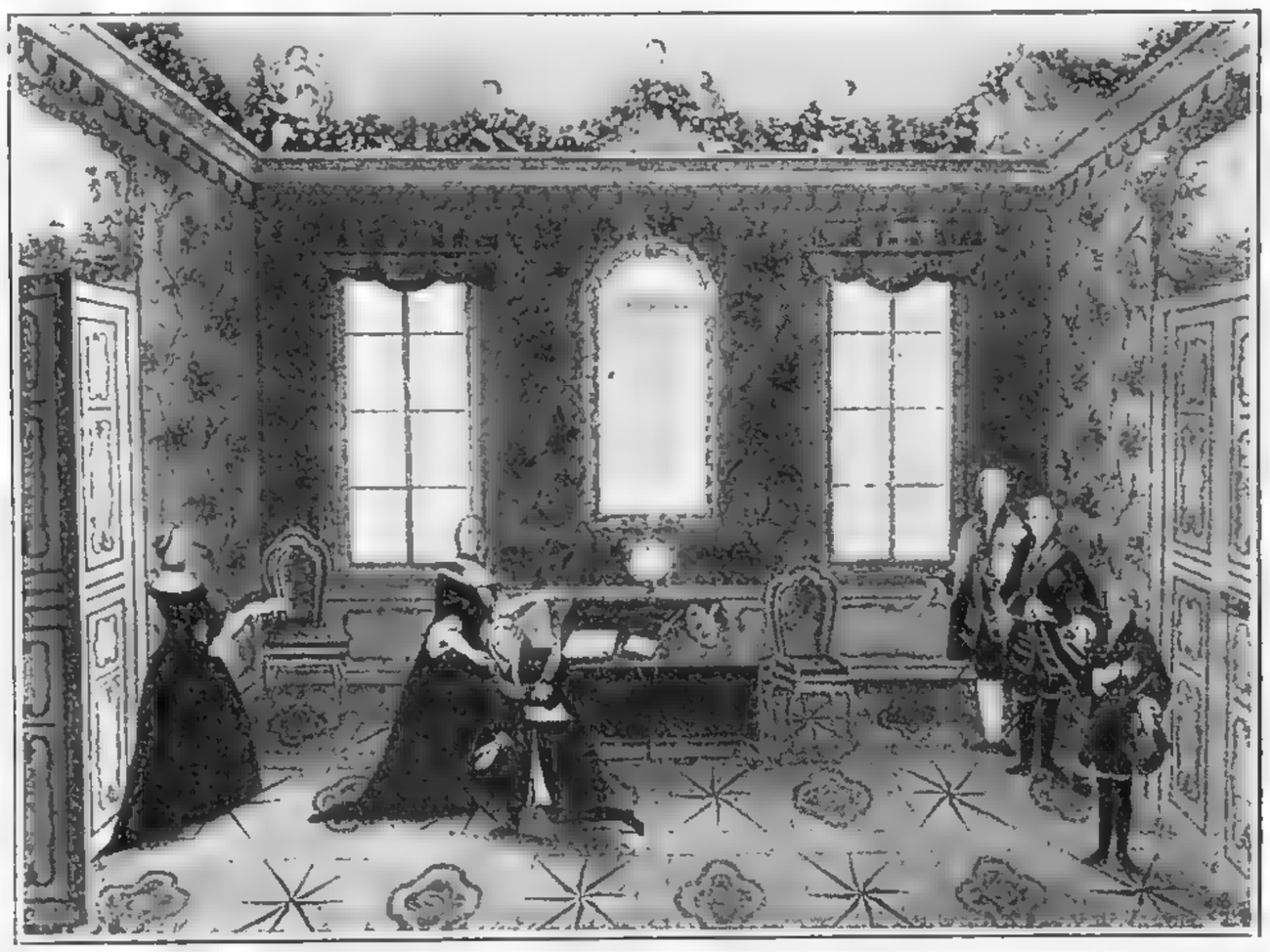
денчества. Раздробленность плана преподаванія, неодинаковаго для разночинцевъ и казеннокоштныхъ сравнительно съ свободнымъ курсомъ для своекоштныхъ и дворянъ, своего рода сословныя отраженія въ всесословномъ заведеніи, отвлеченіе учениковъ гимназіи въ спеціальныя службы, отсутствіе прочнаго и подготовленнаго состава преподавателей, которыми были часто студенты университета, наконецъ, несоотвѣтствіе курса гимназіи и результатовъ его прохожденія сословнымъ интересамъ общества, — все это дѣлало гимназію жалкимъ питомникомъ студенчества. Такъ, въ 1742 г., когда гимназія уже должна была производить выпуски, на 12 студентовъ университета только двое были поставлены гимназіей.

Но и наличный составъ студентовъ изъ русскихъ былъ неблагодарной аудиторіей. Для многихъ изъ нихъ былъ почти недоступенъ языкъ преподаванія — нѣмецкій и латинскій; а знающіе по-латыни не могли передавать полученныхъ свѣдѣній по-русски. Ректоръ университета Крашенинниковъ заявлялъ въ своемъ „репортѣ“: „большая часть студентовъ лучше по-латынѣ пишетъ, нежели по-русски, и, разумѣя совершенно латынскаго автора, силы его не могутъ выразить на природномъ языкѣ“. Помимо того, студентовъ одолѣвали „природное“ пьянство, непривычка къ систематическому труду и буйный разгулъ. Противъ такихъ употреблялись крутыя мѣры военнаго образца: студентовъ низводили въ гимназисты, чтобы уменьшить окладъ жалованья; у пьяницъ за прогулы отнимали мундиры, надѣвали арестантскіе халаты, въ которыхъ студенты должны были являться публично; сажали въ карцеръ; наконецъ, публично сѣкли въ университетѣ въ присутствіи товарищей. Въ одномъ изъ академическихъ протоколовъ читаемъ: „по указу е. и. в. въ Академіи Наукъ опредѣлено: ученика Матеса Андреяса, что онъ безъ вѣдома профессора... отъ него отлучался и пьянствовалъ и не явился шесть дней, бить батогами нещадно, для того, дабы ему впредь чинить того было неповадно“. Профессоръ Крашенинниковъ репортомъ представлялъ: „сего-де генвари 13 числа 1752 г. велѣно посадить въ карцеръ двухъ студентовъ, а именно Охтопскаго да Добротворскаго, за то, что О. пришелъ въ университетъ поздно, мертвъ пьянъ, а Д., репортуясь больнымъ, не ходитъ на лекціи, а со двора почти ежедневно ходитъ безъ спросу и вѣдома; но оба оказали себя непослушными: О. сказалъ, что онъ перваго заколетъ того, кто его подъ караулъ брать будетъ, а Д. заперся въ лазаретѣ и не пошелъ въ карцеръ, и ночью ушелъ со двора безъ вѣдома, и гдѣ былъ, неизвѣстно. И за такіе оныхъ студентовъ худые и командѣ противные поступки опредѣлено: въ страхъ другимъ, въ силу объявленнаго отъ его сіятельства Академіи Наукъ г-на президента опредѣленія, высѣчь ихъ въ университетѣ, при собраніи всѣхъ студентовъ, розгами нещадно, при присутствіи г. Крашенинникова и адъюнкта г-на Модераха, а ежели впадутъ паки въ какія продерзости, то, по жесточайшемъ наказаніи, имѣютъ отосланы быть въ матросскую службу“...

Само правительство и Академія ставили студентамъ препятствія въ ихъ стремленіи окончить университетъ, когда требовали, чтобы студенты „скорѣе къ самому дѣлу производились“, то отсылая ихъ въ Сибирь съ камчатской экспедиціей, то готовя ихъ въ переводчики, геодезисты и металлурги, то приспособляя ихъ къ сочиненію ландкартъ и т. д.

Несмотря на все это, университету удавалось дѣлать выпуски. Такъ, въ 1753 г. произведенъ былъ экзаменъ 20 студентамъ и „велѣно студентовъ Барсова, Яремскаго, Поповскаго и Константинова произвесть въ магистры, а Софронова и Румовскаго—въ адъюнкты; а студентамъ Павинскому и Федоровскому быть при переводахъ ученыхъ дѣлъ, Студинскому быть гимназіи учителемъ въ ариѳметическомъ классѣ, на мѣсто студента, что нынѣ магистръ, Барсова“.

Въ 1755 году былъ основанъ Московскій университетъ. Официальнымъ „изобрѣтателемъ того полезнаго дѣла“ былъ И. И. Шуваловъ, хотя установлено несомнѣнное и весьма существенное участіе Ломоносова въ выработкѣ



Возвращеніе гр. А. П. Бестужева-Рюмина изъ ссылки. (Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ.)

плана организаціи университета и въ подборѣ его профессоровъ. Неудачный опытъ академическаго университета помогъ „изобрѣтателямъ“ избѣжать отрицательныхъ сторонъ его при организаціи новаго разсадника высшаго знанія. Преподаваніе наукъ было признано самодовлѣющей цѣлью, а не одною изъ задачъ, какъ это было при учрежденіи Академіи Наукъ. Университетъ получилъ 10 профессоровъ, прямой обязанностью которыхъ было университетское преподаваніе, не отвлекаемое никакими посторонними занятіями. Все это были

люди съ достаточной научной подготовкой, европейской школы. Вѣна, Геттингенъ, Лейпцигъ, Тюбингенъ и Штутгартъ выдѣлили для Московскаго университета частицы своихъ умственныхъ силъ; въ составъ ихъ вошли и питомцы Петровской Академіи Наукъ въ лицѣ талантливыхъ энциклопедистовъ Барсова и Поповскаго, изъ которыхъ послѣдній былъ ученикомъ и протеже Ломоносова.

Въ подборѣ профессорскихъ силъ Московскаго университета была опредѣленная система, въ противовѣсъ случайному преподавательскому составу академическаго университета. Московскій университетъ раздѣленъ былъ на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій; послѣдній заключалъ въ себѣ логику, метафизику и нравоученіе, физику, краснорѣчіе, исторію съ древностями и геральдикой. Шесть профессоровъ было опредѣлено на философскій и по три на остальные два факультета. Каждый профессоръ обязывался читать лекціи пять дней въ недѣлю, на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Замѣтно стремленіе профессоровъ сдѣлать свой курсъ доступнымъ для русскихъ студентовъ, даже мало подготовленныхъ. Поповскій и Барсовъ пытались провозгласить русскій языкъ научнымъ языкомъ университета, въ отмѣну латинскаго: „Нѣтъ такой мысли, — восклицалъ Поповскій, — кою бы по-россійски изъяснить было невозможно“. Въ частности философію онъ предлагалъ читать „не такъ, чтобы разумѣлъ ее одинъ во всей Россіи или нѣсколько человѣкъ, но такъ, чтобы каждый, россійскій языкъ разумѣющій, могъ удобно ею пользоваться“. Къ доступности преподаванія стремились не одни русскіе профессора. Добрымъ словомъ поминаютъ первые студенты Московскаго университета иностранца Шадена, профессора естественнаго права и политики. „Шаденъ истину являетъ безъ покрова“, писалъ о немъ М. Н. Муравьевъ. „Сей ученый мужъ, — говоритъ Фонвизинъ, — имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны“. Профессоръ Дильтей, одно время представлявшій собою весь юридическій факультетъ, свободно изъяснялся на русскомъ языкѣ и первый началъ изучать русскіе законы, примѣняя къ уясненію ихъ общія начала права.

Не безъ вліянія Ломоносова Московскій университетъ былъ объявленъ доступнымъ для всѣхъ свободныхъ сословій, не исключая и вольноотпущенниковъ. Разночинцамъ не только было предоставлено право, но и фактическая возможность учиться въ Московскомъ университетѣ, который былъ щедро обставленъ казенными пособіями для нуждающихся студентовъ: прошлое Ломоносова было лучшимъ побужденіемъ къ этому. Вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ заботливо ограждается выдающимися привилегіями и вниманіемъ власти. Въ порядкѣ управленія университетъ подчинялся только Сенату, имѣя за себя вельможныхъ представителей въ лицѣ кураторовъ, близкихъ императрицѣ людей. Университетскій персоналъ былъ подвѣдомственъ только

университетскому суду, и никакое судебное учрежденіе не могло привлекать къ отвѣтственности университетскихъ чиновъ въ общія судебныя учрежденія безъ разрѣшенія университета. Университетскій персоналъ, не исключая и студентовъ, былъ освобожденъ отъ постойныхъ и полицейскихъ повинностей, отъ вычетовъ изъ жалованья и др. сборовъ. Дворянамъ дано право немедленнаго производства въ чины по представленію и свидѣтельству университета.

Нельзя не отмѣтить болѣе умѣренныхъ пріемовъ дисциплинарнаго взысканія, примѣнявшихся къ студентамъ Московскаго университета, чѣмъ къ студентамъ академическимъ. Озаботились и о спеціальномъ питомникѣ для Московскаго университета: безъ гимназіи, говорилъ Ломоносовъ, „университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ“. Первая гимназія возникла одновременно съ Московскимъ университетомъ, и во главѣ ея сталъ выдающійся педагогъ. уже упомянутый нами Шаденъ; затѣмъ, по ходатайству университета, была учреждена гимназія въ Казани, для которой часть педагогическаго персонала была дана Московскимъ же университетомъ. Московская гимназія была сравнительно хорошо оборудована и педагогическимъ персоналомъ (16 русскихъ и 20 иностранцевъ), казенными стипендіями и систематическимъ курсомъ обученія. Впрочемъ, на строѣ гимназіи ясно отразилась печать времени: сословность. Гимназія распадалась на два отдѣленія: дворянское и для разночинцевъ. И та, и другая различались и по бытовому строю жизни учащихся, по программамъ преподаванія и по ихъ обязательности. Дворянское отдѣленіе, общеобразовательное и довольно пестрое по своей программѣ, было необязательно для учениковъ въ полномъ объемѣ своихъ курсовъ: дворяне могли выбирать тотъ или другой предметъ и даже остановиться на изученіи только одного иностраннаго языка. Такимъ образомъ, въ цѣляхъ привлеченія дѣтей дворянства въ гимназіи, они освобождались отъ обязательнаго для нихъ профессіональнаго образованія: раскрѣпощеніе учебное шло впереди раскрѣпощенія государственнаго.

Другое дѣло—разночинское отдѣленіе: это типичная „латинская“ школа, подготовляющая къ слушанію университетскихъ курсовъ. Казеннокоштному разночинцу нельзя было руководствоваться личными запросами, при выборѣ предметовъ изученія, курсъ для него былъ обязателенъ во всемъ своемъ объемѣ, далеко не обширномъ. Впрочемъ, эта раздробленность курса гимназіи постепенно уничтожается, и курсъ обоихъ отдѣленій сливается въ единый. Въ этомъ, можетъ-быть, крылось одно изъ условій жизненности московской гимназіи сравнительно съ академическою.

Несомнѣнной уступкой сословной прихоти дворянства была разница въ бытовомъ строѣ жизни дворянъ и разночинцевъ гимназіи. Прилежнымъ ученикамъ изъ дворянъ выдавали по 50 руб. и отличившимся на диспутахъ по золотой медали, а разночинцамъ по 30 руб. и серебряной медали; дворянамъ

выдавалось мяса по $1^1/_4$ фунта, а разночинцамъ по фунту; кашу для дворянъ маслили маковымъ масломъ, а для разночинцевъ — конопляным; за „великія продерзости“ дворянъ били по штанамъ линейкою, а подлыхъ— розгами... Все это показалось бы намъ очень курьезнымъ, если бы въ этихъ аномаліяхъ не проявлялось знаменіе времени: сословное неравенство и ростъ шляхетскихъ притязаній, наложившій свой отпечатокъ даже на такое учрежденіе, которое по идеѣ должно было стать всесословнымъ и „соединяющимъ сословія“.

Какъ бы то ни было, гимназіи, повидимому, удовлетворяли своему назначенію—служить питомникомъ для университетскихъ слушателей. Во всякомъ случаѣ, со стороны московскихъ профессоровъ жалобъ на отсутствіе студентовъ въ аудиторіяхъ не раздается, а высочайшимъ указомъ уже отъ 1758 г. „свидѣтельствуется, что въ университетѣ и въ двухъ его гимназіяхъ (Московской и Казанской) дворяне и разночинцы, какъ всѣмъ довольно извѣстно, съ немалою пользою обучаются“...

Дворянство привлекается льготами и преимуществами не только въ общеобразовательныя заведенія эпохи: для него въ это время возникаютъ спеціально дворянскія сословныя и профессіональныя учебныя заведенія. Мы видѣли, что потребность въ такомъ заведеніи была высказана уже шляхетствомъ при воцареніи Анны. Шляхетство достигало офицерскихъ чиновъ съ солдатской и матросской практики. Создать учебное заведеніе, которое выпускало бы дворянъ прямо въ офицерскіе чины, это значило не только избавить благородное шляхетство отъ тяжелыхъ этаповъ службы, но и разрядить гвардію отъ притязательнаго шляхетства. Учрежденный въ 1731 г. Минихомъ „Шляхетскій кадетскій корпусъ“ былъ такимъ именно заведеніемъ. Быстрый ростъ комплекта учащихся (въ 1731 г.—200 кадетъ, въ 1732 г.—360, въ 1740 г. — 490, въ 1762 г. — 600 и т. д.) показываетъ, что Миниху удалось создать заведеніе, удовлетворяющее интересамъ правительства столько же, сколько и вкусамъ шляхетства.

Это было учебное заведеніе съ необычайно пестрою и разностороннею программой, при чемъ общеобразовательная, но необязательная часть ея подавляла и вытѣсняла предметы профессіональнаго образованія. Минихъ такъ же, какъ впослѣдствіи Екатерина II, считалъ задачей корпуса приготовлять не только офицеровъ, но всякаго кадета къ той профессіи, какая наиболѣе отвѣчаетъ его вкусамъ и наклонностямъ. Общеобязательными предметами были: законъ Божій, ариѳметика и военныя упражненія; сверхъ того, молодымъ шляхтичамъ, по программѣ корпуса, предоставлялась возможность изучать юридическія и политическія науки, начатки латинскаго языка, геометрію, географію, исторію, живопись, ваяніе, гравированіе, дѣланіе статуй, танцы, верховую ѣзду и даже актерское искусство, по влеченію каждаго.

Впрочемъ, эта энциклопедичность программы была больше зримая, чѣмъ дѣйствительная. Во-первыхъ, у кадетовъ не было слишкомъ широкихъ запросовъ Обходились даже важнѣйшіе предметы въ пользу предметовъ роскоши; такъ, изъ 245 кадетовъ только 18 учились русскому языку, нѣмецкому 237, юриспруденціи 11, географіи 17, французскому 51, танцамъ 111, музыкѣ 34, верховой ѣздѣ 20 и фехтованію 47 человѣкъ,—это будущіе офицеры!

Самъ корпусъ, какъ показала ревизія при Екатеринѣ II, не могъ дать кадетамъ того, что обѣщала его широковѣщательная программа. Ревизіонная комиссія констатировала, что „ради слабаго понятія и употребленія большого времени на языки, нельзя было преподавать кадетамъ сего (младшаго) возраста: географіи, исторіи, миѳологіи, геометріи, началъ славянскаго языка“; далѣе, „воспитанники“ старшей группы (отъ 12—15 лѣтъ) не обучаются: 1) хронологіи, потому что она вмѣстѣ съ исторіей показана будетъ, и 2) исторіи не обучаются, за недовольнымъ знаніемъ географіи, которая еще въ предшествующемъ возрастѣ съ исторіей предписана; 3) геометріи за недовольнымъ знаніемъ ариѳметики; 4) латинскому языку, потому что не оказались къ тому склонными; 5) основанію военной и гражданской архитектуры, за незнаніемъ ариѳметики и геометріи... А для чего прочимъ наукамъ не обучались, самимъ представникамъ кадетскаго корпуса неизвѣстно“, заканчиваетъ свой юмористическій обзоръ ревизіонная комиссія. Выпускные аттестаты, полученные кадетами, всего больше говорятъ о курьезныхъ результатахъ энциклопедичности программы шляхетскаго корпуса столько же, сколько о безграмотности „приставниковъ“ этого корпуса. „Наперсникъ Буаловъ, россійскій нашъ Расинъ, защитникъ истины, гонитель, бичъ пороковъ“, А. П. Сумароковъ получилъ такой аттестатъ изъ корпуса: „Въ геометріи обучилъ тригонометрію, експликуетъ и переводитъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ, въ исторіи упи-

Рис. Шевалье. (По стар. франц. гравюрѣ.)

версальной скончалъ Россію и Польшу, въ географіи атласъ Гюбнеровъ обучилъ, мораль Вольфовскую до 3 главы 2 части слушалъ, имѣетъ начало въ итальянскомъ языкѣ“...

Въ аттестатахъ другихъ кадетовъ означено: „Гисторія: въ универзальной дошелъ до новой исторіи; Географія: окончилъ пять картъ европейскихъ спеціальныхъ: португальскую, гишпанскую, французскую, британскую и итальянскую; Танцованіе: учитъ балетъ. Или: Французскій языкъ: учитъ вокабулы и разговоръ; изъ ариѳметики: въ дѣленіи долей; въ Гисторіи: въ универзальной дошелъ до Карола Магнуса. Аттестатъ кадета Магнуса Фока, дававшій право на поступленіе къ гражданскимъ дѣламъ: 1) Французскій языкъ: переводитъ съ нѣмецкаго на французскій екстемпоре; 2) Латинскій языкъ: съ нѣмецкаго на латинскій компонуетъ: екстемпоре; 3) Философія юсъ натуры, институціонѣсъ юстиніанѣсъ, пандектумъ и юсъ феудале, въ философіи Гейнеціи элемента, юсъ секундумъ ординемъ пандекторумъ до 41 книги дошелъ; 4) Россійскій языкъ: съ русскаго на нѣмецкій експонируетъ“

Не удивительно, что Шляхетскій корпусъ, устроенный по образцу западныхъ „рыцарскихъ академій“, давалъ своимъ питомцамъ такую поверхностную энциклопедичность; подобная же пестрота и наивная общеобразовательность учебной программы была проведена въ чисто профессіональныхъ учрежденіяхъ этого времени, какъ, напр., въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ артиллерійскомъ и инженерномъ кадетскомъ корпусѣ. Въ морскомъ мы встрѣчаемся съ тою же многопредметностью. „Кромѣ математическихъ и морскихъ предметовъ, необходимыхъ для этого спеціальнаго училища, — говоритъ гр. Д. А. Толстой,—въ немъ преподавались и политика, и геодезія, и геральдика, и „прочія шляхетныя науки“, и на всѣ эти неспеціальные предметы назначено было только два учителя; впослѣдствіи прибавили еще философію и пять иностранныхъ языковъ“.

Организуя такъ свои „шляхетныя“ и спеціальныя учебныя заведенія, правительство эпохи было увѣрено, что слѣдуетъ передовымъ принципамъ педагогіи. Екатерина II съ гордостью защищала свои школы съ наслѣдственными ихъ болѣзнями, передъ удивленными педагогами Запада. Во Франціи думаютъ, писала она Фальконету, „что мои кадеты приготовляются единственно для войны; можетъ-быть, Парижская военная школа ввела (такъ думающихъ) въ это заблужденіе. Мои кадеты сдѣлаются всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пожелаютъ быть, и выберутъ себѣ поприще по своимъ вкусамъ и наклонностямъ“. Эта постановка шляхетскаго образованія болѣе отвѣчала положенію раскрѣпощеннаго дворянства, чѣмъ передовымъ взглядамъ педагогіи того времени. Но гордое своею изобрѣтательностью, русское правительство не жалѣло ни вниманія, ни денегъ на поддержаніе этихъ „корпусовъ“.

Несмотря на заботы правительства о заведеніи шляхетскихъ школъ для облегченія дворянству обязательнаго обученія, школъ этихъ было да-

леко недостаточно для удовлетворенія дворянской служебной нужды, да и въ заведенныя школы дворянство избѣгало отдавать своихъ дѣтей, по непривычкѣ.

„По высокомонаршему своему милосердію,—говорится въ одномъ указѣ Анны,—желая шляхетству всякаго добра, учредили мы сверхъ гарнизонныхъ (цыфирно-солдатскихъ) школъ во всякихъ городахъ школы съ казеннымъ содержаніемъ для учениковъ, но они, невзирая на эту милость и не желая собственной пользы, отъ наукъ убѣгаютъ и тѣмъ себя губятъ“. Правительство пошло въ вопросѣ обязательнаго обученія дворянства по наклонной плоскости и уступило шляхетскому бойкоту казенныхъ школъ. Въ 1736 и 1737 гг. дворянамъ разрѣшается обучать своихъ дѣтей въ періодъ отъ 7 до 20 лѣтъ дома, при нѣкоторыхъ цензовыхъ гарантіяхъ, призывая недорослей въ три пріема (въ 7, 12 и 17) къ повѣрочнымъ испытаніямъ въ наукахъ, подъ угрозой „записывать въ матросы безъ всякаго произвожденія“ тѣхъ изъ нихъ, которые не выдержатъ экзамена. Volens-nolens дворянство вынуждено было организовать домашнюю подготовку своихъ „Митрофанушекъ“, услугами „Вральмановъ“ и „Кутейкиныхъ“, и въ лучшемъ случаѣ—учениковъ казенныхъ школъ. Въ красочныхъ въ бытовомъ отношеніи запискахъ Болотова и М. В. Данилова находимъ мы неподражаемыя картинки изъ этой области. Даниловъ пишетъ: „Отъ роду моего лѣтъ семи и болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, понамарю Филату, прозваніемъ Брудастому, учиться. Учитель нашъ жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ: приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ „аминь“, не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученье у Брудастаго и поднесь, по тоїї, можетъ-быть, причинѣ, что часто меня сѣкли лозою: я не могу признаться по справедли-

Кн. Д. М. Голицынъ.

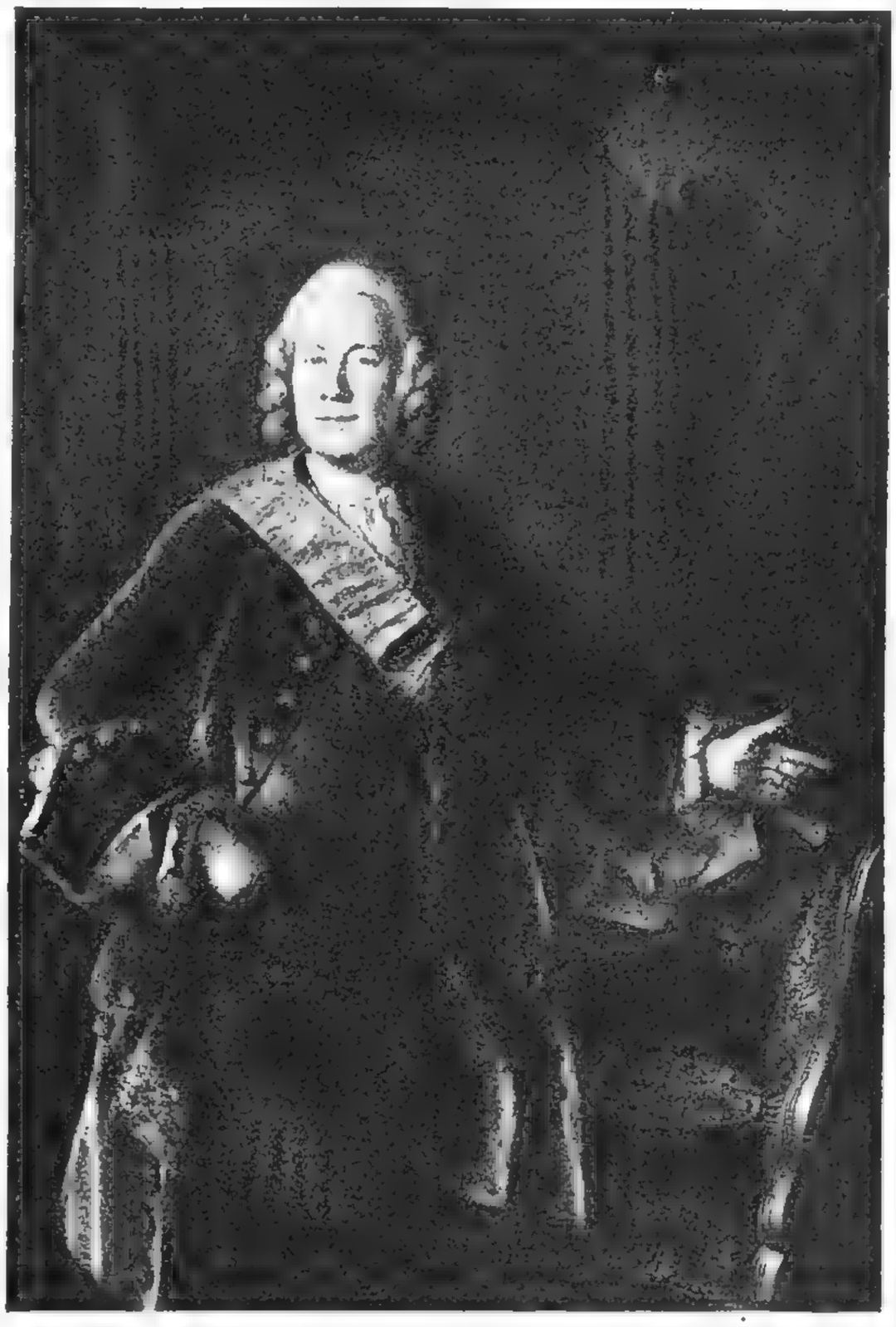
ости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ насъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такого всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока къ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція—меня какъ непонятнаго сѣчь. Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотя бъ и не то, что учимъ“ [1]). Болотовъ въ своихъ запискахъ рисуетъ обстановку правительственной школы, артилерійской, куда онъ былъ самъ отданъ: „Оная школа была еще учреждена вновѣ, на полковомъ артиллерійскомъ дворѣ, и было въ оную прислано изъ герольдіи дворянскихъ дѣтей, бѣдныхъ и знатныхъ, по желанію, семьсотъ человѣкъ; а какъ въ новой школѣ не было ни порядка, ни учрежденія, ни смотрѣнія, то черезъ четыре года разошлось оное большое собраніе, безъ позволенія школьнаго начальства, по разнымъ мѣстамъ, въ настоящую службу, куда кто хотѣлъ записались; а осталась только нѣкоторая часть дворянскихъ дѣтей, кои прилежали охотно и хотѣли учиться. Но великій тогда недостатокъ въ оной школѣ состоялъ въ учителяхъ. Сначала вступленья учениковъ было, для показанія одной ариѳметики, изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ, волка овецъ пасти, штыкъ-юнкера Алабушева. Алабушевъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ: былъ человѣкъ хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатный ариѳметикъ и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдашнее время ученымъ человѣкомъ, однако былъ вздорный, пьяный, рѣдкій день приходилъ въ школу не пьяный. Напослѣдокъ, для поправленья въ школѣ порядка, еще опредѣленъ былъ, сверхъ штыкъ-юнкера Алабушева, капитанъ Гринковъ: человѣкъ былъ какъ прилежный, такъ и копотливый, и былъ великій заика, однако завелъ въ школѣ порядокъ получше Алабушева. Онъ вперялъ въ учениковъ охоту учиться, съ обѣщаніемъ чести, и довелъ до того, что его стараніемъ нѣсколько человѣкъ изъ учениковъ пожалованы были въ артиллерію сержантами и унтеръ-офицерами. Ученики были всѣ помѣщены въ четырехъ великихъ свѣтлицахъ, стоящихъ черезъ сѣни, по двѣ на сторонѣ: когда позволялось покинуть ученье и идти обѣдать или по домамъ, тогда, бывало, учинятъ великій и безобразный во всѣ голоса крикъ наподобіе ура, протяжно „шебашъ“.

---

[1]) „Записки Данилова“, Москва, 1842 г. 38 стр.

Меньшимъ вниманіемъ и заботами правительства сравнительно съ шляхетскою школою пользовалась сословная школа другого сословія: духовная „въ надеждѣ священства“; тѣмъ не менѣе, предоставленная даже самой себѣ, церковнымъ силамъ и средствамъ, она продолжаетъ развиваться подъ давленіемъ профессіональныхъ запросовъ духовной среды, понудительныхъ указовъ правительства, привлекающихъ духовныхъ неучей въ солдаты и въ тяглое состояніе и при содѣйствіи, главнымъ образомъ, просвѣщенныхъ епископовъ изъ „черкасъ“, питомцевъ Кіевской Академіи.

Въ силу правительственныхъ указовъ, архіереи вынуждены были преобразовать свои архіерейскія церковныя школы въ семинаріи, повышая ихъ курсъ по образцу латинскихъ школъ, уже извѣстныхъ намъ въ Петровское время (школа Ростовская). Только въ царствованіе Анны Іоанновны было открыто 17 семинарій; изъ нихъ особенно выдѣлялись по своей прекрасной постановкѣ Невская и Харьковская семинарія; число учащихся въ 17 семинаріяхъ простиралось до $2^1/_2$ тысячъ; въ началѣ царствованія Екатерины II насчитывалось уже 26 семинарій съ 6.000 учениковъ. Въ большинствѣ случаевъ это были школы типа западныхъ латинскихъ школъ, съ схоластической программою и латинскимъ языкомъ преподаванія. Жалкая убогость обстановки этихъ школъ, быта учениковъ и ценза преподавателей прекрасно очерчена въ талантливомъ трудѣ П. Знаменскаго „Духовныя школы въ Россіи“, къ которому мы и отсылаемъ интересующихся; но семинаріи съ ихъ латинскимъ формальнымъ образованіемъ, особенно подъ руководствомъ просвѣщенныхъ архіереевъ изъ малороссовъ, сослужили свою культурную службу для развитія высшей школы этой эпохи, такъ какъ видный процентъ студентовъ университетовъ и учениковъ гимназій пополнялся семинаристами, наиболѣе подготовленными для слушанія лекцій на латинскомъ языкѣ. и, можетъ-быть,



Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ.

наиболѣе заинтересованными тѣми перспективами, которыя открывались для церковника по окончаніи высшей свѣтской школы.

Наряду съ семинаріями продолжали дѣйствовать архіерейскія церковныя школы. Верховный Совѣтъ въ 1726 г. постановилъ было передать въ синодальное вѣдомство уцѣлѣвшіе остатки „цыфирныхъ школъ“, желая вмѣстѣ съ тѣмъ взвалить на Синодъ и содержаніе этихъ школъ; но „учительный классъ“ нашелъ, что „ариѳметика и геометрія—не духовнаго чина дѣло есть, а потому и до духовнаго правительства преподаванія ихъ не подлежитъ“. До 1740 г. о цыфирныхъ школахъ нѣтъ извѣстій, и только въ этомъ году мы узнаемъ, что Московская и Петербургская Академія отправили въ губерніи и провинціи 47 учителей, изъ которыхъ 18 человѣкъ вернулись обратно, не нашедши себѣ учениковъ; остальные 29 хотя и остались на мѣстахъ, но едва ли попали въ цыфирныя школы, такъ какъ послѣднихъ въ это время было всего 8. Попытка слить цыфирную школу съ церковною не удалась: помѣшала разница въ программахъ и назначеніяхъ этихъ двухъ типовъ школъ; болѣе успѣшною была попытка въ 1744 г. слія-нія цыфирныхъ школъ съ „гарнизонными“, заведенными въ 1732 г. при пѣхотныхъ полкахъ для обученія солдатскихъ дѣтей, „дабы впредь польза государству и въ рекрутахъ облегченіе было“. И по своему составу (дѣти духовенства были отвлечены семинаріями), и по программѣ (ариѳметика и геометрія) цыфирныя школы стояли ближе къ гарнизоннымъ, тѣмъ болѣе, что въ указѣ 1744 г. констатируется, что математическіе учителя „въ гарнизонахъ солдатскихъ и прочихъ чиновъ дѣтей обучали“.

Исходя изъ этихъ данныхъ, выносишь пессимистическіе взгляды на начальное образованіе въ эту эпоху. Начальныхъ школъ для народа не было: были элементарныя школы для удовлетворенія профессіональныхъ нуждъ сословій и классовъ, для которыхъ элементарная грамотность и знанія въ той или иной области были обязательны по закону. Да и недосугъ былъ закрѣпощенному народу думать о грамотности.

В. Улановъ.

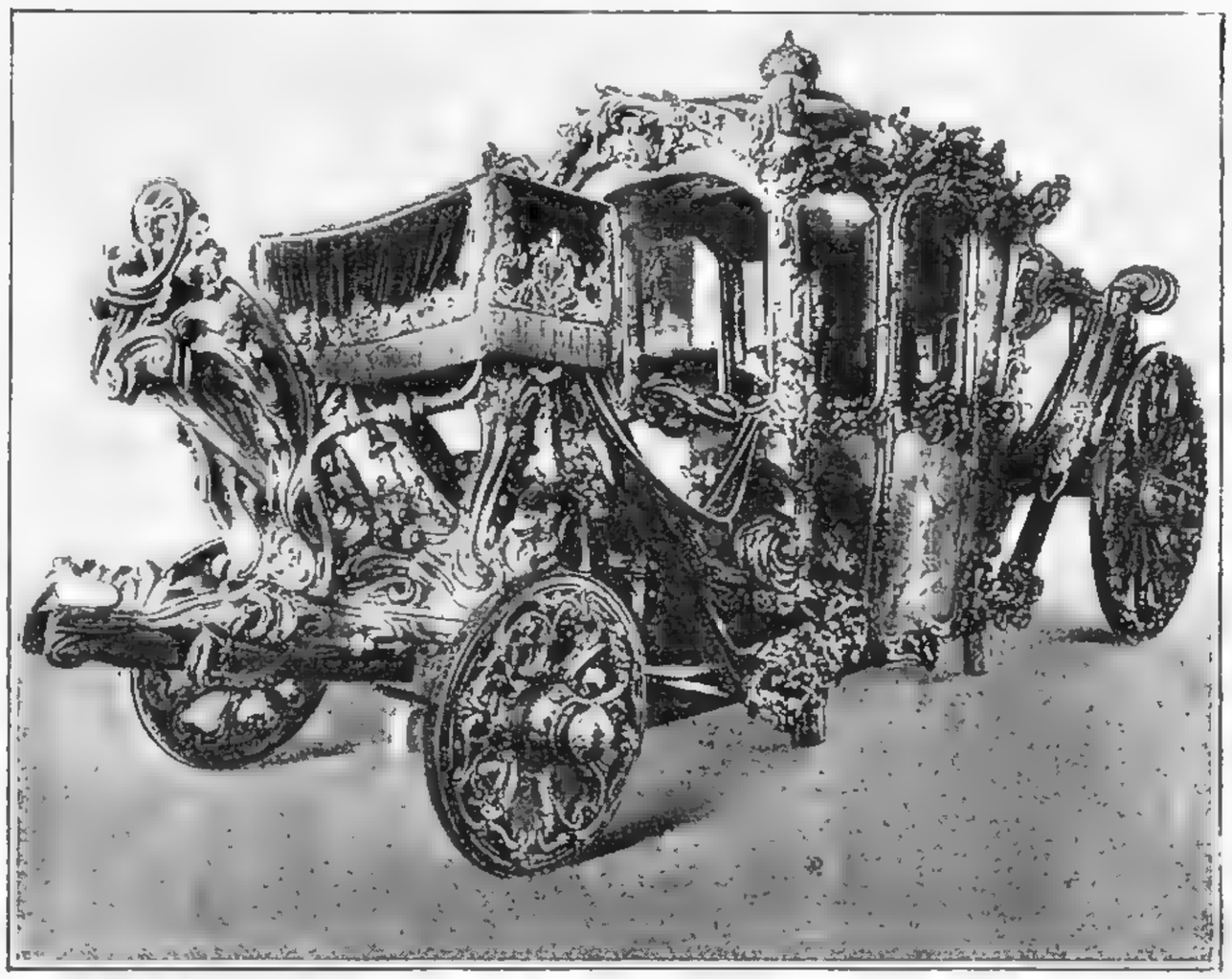
Императрица Елизавета Петровна.

Императрица Елизавета Петровна родилась близъ Москвы въ селѣ Коломенскомъ 18 декабря 1709 г. подъ веселые звуки музыки во время тріумфальнаго шествія, которымъ праздновалось въ Москвѣ въ этотъ день возвращеніе царя послѣ Полтавской побѣды. Еще дѣвочкой она удивляла современниковъ бойкостью и открытостью натуры, унаслѣдованными, быть-можетъ, отъ отца. Въ 1722 г. по случаю праздника Пасхи императорской четѣ и обѣимъ царевнамъ представлялся жившій при русскомъ дворѣ молодой голштинскій герцогъ, искавшій руки старшей царевны Анны Петровны. „Похристосовавшись съ родителями,—пишетъ его камеръ-юнкеръ Бергхольцъ,—его высочество спросилъ императрицу, можно ли ему точно также похристосоваться съ принцессами, на что она отвѣтила: „Конечно, можно, почему же нѣтъ?“ Старшая по врожденной ей застѣнчивости поколебалась было немного, однакожъ послѣдовала знаку императрицы; но младшая тотчасъ же подставила свой розовый ротикъ для поцѣлуя“. Офиціальные и неофиціальные отзывы современниковъ сливаются въ единогласный хоръ и не находятъ

словъ для восхваленія ея красоты. Европеецъ съ крайняго запада, испанскій посолъ Лиріа говоритъ, что онъ рѣдко видѣлъ такихъ красавицъ, какъ принцесса Елизавета. Но и азіатъ съ дальняго востока принужденъ былъ публично засвидѣтельствовать то же самое. Въ 1734 г. императрицѣ Аннѣ въ торжественной обстановкѣ въ большой залѣ дворца представлялось китайское посольство. Если вѣрить леди Рондо, женѣ англійскаго посла при петербургскомъ дворѣ, оставившей любопытныя записки, послѣ офиціальныхъ рѣчей Анна черезъ переводчика спросила посла: „Какая дама здѣсь красивѣе всѣхъ?“ Китаецъ далъ приправленный восточною изысканностью уклончивый отвѣтъ: „Смотря на небо въ звѣздную ночь, можно ли сказать, которая звѣзда блеститъ больше!“ Но императрица настаивала на прямомъ и рѣшительномъ отвѣтѣ. Тогда посолъ вѣжливо поклонился Елизаветѣ и сказалъ: „Изъ числа всѣхъ этихъ прелестныхъ дамъ я считаю эту прелестнѣйшею, и еслибы только у нея не были такъ велики глаза (здѣсь выразились монгольскіе вкусы), то никто бы не могъ, взглянувши на нее разъ,

По старинной русской гравюрѣ.

не умереть послѣ этого отъ любви“. Что всего замѣчательнѣе, единогласную дань восхищенія ей платятъ и ея современницы. „Принцесса Елизавета, — пишетъ о ней леди Рондо въ 1733 г., — красавица. Она очень бѣла; у нея не слишкомъ темные волосы, большіе и живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенькій ротъ. Она расположена къ полнотѣ, но очень мила и танцуетъ такъ хорошо, какъ я еще никогда не видывала“. „На нее нельзя было довольно налюбоваться,—вспоминаетъ о ней въ своихъ запискахъ Екатерина II, увидѣвшая ее впервые въ 1744 г., — и бывало съ сожалѣніемъ перестаешь смотрѣть на нее, потому что ничего лучшаго больше не увидишь“.



Карета императрицы Елизаветы Петровны. (Оружейная палата.)

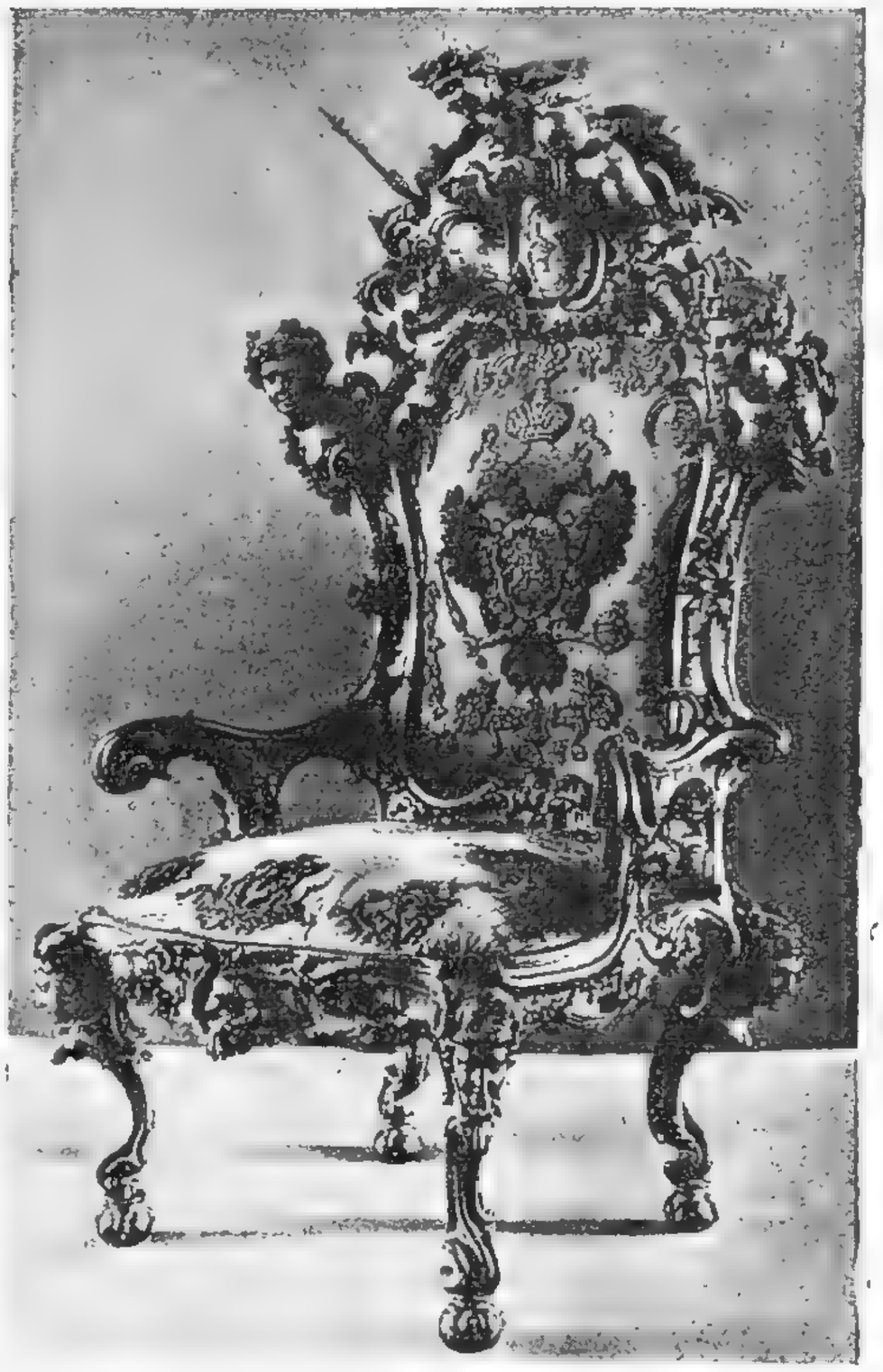
Дочь простой лифляндской крестьянки, она получила отъ матери большой запасъ здоровья, бодраго чувства и жизнерадостнаго взгляда. Этихъ природныхъ даровъ не отняли у нея полученное ею воспитаніе и образованіе, не простиравшееся далѣе танцевъ и умѣнья болтать по-французски и по-нѣмецки, и она пользовалась ими до конца дней и пользовалась съ тою широтой, отъ какой уже отвыкли люди слѣдующихъ поколѣній, когда разсудокъ сталъ брать верхъ надъ страстнымъ порывомъ, а разумъ, съ дѣтства отягощенный знаніями, сталъ господствовать надъ непосредственнымъ чувствомъ. Занявъ престолъ, Елизавета никакъ не могла вникнуть во всѣ тонкости сложнѣйшихъ механизмовъ внѣшней и внутренней политики и въ ту и въ другую вносила ту же искренность чувства и простоту взгляда, съ которыми она прежде вела хозяйство въ своихъ вотчинахъ. Во внѣшнихъ отношеніяхъ, въ выборѣ друзей и враговъ она руководилась личными симпатіями и антипатіями. Она ненавидѣла прусскаго короля, съ которымъ и вела войну до конца жизни, и клялась поддерживать дружбу съ Маріей-Терезіей, чего бы это ей ни стоило, „хотя бы даже пришлось, — какъ она простодушно заявила австрійскому послу, — продать на военныя нужды половину платьевъ и брильянтовъ“, а можно себѣ представить, что для нея значило разстаться съ тѣми и другими. Ея указы по внутреннему управленію, тѣ, ини-

ціатива которыхъ принадлежитъ ей самой, продиктованы чувствомъ и только чувствомъ; вотъ почему они столько же искренни, сколько наивны. Она была очень религіозна, строго блюла всѣ посты и исполняла обряды, часто присутствовала при закладкѣ и освященіи церквей и предавалась благочестивымъ подвигамъ: подобно древнимъ царевнамъ и царицамъ,—вышивала для церквей воздухи, пелены и тесьмы на лампады. Она предпринимала путешествія пѣшкомъ на богомолье изъ Москвы къ Троицѣ, при чемъ черезъ каждые два часа пути садилась отдыхать и кушать въ роскошномъ шатрѣ, подкрѣпляя себя въ дальнѣйшій путь обильной трапезой. Не пропуская ни одной службы, она слѣдила за порядкомъ богослуженія и правильностью церковной обстановки. „Не упомню, въ какой то было церковный праздникъ,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ тогдашній оберъ-прокуроръ Синода кн. Шаховской,—соизволила ея величество присутствовать у всенощнаго пѣнія въ большой придворной церкви, гдѣ и мнѣ случилось быть. Ея величество, которая, какъ обыкновенно, позади праваго клироса неподалеку отъ пѣвчихъ мѣсто свое имѣла, поговоря нѣсколько съ ними и взявъ одну церковнаго служенія книгу, подозвавъ меня, изволила мнѣ показывать напечатанныя въ оной неисправности“. Кн. Шаховской едва ли что понималъ въ этихъ неисправностяхъ, такъ какъ попалъ въ синодальные оберъ-прокуроры изъ совѣтниковъ генералъ-полицеймейстерской канцеляріи. „Черезъ нѣсколько дней,— читаемъ далѣе въ этихъ же запискахъ,— случилось мнѣ ввечеру быть во дворцѣ; и ея величество, увидя меня и подозвавъ, изволила съ неудовольствіемъ говорить: „Чего де Синодъ смотритъ! Я де была вчерась на освященіи новосдѣланной при полку конной гвардіи церкви, въ которой на иконостасѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ по приличности надлежало быть живо изображеннымъ ангеламъ, поставлены разные наподобіе. купидоновъ болваны, чего де наша церковь не дозволяетъ“. Елизавета отъ всей души ненавидѣла прусскаго короля Фридриха II; но, вѣроятно, все же не столько за тѣ неистощимыя и мѣткія остроты, которыя другъ Вольтера отпускалъ по ея адресу и по адресу ея союзницы, австрійской императрицы, сколько за то, что онъ въ ея глазахъ былъ атеистъ, безбожникъ. Въ 1745 г. на балу государыня разговорилась съ австрійскимъ посломъ о нравственности вообще и въ особенности объ обязанностяхъ коронованныхъ главъ относительно Бога; разговоръ тотчасъ же перескочилъ на общаго врага. „Король прусскій думаетъ, — замѣтила она, — что такъ какъ онъ не коронованъ, то можетъ совершать всякія крайности; я удивляюсь, какъ это Господь не проявитъ своего чуда надъ этимъ злостнымъ государемъ“. Посолъ успокоилъ раздраженную государыню, увѣривъ ее, что наказаніе Божіе для короля не заставитъ себя долго ждать. Ея рѣшеніе въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ была затронута религія, были непоколебимы. Раскольникамъ стало теперь гораздо хуже, чѣмъ въ жестокое правленіе Петра и въ правленіе нѣмцевъ-протестантовъ, руко-

Рокотовъ. Императрица Екатерина II. Академія Художествъ.

водившихся началомъ вѣротерпимости. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императрица издала весьма энергичный указъ, которымъ повелѣвалось всѣхъ евреевъ, какъ ненавистниковъ имени Христова, немедленно же выслать изъ Россіи и впредь ни подъ какимъ видомъ въ Россію не пускать; притомъ наблюсти, чтобы они не вывозили съ собой золота и серебра и передъ выѣздомъ обмѣняли эти металлы на ничего не стоящую въ иностранныхъ государствахъ русскую мѣдную ко-

пеечную и пятикопеечную монету. Когда Сенатомъ былъ представленъ докладъ о неудобствахъ, которыя могутъ произойти отъ этого распоряженія для торговли въ Малороссіи и Остзейскомъ краѣ, находившейся въ рукахъ евреевъ, и вслѣдствіе этого объ уменьшеніи казенныхъ доходовъ, она положила на докладѣ резолюцію: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“, и ничего нельзя было съ нею подѣлать.



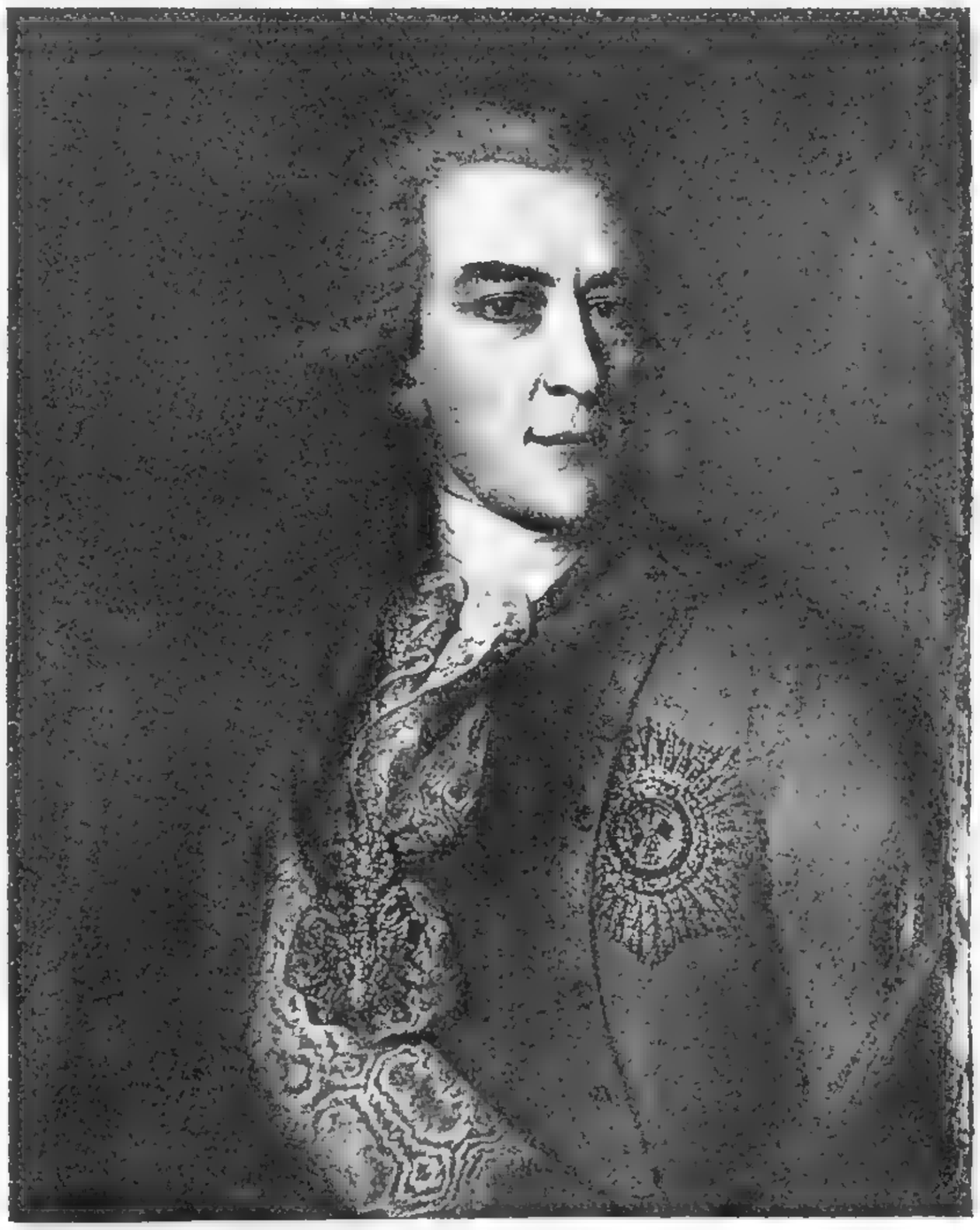
Кресло императрицы Елизаветы Петровны. (Оружейная палата).

Строго религіозная государыня считала одною изъ своихъ первыхъ обязанностей наблюдать за добрыми нравами подданныхъ и преслѣдовать всякое уклоненіе отъ нравственности. Однажды Сенатъ долженъ былъ распубликовать указъ, гдѣ говорилось, что „ея величество замѣтила, что въ петербургскомъ гостиномъ дворѣ продаютъ желѣзныя табакерки, крытыя лакомъ, съ нарисованными на нихъ пасквилями: пять персонъ мужескихъ и одна женская въ одной рубашкѣ, а половина оной нагая въ коронѣ съ подписью на англійскомъ языкѣ тѣхъ персонъ неприличныхъ разговоровъ. А понеже такіе и подобные тому пасквили здѣсь весьма ненавистны суть“, какъ заключалъ Сенатъ свой указъ, то и предписывалось изъять описанныя табакерки изъ продажи. Въ 40-хъ годахъ въ Петербургѣ, разсказываетъ въ своихъ любопытныхъ воспоминаніяхъ извѣстный майоръ Даниловъ, въ одномъ изъ переулковъ на Вознесенской улицѣ поселилась нѣкая предпріимчивая дама, пріѣхавшая изъ Дрездена и потому прозванная въ петербургскомъ свѣтѣ Дрезденшей. Она познакомила столичное общество съ новымъ родомъ

развлеченій: открыла у себя собранія подъ названіемъ „вечеринокъ“, на которыхъ гостямъ прислуживало, „вмѣсто лакеевъ, множество недурныхъ и молодыхъ дѣвицъ“. На эти увеселенія стала въ изобиліи съѣзжаться петербургская холостая молодежь. За холостыми потянулись и женатые люди. Произошелъ рядъ семейныхъ скандаловъ; дѣло дошло до двора. Елизавета приняла свои мѣры. Была наряжена для слѣдствія „строгая комиссія о живущихъ безбрачно“, какъ называетъ ее авторъ воспоминаній. Быстрыми и рѣшительными дѣйствіями комиссія вступила въ борьбу съ порокомъ: арестовала Дрезденшу, веселыхъ обитательницъ ея гостепріимной квартиры заключила на прядильный дворъ въ Калинкиной деревнѣ, а двухъ посѣтителей „вечеринокъ“: профессора астрономіи Попова и асессора мануфактуръ-коллегіи Ладыгина, вѣроятно, въ назиданіе другимъ, торжественно обвѣнчала въ соборной церкви. Такимъ образомъ порокъ былъ наказанъ и добрые нравы возстановлены!

До вступленія на престолъ, особенно въ царствованіе императрицы Анны, Елизавета вела жизнь особнякомъ въ кругу своего небольшого двора, состоявшаго изъ вѣрныхъ и преданныхъ людей, которыхъ она потомъ и выдвинула на первыя мѣста въ государствѣ, безпечно предаваясь удовольствіямъ и зная только одну заботу: недостатокъ въ деньгахъ, которыхъ всегда не хватало. Она рѣдко, только по необходимости, показывалась при большомъ дворѣ и терпѣть не могла придворныхъ церемоній. Тѣ же склонности и привычки она принесла съ собой и на престолъ, потому что она заняла его въ томъ возрастѣ, когда уже люди съ трудомъ мѣняются. Сначала она принялась было за работу, возстановила Сенатъ въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при отцѣ, и, можетъ-быть, вспоминая о примѣрѣ отца, нѣсколько разъ сама присутствовала на сенатскихъ засѣданіяхъ. Но скоро это ей надоѣло, и она перестала туда заглядывать. Ничто не тяготило ее болѣе государственныхъ дѣлъ; она оттягивала и откладывала ихъ, какъ только могла. Министрамъ приходилось ждать пріема по недѣлямъ, а бумагамъ лежать на ея столѣ безъ подписи по мѣсяцамъ. Приходилось прибѣгать къ помощи фаворитовъ, чтобы заставить государыню выслушать какой-нибудь важный докладъ. Французскій посланникъ при ея дворѣ д'Аллiонъ жаловался, что, когда ему нужно поговорить съ ней о чемъ-либо серьезномъ, ему приходилось ловить ее на балу; она любезно начинала выслушивать, но затѣмъ „не могла противиться скрипкамъ, звуки которыхъ раздавались въ сосѣдней залѣ, тихонько начинала отступать къ двери и уходила“. Отвѣтъ на письмо короля Людовика XV, извѣщавшее о рожденіи у него сына, она собралась подписать ровно три года спустя послѣ полученія письма. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ разсказѣ маркиза Брейтеля, французскаго посла въ Петербургѣ, о томъ, какъ императрица въ 1746 г. подписывала трактатъ съ Австріей. Послѣ того, какъ она написала первыя три буквы своего имени, оса сѣла на кончикъ пера.

Елизавета отложила перо и только черезъ шесть недѣль докончила подпись трактата, дописавъ остальныя буквы. „Дворъ и правленіе Россійской имперіи, — доносилъ въ 1743 г. своему правительству саксонскій резидентъ Пецольдъ, — находятся въ самомъ плачевномъ состояніи. Правители обще съ императрицей ночь превращаютъ въ день, а день—въ ночь; время убиваютъ въ прогулкахъ, комедіяхъ, маскарадахъ, балахъ, катаньяхъ и тому подобныхъ развлеченіяхъ. Не желая, чтобы что-нибудь мѣшало проводить такъ, какъ ей вздумается, государыня терпѣть не можетъ государственныхъ дѣлъ, удаляется отъ нихъ или разсматриваетъ чрезвычайно небрежно и зачастую въ досадѣ, что ей мѣшаютъ, назначаетъ приговоры съ ужаснѣйшею строгостью“. Не желая сама вникать въ сложныя государственныя дѣла, Елизавета изобрѣла особый способъ ихъ веденія, заключавшійся въ томъ, что одинъ и тотъ же предметъ поручался двумъ лицамъ разныхъ воззрѣній, которыя такимъ образомъ контролировали другъ друга. Иностранныя дѣла были поручены канцлеру А. П. Бестужеву и вице-канцлеру М. Л. Воронцову. Трудно было подыскать людей болѣе несогласныхъ между собою. Бестужевъ стоялъ за тѣсное сближеніе съ Англіей, Воронцовъ проводилъ мысль о союзѣ съ Франціей, которая вела съ Англіей войну. Оба до глубины души ненавидѣли другъ друга, и одинъ только и помышлялъ о томъ, какъ бы свалить другого. Такая система гарантировала, правда, государыню отъ опасности односторонняго вліянія, но на бѣду Елизавета была такъ нерѣшительна, что, постоянно колеблясь, поддавалась то одному вліянію, то другому, а нерѣдко, не будучи въ состояніи взять какое-нибудь опредѣленное направленіе, откладывала рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока дѣло не рѣшалось самимъ ходомъ событій.



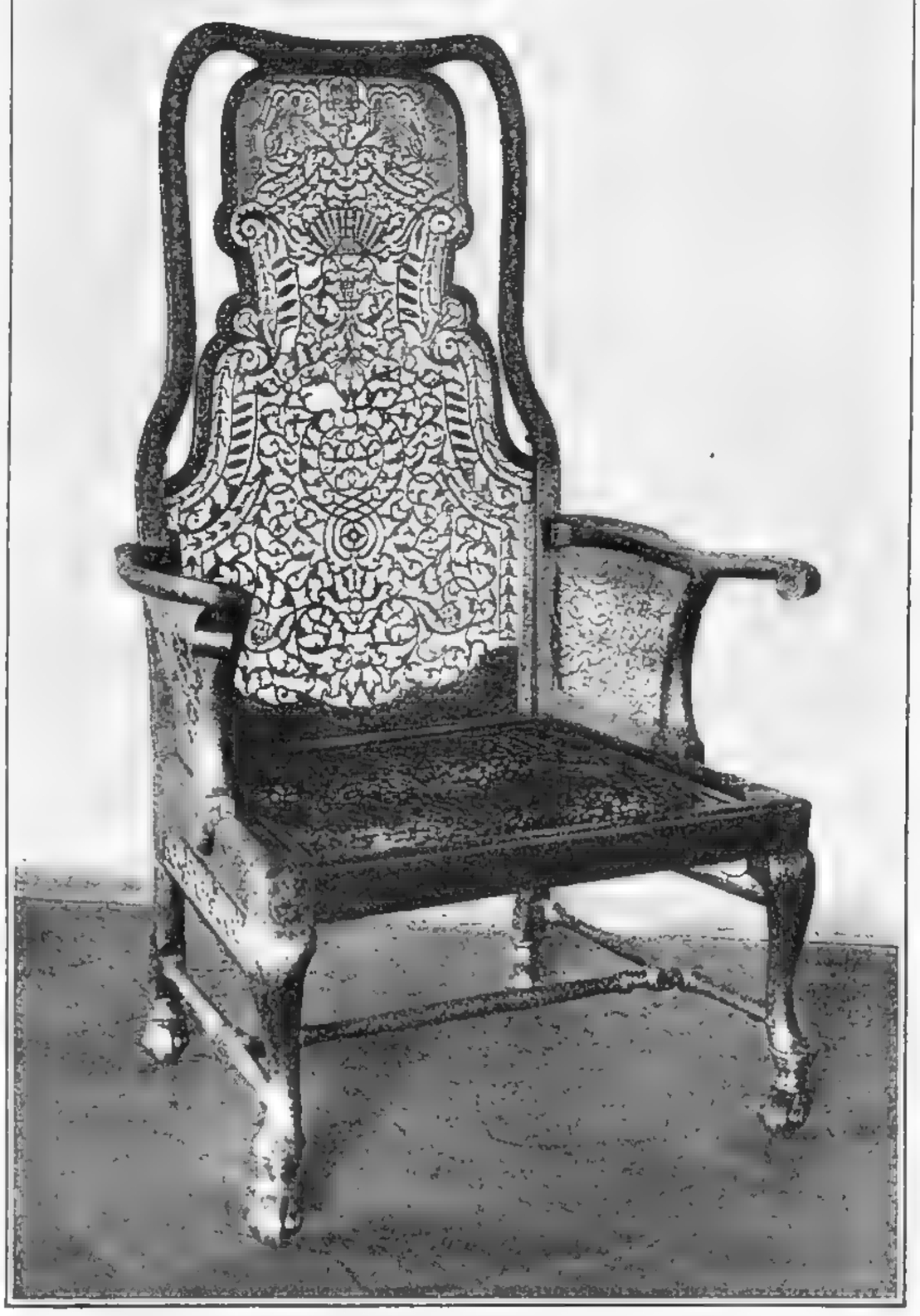
Гр. А. Г. Разумовскій.
(Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

И, тѣмъ не менѣе, дѣла рѣшались какъ нельзя болѣе удачно; трудно даже указать какое-либо другое царствованіе, которое было бы столь же сча-

стливымъ, какъ царствованіе Елизаветы Петровны. Во внутреннемъ управленіи принято было немало мѣръ, широкихъ по замыслу, полезныхъ по значенію, удовлетворявшихъ настоятельнымъ потребностямъ государства: облегчены рекрутскіе наборы, отмѣнены стѣснительныя для торговли внутреннія таможенныя пошлины, заселялся южно-русскій черноземный край, собраны были народные представители для законодательной работы въ Комиссіи по составленію новаго Уложенія, учреждена Академія Художествъ и открытъ первый университетъ. Можетъ-быть, еще большимъ успѣхомъ отличалась внѣшняя политика Елизаветы. Ея личныя симпатіи и антипатіи какъ-то удивительно совпадали съ національными интересами: она любила Марію-Терезію и ненавидѣла Фридриха II, и вѣрная политика Россіи въ то время заключалась какъ разъ въ поддержаніи союза съ Австріей и въ противодѣйствіи необыкновенно быстро возраставшему и опасному для восточнаго сосѣда могуществу Пруссіи. Этотъ путь былъ указанъ Петромъ Великимъ, отъ него въ началѣ царствованія отступила Екатерина II, но поняла ошибку и вернулась къ направленію, котораго Елизавета Петровна держалась неизмѣнно. Едва ли когда другая война была такъ плохо подготовлена и въ то же время ведена такъ удачно, какъ знаменитая Семилѣтняя война: плохо снаряженное войско, во главѣ котораго какъ будто нарочно ставились самые неспособные генералы, какихъ только можно было найти, разбивало, однако, неоднократно арміи одного изъ величайшихъ полководцевъ, захватывало Кенигсбергъ и Берлинъ. Въ чемъ надо искать секретъ такой замѣчательной удачи? Можетъ-быть, именно въ томъ, что Елизавета, тяготясь государственными дѣлами, не вносила въ нихъ никакой инициативы и не мѣшала свободному проявленію народныхъ силъ; не производила никакой крутой ломки подобно Петру Великому и не навязывала народной жизни кабинетныхъ идей, подобно Екатеринѣ II. Предоставленныя свободной работѣ народныя силы сумѣли находить себѣ наилучшій путь даже среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, при которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, и одерживали побѣду тамъ, гдѣ этого менѣе всего можно было ожидать. Въ царствованіе Елизаветы Россія продолжала идти въ направленіи, взятомъ при Петрѣ, но шла болѣе свободно, а потому хотя болѣе медленно, но зато болѣе вѣрно.

Вступленіе Елизаветы на престолъ прошло не совсѣмъ гладко. Благодаря своей мягкости, брауншвейгская фамилія пріобрѣла симпатіи въ гвардіи и въ высшемъ обществѣ и оставила по себѣ сожалѣніе. Вскорѣ послѣ переворота въ 1742 г. обнаружился заговоръ въ пользу свергнутаго императора, въ которомъ были замѣшаны офицеры Преображенскаго и Измайловскаго полковъ. Въ слѣдующемъ 1743 г. былъ раскрытъ заговоръ въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ которомъ были замѣшаны великосвѣтскія фамиліи и во главѣ котораго стояли три дамы. XVIII вѣкъ—вѣдь это время господства дамъ. Дамы царятъ въ салонахъ, занимаютъ престолы

или управляютъ тѣми, кто занимали престолы. Дамы ведутъ войну противъ прусскаго короля. Нѣтъ ничего удивительнаго, что дамы оказались и во главѣ заговора. Это были: Н. Ф. Лопухина, А. Г. Бестужева, свояченица канцлера, жена его брата Михаила, и Софья Лиліенфельдъ, жена камергера. Разными нитями, и, конечно, въ значительной мѣрѣ романическаго свойства, онѣ были связаны съ брауншвейгской фамиліей или съ лицами, пострадавшими при ея паденіи. Около руководительницъ группировался кружокъ гвардейскихъ офицеровъ, а вдохновителемъ этого великосвѣтскаго общества былъ австрійскій посолъ графъ Бота, которому, очевидно, не давали спать лавры маркиза Шетарди и который разсматривалъ переворотъ 25-го ноября какъ дѣло рукъ французской партіи. Сильно, хотя и напрасно, опасаясь за прочность русско-австрійскаго союза при Елизаветѣ, онъ предпочиталъ опять видѣть на русскомъ престолѣ брауншвейгскую фамилію, связанную тѣсными родственными узами съ австрійскпмъ домомъ. Предпріятіе не пошло, однако, далѣе простой болтовни: въ кружкѣ выражали недовольство поведеніемъ императрицы, осуждали ея поѣздки въ пригородныя резиденціи для устройства попоекъ, сомнѣвались въ ея правахъ на престолъ, какъ дочери Петра, рожденной за три года до брака; офицеры смѣялись надъ „бабьимъ“ правленіемъ. Дамскій заговоръ вызвалъ противъ себя также женскій образъ дѣйствій. Все это Лопухинское дѣло было до крайности преувеличено и раздуто и чуть не повело къ разрыву австрійскаго союза. Марія-Терезія принуждена была отозвать посла и даже подвергнуть его на нѣкоторое время аресту для успокоенія разгнѣванной



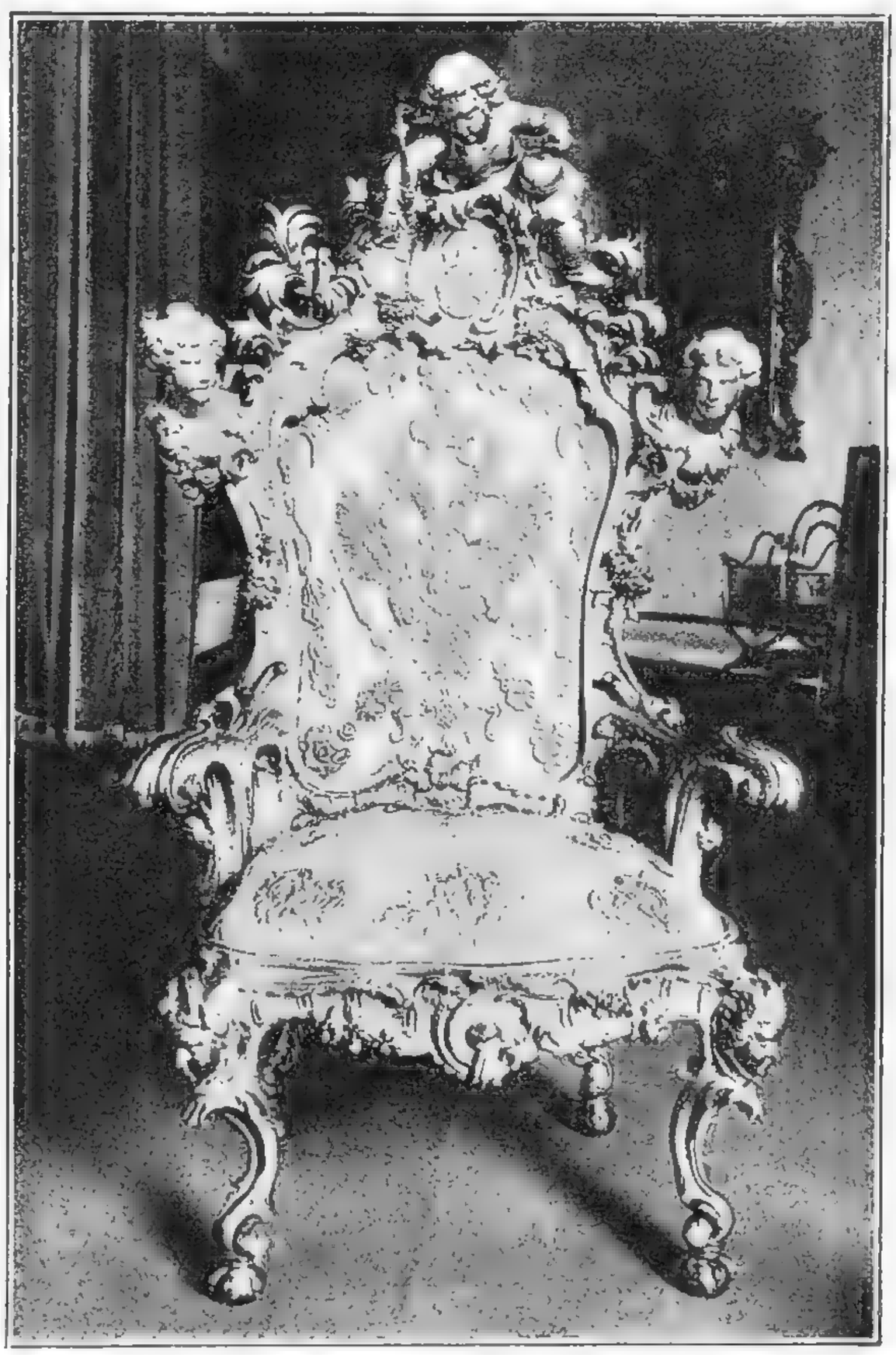
Кресло императрицы Елизаветы Петровны.
(Пет. Выст. Архит. 1911 г.).

союзницы. Руководительницы жестоко поплатились. Дѣло въ томъ, что Лопухина была знаменитой красавицей, единственной соперницей Елизаветы,—вотъ въ чемъ состояло ея главное преступленіе, котораго та не могла ей простить. Здѣсь и надо искать причину жестокости расправы. Лопухина и Бестужева были биты кнутомъ на площади и съ вырѣзаніемъ языковъ отправлены въ Сибирь. Даже члены Тайной канцеляріи просили императрицу пощадить третью участницу, Софью Лиліенфельдъ, находившуюся въ состояніи беременности, и избавить ее отъ тягостныхъ очныхъ ставокъ. На докладѣ канцеляріи Елизавета написала резолюцію, столь же ужасную по содержанію, сколько и по орѳографіи: „Надлежитъ ихъ въ крѣпость всѣхъ взять и очьною ставкою про изъ водить, несмотря на ее болѣзнь, понеже коли они государево здоровье пренебрегали, то плутофъ и на ипаче желеть не для чего, луче чтобъ и векъ ихъ не слыхать, нежели еще отъ нихъ плодофъ ждать“. Эти происшествія печально отразились на судьбѣ несчастной брауншвейгской фамиліи. Первоначально Елизавета имѣла намѣреніе только выпроводить ее за границу; но, напуганная толками въ пользу Ивана Антоновича, она приказала задержать путешественниковъ въ Ригѣ. Затѣмъ они были увезены внутрь Россіи и содержались нѣкоторое время подъ арестомъ въ г. Раненбургѣ, куда прежде ссылался Меншиковъ, а отсюда бывшій императоръ попалъ въ Шлиссельбургъ, а его родители были отправлены въ Холмогоры. Жестокость для бывшей правительницы Анны Леопольдовны была увеличена еще тѣмъ, что ее разлучили съ ея наиболѣе горячей привязанностью, дѣлившей съ нею теперь всѣ тягости ссылки, какъ прежде всѣ радости свободы и власти,—Юліаной Менгденъ.

Таковы были пятна этого въ общемъ болѣе мягкаго и кроткаго царствованія. Но это были послѣдніе отзвуки нравовъ первой половины XVIII вѣка. Правда, въ главѣ тайной канцеляріи продолжалъ сидѣть тотъ же самый Андрей Ивановичъ Ушаковъ, и она продолжала попрежнему присуждать къ четвертованіямъ и колесованіямъ, однако съ 1744 г. за все царствованіе не было приведено въ исполненіе ни одного смертнаго приговора. Формально смертная казнь не была изъята изъ уголовнаго кодекса, но 17 мая 1744 г. былъ изданъ указъ, по которому всѣ судебныя учрежденія обязаны были присылать смертные приговоры на утвержденіе Сената, а Сенатъ не утверждалъ ихъ, и съ тѣхъ поръ этотъ позорный остатокъ варварства фактически выходитъ изъ употребленія въ нашей уголовной юстиціи. Современники объяснили это распоряженіе суевѣрнымъ страхомъ смерти, который испытывала императрица, или тѣмъ обѣтомъ, который она дала, предпринимая переворотъ 25 ноября. Какъ бы то ни было, въ немъ нельзя не видѣть проявленій большей мягкости нравовъ.

Это смягченіе нравовъ въ общественныхъ верхахъ отразилось и на большей мягкости пріемовъ, внесенной въ управленіе людьми, появившимися

на правительственной аренѣ въ эпоху Елизаветы. Необузданныхъ птенцовъ Петра и черствыхъ нѣмцевъ времени Анны смѣнило новое поколѣніе, болѣе воспитанное, въ глазахъ котораго времена Анны казались уже жестокими временами. Образованіе дѣлало замѣтные успѣхи. Канцлеръ А. П. Бестужевъ много лѣтъ провелъ за границей на дипломатической службѣ и былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Вице-канцлеръ, человѣкъ очень близкій къ императрицѣ по родству, М. Л. Воронцовъ цѣнилъ талантъ Ломоносова и былъ съ нимъ въ дружбѣ. Брату фаворита Кириллѣ Разумовскому, въ 18 лѣтъ назначенному президентомъ Академіи Наукъ, было дано изысканное образованіе за границей. Въ семьѣ Шуваловыхъ корыстолюбіе и не совсѣмъ честные аппетиты средняго брата Петра вознаграждались обходительностью, просвѣщенностью и меценатствомъ младшаго — Ивана. Высшее общество стало подражать французамъ, заговорило на французскомъ языкѣ: Воронцовы и Шуваловы были проводниками французскаго вліянія. Съ модами и языкомъ замѣтной струей стала приходить французская литература, несшая съ собой новые гуманные взгляды и сентиментальное настроеніе. Чувствительность стала охватывать общественные верхи, и на самой императрицѣ замѣтенъ ясный оттѣнокъ новаго настроенія.



Коронаціонное кресло императрицы Елизаветы Петровны. Выставка: Ломоносовъ и Елизаветинское время.

Правда, въ ней еще очень много грубаго, отдававшаго Петровской эпохой. Она была въ отца вспыльчива и не умѣла сдерживать себя въ минуту раздраженія. Она собственноручно колотила придворныхъ по щекамъ и обла-

дала доведенной до виртуозности способностью браниться, бранилась съ чувствомъ и продолжительно, припоминая всѣ ранѣе нанесенныя ей обиды, дѣлая колкіе намеки и изливая цѣлые потоки ненужныхъ, не идущихъ къ дѣлу и наивныхъ словъ. Очень живо изображаетъ ее въ одинъ изъ такихъ моментовъ раздраженія Екатерина II. „Мы поѣхали съ императрицею въ Софьино,—пишетъ Екатерина,—въ 60 или 70 верстахъ отъ Москвы. Тамъ мы расположились въ палаткахъ. На другой день по пріѣздѣ въ Софьино мы (съ великимъ княземъ) пошли въ палатку къ императрицѣ и застали ее съ управителемъ, на котораго она въ ту минуту бранилась. Надо сказать, что въ Софьино она пріѣхала охотиться, но, по несчастію, тамъ не было ни одного зайца. Управитель стоялъ блѣдный и дрожалъ; императрица не щадила бранныхъ словъ и была въ изступленіи отъ гнѣва. Когда мы подошли къ рукѣ, она поцѣловала насъ, какъ будто ничего не происходило, и затѣмъ снова принялась бранить управителя. Разгнѣвавшись, она обыкновенно начинала дѣлать намеки, на кого ей вздумается, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе, при чемъ произносила слова чрезвычайно быстро. Между прочимъ, она говорила, что ей очень хорошо извѣстно, какъ нужно управлять имѣніемъ, что она научилась этому въ царствованіе императрицы Анны, что, не получая большихъ доходовъ, она не позволяла себѣ роскошничать и не дѣлала долговъ, боясь погубить свою душу; что еслибы она въ то время умерла съ долгами, то никто не сталъ бы платить за нее, и душа ея пошла бы въ адъ, чего она не хотѣла; что для этого, будучи у себя дома и запросто, она нарочно ходила въ самомъ простомъ костюмѣ—въ сѣренькомъ платьѣ и бѣлой тафтяной кофтѣ, этимъ дѣлала экономію и никакъ не позволяла себѣ наряжаться въ богатое платье въ деревнѣ или въ дорогѣ. Это уже явно относилось ко мнѣ, потому что на мнѣ тогда было лиловое съ золотомъ платье. Я проглотила пилюлю“...

Императрица Елизавета Петровна.
(Музей Александра III).

Но такія вспышки гнѣва не влекли за собой серьезныхъ послѣдствій для тѣхъ, кто имъ подвергался, и проходили такъ же быстро, какъ появлялись, уступая мѣсто искреннимъ порывамъ доброты, сентиментальному настроенію, грусти и слезамъ. Въ 1755 г. при извѣстіи о землетрясеніи въ Лиссабонѣ она выразила желаніе на свои средства выстроить цѣлый кварталъ въ этомъ городѣ, и большого труда стоило ее убѣдить, что состояніе ея финансовъ не позволяетъ ей этого расхода. Она плакала, читая списки убитыхъ и раненыхъ во время Семилѣтней войны. Когда въ придворномъ театрѣ играли оперу подъ названіемъ „Титово милосердіе“, императрица „проливала токи слезъ“. Въ 1744 г., встрѣтивъ только что пріѣхавшую съ матерью невѣсту наслѣдника, будущую Екатерину II, Елизавета Петровна долго смотрѣла на княгиню-мать, затѣмъ быстро повернулась и ушла въ сосѣднюю комнату, чтобы скрыть слезы: ее поразило сходство княгини съ ея покойнымъ братомъ, титулярнымъ епископомъ любекскимъ, женихомъ Елизаветы, умершимъ цѣлыхъ 17 лѣтъ тому назадъ, о которомъ, однако, она не могла вспомнить безъ грусти.

Волковъ, Лосенко. (Академія Художествъ.)

Добрая, хотя и не безъ вспыльчивости, и веселая, хотя и не безъ сентиментальности, императрица Елизавета Петровна оставила по себѣ въ общемъ свѣтлую память. „Сія государыня,—говоритъ Щербатовъ, — была набожна, милосердна, сострадательна и щедра“. Тѣ же качества признаетъ за ней даже ея врагъ фельдмаршалъ Минихъ, которому немало пришлось отъ нея пострадать. „Она была милостива,—читаемъ мы въ его запискахъ, — и до такой степени не жестока и человѣколюбива, что никогда не хотѣла проливать крови и не наказывала смертью ни убійцъ, ни грабителей, ни другихъ преступниковъ“.

М. Богословскій.

Петръ III и Екатерина II.

5 февраля 1742 года въ Петербургъ прибылъ молодой голштинскій герцогъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ, поспѣшно вызванный изъ Киля въ Россію его теткой, императрицей Елизаветой Петровной. Это обстоятельство, маловажное само по себѣ, стало причиной чрезвычайно важныхъ перемѣнъ въ жизни Россіи середины XVIII вѣка: прихотливая судьба сдѣлала этого голштинскаго принца наслѣдникомъ русскаго престола. Потомокъ Петра Великаго по женской линіи (онъ былъ сыномъ цесаревны Анны Петровны и герцога голштинскаго Карла-Фридриха), онъ, благодаря перевороту 24 ноября 1741 года, возведшему на престолъ дочь Петра I Елизавету, сталъ, неожиданно для самого себя и для окружающихъ, великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, преемникомъ императрицы Елизаветы, такъ какъ она желала обезпечить престолъ за потомствомъ своего отца въ противовѣсъ другимъ кандидатамъ. Въ то же время принцъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ, какъ двоюродный внукъ шведскаго короля Карла XII, былъ возможнымъ кандидатомъ и на шведскій престолъ. Такова была щедрость прихотливой судьбы по отношенію къ одному изъ самыхъ второстепенныхъ, хотя и владѣтельныхъ государей Европы.

Не менѣе прихотливо распорядилась судьба и жизнью молодой принцессы малоизвѣстнаго Ангальтъ-Цербстскаго дома Софіи-Августы, сдѣлавъ ее женой названнаго голштинскаго принца, а потомъ—властительницей одной изъ обширнѣйшихъ въ свѣтѣ монархій.

Но давъ этимъ баловнямъ своимъ одинаково высокое положеніе, судьба слишкомъ неравномѣрно распредѣлила между ними свои матеріальные и духовные дары: надѣливъ одну (Екатерину) весьма щедро, она съ другимъ (съ Петромъ) обошлась, какъ съ нелюбимымъ пасынкомъ, почти лишивъ его даже самаго необходимаго. Судьба поступила тутъ, какъ искусный художникъ, который строитъ свои характеристики на контрастѣ изображаемыхъ лицъ: и недостатки, и достоинства Петра III и Екатерины II всегда выступали особенно рельефно, когда съ этими лицами знакомились и ихъ изучали одновременно. Чѣмъ ярче свѣтъ, тѣмъ гуще тѣни.

Императоръ Петръ III.
Рокотова (Академ. Художествъ).

Петръ III былъ отъ природы слабымъ, хилымъ, невзрачнымъ на видъ ребенкомъ, который постоянно болѣлъ, и выйдя уже изъ дѣтскаго возраста. Дурное воспитаніе, легкомысленно и безтолково веденное его голштинскими наставниками Брокдорфомъ и Брюммеромъ, не только не исправило недостатковъ физической организаціи принца, но еще болѣе ихъ усилило. Ребенокъ часто долженъ былъ дождаться кушанья до двухъ часовъ пополудни и съ голоду охотно ѣлъ сухой хлѣбъ, а когда пріѣзжалъ Брюммеръ и получалъ отъ учителей дурные отзывы о принцѣ, то начиналъ грозить ему строгими наказаніями послѣ обѣда, отчего ребенокъ сидѣлъ за столомъ ни живъ, ни мертвъ, и послѣ обѣда подвергался головной боли и рвотѣ желчью. Даже въ хорошую лѣтнюю погоду принца почти не выпускали на свѣжій воздухъ, но зато два раза въ недѣлю заставляли бывать на вечерахъ съ 6 час. вечера, а въ лѣтніе дни, вмѣсто прогулокъ, „играть въ кадрилью“ съ дочерью г-жи Брокдорфъ, при чемъ только серьезная болѣзнь освобождала принца отъ этой обязанности. Принца часто нака-

зывали, при чемъ въ числѣ наказаній были такія, какъ стояніе голыми колѣнями на горохѣ, привязываніе къ столу, къ печи, сѣченіе розгами и хлыстомъ.

Переѣздъ четырнадцатилѣтняго принца въ Россію не измѣнилъ системы воспитанія къ лучшему: съ одной стороны, при немъ остались его прежніе воспитатели, уже доказавшіе свою непригодность къ этому дѣлу, а, съ другой — въ его новомъ отечествѣ, въ той средѣ, въ которую онъ попалъ, господствовали на этотъ счетъ мнѣнія, не ушедшія впередъ по сравненію съ голштинскими. И здѣсь нисколько не заботились о физическомъ развитіи наслѣдника престола, заставляя его, однако, подолгу и чуть не до изнуренія выдѣлывать всевозможныя балетныя па — хореографія при дворѣ Елизаветы, ея страстной поклонницы, процвѣтала, какъ нигдѣ. Какъ мало обращалось вниманія въ Петербургѣ на здоровье Петра, показываетъ слѣдующій случай. Однажды онъ сталъ жаловаться на нездоровье, но на это не обращали вниманія, объясняя все притворствомъ и нежеланіемъ учиться, и повѣрили лишь тогда, когда онъ однажды во время занятій упалъ на руки профессора Штелина. За 3 года пребыванія въ Россіи Петръ перенесъ 3 тяжелыхъ болѣзни. Но жизненный режимъ, несмотря на все это, оставался все тотъ же, и, по словамъ Штелина, Петръ нѣсколько окрѣпъ значительно позже, когда онъ сталъ усиленно заниматься воинскими упражненіями со своими голштинскими солдатами. Но и тогда внѣшностью своей онъ не могъ привлечь ничьихъ симпатій. Рюльеръ, видимо, расположенный къ нему, такъ описываетъ его: „Его наружность, отъ природы смѣшная, сдѣлалась таковою еще болѣе въ искаженномъ прусскомъ нарядѣ; штиблеты стягивалъ онъ всегда столь крѣпко, что не могъ сгибать колѣнъ и принужденъ былъ садиться и ходить съ вытянутыми ногами. Большая, необыкновенной фигуры шляпа прикрывала малое и злобное, но довольно живое лицо, которое онъ безобразилъ безпрестаннымъ кривляньемъ для своего удовольствія“.

Полную противоположность Петру представляла собой Екатерина: крѣпкая и здоровая, она соединяла съ этимъ большую привлекательность; не будучи красавицей, она умѣла, когда хотѣла, произвести очень выгодное впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчалась. Тотъ же Рюльеръ, далеко не расположенный къ Екатеринѣ, такъ изображаетъ ее: „Пріятный и благородный станъ, гордая поступь, прелестныя черты лица и осанка, повелительный взглядъ,—все возвѣщало въ ней великій характеръ. Большое открытое чело и римскій носъ, розовыя губы, прекрасный рядъ зубовъ, нетучный, большой и нѣсколько раздвоенный подбородокъ. Волосы каштановаго цвѣта отличной красоты, черныя брови и таковые жъ прелестные глаза, въ коихъ отраженіе свѣта производило голубые оттѣнки, и кожа ослѣпительной

бѣлизны. Гордость составляла отличительную черту ея физіономіи. Замѣчательныя въ ней пріятность и доброта для проницательныхъ глазъ не что иное, какъ дѣйствіе особеннаго желанія нравиться, и очаровательная рѣчь ея ясно открываетъ опасныя ея намѣренія“.

Еще большій контрастъ былъ между супругами въ духовномъ отношеніи. Петра III долго и безпорядочно учили, Екатерина училась сама; результатомъ ученія Петра было то, что онъ поражалъ своимъ невѣжествомъ даже императрицу Елизавету, которая была увѣрена, что въ Англію можно проѣхать сухимъ путемъ, — Екатерина была всегда въ курсѣ всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ своего времени и могла, нисколько не роняя своего званія и достоинства, бесѣдовать письменно и устно съ виднѣйшими умами Западной Европы. Петръ собиралъ библіотеку, но никогда не прочелъ ни одной серьезной книги; однажды онъ накупилъ себѣ много нѣмецкихъ книгъ, но „что это были за книги! — восклицаетъ Екатерина въ своихъ запискахъ. — Часть ихъ состояла изъ лютеранскихъ молитвенниковъ, другую составляли судебные процессы и разсказы о разбойникахъ, грабившихъ по большимъ дорогамъ и за это повѣшенныхъ или колесованныхъ“. Библіотека Екатерины состояла изъ избранныхъ книгъ не только новой европейской литературы, но и древней, классической. Причина всего этого заключается въ различіи интеллектуальныхъ способностей Петра III и Екатерины II.

Великая княгиня Екатерина Алексѣевна.
(Музей Александра III).

Умъ Петра, по выраженію В. О. Ключевскаго, былъ „голштински-тѣсный“. Всякая мало-мальски отвлеченная работа мысли была не по немъ; малѣйшее напряженіе ума уже его утомляло, и „онъ не любилъ глубокаго

размышленія“, по словамъ своего наставника Штелина [1]). Замѣтивъ это, Штелинъ держался, гдѣ только и когда только возможно, наглядиаго метода обученія; онъ приносилъ ему книги съ картинками, древнія русскія монеты и по нимъ разсказывалъ древнюю исторію Россіи; по медалямъ Петра В. разсказывалъ исторію его царствованія; читая ему газеты, онъ проходилъ такъ всеобщую исторію, „амюзируя“ ее при этомъ ландкартами и глобусомъ. Но и въ такой формѣ преподаваніе приносило мало пользы, и едва ли не единственный разъ въ своей жизни (дѣло было въ 1743 году) Петръ привелъ въ слезное умиленіе императрицу-тетку своими познаніями, поправивъ однажды за столомъ ошибку фельдмаршала Долгорукаго и полицеймейстера Девьера по части древней русской исторіи. Онъ не былъ лишенъ памяти, но память его была направлена исключительно на мелочи, и никакая работа обобщенія ни въ процессѣ запоминанія, ни послѣ была ему не по силамъ. Единственно, что интересовало Петра III, это—военныя науки, но и то лишь съ ихъ практической стороны [2]). Въ запискахъ Штелина сохранился отрывокъ записей о занятіяхъ великаго князя Петра Ѳеодоровича въ 1743 году (съ 1-го по 10-е декабря). Изъ нихъ мы узнаемъ, что хорошо онъ занимался только „профилями и проспектами“; когда Штелинъ началъ объяснять ему прагматическую исторію „по Введенію Пуффендорфа“, Петръ былъ „довольно внимателенъ“; на слѣдующій день онъ былъ просто внимателенъ; на третій—занимался „порядочно“; еще черезъ день—уже „съ нуждой“, 8-го декабря русской исторіей онъ занимался „совершенно легкомысленно“, а 9-го велъ себя (при занятіяхъ древней исторіей Даніи) „нагло и дерзко“. За десять дней занятій математикой занимались только одинъ разъ, да и то „съ нетерпѣніемъ“ [3]).

Императоръ Петръ III.
(Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

Такимъ образомъ, мыслить Петръ могъ только самыми конкретными образами и притомъ по преимуществу изъ одной узкой области—области военнаго дѣла. Знанія, пріобрѣтенныя подъ руководствомъ Штелина, онъ быстро утратилъ, и тотъ подъ 1748-мъ годомъ пишетъ въ своихъ запискахъ: „Великій князь забываетъ все, что училъ, и проводитъ время въ

---

[1]) См. его записки въ „Чтеніяхъ О-ва исторіи и древностей россійскихъ“. 1866 г., кн. IV.

[2]) Замѣчательнѣйшимъ днемъ своей жизни онъ считалъ тотъ, когда отецъ произвелъ его изъ унтеръ-офицеровъ въ секундъ-майоры.

[3]) „Записки“, стр. 83—84.

забавахъ съ такими же невѣждами, какъ Чоглоковъ“ (его оберъ-гофмаршалъ).

Умъ Екатерины не можетъ быть названъ геніальнымъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ не былъ заурядным. По словамъ одного изъ иностранныхъ дипломатовъ при русскомъ дворѣ, Дальона, ея умъ „превосходилъ лѣта“. Но не только показанія очевидцевъ, лично видѣвшихъ и знавшихъ ее, свидѣтельствуютъ о ея живомъ, тонкомъ и сильномъ въ діалектикѣ умѣ. Мы имѣемъ очевидное доказательство этого въ ея запискахъ. Достаточно прочесть ихъ, чтобы понять, насколько она была выше своего мужа. Записки Екатерины II—это не только автобіографія (во многомъ пристрастная), это также и тонко и умно написанная автоапологія. Умъ Екатерины не былъ лишенъ извѣстной доли практичности, но въ то же время онъ былъ способенъ и на отвлеченную работу.

По стар. рус. гравюрѣ

Безвольный и нерѣшительный (хотя въ то же время упрямый) Петръ III жилъ впечатлѣніями минуты, и всѣ его поступки носили ярко выраженный импульсивный характеръ; задерживающіе центры его были чрезвычайно слабо развиты. Онъ не имѣлъ секретовъ, ни личныхъ, ни государственныхъ, потому что у него—„что въ умѣ, то и на языкѣ“. Его откровенность часто переходила всякія границы; онъ не только не скрывалъ своего равнодушія, а потомъ — почти ненависти къ Екатеринѣ, но черезъ нѣсколько же дней послѣ ея пріѣзда въ Россію онъ объявилъ ей, что женится на ней только по желанію тетки. Но—что хуже, онъ не хотѣлъ и, повидимому, не считалъ нужнымъ оказывать ей хотя бы то уваженіе, на которое она могла разсчитывать по своему сану и положенію. На глазахъ жены и придворныхъ онъ оказывалъ весьма большое вниманіе придворнымъ фрейлинамъ и особенно—Елизаветѣ Воронцовой. Такимъ онъ былъ, будучи великимъ княземъ, такимъ же онъ остался, ставъ императоромъ, когда новое положеніе обязывало его еще къ бо́льшему. Онъ не умѣлъ и, повидимому, не хотѣлъ скрывать своей радости по поводу смерти императрицы Елизаветы, устроивъ въ день ея смерти веселый ужинъ и повторивъ его въ слѣдующіе дни, въ то время какъ Екатерина обнаруживала всѣ признаки глубокой печали: „Каждый день всѣ видѣли, какъ Екатерина въ глубокомъ траурѣ, съ опущенными глазами, приходила ко гробу своей нареченной тетки и, ставъ на колѣни, долго и глубоко молилась. Она ни на кого не смотрѣла, никого не видѣла,

но была увѣрена, что на нее смотрятъ, что ее всѣ видятъ, и тѣмъ сосредоточеннѣе была ея молитва, тѣмъ глубже и горче слезы“ [1]).

Въ то же время Петръ, по словамъ Дашковой, „рѣдко заходилъ въ похоронную комнату, а если и бывалъ въ ней, то какъ будто для того, чтобы показать всю пустоту и презрѣніе къ своему собственному достоинству. Онъ шептался и смѣялся съ дежурными дамами, передразнивалъ священниковъ и замѣчалъ недостатки въ дисциплинѣ офицеровъ и даже простыхъ часовыхъ,—„недостатки въ одеждѣ, въ повязкѣ галстуковъ, въ объемѣ буклей и въ покроѣ мундировъ“.

Ту же слабость задерживающихъ центровъ, то же неумѣнье владѣть собой Петръ III обнаруживалъ и въ своей государственной дѣятельности. „Помысломъ касательно вѣры болѣе протестантъ, чѣмъ русскій“, по словамъ Штелина, онъ не скрывалъ этого ни тогда, когда былъ наслѣдникомъ престола, ни тогда, когда сталъ императоромъ огромнаго православнаго царства; онъ какъ будто не понималъ (въ противоположность своей женѣ), что съ религіозными чувствами народа нельзя обращаться легко; наоборотъ, онъ чуть не на каждомъ шагу бросалъ открытый вызовъ религіозному чувству своихъ подданныхъ, держа себя несоотвѣтствующимъ образомъ при религіозныхъ церемоніяхъ и затѣявъ цѣлый рядъ реформъ, которыя давали основаніе говорить, что на Россію надвигается „люторская ересь“.

Наоборотъ, Екатерина на каждомъ шагу старалась подчеркнуть свое предпочтеніе всему русскому и православному передъ нѣмецкимъ и лютеранскимъ. Когда вскорѣ же послѣ пріѣзда въ Россію она опасно заболѣла, то мать хотѣла пригласить къ ней лютеранскаго священника. На это Екатерина отвѣтила: „Зачѣмъ же? Позовите лучше Симона Тодорскаго (православнаго священника); я охотно поговорю съ нимъ“. Разговоръ съ этимъ священникомъ въ присутствіи постороннихъ произвелъ на всѣхъ, по словамъ Екатерины, „очень пріятное впечатлѣніе“. „Это расположило,—прибавляетъ она,—въ мою пользу какъ императрицу, такъ и весь дворъ“. Когда однажды ей было передано желаніе императрицы Елизаветы, чтобы она, кромѣ первой недѣли Великаго поста, постилась и вторую, то Екатерина испросила позволеніе ѣсть постное всѣ семь недѣль. По словамъ англійскаго посла Уильямса, Екатерина, какъ только пріѣхала въ Россію, „начала всѣми средствами стараться пріобрѣсти любовь русскихъ. Она очень прилежно училась ихъ языку и теперь (въ 1755 году) говоритъ на немъ въ совершенствѣ (какъ говорили мнѣ сами русскіе). Она достигла своей цѣли и пользуется здѣсь большою любовью и уваженіемъ“ [1]).

---

[1]) Бильбасовъ. „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 423.
[1]) Соловьевъ, V, стр. 928.

Къ Россіи Петръ III былъ болѣе чѣмъ равнодушенъ—онъ называлъ ее „проклятой страной“. Имѣлъ онъ для этого основанія или нѣтъ, это вопросъ особый, но, во всякомъ случаѣ, какъ императоръ Россіи, онъ не долженъ былъ этого показывать; а между тѣмъ его поступки и намѣренія не оставляли въ подданныхъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній — настолько откровенно онъ все это высказывалъ, и, по словамъ Штелина, модель города Киля, подаренная ему дядей, „забавляла его болѣе, чѣмъ все русское государство“.

Въ области внѣшней политики Петръ III желалъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, и съ этой цѣлью упразднилъ Конференцію, существовавшую при императрицѣ Елизаветѣ для обсужденія вопросовъ по дипломатической части. Теперь никакихъ внѣшнихъ сдержекъ для волевыхъ импульсовъ императора не было: онъ то сообщаетъ важнѣйшія дипломатическія тайны иностраннымъ дипломатамъ (одинъ изъ которыхъ, Гольцъ, сталъ даже фактическимъ руководителемъ внѣшней политики Россіи), то, задумавъ ненужную для Россіи войну съ Даніей, онъ разсказываетъ объ этомъ самому датскому посланнику при русскомъ дворѣ во время обѣда у гр. Разумовскаго, откровенно при этомъ грозя датчанамъ: „Они довольно долго пользовались отъ моей Голштиніи, теперь я хочу отъ нихъ попользоваться“ [1]).

Императоръ Петръ III. Антропова. (Музей Александра III.)

Узнавъ о существованіи заговора противъ него изъ письма прусскаго короля Фридриха II, который совѣтовалъ ему взять съ собой за границу въ предположенный походъ наиболѣе опасныхъ изъ подозрѣваемыхъ въ заговорѣ лицъ, онъ сообщаетъ объ этомъ письмѣ и содержащемся въ немъ совѣтѣ одному изъ тѣхъ, кого онъ болѣе всего долженъ былъ опасаться.

Распоряженія первыхъ мѣсяцевъ царствованія Петра носятъ на себѣ ясно выраженный импульсивный характеръ: сначала мануфактуръ-коллегія

---

[1]) Записки Штелина, стр. 101.

переводится изъ Москвы въ Петербургъ, а черезъ нѣсколько времени вновь возвращается въ Москву; указомъ 9-го января въ городахъ были уничтожены полицеймейстеры, и полиція поручена губернскимъ провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ, а указомъ 22-го марта должность полицеймейстеровъ была возстановлена.

Эта слабость задерживающихъ центровъ — одна изъ важныхъ чертъ характера Петра III. Онъ не могъ вести никакой „политики“, ни внутренней, ни внѣшней; онъ не могъ быть человѣкомъ партіи, потому что всякая партійность требуетъ дисциплины внутренней и внѣшней. Въ то же время онъ былъ человѣкомъ неискреннимъ и склоннымъ къ фальши; но фальшь эта не была преднамѣренной, обдуманной, преслѣдующей опредѣленныя, заранѣе поставленныя цѣли; это была фальшь по привычкѣ, — фальшь, созданная условіями воспитанія, неумѣлая и черезчуръ очевидная.

Зато тонкимъ и искуснымъ дипломатомъ была жена Петра III, Екатерина II. Прекрасно владѣя собой, она увѣренно и опредѣленно шла избраннымъ ею путемъ. И она не любила мужа, какъ мужъ не любилъ ея, но она всегда помнила, что ея мужъ наслѣдникъ русскаго престола, а съ 25 декабря 1761 г.—императоръ, и что это ее ко многому обязываетъ. Она рано и хорошо поняла свое положеніе при русскомъ дворѣ, намѣтила себѣ опредѣленную цѣль и неуклонно къ ней стремилась, не давая свободы своимъ волевымъ импульсамъ, всегда подчиняя ихъ разсудку. Натура энергичная и активная, она, тѣмъ не менѣе, долго выдерживала мучительное для нея бездѣйствіе. Когда она собиралась уѣзжать изъ родного города въ Россію, отецъ снабдилъ ее такой инструкціей, исполняя которую она должна была бы потерять и волю, и чувство собственнаго достоинства—ей предписывались заискиваніе и покорность передъ вліятельными людьми, униженіе передъ ними и т. п. [1]). Екатерина сумѣла сохранить свое достоинство и заставила себя уважать, и въ то время какъ Петръ III не выходилъ изъ-подъ опеки своей тетки, Екатерина II пользовалась при ней довольно значительной самостоятельностью. Она не дѣлала лишняго шага, не взвѣсивъ его послѣдствій, и умѣла идти на компромиссъ.

Петръ III, не сдержанный въ проявленіяхъ своихъ чувствъ, не могъ похвалиться ни ихъ глубиной, ни ихъ силой, ни ихъ нравственной высотой. Екатерина была способна сильнѣе и глубже чувствовать, и если въ личной жизни и не соблюдала пуританской чистоты нравовъ, то, во всякомъ случаѣ, не страдала нравственной распущенностью, подчиняя чувства разсудку. Жестокости и грубости Петра III она умѣла ловко противопоставить свои гуманныя чувства и ласковое обращеніе съ людьми.

---

[1]) Бильбасовъ, стр. 39—41.

При такомъ различіи характеровъ немудрено, если совмѣстная жизнь Петра III и Екатерины II не могла дать картины мира и согласія; наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе сталъ обнаруживаться между ними разладъ, успокоенія отъ котораго они стали искать на сторонѣ... Живя подъ одной кровлей, они всегда были и до конца остались чужими другъ для друга. Времяпровожденіе ихъ было совершенно различно. Въ то время, какъ Екатерина посѣщала театръ, читала книги, вела серьезныя бесѣды съ встрѣчавшимися ей интересными людьми, Петръ, какъ ребенокъ, занимался игрой въ солдатики, устраивалъ кукольный театръ. Занятія не стали лучше и серьезнѣе съ возрастомъ; наоборотъ, они становились все грубѣе и безсодержательнѣе. „Иногда великій князь, — пишетъ кн. Дашкова, — давалъ свои праздники въ маленькомъ загородномъ домѣ, недалеко отъ Ораніенбаума: здѣсь пуншъ, чай, табакъ и смѣшная игра—сатрія служили развлеченіемъ. Какой поразительный контрастъ съ духомъ, вкусомъ, здравымъ смысломъ и приличіемъ, царствовавшими на праздникахъ великой княгини!“ Еще болѣе рѣзкій отзывъ о развлеченіяхъ Петра-императора даетъ въ своихъ запискахъ Болотовъ, рисующій извѣстную картину прыгающихъ по дворцовому саду „первѣйшихъ въ государствѣ людей, украшенныхъ орденами и звѣздами“.

Императрица Екатерина II. Антропова. (Музей Александра III.)

Въ то время какъ Петръ не хотѣлъ заниматься даже своими голштинскими дѣлами, Екатерина взяла ихъ на нѣкоторое время въ свои руки (и вела довольно умѣло), видя въ этомъ для себя школу къ управленію большимъ царствомъ, и записочки ея, относящіяся къ 1759 г., показываютъ, что она уже въ это время интересовалась вопросами законодательства и

управленія, мечтала о будущихъ реформахъ и т. п. Англійскій посолъ Уильямсъ уже въ 1755 году писалъ про Екатерину, что она „обладаетъ большими познаніями Русскаго государства, которое составляетъ предметъ ея самаго ревностнаго изученія“.

Въ противоположность шумной, безпорядочной жизни Петра III, Екатерина вела жизнь замкнутую, а за все время царствованія мужа она даже не снимала траура, появляясь въ немъ и въ театрѣ, и на пирушкахъ императора. Супруги рѣдко сходились вмѣстѣ, а если это и бывало, то происходило слѣдующее. Великій князь, по словамъ Екатерины, придя къ ней, начиналъ обыкновенно шагать по комнатѣ. „Его прогулки по комнатѣ, — говоритъ она,—продолжались часа два и повторялись нѣсколько разъ въ день; надо было ходить съ нимъ вмѣстѣ до истощенія силъ, надо было слушать его внимательно и отвѣчать, между тѣмъ какъ онъ говорилъ большею частью полную безсмыслицу, и нерѣдко его бесѣды были просто игрою воображенія... При всей моей твердой рѣшимости угождать ему и быть съ нимъ терпѣливою, очень часто — признаюсь откровенно — его посѣщенія, прогулки и разговоры надоѣдали мнѣ до чрезвычайности... Когда онъ уходилъ, самая скучная книга казалась мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ“. Обыкновенно Петръ III приходилъ къ женѣ или въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нечего было дѣлать, или тогда, когда случалась непріятность, и онъ не зналъ, какъ изъ нея выпутаться; сознавая превосходство жены, онъ шелъ у нея искать совѣта.

Императрица Екатерина II. (Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

Послѣ какой-либо непріятности, причиненной мужемъ, Екатерина уединялась еще больше, вызывая этимъ къ себѣ большое сочувствіе. Въ то время, какъ онъ открыто заявлялъ, что тяготится супружествомъ съ нею, она дѣлала видъ, что смиренно готова перенести всѣ удары судьбы. Она понимала, что такое пассивное поведеніе лучше всего подчеркнетъ разницу между нею и мужемъ. Въ то время, какъ онъ даже въ мелочахъ старался идти наперекоръ ея желаніямъ, запретивъ, напримѣръ, садовнику въ Петергофѣ отпускать ей тѣ фрукты, которые она любила, Екатерина вела себя такъ по отношенію къ мужу, что ее ни въ чемъ нельзя было упрекнуть. И если у Петра, по удачному выраженію Екатерины, „первымъ врагомъ былъ онъ самъ“ [1]), то она въ значительной степени была кузнецомъ своего счастья: какъ бы много ни приписывать благопріятному стеченію обстоятельствъ, безтактному и неумѣлому поведенію Петра и т. п., нельзя не признать, что Екатерина очень многаго добилась сама. Постоянныя смѣны придворныхъ, бывшихъ при ней (это происходило по приказанію императрицы Елизаветы), научили ее, по словамъ Бильбасова, быть осторожной въ своихъ привязанностяхъ, дали ей необходимую гибкость въ житейскихъ отношеніяхъ, умѣнье ладить со всѣми; она рѣдко кого отталкивала отъ себя, въ то время какъ Петръ III какъ будто нарочно всѣхъ вооружалъ противъ себя. „Больше чѣмъ когда-либо (тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію), — пишетъ Екатерина, — я старалась снискать располо-

Кн. А. М. Голицынъ. (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

[1]) „Р. Арх.“, 1878 г., II, стр. 288.

женія всѣхъ—большихъ и малыхъ. Никто не былъ забытъ мною, и я поставила себѣ правиломъ думать, что я нуждаюсь во всѣхъ и должна всячески пріобрѣтать общую любовь. Въ этомъ я и успѣла“. Незамѣтно и постепенно Екатерина пріобрѣтала себѣ партію; на нее стали смотрѣть съ надеждой, какъ на спасительницу государства, въ то время какъ Петръ вызывалъ одни только нареканія. Не поправили дѣла потомъ и такіе указы, какъ объ уничтоженіи Тайной канцеляріи, объ отмѣнѣ пытки, о пониженіи цѣны на соль, о вольности россійскаго дворянства и т. п.; не создало ему популярности и возвращеніе изъ ссылки многихъ лицъ, потому что въ числѣ возвращенныхъ были такіе люди, какъ Бирон, Минихъ, Лестокъ и проч., тогда какъ гр. Бестужевъ-Рюминъ оставался въ опалѣ.

Когда Петръ III палъ, о немъ никто не пожалѣлъ, кромѣ развѣ его адъютанта Гудовича и Воронцовой, и съ нимъ никто не погибъ, потому что, какъ уже было указано, у него не было партіи, онъ былъ одинъ. Екатерина же создала эпоху, создала вѣкъ, носящій названіе „Вѣка Екатерины“. Переворотъ 1762 года со всей очевидностью обнаружилъ разницу между Петромъ III и Екатериной II: въ то время, какъ первый, по выраженію Фридриха II, „позволилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенокъ, котораго отсылаютъ спать“, вторая повела дѣло такъ, что получилось впечатлѣніе, будто она сама по единодушному желанію народа вступила на престолъ, а не была возведена на него, и сразу взяла бразды правленія въ свои руки, какъ будто это было для нея дѣломъ совсѣмъ привычнымъ.

К. Сивковъ.

Блюдо-лахань. Изъ дворцовой утвари XVIII в. (Оружейная палата.)

Императрица Екатерина II.

(Опытъ характеристики).

Два смежныхъ царствованія отбросили особый отсвѣтъ на личность и царствованіе императрицы Екатерины: воспоминанія о мужѣ заставляли прощать ей всѣ ошибки первыхъ лѣтъ ея правленія, любовно подхватывать каждый ея удачный жестъ, искренно видѣть „Семирамиду Сѣвера“ и „Россійскую Минерву“ въ недавней жертвѣ грубыхъ издѣвательствъ Петра III; сравнивая ее съ сыномъ, охотно прощали ей всѣ увлеченія и шероховатости второй половины ея царствованія, благоговѣйно хранили культъ „премудрой Фелицы“, даже при Александрѣ I про себя думали то, что Пушкинъ громко формулировалъ въ извѣстныхъ стихахъ:

Съ Екатериной умерла
Екатерининская слава...

Этотъ отсвѣтъ проникъ почти во всѣ характеристики Екатерины современниковъ и ближайшихъ потомковъ. Казавшееся чудеснымъ превращеніе бѣдной ангальтъ-цербтской принцессы въ русскую великую княгиню, гонимой жены въ „повелительницу полміра“ еще болѣе сгущало краски „творимой легенды“, сохранившія свою свѣжесть въ общемъ сознаніи и до сихъ поръ. Идеализація была тѣмъ сильнѣе и законнѣе, что въ самыхъ свойствахъ Екатерины для нея слишкомъ много было данныхъ.

Природа дала Екатеринѣ большой умъ, забиравшій, впрочемъ, больше вширь и вдаль, чѣмъ вглубь. Она на лету схватывала чужія идеи, быстро ихъ переработывала и приводила въ систему, низводила ихъ съ абстрактныхъ высотъ до уровня конкретнаго мышленія. Это былъ эклектическій по преимуществу умъ, который бралъ отовсюду все то, что ему нравилось, и придавалъ иногда этому сбродному матеріалу внѣшній видъ своеобразія. Благодаря этому, всегда легко расшить міровоззрѣніе Екатерины на его составныя части и указать источникъ каждой изъ нихъ.

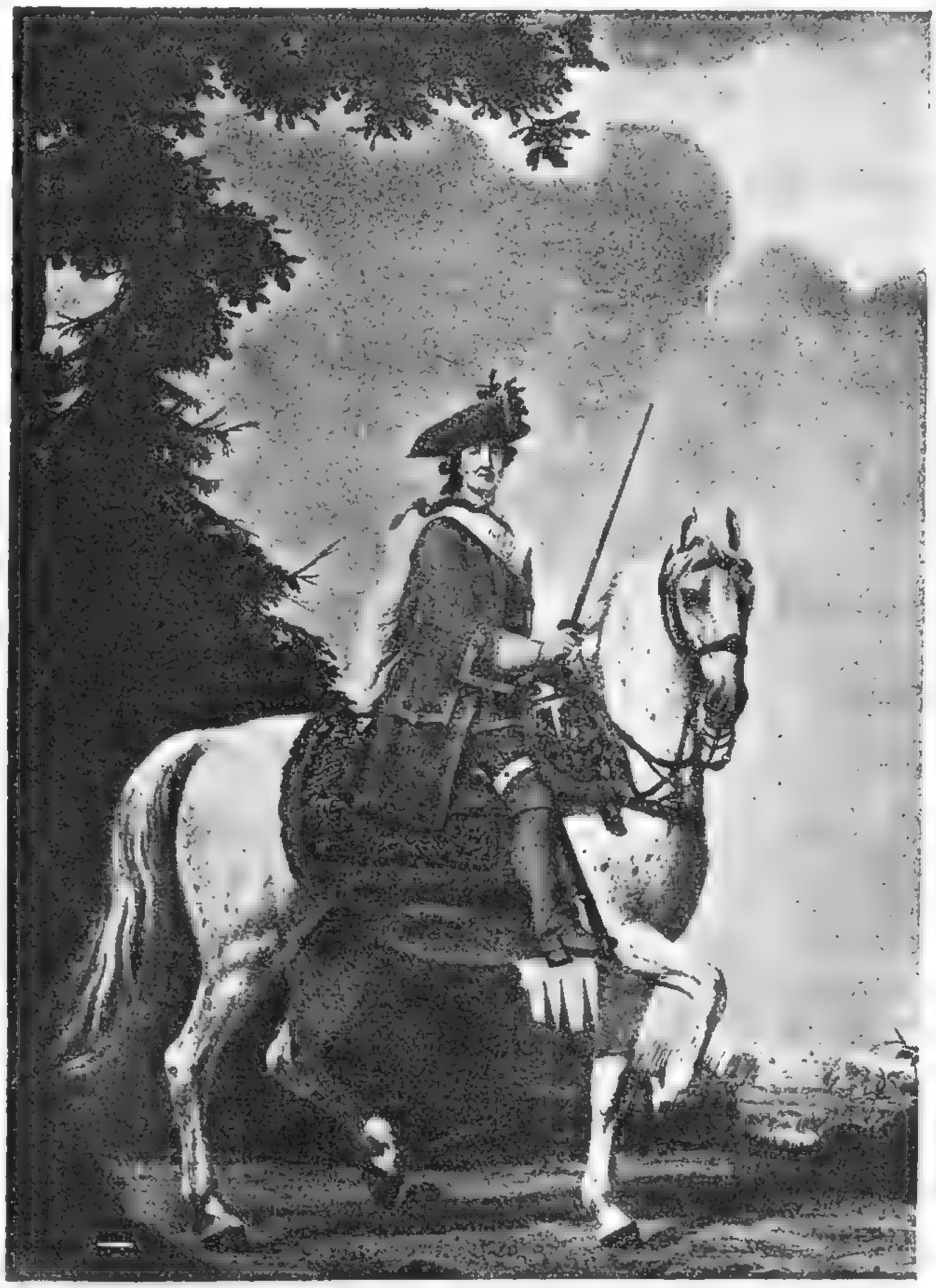
Такіе умы обыкновенно не отличаются творческими способностями. Интересно, что сама Екатерина, со свойственной ей вообще наблюдательностью и откровенностью, отмѣтила у себя эту черту: въ автобіографической запискѣ 1791 г. она прямо заявляетъ, что „никогда не считала свой умъ творческимъ“.

Это была живая, жизнерадостная, гибкая и упругая натура, обладавшая изумительною способностью приспособленія. Екатерина не любила ничего скучнаго, печальнаго, слишкомъ ученаго, черезчуръ чувствительнаго; ей претила всякая аффектація. Изъ жизни и литературы ей хотѣлось бы выбросить не только все, „гнусности и отвращеніе за собой влекущее“, но и „все то, что не въ улыбательномъ духѣ... либо скуку возбудить могущее, а наипаче горесть и плачъ разогрѣвающія драмы“. Нѣкоторые изъ современниковъ подчеркнули тотъ фактъ, что она не долюбливала псевдо-классическихъ трагедій. Ей органически были противны напыщенность, погоня за громогласными и крикливыми эффектами, красота въ ущербъ смыслу, хотя она, высоко ставя свою дѣятельность и хорошо зная свою популярность, не всегда могла отличить дѣланный, фальшивый пафосъ отъ искренняго взрыва чувствъ, злоупотребленіе разными тропами и фигурами—отъ констатированія реальныхъ фактовъ.... „Восклицаніе пишется,—говорила она („Были и небылицы“),—обыкновенно двухвершковыми строками, наполненными высокопарными словами. Тутъ на слабомысліе и пустомысліе не смотрится, лишь бы сплетеніе словъ ушамъ громогласно казалось; дѣльное же отметается вездѣ тутъ, гдѣ въ вершковой мѣрѣ не вмѣстительно либо слова не звучны“.

Особенно ярко выступаетъ эта черта натуры „Фелицы“ въ ея юмористическомъ завѣщаніи, которое до сихъ поръ еще не оцѣнено надлежащимъ образомъ.

Вотъ что писала императрица въ ту эпоху, когда изящная простота и присущая русской натурѣ боязнь всякой аффектаціи только робко пробивались кой-гдѣ изъ-подъ груды навязанной намъ пустозвонной напыщенности и манерной слащавости, портившихъ здоровый вкусъ: „Не писать шероховато либо съ трудомъ, аки подымая тягости на блокѣ; писавъ, думать не долго и не много, наипаче не потѣть надъ словами; краткія и ясныя израженія предпочитать длиннымъ и кругловатымъ; краснорѣчіе не упо-

треблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится; скуки не вплетать нигдѣ, наипаче же умничаньемъ безвременнымъ; веселое лучше всего, улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ; за смѣхомъ, за прикрасами не гоняться (не запрещается, однакожъ, оныхъ употреблять вездѣ тутъ, аки струи), ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить, т.-е. надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ; проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять; гдѣ индѣ коспется до нравоученія, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, коп бы отвращали скуку, дабы красавицамъ острокаблучнымъ не причинять истерическихъ припадковъ безвременно; глубокомысліе окутать ясностью, а полномысліе легкостью слога, дабы всѣмъ сноснымъ учиниться; пустомысліе и слабомысліе откинуть вовсе, буде можно; на всякія мысли смотрѣть не съ одного конца, но съ разныхъ сторонъ, дабы избирать удобно было видъ тотъ, который разсудку пріятнѣе представится“. Сколько въ этихъ словахъ здороваго реализма, блестокъ трезваго, свѣтлаго ума!



Екатерина II на конѣ. (Оружейная палата.)

Живой темпераментъ умѣрялся развитымъ и требовательнымъ разсудкомъ, отъ которыхъ часто вѣяло холодомъ и отдавало сухостью и прозаичностью; слишкомъ рано и сильно развившаяся разсудочность подавила свѣ-

жесть и непосредственность чувства, придала самимъ кратковременнымъ увлеченіямъ какой-то стереотипный, затхлый характеръ. Екатерина органически не могла понять свободной игры мистически настроенной фантазіи, своеобразной прелести народной сказки. Не нужно забывать, что она не любила и никакъ не могла понять наиболѣе тонкаго, неуловимаго, забирающагося въ самые потаенные изгибы человѣческой души искусства—музыки, не любила чисто художественной, не тенденціозной поэзіи, за всю жизнь, послѣ продолжительныхъ потугъ, написала только три стихотворныхъ строчки. Трезвая натура, слишкомъ развитой здравый смыслъ, холодная разсудочность давали мало почвы для иллюзій, иногда окрашивали вкусы грубоватой простотой, которая часто шокировала французскихъ эмигрантовъ, сложившихся въ атмосферѣ Версальскаго двора.

Замѣченная ложь, для которой разсудокъ или тщеславіе не могли быстро подыскать оправданія, глубоко оскорбляла Екатерину. Въ минуту откровенности у нея вырвалось слѣдующее характерное признаніе: „Самою мерзкою изъ всѣхъ ролей мнѣ всегда казалась роль обманутой; бывши еще ребенкомъ, я горько плакала, когда меня обманывали“. Еще болѣе боялась она быть смѣшной или жалкой... Природная правдивость переплелась здѣсь съ приподнятымъ самолюбіемъ, слишкомъ большимъ вниманіемъ къ общественному мнѣнію, рано развившимися тщеславіемъ, честолюбіемъ и славолюбіемъ.

Богатыя природныя силы, высокія требованія, пошлая, монотонная, бѣдная обстановка—вотъ условія, среди которыхъ слагается характеръ Екатерины въ ея юности. Сознаніе недюжинныхъ силъ, постоянныя униженія, противорѣчія между думами и дѣйствительностью заставляютъ рваться изъ этой тягостной атмосферы, отдаляютъ отъ родныхъ, воспитываютъ самостоятельность характера, находчивость, наблюдательность, усиливаютъ самолюбіе и тщеславіе; упругость нѣкоторыхъ изъ этихъ чертъ развивается пропорціонально давленію среды.

Дворъ Елисаветы далъ ей ту же картину, только еще ярче окрашенную, въ сильно увеличенномъ масштабѣ...

Здѣсь, въ новой обстановкѣ, ждали Екатерину та же пошлость, мелочность интересовъ, та же грубость вкусовъ неискусно прикрытыя взятой у французовъ напрокатъ изысканностью обращенія; здѣсь тоже слишкомъ мало думали объ общемъ благѣ и слишкомъ много—о своемъ личномъ...

Въ этой обстановкѣ слагались люди, которые потомъ съ паѳосамъ говорили Екатеринѣ, что она „премудрѣе Самого Господа Бога“, которые могли заключать съ учителемъ условіе, чтобы онъ, по прошествіи зимнихъ мѣсяцевъ, на вакаціяхъ вступилъ „вдолжность садовничию и (обязался) старатца здѣлатъ два аглицкия сада завестъ теплицы цвѣтники и парники“; какъ извѣстно, эти люди никакъ не могли отличить воспитанія отъ питанія,

и были увѣрены, что давали дѣтямъ хорошее воспитаніе, когда кормили ихъ бѣлымъ хлѣбомъ, никогда не давая чернаго. Одинъ изъ нихъ, генералъ-губернаторъ Каменскій, въ отношеніи за номеромъ, просилъ какъ-то смѣнить рязанскаго епископа и прислать ему свѣтскаго архіерея; другіе сомнѣвались, чтобы у Бога „генералитетъ, штабъ- и оберъ-офицеры были въ одномъ рангѣ“, или были увѣрены, что „кружева и блонды составляютъ головѣ наилучшее украшеніе“, между тѣмъ какъ „педанты думаютъ, что это вздоръ и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи: какая пустота! Чортъ ли видитъ то, что скрыто, а наружное всякъ видитъ“; тѣла третьихъ „родились въ Россіи, душа же ихъ принадлежала коронѣ французской“; почти всѣмъ „стыдно было чего-нибудь стыдиться“.

Императрица Екатерина II. Бухгольца. (Музей Александра III.)

Нѣкоторыя традиціи устойчивы у насъ, въ Руси. Когда въ 1785 г. Екатерина опредѣлила права, вольности и преимущества россійскаго дворянства, одинъ изъ современниковъ въ своихъ запискахъ пополнилъ перечень правъ еще одной, упущенной изъ виду вольностью, которою, повидимому, тогдашніе россійскіе дворяне дорожили больше всего: „дворяне почитаютъ невѣжество своимъ правомъ; человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но обѣгается“ [1]).

Въ теченіе всего своего царствованія Екатеринѣ приходилось энергично бороться съ жестокостью и цинизмомъ, которые свили себѣ прочное гнѣздо

[1]) Гр. Воронцовъ въ началѣ царствованія Екатерины писалъ о своей племянницѣ княгинѣ Дашковой, что она «имѣетъ нравъ развращенный и тщеславный, больше въ наукахъ и пустотѣ время свое проводитъ».

при дворѣ: она принуждена была многократно подтверждать указами, чтобы не били придворныхъ ливрейныхъ служителей, „какого бы званія ни былъ“, и выражать „омерзѣніе къ суровостямъ, отъ невѣжества рожденнымъ и выдуманнымъ“. Подъ внѣшнимъ лоскомъ было много самой первобытной грубости...

Горькое слово сказала она однажды своимъ приближеннымъ: „Еслибы я повѣрила тому, что вы говорите другъ про друга, то оказалось бы, что между вами нѣтъ ни одного, который не заслуживалъ бы отсѣченія головы“...

Стоитъ прибавить къ этимъ тягостнымъ впечатлѣніямъ семейныя неурядицы, недовѣріе и притѣсненія со стороны императрицы Елисаветы, нараставшій съ каждымъ годомъ придворный гнетъ, причуды и ребячества нелюбимаго и нелюбящаго мужа, чтобы понять, въ какомъ направленіи судьба довоспитала Екатерину. Здѣсь она познала горечь одиночества, униженія и безпомощности, „сладость возвышенныхъ мыслей“; здѣсь ея характеръ получилъ свой окончательный закалъ, свои наиболѣе сильныя и слабыя стороны...

„Несчастіе и уединеніе“ были ея учителями; гнетъ питалъ чувство протеста и симпатію къ свободолюбивымъ идеямъ философовъ просвѣтительнаго направленія; низость окружающей среды усиливала вѣру въ себя и самоувѣренность. У нея развивается замѣчательное чутье положенія, находчивость, умѣніе глубоко скрывать свое истинное настроеніе, отъ души смѣяться, когда въ глубинѣ души накипали слезы, и заражать другихъ своею печалью, когда радостное чувство такъ и рвалось наружу... Чужіе, далекіе, несимпатичные люди, невозможность, да и нежелательность отступленія, минуты отчаянія— и рядомъ фаталистическая вѣра въ свою счастливую звѣзду, честолюбивыя мечты, „всегдашняя готовность къ мобилизаціи“, „постоянная самособранность“ (В. О. Ключевскій)...

Позднѣе сама Екатерина признавалась: „Несмотря на всю гибкость моей натуры, я умѣла быть упряма или настойчива, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это необходимо; я никогда не стѣсняла ничьего мнѣнія, но при случаѣ держалась своего собственнаго; я не люблю споровъ, такъ какъ всегда замѣчала, что всякій остается при своемъ убѣжденіи; къ тому же, я не могла бы никого перекричать“.

Понемногу слагалась привычка больше слушать, чѣмъ говорить, умѣніе подмѣчать особенности людей и пользоваться ими, очень снисходительная мораль, нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ людямъ и ихъ слабостямъ, умѣніе примиряться съ наиболѣе отталкивающими жизненными явленіями, недовѣріе къ окружающимъ — и способность ихъ плѣнять своею подкупающею искренностью.

Елисавета Петровна запрещала ей заниматься, говорила, что она и безъ того умна, и Екатерина умѣла искусно припрятать свою ученость; мужъ дѣ-

лился съ нею анекдотами изъ своей романической практики, и она была его вѣрной конфиденткой. Въ то время, какъ Петръ Ѳеодоровичъ судилъ военнымъ судомъ провинившихся крысъ, игралъ въ солдатики и воспитывалъ въ сосѣдней со спальней комнатѣ свору собакъ, она много думала и читала.

Не одна мода или случайность натолкнули ее на просвѣтительную литературу: она сразу должна была почувствовать, насколько просвѣтительныя идеи родственны основнымъ особенностямъ ея натуры. Поэзіи мало было мѣста въ ея внутреннемъ міркѣ...

Она жадно впитываетъ въ себя ходячія идеи своего вѣка; передъ ней раскрылись широкіе горизонты, душа отдыхала за возвышенными мыслями, когда кругомъ царила грязная житейская проза: такъ сложилась привычка жить, такъ сказать, на два фронта и совмѣщать несовмѣстимое.

Въ ея раннихъ запискахъ звучатъ безусловно искреннія и симпатичныя ноты:

Шубинъ. Императрица Екатерина II. (Румянц. музей.)

„Богъ мнѣ свидѣтель, что желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Ея слава есть и моя... Хочу общей цѣли сдѣлать всѣхъ счастливыми. Свобода—душа всего, безъ нея все мертво... Политическая свобода все воодушевляетъ. Противно христіанской религіи и справедливости дѣлать людей

рабами — люди всѣ рождаются свободными. Рабство есть прямая потеря: оно убиваетъ промышленность, искусство, науки“...

Мечта—спутникъ одиночества, и даже у благоразумной и трезвой Екатерины вываливается изъ рукъ томъ Монтескье и Вольтера, когда она задумывается о томъ, какъ легко осчастливить Россію, какое славное, увлекательное поприще можетъ открыться передъ нею, Екатериной.

Сбылись самыя пылкія, самыя фантастическія надежды: Екатерина сдѣлалась правительницей своей новой родины. У нея не могла не закружиться голова.

Ей казалось, что своей сказочной карьерой она, главнымъ образомъ, была обязана себѣ, своему уму, своему развитію, своей привлекательности и предусмотрительности; естественно было игнорировать то теченіе, которое вынесло ее наверхъ: позднѣе свою удачу Екатерина приписывала лишь Богу и себѣ. Тщеславіе, честолюбіе, страсть къ шуму, блеску и первенству были съ излишкомъ удовлетворены: „Провидѣніе поставило меня,—признавалась въ 1791 г. сама Екатерина,—такъ высоко, что, взвѣсивъ все по справедливости, я не могла мѣряться съ частными людьми и не находила равной себѣ партіи“.

У нея навсегда уже сохранится культъ собственнаго разума, своеобразная теорія самообразованія, пренебрежительное отношеніе къ правильной школѣ и системѣ: ея собственный примѣръ всею силою своего краснорѣчія будетъ заглушать голосъ теоріи и практики.

Первые годы царствованія носятъ на себѣ печать радостнаго возбужденія. Екатерина мало еще знала русское общество, но видѣла его искреннюю радость и вѣрила въ то, что ея царствованіе будетъ новой эрой.

Съ высоты престола раздались красивыя слова, заимствованныя, впрочемъ, изъ ходкихъ книгъ не первой свѣжести: „равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ. Слова не вмѣняются никогда въ преступленіе. Запрещеніе или недозволеніе различныхъ вѣръ есть порокъ, весьма вредный для спокойствія и безопасности гражданъ. Великое несчастіе въ государствѣ не смѣть свободно говорить своего мнѣнія. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства (новаго Уложенія) былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ — намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!“

Самая дѣвственность, невоздѣланность почвы подавала большія надежды. Екатерина сама признавалась: „Я люблю страны еще невоздѣланныя:

вѣрьте мнѣ — это лучшія страны. Я годна только въ Россіи; въ другихъ странахъ уже не найдешь священной природы: все столько же искажено сколько чопорно“. Какъ мало въ этихъ словахъ знанія исторіи, и какой горькій опытъ ждалъ Екатерину!

Сравненіе съ предшествующей эпохой было безусловно въ пользу Екатерины; обаятельность представляемыхъ ею идей, несомнѣнные жизненные факты убѣждали ее въ бла-

гости Провидѣнія, которое послало, наконецъ, Россіи такую мудрую и гуманную правительницу.

Восторги и радостныя слезы депутатовъ, благословенія народа сливались для Екатерины въ одинъ могучій, душу захватывающій гимнъ. Въ одной изъ церквей мужики подаютъ свѣчи, прося поставить ихъ передъ матушкой царицей Катериной Алексѣевной. Вольтеръ ей пишетъ: „Дидро—не единственный французъ, приходящій въ восторгъ отъ вашего величія. Мы — свѣтскіе миссіонеры, проповѣдующіе религію св. Екатерины, и мы можемъ похвастаться тѣмъ, что наша церковь порядочно обширна“. Одинъ изъ постоянныхъ и любимыхъ корреспондентовъ Екатерины, Гриммъ, въ своихъ письмахъ къ ней, „посреди самыхъ разнообразныхъ, повидимому, интересовъ, постоянно занимаетъ ее, однакожъ, только однимъ, всегда надъ всѣмъ господствующимъ, ни на минуту не сходящимъ со сцены предметомъ, именно ею самою, въ лучезарномъ сіяніи генія, могущества и славы, тою Великою и Безсмертною, какъ онъ безпрестанно ее называетъ, которой каждое письмо возноситъ его на верхъ блаженства и надолго повергаетъ въ несказанное волненіе“ (Гротъ). Екатерина постепенно при-

Императрица Екатерина II. Шубина. (Музей импер. Александра III.)

выкаетъ къ роли „свѣтлаго и тресвѣтлаго солнца“, которое „всѣмъ тепло и красно“.

Она не любитъ, да и не можетъ понять печальныхъ лицъ, угрюмыхъ настроеній; самостоятельный починъ кажется ей недовѣріемъ къ ея силамъ и посягательствомъ на ея славу; она дѣлается очень чувствительной къ возраженіямъ. У нея вырываются даже такія слова: „Съ мнѣніемъ моего совѣта я всегда согласна, когда его мнѣніе согласно съ моимъ“. Свободныя рѣчи Новикова вызываютъ у Екатерины слѣдующій отпоръ: „Въ старыя времена послали бы де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы каково ни на есть царства русскаго владѣнія (тонкій намекъ на Сибирь): нынче де дали волю писать и за такія сатиры не наказываютъ“.

Сначала безтактная лесть, принужденность обращенія выводятъ ее изъ себя, и она кричитъ „орлинымъ голосомъ противъ такой манеры себя держать“, но чѣмъ больше она кричитъ, „тѣмъ менѣе всѣ чувствуютъ себя не стѣсненными въ ея присутствіи“. Ее тяготятъ церемонныя приличія, этикетъ, хотя въ упоминаніи объ этомъ гораздо больше позы, чѣмъ искренности; ей хотѣлось бы, чтобы естественность обращенія соединялась съ преклоненіемъ передъ ея геніемъ, и чтобы это преклоненіе не принимало смѣшныхъ формъ; она любитъ посыпанную солью лесть, которая даже принимаетъ внѣшнія формы рѣзкаго обвиненія; ее тѣшитъ эта фиктивная борьба.

Но чутье притупляется, и скоро лесть, иногда очень грубая, войдетъ обязательнымъ составнымъ элементомъ въ отношенія. Самъ Потемкинъ совѣтовалъ Мальмсбери: „Льстите, какъ можно больше, и не бойтесь въ этомъ пересолить“. Изъ устъ иностранныхъ дипломатовъ вырываются горькія жалобы: „Для человѣка, не привыкшаго съ малолѣтства къ лести, ничто не можетъ быть труднѣе, какъ вести переговоры при этомъ дворѣ; гордость не раздѣльна съ невѣжествомъ, а потому... дѣйствія этого двора часто проникнуты гордостью и тщеславіемъ“. Иностранцы единодушно жалуются на это, винятъ во всемъ личный характеръ императрицы, между тѣмъ какъ эта черта опредѣлялась въ значительной степени самимъ ея положеніемъ.

Приближенные Екатерины нѣсколько разъ составляли для нея статистику ея подвиговъ на пользу Россіи. Безъ излишней скромности подводила она итоги своего царствованія и часто была убѣждена, что русское общество слишкомъ низко оцѣнивало ея дѣятельность. Больше всего гордилась она своимъ дѣйствительно замѣчательнымъ трудолюбіемъ: даже и преувеличенныя похвалы ему она принимала благосклонно. Интересны ея собственныя слова: „Я по природѣ люблю трудиться и чѣмъ болѣе работаю, тѣмъ становлюсь веселѣе“. Она много и постоянно работала. Живость темперамента и нелюбовь къ праздности сдѣлали ее, между прочимъ, очень плодовитой писательницей. Она сама признавалась: „Я не могу видѣть чистаго

пера, чтобъ не пришла мнѣ охота обмакнуть онаго въ чернила; буде же еще къ тому лежитъ на столѣ бумага, то, конечно, рука моя очутится съ перомъ на той бумагѣ. Начавъ же, не знаю я никогда, что напишу, а какъ рукою поведу я по бумагѣ, то мысль сматывается, какъ нитка съ клубка: но какъ пряжа не всегда ровна, то попадается и потолще, и потонѣе, а иногда и узелокъ, или что-нибудь и совсѣмъ не принадлежащее къ пряжѣ, ниткѣ и къ клубку, но совсѣмъ постороннее и къ другимъ вещамъ слѣдующее“.

Императрица Екатерина II. (Музей импер. Александра III.)

Что относится къ Екатеринѣ, какъ литератору, то же можетъ быть примѣнено и къ другимъ сферамъ ея дѣятельности: она сама вѣдь признавалась, что у нея „нѣтъ системы“, но она желаетъ „только общаго блага“.

Приходилось сильно разбрасываться, выпутываться изъ очень труднаго положенія: ее возвели на престолъ различные общественные элементы, интересы которыхъ далеко расходились; между излюбленными идеями и дѣйствительностью сразу обнаружилась пропасть, черезъ которую нельзя было перебросить моста; сильнѣе всего, требовательнѣе всего было дворянство, а между тѣмъ его интересы рѣзко сталкиваются съ основными убѣжденіями императрицы. Въ рѣдкихъ случаяхъ ее ждетъ открытый протестъ, чаще разступается передъ нею эта среда, сжимая и охватывая ее со всѣхъ сторонъ своимъ пассивнымъ протестомъ. Стремленіе упрочить за собою пріобрѣтенное положеніе и сама натура требуютъ славы; слава дается безъ особаго труда, иногда прямо даромъ: провозглашеніе идей охотно принимаютъ за ихъ проведеніе въ жизнь, жела-

нія—за исполненіе. Все легче и легче достаются новые лавры, все больше и больше досаждаютъ противорѣчія, и само собою какъ-то случается, что Екатерина направляется въ сторону наименьшаго сопротивленія. Хочется разнообразія, хочется блеснуть чѣмъ-нибудь необычайнымъ, всѣхъ затмить, показать всю широту своего генія; предпріятіе, отъ котораго была получена своя доля пріятно щекочущаго „мглистаго ѳиміама“ восторговъ и лести, забрасывалось и часто навсегда испарялось изъ памяти, смѣнялось новыми начинаніями и планами: было взято, что нужно, а остальное постепенно разрушалось при полномъ равнодушіи и иниціатора, и его помощниковъ. Одинъ изъ современниковъ, Гённингъ, не безъ раздраженія подчеркнулъ эту черту: „Она предпринимала множество огромныхъ построекъ для общественной пользы, основывала коллегіи и академіи по самому широкому плану и съ огромными денежными затратами, а потомъ оставляла эти предпріятія недоконченными, и даже не доводила построекъ до окончанія“.

Не одно тщеславіе, но и политическій расчетъ заставлялъ Екатерину такъ разбрасываться, гремѣть, постоянно напоминать о себѣ и затрогивать народную фантазію своимъ величавымъ образомъ: лесть иностранцевъ, преклоненіе русскихъ льстили чувству національной гордости, залѣчивали старыя раны, нанесенныя народному достоинству, заставляли на время забывать о тяготѣ жизни...

Громкія побѣды, блескъ придворной жизни, ореолъ генія многосторонняго, даже универсальнаго, заставляли о многомъ забывать. Впервые Россія сдѣлалась для Европы предметомъ восхищенныхъ и завистливыхъ разговоровъ. Россіи пріятно было имѣть такую популярную правительницу, правительницѣ пріятно было управлять славнымъ народомъ, и она ревниво относилась къ національной чести, отождествляя ее со своею.

Весьма немногіе рѣшались усомниться въ преимуществахъ Россіи, рискуя прогнѣвить императрицу и встрѣтить рѣзкій общественный отпоръ. Только такіе „шпыни и балагуры“, какъ Нарышкинъ, осмѣливались задавать нескромный вопросъ: „Государыня, въ теченіе моего дѣтства и юности о русскихъ говорили, какъ о самомъ послѣднемъ изъ народовъ; ихъ называли медвѣдями и даже свиньями; за послѣднее время, и совершенно справедливо, ихъ ставятъ выше всѣхъ извѣстныхъ народовъ. И вотъ я желалъ бы, чтобы ваше величество соблаговолили сказать мнѣ, когда же, по вашему мнѣнію, мы стояли наравнѣ съ ними?“

Императрица ничего не отвѣтила на этотъ вопросъ, разсердилась даже на дерзкаго собесѣдника, но напрасно посмѣялся Нарышкинъ надъ этимъ ослѣпленіемъ и самообольщеніемъ: благодаря ему, русскіе привыкли себя уважать, на него отчасти опиралось народное направленіе въ литературѣ, оно легло въ основу позднѣйшей реакціи противъ рабскаго преклоненія

передъ всѣмъ иностраннымъ. Такова „бизарія гумору“ этого страннаго вѣка...

Многіе грѣхи простятся Екатеринѣ за ея любовь къ русскому языку; не безъ основанія она надѣялась, что ея „грѣшные падежи никому вреда не нанесутъ“, но потомство должно прибавить еще, что литературныя произведенія императрицы [1]) поднимали значеніе литератора, воспитывали общество своимъ примѣромъ, придавали литературѣ общественное значеніе, дѣлали ее важнымъ орудіемъ общественнаго воспитанія, вносили просвѣтительныя, гуманныя начала терпимости и справедливости. Слова находили пока мало отклика и не всегда были искренними, но въ природѣ ничто не пропадаетъ...

Не пропали, конечно, даромъ слѣдующія ея слова: „Удивительно лишь только то, что были времена такія, въ кои насъ увѣряли, и мы увѣрены были, что въ богатѣйшемъ и пространнѣйшемъ въ свѣтѣ языкѣ нашемъ не находится словъ для написанія письма, и заимствовали непремѣнно изъ иностранныхъ языковъ, даже до мелочныхъ званій разныхъ вещей“. Положеніе автора придавало этимъ словамъ особенный вѣсъ. Сожалѣя, что нѣтъ болѣе Вольтера, она когда-то воскликнула: „Настанетъ мелочной вѣкъ Лагарповъ и компаніи до той поры, когда взойдетъ звѣзда Востока: да, оттуда долженъ возсіять свѣтъ, ибо тамъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо хранится подъ пепломъ духъ и силы!“ Положимъ, Екатерина и сама иногда подбавляла пеплу,

Императрица Екатерина II. Боровиковскаго.
(Музей Александра III.)

[1]) До сихъ поръ еще никѣмъ, однако, не выдѣлена доля участія въ нихъ статсъ-секретарей и фаворитовъ (См. «Дневники» Храповицкаго и Грибовскаго).

часто при ней было мало простору этому духу и силѣ (жаль, что она не приняла къ свѣдѣнію мудрыхъ словъ Фридриха II: „Самое лучшее, что я сдѣлалъ для литературы, было именно то, что я предоставилъ ее самой себѣ“), можетъ быть, она скромно видѣла и себя въ центрѣ этой звѣзды, но честь ей, что она замѣтила духъ и силу: предсказаніе ея сбылось на нашихъ глазахъ, когда за долговременное пользованіе благами европейской культуры мы отплатили обновляющимъ вліяніемъ нашей литературы.

Екатерина любила русскій языкъ и часто грѣшила противъ его законовъ; она любила литературныя занятія, хотѣла пышнаго литературнаго расцвѣта—и часто налагала свою руку на писателей: все это симптомы основныхъ противорѣчій характера и положенія, личности и среды. Эти противорѣчія легко подмѣтить и въ другихъ направленіяхъ.

Она отождествляла дворянъ съ „просвѣщенною частью“ народа и „совершенно забывала, что въ дѣйствительности у этой части тогдашняго нашего общества просвѣщенія было гораздо меньше, чѣмъ пудры на парикахъ“ (Морозовъ). Она часто признавала сословныя привилегіи, во всякомъ случаѣ считалась съ ними и часто ихъ санкціонировала. Дворянство было признано, какъ особая порода людей, отличающаяся особой честью и заслугами; ему дано было руководящее значеніе въ центрахъ и областяхъ. Отсюда—порабощеніе крѣпостныхъ, тягостный крестьянскій вопросъ, который часто отъ хронической формы переходилъ къ взрыву и пугалъ дворянъ. А между тѣмъ просвѣтительная теорія боролась противъ сословныхъ предразсудковъ, принимала къ свѣдѣнію и часто даже отстаивала интересы обездоленныхъ массъ, требовала терпимости, свободы, справедливости. Пассивное сопротивленіе дворянъ вызывало раздраженіе, которое усиливалось вслѣдствіе безвыходности положенія. Колебанія между теоріей и практикой, привычками, убѣжденіями и необходимостью смѣняются иногда мечтами о постепенномъ созданіи „средняго рода людей“ — эквивалента дворянству. Это должна была быть не то западная буржуазія, не то безсословная интеллигенція—люди, „кои, не бывъ ни дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ“ и которые получаютъ высшее образованіе.

Чѣмъ больше знакомилась Екатерина съ русскимъ обществомъ, тѣмъ болѣе наталкивалась она на результаты коренныхъ жизненныхъ противорѣчій и тѣмъ въ бо̀льшія противорѣчія впадала сама. Тщеславіе, привычка говорили, что все обстоитъ благополучно, что какія-нибудь серьезныя осложненія невозможны, разсудокъ часто долженъ былъ подчеркивать разницу между словомъ и дѣломъ, — подготовлять матеріалъ для грустнаго вывода, что „много пустоты въ глубочайшихъ изысканіяхъ и въ блистающихъ дѣлахъ, кои величавостью приготовляются потомству къ прославле-

нію“ (слова Екатерины, сказанныя по другому поводу). Побѣдный громъ часто заглушалъ голосъ разсудка...

Что противорѣчія между первоначальными обѣщаніями и ихъ исполненіемъ, между словомъ и дѣломъ былъ отчасти больнымъ мѣстомъ души Екатерины, доказывается, по моему мнѣнію, тою страстностью, даже жестокостью, съ которою онъ преслѣдуетъ тѣхъ, кто осмѣливался до него дотронуться.

Литература, любимое дѣти-ще Екатерины, часто становилась на ея дорогѣ, бередила ея старыя раны, вскрывала жизненныя противорѣчія, игнорировала ея щекотливое самолюбіе; она была слишкомъ слабымъ препятствіемъ, чтобы не впасть въ искушеніе употребить противъ нея силу.

Передъ другими препятствіями приходилось обыкновенно смиряться: „Императрица, — говоритъ одинъ изъ современниковъ, — должна поневолѣ вѣрить, что города, для которыхъ отпущены ею громадныя суммы, уже застроены, между тѣмъ какъ нерѣдко встрѣчаются города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, дверей и оконъ“.

Императрица Екатерина II. (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

Трудно было не видѣть того, что видѣли всѣ. Іосифъ II (австрійскій) видѣлъ „болѣе блеска, чѣмъ дѣла“. По его словамъ, „безграничная расточительность двора сдѣлала невозможнымъ какой бы то ни было порядокъ въ финансахъ; среди блеска и великолѣпія въ казнѣ не было часто денегъ для самыхъ настоятельныхъ нуждъ... Страшная нравственная испорченность людей, стоявшихъ у власти, не даетъ возможности ничего сдѣлать для блага подданныхъ. Объ усердіи, честности и добросовѣстности въ управленіи дѣлами нечего было и думать; каждый старался выжиманіями съ подчиненныхъ добыть средства, чтобы умилостивить начальство. Поэтому недовольство было общее, и императрица, какъ она ни скрывала это, страшилась взрыва. Она боялась всѣхъ,—боялась даже собственнаго сына“.

Кругомъ — фальшь и разложеніе. Французскій посланникъ доноситъ: „Здѣсь есть множество академій и для искусствъ, и для наукъ, но въ академіяхъ мало сюжетовъ для занятій и еще менѣе воспитанниковъ, хотя значеніе этихъ учебныхъ заведеній раздувалось до-нельзя...“ Кн. Щербатовъ жаловался: „Чины всѣ продажны, должности не достойнѣйшимъ стали даваться, но кто болѣе за нихъ заплатитъ, а и тѣ, платя, на народѣ взятками стали сіе вымещать“.

Гр. Г. Г. Орловъ. (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

Великій князь Александръ Павловичъ въ письмахъ къ близкимъ людямъ рисовалъ рельефную картину: „Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ: грабятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду. Я всякій день страдаю, когда долженъ явиться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоящихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша“.

Не на что было опереться, и поневолѣ приходилось мириться, на многое смотрѣть сквозь пальцы; спокойнѣе было отдаваться теченію жизни, балансировать, искусно устраняя опасныя осложненія; приходилось отступать передъ выступившей внезапно сложностью жизни.

Вѣрная ученица самыхъ неисторическихъ изъ философовъ горькимъ опытомъ дошла до признанія неумолимыхъ историческихъ законовъ, силы традиціи. Она выступила съ свѣтлой вѣрой въ силу разума вообще и своего въ особенности, но быстро подхватило ее теченіе и понесло совсѣмъ не туда, куда она думала плыть вмѣстѣ съ русскимъ народомъ. Ей пришлось убѣдиться, что у Россіи есть свое прошлое, съ которымъ нужно считаться. Не успѣвъ реформировать русское общество, она задумала его пере-

воспитать, но скоро убѣдилась, что и въ этомъ отношеніи ей мало удастся исполнить.

„Я должна отдать справедливость своему народу, — писала однажды Екатерина Вольтеру:—это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы, неоспоримо признанныя за истинныя“.

Откуда нужно было брать это сѣмя, что это за аксіомы?

Екатерина не только не скрывала, но даже любила выставлять на показъ свое увлеченіе просвѣтительной философіей: „Я любила философію, любя сердечно добродѣтели республиканскія, которыя кажутся несогласными съ моею неограниченною властью“; „Духъ Законовъ“ (Монтескье) долженъ быть молитвенникомъ монарховъ со здравымъ смысломъ“; „я для блага своего государства обокрала президента Монтескье, не упоминая о немъ... Книга его—мой требникъ“.

Гр. Г. Г. Орловъ.

Идеи этой философіи казались ей сначала не только красивыми, увлекательными, но и практичными, абсолютно вѣрными.

Большинство представителей русскаго общества казалось ей, какъ и Бецкому, „звѣрообразными и неистовыми въ словахъ и поступкахъ“. Жизнь была переполнена вопіющими злоупотребленіями. Между тѣмъ просвѣтительная философія имѣла панацею противъ всего этого, раскрывала широкіе горизонты, вѣрила въ близкое наступленіе „благого утра“: такъ легко казалось совлечь съ себя ветхаго человѣка,—стоило только дать волю разуму, естественному чувству. Оптимизмъ опирался въ данномъ случаѣ на недостатокъ историческаго чутья.

Одна власть мало удовлетворяла; хотѣлось, благодаря ей, достигнуть грандіозныхъ результатовъ: не только Екатерина II, но и Фридрихъ II, и Іосифъ II, наиболѣе честолюбивые и талантливые государи того времени, не довольствовались военными и политическими лаврами, а вступали въ соперничество съ замѣчательными представителями современнаго имъ умственнаго движенія.

Общество сначала недоумѣвало и пугалось, а потомъ успокоилось, убѣдившись, что ему не грозитъ рѣшительная ломка, что это только свободная игра мускуловъ и нервовъ. Отдѣльные его представители увлекались этими идеями — одни изъ подражанія [1]), другіе искренно. Поѣздки за границу, вліяніе иностранныхъ воспитателей, чтеніе все болѣе и болѣе сближали ихъ съ духомъ новаго просвѣщенія, которое на нашей почвѣ вступало въ прихотливыя соединенія съ доморощенными привычками.

Намъ нужно познакомиться съ нѣкоторыми сторонами этого просвѣщенія и его отраженіями въ Россіи, выяснить роль Екатерины, какъ посредницы между западными идеями и русскимъ обществомъ.

Гриммъ удачно формулировалъ одну изъ главныхъ идей своего времени: „Просвѣтится народъ, станетъ разумнѣе; одни глупцы или мерзавцы боятся образованнаго народа; рожденные для власти предпочитаютъ владычествовать надъ людьми, а не надъ животными“.

Екатерина прекрасно усвоила себѣ эту сторону просвѣтительной программы, но внушительный государственный и житейскій опытъ часто наводилъ и на нее „облакъ сумнѣнія“: „Меня никогда не заставятъ бояться просвѣщенныхъ народовъ, но когда-то народы будутъ просвѣщены? Когда между образованными людьми не будетъ безнравственныхъ, съ кривымъ умомъ и кривымъ зрѣніемъ, и людей, болѣе способныхъ портить, чѣмъ хорошо дѣйствовать?“

Нужно перевоспитать людей, познакомить ихъ съ идеями терпимости справедливости, свободы, равенства и братства. Сама Екатерина беретъ на себя пропаганду любимыхъ идей, осмѣиваетъ шероховатости и недостатки русской жизни и русской натуры. Въ ея сатирическомъ жалѣ мало яду; ея насмѣшка скользитъ по поверхности, мало забирая вглубь, но она узаконяетъ общественную критику—конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ: вѣдь не даромъ Екатерина такъ часто повторяла, что „вольность (свобода) есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ“, что она „состоитъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно“. Послѣднее правило, впрочемъ, часто тонуло среди многочисленныхъ исключеній—совсѣмъ какъ въ русской грамматикѣ, съ которой все же Екатеринѣ было труднѣе справиться, чѣмъ со своими вѣрноподданными...

Колебанія въ отношеніяхъ къ философамъ—вѣрный симптомъ колебаній въ области идей.

---

[1]) По примѣру Екатерины вельможи заводили себѣ богатыя библіотеки, на которыя иногда только взглядывали. Дѣло происходило такъ. Знатный человѣкъ заходилъ къ книгопродавцу и заказывалъ приготовить ему книгъ. „Какихъ?“ спрашивалъ тотъ. „Mais vous savez cela mieux que moi; c'est votre affaire. Des gros livres en bas, des petits en haut: tout à fait comme ils sont chez l'Impératrice“.

Когда Екатерина ближе присмотрѣлась къ своимъ учителямъ, ея увлеченіе сильно поостыло: „Je suis une Gauloise du Nord, и понимаю только прежнихъ французовъ, — пишетъ она де-Линю,—но не понимаю новыхъ. Я думала, что извлеку какую-нибудь пользу изъ вашего образованнаго сословія, изъ вашихъ ученыхъ разныхъ наименованій съ окончаніями на *истъ*: я испытала ихъ на дѣлѣ, при случаѣ я переписывалась съ ними: они надоѣли мнѣ до смерти и никогда не умѣли понять меня. Только мой добрый покровитель Вольтеръ составляетъ исключеніе. Знаете ли вы, что Вольтеръ тотъ, кто былъ моимъ руководителемъ?“

Вольтеръ насквозь понималъ Екатерину, придавалъ, повидимому, надлежащее значеніе идейному флирту Сѣверной Семирамиды съ философами: онъ много острилъ, льстилъ тонко или грубо, извлекалъ всевозможныя выгоды изъ переписки, довольствовался вообще малымъ—словами и показнымъ увлеченіемъ, которое шло объ руку съ искренними нотками. Онъ прекрасно понималъ, что Екатерина писала не столько ему, сколько всей Европѣ, что переписка выходила изъ тонкаго политическаго расчета, что остатки прежняго свѣжаго и искренняго чувства были покрыты густымъ слоемъ пепла „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“. У него вырвались какъ-то характерныя слова: „я очень хорошо знаю, что на нее возводятъ какія-то пустячныя обвиненія по поводу ея отношеній къ мужу, но это семейныя дѣла, въ которыя я не считаю себя въ правѣ мѣшаться“.

Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій.
Портретъ Эрпксена. (Гатч. дворецъ.)

Философамъ было лестно и важно имѣть коронованныхъ поклонниковъ и поклонницъ, и они смотрѣли сквозь пальцы на нѣкоторыя противорѣчія и шероховатости.

Конечно, такого проницательнаго человѣка, какъ Вольтеръ, трудно было обойти и внушить ему взглядъ, что вмѣшательство въ польскія дѣла вызвано только защитой терпимости. Однако онъ пишетъ: „Ваши великодушныя старанія возстановить въ Польшѣ свободу совѣсти представляютъ такой актъ благотворительности, за который человѣчество всегда будетъ прославлять васъ“. Актъ благотворительности кончился раздѣломъ Польши, и полякамъ дана была полная возможность насильственно обращать въ унію православное населеніе...

Переписка съ философами, внѣшній показатель живого идейнаго общенія, представляла для Екатерины разнообразный интересъ: она создавала репутацію, популярность, отчасти руководила общественнымъ мнѣніемъ Европы, была звеномъ полезныхъ и интересныхъ связей, знакомила съ лучшими произведеніями, новинками, сплетнями, помогала вызывать нужныхъ спеціалистовъ и дѣлать заказы, была, наконецъ, развлеченіемъ, забавой.

Но и великіе умы могутъ быть наивными. Дидро придалъ слишкомъ серьезное значеніе всей этой перепискѣ, всему этому идейному общенію, и въ результатѣ получилось взаимное разочарованіе и охлажденіе.

Вся эта характерная исторія рельефно изображена Екатериной для Сегюра: „я много и часто разговаривала съ нимъ (Дидро), но не столько съ пользой для себя, сколько изъ любопытства. Еслибы я послушалась его, мнѣ пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи вверхъ дномъ, пришлось бы совершенно преобразовать и законодательство, и администрацію, и финансы для того, чтобы очистить мѣсто для невозможныхъ теорій. Однако такъ какъ я слушала болѣе, чѣмъ говорила, то всякій, кому случалось бы присутствовать при этой бесѣдѣ, принялъ бы его за строгаго педагога, а меня—за его покорную ученицу. Онъ, вѣроятно, и считалъ себя за педагога, такъ какъ, убѣдившись по прошествіи нѣкотораго времени, что не сдѣлано ни одного изъ рекомендованныхъ имъ великихъ нововведеній, онъ выразилъ удивленіе и отзывавшееся заносчивостью неудовольствіе. Тогда я обратилась къ нему со слѣдующими откровенными словами: „г. Дидро, я съ величайшимъ удовольствіемъ выслушала все, что вамъ внушило ваше блестящее воображеніе; съ помощью вашихъ великихъ принциповъ, которые я очень хорошо понимаю, можно писать прекрасныя книги, но очень плохо вести дѣла. При изложеніи всѣхъ вашихъ плановъ для реформъ вы позабываете, какъ различны наши положенія: вы работаете только на бумагѣ, которая гладка, послушна вамъ и не представляетъ препятствій ни вашему воображенію, ни вашему перу. Но я, какъ императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе чувствительна и щекотлива“. Я увѣрена, что съ этой минуты онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на меня, какъ на женщину съ узкимъ и вульгарнымъ умомъ. Послѣ того онъ разговаривалъ только о литературѣ, и политика перестала быть сюжетомъ нашихъ бесѣдъ“.

Осторожное, внимательное отношеніе къ чужой кожѣ, конечно, хорошая вещь, но эта исторія имѣла и другую сторону, которой, повидимому, не замѣтила сама Екатерина: Дидро былъ въ правѣ ожидать другого отношенія къ себѣ и своимъ идеямъ, онъ органически не могъ понять кокетничанья святыми для него идеалами, хладнокровнаго игнорированія вопіющихъ противорѣчій между словомъ и дѣломъ.

Какъ бы то ни было, искренно или неискренно, извѣстныя идеи исповѣдывались, постепенно входили въ обиходъ; на основаніи извѣстнаго психологическаго закона усвоенная внѣшнимъ образомъ форма или идея оказывала медленное, но неуклонное обратное вліяніе, и процессъ европеизаціи Россіи все же двигался впередъ. Между тѣмъ общественное броженіе находилось подъ бдительнымъ присмотромъ; просвѣтительныя идеи, искавшія практическаго примѣненія, часто встрѣчали рѣзкій отпоръ, если переходили за строго обозначенные предѣлы. Частный починъ попрежнему признавался за признакъ своеволія и недовѣрія къ власти и подвергался неожиданнымъ преслѣдованіямъ. Руки сѣяли сѣмена, а ноги часто давили ихъ и втаптывали въ грязь... Двойственное отношеніе къ просвѣтительнымъ идеямъ постепенно смѣнялось полнымъ разочарованіемъ въ нихъ и даже преслѣдованіями, въ особенности съ началомъ французской революціи.

А. Д. Ланской. Левицкаго. (Музей Александра III.)

Такія же колебанія замѣтны и въ области собственно педагогическихъ взглядовъ: сначала искреннее увлеченіе, позднѣе разочарованіе и нерѣшительная подмѣна обветшавшихъ идей болѣе свѣжими выводами. Исповѣдуя ихъ публично, проводя ихъ въ жизнь, усердно пропагандируя, Екатерина часто видитъ ихъ слабыя стороны, хотя рѣдко въ этомъ признается. „Кто не живетъ своимъ образцомъ? Воспитаны же, какъ Богъ дастъ; смолоду мы думаемъ инако, нежели въ среднихъ лѣтахъ, а въ старости еще инако“, какъ говорила сама Екатерина,

Нѣтъ внутренней цѣльности и во всей вообще ея литературной дѣятельности. Важна она не столько своими достоинствами, сколько „удѣльнымъ вѣсомъ“ автора.

Ея раннія сатирическія статьи во „Всякой Всячинѣ“ — рабскій сколокъ съ англійскаго „Зрителя“, съ которымъ она познакомилась, вѣроятно, во французскомъ или нѣмецкомъ переводѣ. Для „мѣстнаго колорита“ прибавлены только грубоватыя черточки и ругательства. Слишкомъ легкое отношеніе къ недостаткамъ отдѣльныхъ личностей и общества мѣстами переходило въ „пороколюбіе“, по выраженію Новикова. Но „прабабушка“ нашихъ сатирическихъ журналовъ, при всемъ своемъ литературномъ убожествѣ, сыграла крупную роль въ исторіи русской литературы: благодаря данному ею толчку появились журналы Новикова, Эмина, Чулкова, позднѣе—Крылова „съ товарищи“; бывшее секретомъ полишинеля авторство императрицы подымало значеніе литературы и званіе писателя. Ея противомасонскія комедіи очень плоски; свои подражанія Шекспиру сама Екатерина совершенно справедливо назвала „вольными, но слабыми“. Въ педагогическихъ статьяхъ она только излагаетъ Локка и отчасти Руссо. Ея аллегорическія сказки скучны и наивно прямолинейны. Интереснѣе бытовыя комедіи и по своему вліянію на развитіе нашей реальной общественной комедіи, и по затронутымъ въ нихъ вопросахъ о воспитаніи, „чужебѣсіи“, некультурности высшаго класса, но литературнаго таланта въ нихъ мало, какъ мало и знанія русской жизни: комедіи пишутся на основаніи больше книжныхъ впечатлѣній и чужихъ разсказовъ, чѣмъ личныхъ наблюденій; въ нихъ слишкомъ много нарочитости и прямолинейности, желанія включить возможно больше узнанныхъ по-наслышкѣ „истинно-русскихъ чертъ“.

„Были и небылицы“—пестрая болтовня на всевозможныя темы, въ которой только отдѣльные штрихи представляютъ интересъ.

Ея „грѣшные падежи“ обыкновенно выправляются секретарями, на обязанности которыхъ лежало и сочиненіе стиховъ для піесъ.

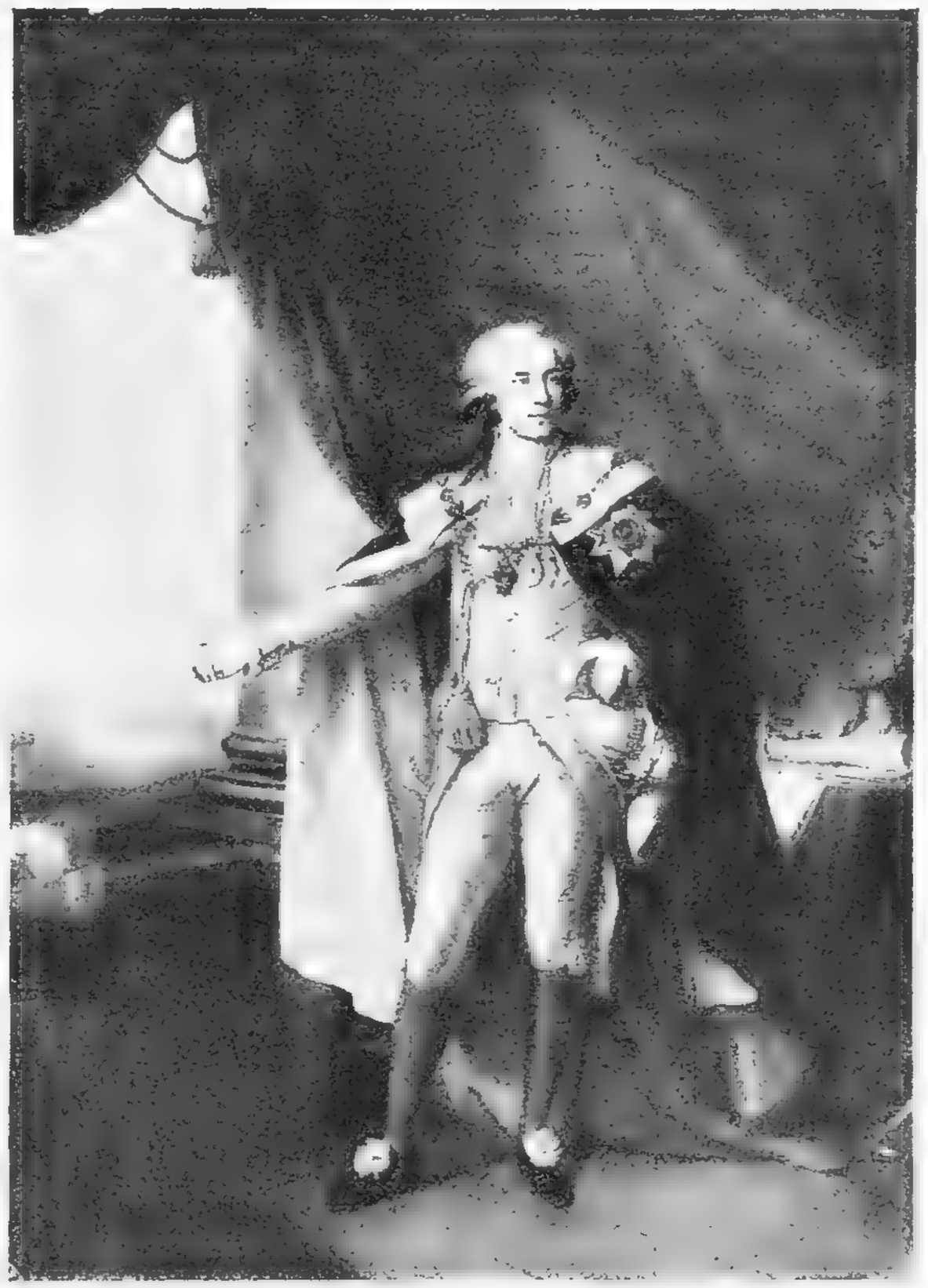
Когда говорятъ о значеніи личности и царствованія Екатерины, часто смѣшиваютъ результаты единоличной и коллективной дѣятельности, *персонифицируютъ* процессы, — приписываютъ отдѣльной личности трудъ нѣсколькихъ поколѣній: для плохо вооруженнаго глаза цѣлая солнечная система слилась въ одно небольшое свѣтовое пятно.

Личность, какъ мы видѣли, далеко не всегда умѣла и хотѣла приспособиться къ средѣ, среда подчинялась своимъ особымъ законамъ, идеи часто расползались, учрежденія слабо прививались.

Это не лишаетъ, конечно, личность историческаго значенія — поскольку она шла въ ногу съ общественнымъ движеніемъ, — поскольку были вліятельны, благовременны и полезны пропагандируемыя ею идеи, — поскольку

создаваемыя ею учрежденіи были жизнеспособны, продолжали и укрѣпляли *просвѣтительныя* традиціи, въ которыхъ болѣе всего нуждалась „темная Русь“. Минутныя вспышки, временныя уклоненія были чаще рябью и зыбью на широкой водной поверхности и очень рѣдко оставляли послѣ себя вредные слѣды въ народной жизни. Въ отведенныхъ размѣрахъ дѣятельность Екатерины имѣла большое значеніе: благо вложить хоть крупицу въ общую сокровищницу народной культуры, а она вложила ихъ больше одной.

Несмотря на многія неблагопріятныя условія, зависѣвшія отъ ея личнаго характера и условій среды, она способствовала, насколько могла и умѣла, распространенію идей, часто высокихъ и благотворныхъ. Въ теченіе ея царствованія, при ея непосредственномъ руководствѣ, было открыто 223 или, считая пансіоны, сельскія, домашнія училища, главныя и малыя школы, 316 училищъ; въ годъ ея смерти въ народныхъ училищахъ училась 1121 дѣвочка, въ воспитательномъ обществѣ 200 и въ мѣщанскомъ училищѣ — 240 (кромѣ своекоштныхъ) воспитанницъ [1]). Хотя безсословная de jure школа de facto была достояніемъ самаго ничтожнаго меньшинства, все-такп среднее образованіе было упрочено навсегда. Въ обиходъ общественной, въ частности педагогической, мысли вошло нѣсколько здравыхъ, гуманныхъ идей. Замѣчается подъемъ духа въ обществѣ и литературѣ, который



Гр. П. А. Зубовъ. (Музей импер. Александра III.)

[1]) Не слѣдуетъ, однако, придавать этимъ цифрамъ преувеличеннаго значенія: 759 ученицъ народныхъ училищъ—уроженки Петербургской губерніи; большая часть училась въ малыхъ училищахъ, въ главныхъ очень немногія проходили высшіе классы: женское образованіе слабо распространялось вширь и вглубь.

несъ съ собою неисчислимыя послѣдствія. Екатерининскими учрежденіями долго жила и Россія XIX в. Ея *искренній* интересъ къ прошлому новой родины оказалъ *несомнѣнное*, хотя еще не учтенное вліяніе на нашу историческую науку.

Въ этомъ сложномъ процессѣ личность Екатерины играла то положительную, то отрицательную роль, во всякомъ случаѣ, приковывала къ себѣ вниманіе современниковъ и позднѣйшихъ поколѣній. Послѣдующее царствованіе отбросило на Екатерину яркій радужный отблескъ, отраженіе котораго такъ сильно замѣтно въ наивныхъ словахъ народной пѣсни:

Подымитесь, вѣтры буйные,
Разнесите всѣ желты пески,
Распахнися, шелкова парча,
Разломися, гробова доска,
Подымися наша матушка,
Милосердная государыня,
Катерина Алексѣевна!
Безъ тебя намъ жить похужѣло,
Всему царству почежелѣло...

В. Каллашъ.

Изъ дворцовой утвари XVIII в. Рукомой и лахань.
(Оружейная палата).

Финансовая политика Екатерины II

Государственная дѣятельность Екатерины II, ознаменовавшаяся крупными преобразованіями въ области мѣстнаго управленія и сословныхъ отношеній, не дала ничего новаго и крупнаго въ области государственнаго хозяйства, и ея финансовая политика является наиболѣе слабымъ и уязвимымъ мѣстомъ всей ея работы.

Въ своей „Запискѣ на россійскомъ языкѣ“ [1]) Екатерина кратко, но выразительно изобразила то запутанное положеніе финансовъ, которое она нашла при своемъ вступленіи на престолъ: доходовъ считалось на 16 милл. р., а когда велѣно было лучше сосчитать ихъ, то оказалось, что казна имѣетъ дохода 28 милл. руб.; монета была разнообразной пробы (63-й — 82-й); таможенныя поступленія, бывшія на откупѣ, давали ничтожную сумму, кредита у государства за границей не было никакого, и т. п. Конечно, характеризуя русскіе финансы въ 1796 году, мы не могли бы нарисовать картины, вполнѣ похожей на только что приведенную: финансовое состояніе Россіи за 34 года царствованія Екатерины II измѣнилось, и притомъ не только въ количественномъ отношеніи, но и въ качественномъ, но, тѣмъ не менѣе, повторяемъ, финансовая политика Екатерины II—напменѣе яркая страница въ исторіи ея царствованія.

Найдя при вступленіи на престолъ полное отсутствіе единства и порядка въ управленіи финансами страны, императрица Екатерина II обратила

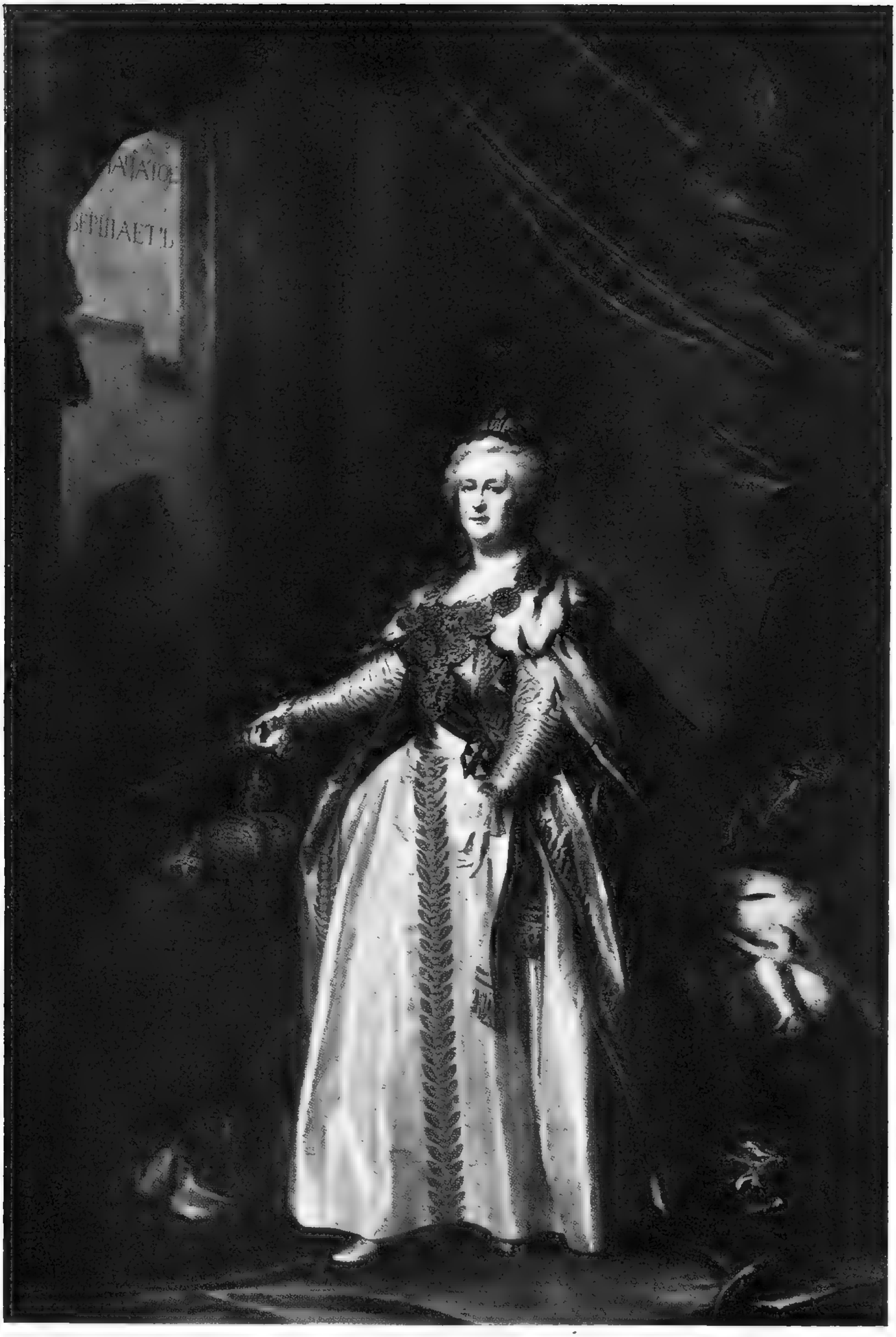
---

[1]) См. 2-й полутомъ XII т. сочин. Екатерины II въ изд. Академіи Наукъ, стр. 519—22.

сразу же вниманіе на это обстоятельство. Финансовыя дѣла вѣдались тогда первымъ департаментомъ Сената, а кромѣ того камеръ-коллегіей. Въ 1764 г. императрица рѣшила возстановить прежнее значеніе камеръ-коллегіи въ финансовыхъ дѣлахъ; съ этой цѣлью ея президентомъ былъ назначенъ князь Б. Куракинъ, президентъ коллегіи экономіи, чѣмъ обѣ эти коллегіи какъ бы сливались, и создавалось особое учрежденіе, завѣдующее финансами страны [1]). Но это мало помогло дѣлу, и единства въ управленіи финансами достигнуто не было. Губернская реформа 1775 года создала въ губерніяхъ и уѣздахъ особыя финансовыя учрежденія, къ которымъ перешли обязанности центральныхъ органовъ: въ губерніяхъ были открыты казенныя палаты, въ уѣздахъ созданы должности уѣздныхъ казначеевъ; этимъ управленіе финансами какъ бы децентрализовалось, и камеръ-коллегія съ ея прежнимъ кругомъ дѣлъ и обязанностей уже становились ненужной. Дѣйствительно, вскорѣ (въ 1785 г.) эта коллегія, какъ и многія и другія, тоже ставшія излишними послѣ реформы 1775 г., была закрыта. Ея обязанности перешли къ экспедиціи о государственныхъ доходахъ, учрежденной въ 1780 г. при Сенатѣ (съ подраздѣленіемъ на 4 отдѣла), и къ казначействамъ для штатныхъ и остаточныхъ суммъ, а главное общее управленіе финансами было поручено генералъ-прокурору; предполагавшееся учрежденіе должности государственнаго казначея осталось только проектомъ, и его обязанности исполнялъ генералъ-прокуроръ. Этими послѣдними реформами управленіе финансами централизовалось, въ противоположность реформѣ 1775 г. Но преобразованія, подобныя только что указаннымъ, не мѣняли существа дѣла; они давали лишь частичныя улучшенія. Поэтому, когда теперь изслѣдователи обращаются къ финансовымъ документамъ царствованія Екатерины II, то они останавливаются передъ цѣлымъ рядомъ затрудненій, количество которыхъ почти не уменьшается по мѣрѣ того, какъ они приближаются къ концу царствованія: та же путаница и неточность въ счетахъ была въ 1795 г., какъ и въ 1762 г., та же неправильная классификація доходовъ и расходовъ была какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ году, и т. д. Такимъ образомъ, даже чисто въ техническомъ отношеніи финансовое управленіе при Екатеринѣ II мало измѣнилось къ лучшему, хотя, напримѣръ, съ 1781 года должны были составляться ежегодно табели о государственныхъ доходахъ, расходахъ и остаткахъ, чего раньше не было совсѣмъ... Въ 1767 году камеръ-коллегія на запросъ „Комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія“ откровенно отвѣчала, что она не забо-
тилась ни о чемъ другомъ, „какъ только о производствѣ дѣлъ и объ одной, по приказному порядку, очисткѣ оныхъ“, но что, несмотря на это, у нея остается старыхъ нерѣшенныхъ дѣлъ 96,000, кромѣ множества новыхъ не рѣшенныхъ и неразобранныхъ, а по этимъ 96.000 дѣлъ оказывается старой

---

[1]) Чечулинъ. „Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II“, стр. 62—63.



недоимки до 6.000.000 рублей [1]). Каждая городская канцелярія ежегодно отправляла въ разныя вѣдомства до 1.700 вѣдомостей [2]), разобраться въ которыхъ было болѣе чѣмъ трудно. Если бы учрежденія, смѣнившія камеръ-коллегію, были такъ же откровенны, какъ она, то они, въ концѣ царствованія Екатерины II, могли бы сказать почти то же самое.

Если мы обратимся теперь къ бюджетамъ царствованія Екатерины II, то увидимъ и здѣсь очень слабое движеніе впередъ: и смѣты доходовъ, и смѣты расходовъ въ существѣ своемъ остались неизмѣнными за всѣ 34 года ея правленія.

Слѣдуя по стопамъ своихъ предшественниковъ и предшественницъ, Екатерина II не измѣнила системы налоговъ: прямые налоги въ бюджетѣ доходовъ играли второстепенную роль по сравненію съ налогами косвенными; такъ, по даннымъ г. Чечулина [3]), подушной подати въ 1763 году собиралось 5.667.000 руб., т.-е. около 30% всѣхъ доходовъ, а въ 1796 году—24.721.000 руб., т.-е. около 33% всѣхъ доходовъ; подушная подать вмѣстѣ съ подворной и промысловымъ налогомъ (подворная подать и промысловый налогъ давали очень незначительную сумму) были единственными прямыми налогами. Главную статью доходовъ въ бюджетахъ Екатерининскаго царствованія составляли налоги косвенные; по даннымъ г. Милюкова [4]), они равнялись 42% дохода въ 1764 году и 43% дохода въ 1796 году. Регаліи, государственныя имущества, пошлины и т. п. составляли каждыя въ отдѣльности очень небольшой процентъ въ общей суммѣ доходовъ. Въ частности, что касается налоговъ косвенныхъ, то главную роль въ нихъ играли питейные налоги, которые одни составляли въ 1765 г. 20% всего бюджета [5]); питейный доходъ неуклонно возрасталъ въ теченіе всего царствованія Екатерины II: въ 1763 г. чистый питейный доходъ (безъ издержекъ на его собираніе) составлялъ 4.376.000 руб., въ 1795 г.—17.765.000 руб., а въ 1796 г.—около 15 милл. руб.; но ростъ этого дохода, конечно, не свидѣтельствуетъ ни о финансовомъ благополучіи государственной казны, ни о финансовомъ благополучіи народа,—онъ только свидѣтельствуетъ о развитіи народнаго пьянства, такъ какъ въ то время, какъ этотъ доходъ увеличился болѣе, чѣмъ втрое (съ 1763 г. по 1796 г.), народонаселеніе за это время увеличилось меньше, чѣмъ вдвое; значитъ, въ 1795 г. каждый отдѣльный потребитель вина пилъ больше, чѣмъ въ 1763 году. Соляного дохода въ началѣ царствованія Екатерины II поступало до 2.200.000 руб., при продажной цѣнѣ соли въ 50 к. съ пуда—соль продавалась тогда отъ казны изъ казенныхъ

---

1) Бліохъ. „Финансы Россіи въ XIX в.“, т. I, стр. 38.
2) „Юрид. Вѣстникъ“, 1869 г., № 2, ст. Куломзина, стр. 17.
3) Стр. 260—2.
4) „Очерки по ист. русской культуры“, вып. I, стр. 152.
5) Чечулинъ, стр. 167.

магазиновъ и изъ „стоекъ“; Екатерина уменьшила продажную цѣну соли до 40 коп. Это понизило первоначально доходы казны, но такъ какъ потребленіе соли отъ уменьшенія ея цѣны увеличилось, то уже въ 1771 году доходъ отъ ея продажи дошелъ до 2 милл. руб. Затѣмъ правительство измѣнило нѣсколько систему снабженія солью населенія въ 1781 году, но этимъ все и ограничилось, и потому можно утверждать, что и въ отношеніи этого косвеннаго налога никакой существенной перемѣны не произошло [1]).

Въ области таможенной политики правительство Екатерины II отмѣнило систему монополій, частныхъ и правительственныхъ, а также систему откуповъ, и вступило на путь теоріи laisser faire, laisser passer, но не провело ее послѣдовательно до конца, и потому тарифъ 1766 г. (введенный въ дѣйствіе 1 марта 1767 г.) былъ компромисснымъ: въ немъ видно желаніе примирить протекціонистскія и фритредерскія начала. Такой же характеръ носилъ и тарифъ 1782 г.

Таможенные доходы въ царствованіе Екатерины II утроились (за время съ 1763 г. до 1796 г.): въ 1763 году таможеннаго дохода было 1.997.000 р., а въ 1796 г.—6.470.000 руб., но въ то время весь бюджетъ возросъ въ 4,3 раза, такъ что относительная роль таможеннаго дохода въ бюджетѣ не только не увеличилась, но даже нѣсколько уменьшилась; паденіе таможеннаго дохода произошло въ самые послѣдніе годы царствованія, что свидѣтельствуетъ объ экономическомъ и финансовомъ кризисѣ въ концѣ правленія Екатерины II.

Точно такъ же не видно никакой существенной перемѣны и въ области другихъ косвенныхъ налоговъ, что и приводитъ къ окончательному выводу, что характеръ обыкновенной доходной смѣты въ царствованіе Екатерины II оставался одинъ и тотъ же: никакихъ новыхъ началъ и направленій мы въ ней не видимъ; смѣта обыкновенныхъ доходовъ за 34 года возросла съ 14.535.000 рублей чистаго дохода до 55.406.000 рублей, т.-е. почти въ 4 раза, но это увеличеніе было результатомъ не новой финансовой политики правительства, а результатомъ естественнаго прироста населенія, естественнаго увеличенія его хозяйственныхъ оборотовъ, присоединенія новыхъ областей (которыя, однако, въ то же время потребовали новыхъ большихъ расходовъ) и т. п.; при этомъ характерно, что издержки по собиранію этихъ доходовъ увеличились весьма значительно: въ началѣ царствованія онѣ составляли 15—17% всѣхъ доходовъ, а въ концѣ царствованія — почти 25% [2]), что опять-таки служитъ признакомъ упадка финансоваго хозяйства.

Вообще, какъ справедливо указываетъ г. Чечулинъ, система доходовъ въ царствованіе Екатерины II преслѣдовала исключительно фискальныя цѣли

---

1) Чечулинъ, назв. соч., стр. 190.
2) Чечулинъ, назв. соч., стр. 256—7.

и не думала о развитіи народнаго хозяйства. „Съ чего бы ни брать, только бы брать“, вотъ, по его словамъ, лозунгъ финансовой системы XVIII вѣка. Подати не были ни общими, ни равномѣрными, ни прогрессивными, и не-

Императрица Екатерина II. Левицкаго. (Музей Александра III.)

пропорціонально тяжело падали на неимущіе классы населенія: напримѣръ, подушные сборы увеличились болѣе чѣмъ въ $4^1/_2$ раза, тогда какъ населеніе возросло меньше чѣмъ въ 2 раза, и такимъ образомъ на одну душу

вмѣсто рубля приходилось 1 р. 70 коп. [1]); сборъ подушной подати оставался одинъ и тотъ же: отъ ревизіи до ревизіи собирали одинъ окладъ Въ результатѣ всего этого — ростъ недоимокъ по подушнымъ окладамъ: въ 1764 г. недоимокъ по подушному окладу накопилось до 800.000 рублей, а въ 1766 г.—уже 1.586.186 руб. [2]), и потомъ эти недоимки все продолжали расти, а указы Сената о ихъ взысканіи не имѣли никакого дѣйствія; вообще же къ 1793 г. недоимокъ всякаго рода было свыше 20 милл. руб., т.-е. болѣе $^1/_3$ годового бюджета.

Если мы обратимся теперь къ смѣтамъ расходовъ въ царствованіе Екатерины II, то и въ нихъ мы найдемъ лишь количественныя, но не качественныя перемѣны. Прежде всего надо указать, что въ цифрахъ расхода въ царствованіе Екатерины II была большая путаница. Такъ, въ 1763 г. камеръ-коллегія считала, что она выдала на 371.000 руб. больше, чѣмъ сама получила, и потому сдѣлала позаимствованіе изъ капитала, предназначеннаго на покупку вина, Сенатъ же считалъ, что у нея должно было еще остаться 313.000 руб., а это составляло $1^1/_2\,^0/_0$ всего тогдашняго бюджета, т.-е. играло ту же роль, что 25—30 милл. руб. въ нынѣшнемъ бюджетѣ. Затѣмъ, по однимъ свѣдѣніямъ статсъ-контора израсходовала въ 1767 г. 5.482.000 руб., а по другимъ — 6.184.000 руб. Все это затрудняетъ въ настоящее время изслѣдователей, какъ уже было указано выше, и они не ручаются за точность многихъ отдѣльныхъ цифръ, но въ общемъ картина расходовъ при Екатеринѣ II представляется въ слѣдующемъ видѣ.

За первыя 12 лѣтъ царствованія бюджетъ расходовъ возросъ съ $16^1/_2$ милл. руб. до 38.914.000 руб., но за это время почти не измѣнилось распредѣленіе расходовъ по отдѣльнымъ рубрикамъ смѣты: на Дворъ тратилось около 0,1 всѣхъ расходовъ; на армію и флотъ—немного менѣе 0,5, и на внутреннее управленіе—0,4; изъ этихъ 0,4 немного меньше половины шло на издержки собиранія, немного болѣе половины—на содержаніе личнаго состава администраціи и не болѣе 0,02 всего бюджета — на разныя культурныя потребности; расходы по этой послѣдней статьѣ выражались въ среднемъ въ слѣдующихъ цифрахъ [3]):

на пути сообщенія . .	—105.000 р.	на богоугодныя заведенія—	8.000 р.
„ постройки	— 73.000 „	„ медикаменты . . .	— 71.000 „
„ академію и универс.	— 73.000 „	„ колонизацію	—200.000 „

---

[1]) Вообще же бюджетъ расходовъ въ царствованіе Екатерины II возросъ въ 4,3 раза, а такъ какъ населеніе увеличилось нѣсколько менѣе чѣмъ вдвое, то, значитъ, съ каждаго плательщика въ 1796 году брали въ $2^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ въ 1762 году; при слабомъ подъемѣ экономической жизни это означало только увеличеніе обремененія плательщиковъ (Чечулинъ, стр. 378).

[2]) „Юрид. Вѣстн.“, 1869 г., № 2, стр. I.

[3]) Чечулинъ, стр. 285.

По отдѣльнымъ годамъ этого періода расходы на военныя потребности доходили до 63,3% всѣхъ расходовъ.

Если мы затѣмъ обратимся къ періоду съ 1781 года по 1796 годъ, то увидимъ тутъ такую картину: расходы на Дворъ съ 4.650.000 руб. въ 1781 г. поднялись до 8.760.000 руб. въ 1796 г., при чемъ особенно сильно они повысились въ 1788—9 гг., въ годы путешествія императрицы въ Крымъ—до 7.250.000 (въ среднемъ) и составляли за этотъ періодъ 11,2% всей расходной смѣты (въ 1762—73 гг.—10,7%); на армію расходы поднялись съ 10.600.000 рублей въ 1781 г. до 21 милл. руб. въ 1796 г. и составляли 31,9% бюджета (въ 1762—73 гг.—39,5%); на флотъ съ 3 253.000 р. до 6.683.000 руб. и составляли 88% бюджета (въ 1762—73 гг.—6,5%); на внутреннее управленіе (точныхъ цифръ для 1781—96 гг. нѣтъ)—съ 43% бюджета въ 1762—73 гг. до 48% въ 1781—96 гг. Наконецъ, %% по займамъ, составлявшіе въ 1781 г. 660.000 руб., въ 1796 г. равнялись уже 4.190.000 руб., а такъ какъ займы заключались почти исключительно для покрытія военныхъ расходовъ, то можно считать, что относительное значеніе этихъ послѣднихъ въ бюджетѣ 1796 года не меньше, чѣмъ въ бюджетѣ 1762 г.: въ 1762—73 гг. на армію и флотъ шло 46% бюджета расходовъ, а въ 1781—96 гг.—40,7% плюсъ 4.190.000 р. %% по военнымъ займамъ.

Гр. М. И. Воронцовъ. (Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

Что касается расходовъ на культурныя потребности, то вотъ цифры, относящіяся къ 1795 г., для сравненія съ соотвѣтствующими цифрами, данными выше для 1762—73 гг. [1]):

На содержаніе мостовъ и перевозовъ . . 69.386 руб.
„ строенія, починки, каналы . . . . . 901.625 „
„ училища . . . . . 782.237 „
„ воспитательные дома и больницы . . 104.685 „

Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ области смѣтъ расходовъ царствованіе Екатерины II не дало ничего новаго, и разница между смѣтами 1762 г. и 1796 г. количественная, а не качественная.

Всего было израсходовано при Екатеринѣ II до 1.615.000.000 рубл., а было получено обыкновенныхъ доходовъ до 1.415.000.000 рубл., т.-е., другими словами, дефицитъ за 34 года составлялъ 200 милл. рубл. Какъ же правительство Екатерины II покрывало этотъ дефицитъ? Тутъ, дѣйствительно, оно вступило на новый путь, который давалъ временный выходъ изъ финансовыхъ затрудненій, но ложился тяжелымъ бременемъ на плечи позднѣйшихъ поколѣній. Расходы при Екатеринѣ II возрастали такъ быстро, что однимъ увеличеніемъ старыхъ налоговъ и введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ безъ общей коренной реформы всей системы налоговъ обойтись было нельзя; правительство испробовало и увеличеніе налоговъ — напримѣръ, подушная подать была увеличена съ 70 к. до 1 руб., оброчныя деньги съ государственныхъ крестьянъ повышены въ $1^1/_2$ раза, повышена цѣна гербовой бумаги и проч., и введеніе новыхъ—установленъ былъ, напримѣръ, $1^0/_0$ сборъ съ купеческихъ капиталовъ, а въ Малороссіи введена подушная подать; испробована была и порча монеты—вѣсъ мѣдной монеты былъ понижень вдвое, что повлекло за собой паденіе цѣнности рубля, но всего этого было мало. Губернская реформа 1775 года, потребовавшая на содержаніе новыхъ учрежденій на $2^1/_2$ милл. рубл. въ годъ больше, чѣмъ шло на администрацію до этого года, продолжительныя войны—первая турецкая война стоила, напримѣръ, $47^1/_2$ милл. рубл. [2]), а повышеніе существующихъ налоговъ на $20^0/_0$ дало казнѣ только около 20 милл. рубл.,—колонизація вновь пріобрѣтенныхъ окраинъ и т. п., все это не давало возможности покрывать расходы обыкновенными доходами и создавало дефициты. Уже въ 1762 году дефицитъ равнялся 1.152.000 рубл. и составлялъ $8^0/_0$ бюджета. Въ 1785 году ген.-проку-

---

[1]) „Сборникъ Истор. Общества“, т. XXVIII, предисловіе; полнаго соотвѣтствія въ рубрикахъ расходовъ нѣтъ въ виду того, что приходится брать данныя изъ разныхъ источниковъ.

[2]) Куломзинъ, предисл. къ XXVIII т. сборника Истор. Общества, стр. XXI.

роръ кн. Вяземскій предвидѣлъ дефицитъ въ 5.280.000 рубл., а въ 1789—1 гг. дефицитъ равнялся 45 милл. рубл.

Для покрытія дефицитовъ правительство Екатерины II обращалось преимущественно къ двумъ средствамъ: къ выпуску ассигнацій и внѣшнимъ займамъ. Выпуски ассигнацій обезпечивались первоначально вкладомъ въ банкъ металлическихъ денегъ, но потомъ отъ этого правила отступили и, выпуская ассигнаціи, не обезпечивали ихъ металлическимъ запасомъ; но, пока ихъ было мало, курсъ ихъ, несмотря на это, стоялъ высоко: 100 за 101, за 102 и за 103, такъ какъ онѣ представляли много удобствъ въ народно-хозяйственныхъ оборотахъ — 1000 рублей серебромъ вѣсили, напримѣръ, $1^1/_2$ пуда а мѣдью — 60 пудовъ, что, конечно, затрудняло перевозку денегъ, а переводовъ черезъ банки тогда не было. Въ 1774 году сумма ассигнацій достигла уже 20 милл. рубл., но курсъ ихъ, несмотря на нѣкоторыя колебанія, держался довольно высоко до 1787 года. Потомъ курсъ ихъ начинаетъ падать и въ 1795 г. доходитъ до $68^1/_2$ за 100. Въ 1786 г. ассигнацій было на 46 милл. рубл., но недостатокъ въ деньгахъ опять заставилъ обратиться къ ихъ дальнѣйшимъ выпускамъ. Въ этомъ году торжественнымъ манифестомъ было возвѣщено, что сумма ассигнацій никогда не превыситъ 100 милл. рубл., а затѣмъ было приступлено къ ихъ выпуску. Выпустили всего ассигнацій на 100 милл. рубл., изъ которыхъ 46 милл. пошло на замѣнъ ассигнацій прежняго образца, 4 милл. поступило прямо въ обращеніе, 33 милл. предназначались на займы дворянству и городамъ, 15 милл.—„на запасъ для внезапной войны“ и 2 милл.—„на случай крайней надобности казначейству“. Но скоро правительство забыло и обо всѣхъ этихъ назначеніяхъ ассигнацій на разныя потребности, и объ обѣщаніи не выпускать ассигнацій болѣе чѣмъ на 100 милл. рубл.: израсходованы были всѣ ассигнаціи, а потомъ стали выпускать новыя. Цѣна ассигнацій стала падать, ихъ не хотѣли брать; пра-

Князь Н. П. Салтыковъ. Ухтомскаго. (Эрмитажъ.)

вительство, думая, что причина этого въ малой подвижности ассигнацій,— онѣ были стоимостью только въ 25 рубл. и выше, выпустило ассигнаціи въ 5 и 10 рублей и предполагало сдѣлать это тайно; разумѣется, это тайное не могло не стать явнымъ, и курсъ ассигнацій сталъ падать еще больше, а это влекло за собой исчезновеніе кредита, ростъ цѣнъ на продукты и невозможность вести солидныя торговыя и промышленныя операціи, съ другой стороны, создавало спекуляцію на пониженіе и повышеніе курса ассигнацій. Затѣмъ, въ виду общаго политическаго положенія, переводовъ значительныхъ суммъ на платежи по внѣшнимъ займамъ и усиленныхъ выпусковъ ассигнацій падалъ вексельный курсъ.

Количество ассигнацій къ концу царствованія Екатерины II достигло 156.683.335 рубл. [1]).

Другимъ средствомъ покрытія дефицитовъ были, какъ уже указано, внѣшніе займы. Первый русскій внѣшній заемъ былъ заключенъ 2 апрѣля 1769 года черезъ посредство амстердамскихъ банкировъ де-Сметъ изъ 5% на 7,5 милл. гульденовъ (т.-е. на 3,7 милл. рубл. приблизительно), срокомъ на 10 лѣтъ, съ правомъ выкупить долгъ цѣликомъ или частью черезъ 5 лѣтъ; обезпеченіемъ этого займа служили таможенные доходы въ прибалтійскихъ портахъ. Реализація займа шла медленно и закончилась только черезъ 4 года. Въ 1771—2 гг. былъ заключенъ заемъ въ Генуѣ на 1.170.000 рубл.; реализовался онъ еще медленнѣе предыдущаго. За этими займами послѣдовали другіе, и, напримѣръ, въ пятилѣтіе 1787—92 гг. было занято до 39 милл. руб. Часть долговъ къ концу царствованія была погашена или конвертирована съ пониженіемъ %% по займу, но, во всякомъ случаѣ, къ концу царствованія Екатерины II, по даннымъ Бржесскаго, внѣшній долгъ равнялся 41.405.790 р. Кромѣ того, преемнику Екатерины II осталось внутреннихъ неоплаченныхъ счетовъ на 15.570.000 рублей [2]); въ частности, придворная контора имѣла въ 1794 г. неоплаченныхъ счетовъ на 207.545 рубль. 94 коп. Въ 1789 г. такихъ неоплаченныхъ долговыхъ обязательствъ было на 1.200.000 руб., но большую часть ихъ покрыли, уплачивая 75 коп. за 1 рубль. Когда въ 1794 г. возникъ вопросъ объ уплатѣ остальныхъ 207.545 руб. 94 коп., то особая комиссія, образованная для рѣшенія этого вопроса, нашла, что въ уплатѣ этихъ денегъ необходимости нѣтъ. „Такимъ образомъ,—говоритъ Бржесскій (стр. 85),—казна оказывалась несостоятельной уплатить 207.545 рубл., и это въ то время, когда генералы Потемкинъ, Грейгъ, Каховскій и другіе то и дѣло присылали къ генералъ-прокурору вѣдомости о громадныхъ переборахъ по нѣсколько милліоновъ рублей свыше назначенныхъ имъ на военные расходы суммъ; при чемъ никто и не думалъ справляться, точно ли и почему были сдѣланы эти переборы“.

---

[1]) Чечулинъ, стр. 319.

[2]) Бржесскій. „Государственные долги Россіи“, стр. 234.

Къ только что указаннымъ долгамъ надо присоединить еще безпроцентный долгъ въ ассигнаціяхъ на сумму 156.683.335 р.; такимъ образомъ общая сумма долга, оставшагося отъ царствованія Екатерины II, превышала 200 милл. руб. Этимъ долгомъ и были покрыты дефициты царствованія Екатерины II.

Преемникъ Екатерины II, императоръ Павелъ, въ указѣ 17 дек. 1797 г. далъ такую характеристику финансоваго положенія Россіи: „По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ, входя по долгу нашему въ различныя части государственнаго управленія, при самомъ начальномъ ихъ разсмотрѣніи увидѣли мы, что хозяйство государственное, невзирая на учиненныя въ разныя времена умноженія доходовъ, отъ продолженія чрезъ многіе годы безпрерывной войны и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ, яко о прошедшихъ, излишнимъ почитаемъ распространяться, подвержено было крайнимъ неудобностямъ. Расходы превышали доходы. Недостатокъ годъ отъ году возрасталъ, умножая долги внутренніе и внѣшніе; къ наполненію же части такого недостатка заимствованы были средства, большій вредъ и разстройство за собой влекущія“.

Гр. А. Р. Воронцовъ. (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

Нельзя не признать, что эта характеристика вполнѣ соотвѣтствуетъ тогдашнему положенію дѣлъ; отъ нея не только нельзя ничего убавить, но скорѣе къ ней кое-что еще можно было бы прибавить.

Чѣмъ же объяснить такой печальный финансовый итогъ царствованія Екатерины II? Причиной этого прежде всего было то, что никакая крупная финансовая реформа была невозможна безъ крупныхъ соціальныхъ реформъ,

и прежде всего безъ отмѣны крѣпостного права; это послѣднее ставило между государствомъ и главнымъ плательщикомъ налоговъ—крестьянствомъ, помѣщика, который, такъ сказать, перехватывалъ, по выраженію проф. Ключевскаго, у народнаго труда всѣ излишки, какіе оказывались при успѣхѣ народнаго хозяйства, и, перехватывая ихъ, онъ не давалъ возможности казнѣ попользоваться ими; въ частности, это лишало казну возможности сколько-нибудь существенно увеличить подушный окладъ: за 100 лѣтъ (со времени Петра В.) онъ былъ увеличенъ только одинъ разъ съ 70 к. до 1 рубля. Но, съ другой стороны, крѣпостное право связывало по рукамъ и ногамъ народное хозяйство; покупательная сила населенія не увеличивалась, торговля и промышленность развивались слабо и т. п. На отмѣну крѣпостного права Екатерина II въ силу цѣлаго ряда причинъ пойти не могла, а отсюда — и невозможность существенно измѣнить финансовое хозяйство. Съ другой стороны, она не посягнула и на податныя привилегіи дворянства, безъ чего, конечно, невозможны были ни введеніе подоходнаго налога, ни установленіе налога на наслѣдства, ни что-нибудь подобное. Правительство Екатерины II, правда, больше, чѣмъ предшествовавшія, обращало вниманіе на нашу буржуазію, но и оно, какъ они, было все-таки дворянскимъ, и это опредѣляло его позицію въ финансовой политикѣ.

Затѣмъ не безъ вліянія на финансовую дѣятельность Екатерины II остался, повидимому, тотъ фактъ, что наказы депутатовъ въ Комиссіи 1767 г. не требовали финансовыхъ реформъ. Сама императрица, болѣе занятая общими вопросами, мало интересовалась финансовыми вопросами—и реформа отсрочивалась; къ тому же полученіе съ коллегіи экономіи послѣ отобранія церковныхъ имуществъ по $1^1/_2$ милл. рубл. въ годъ и выпускъ ассигнацій создавали на первыхъ порахъ иллюзію, что дѣла не такъ уже плохи и дефициты ничего грознаго изъ себя не представляютъ. Наконецъ, въ правительствѣ Екатерины II не было ни одного лица, настолько хорошо знающаго экономическіе и финансовые вопросы, чтобы оно могло составить планъ коренныхъ и въ то же время вполнѣ осуществимыхъ финансовыхъ реформъ. Теоретической разработки этихъ вопросовъ у насъ еще собственно не существовало, а западно-европейскія идеи какъ-то туго прививались; финансовая политика Екатерины II и взгляды на эти вопросы ея сподвижниковъ кое въ чемъ, конечно, подвергались вліянію этихъ идей, но не настолько, чтобы изъ этого сложилась какая-нибудь опредѣленная система.

Итакъ, ничего творческаго, ничего оригинальнаго, ничего прямо бьющаго въ цѣль въ финансовой политикѣ имп. Екатерины II не было; вся дѣятельность ея правительства въ этомъ отношеніи сводилась на палліативы и слѣдованіе прежнимъ нашимъ или чужимъ иностраннымъ образцамъ; шире былъ размахъ дѣятельности, но не ея пріемы.

К. Сивковъ.

Наказъ и „Комиссія о сочиненіи проекта новаго Уложенія“.

Екатерина II умѣла не только сообразовать дѣла своего царствованія съ запросами времени, но и обставить ихъ пышной декоративной обстановкоіі и помпезнымъ блескомъ, съ ловкимъ подчеркиваніемъ материнскихъ своихъ заботъ о подданныхъ.

Къ числу такихъ „довлѣющихъ дневи“ и вмѣстѣ помпезно обставленныхъ „дѣяній Сѣверной Семирамиды“ относится и постановка законодательства въ первое, по крайней мѣрѣ, время ея царствованія.

Въ манифестѣ отъ 14-го декабря 1766 года Екатерина объявляла объ открытой ею язвѣ русской жизни и о своемъ предназначеніи уврачевать.

„Нынѣ истекаетъ пятый годъ, какъ Богъ единъ и любезное отечество чрезъ избранныхъ своихъ (sic!) вручилъ намъ скипетръ... для спасенія имперіи отъ очевидныя погибели“, говорилось въ этомъ манифестѣ. „...Я поставила себѣ за правило со всевозможнымъ прилежаніемъ входить въ каждое доходившее до меня дѣло и слушать всякія жалобы, чтобъ, съ одной стороны, узнать недостатки, а съ другой — способъ ихъ уничтоженія. Въ

первые три года я узнала, что великое помѣшательство въ судѣ и расправѣ, слѣдовательно, и въ правосудіи, составляетъ недостатокъ во многихъ случаяхъ узаконеній, въ другихъ же великое число оныхъ, по разнымъ временамъ выданныхъ. Также несовершенное различенье между непремѣнными и временными законами, а паче всего, что чрезъ долгое время и частыя перемѣны разумъ (смыслъ), въ которомъ прежнія... узаконенія составлены были, нынѣ многимъ совсѣмъ неизвѣстенъ сдѣлался. Притомъ же и страстные толки („разъясненія“) затмевали разумъ многихъ законовъ; сверхъ того, еще умножила затрудненія разница тогдашнихъ временъ и обычаевъ, несходныхъ вовсе съ нынѣшними... (вслѣдствіе) великихъ предпріятій премудраго... дѣда нашего, Петра I“. Къ этой характеристикѣ состоянія законовъ, унаслѣдованныхъ отъ предшественниковъ, Екатерина могла бы прибавить еще указаніе на хаотическое состояніе законовъ, которые послѣ Уложенія царя Алексѣя нарастали на этомъ кодексѣ безъ всякой системы и согласованности между собою. Однѣхъ такъ называемыхъ „Новоуказныхъ статей“ набралось до полуторы тысячи въ промежутокъ между Уложеніемъ и началомъ единоличнаго царствованія Петра I (1696 г.). Затѣмъ посыпался градъ Петровскихъ указовъ, постановленій, уставовъ и регламентовъ, часто противорѣчившихъ другъ другу и несогласованныхъ между собою за недосугомъ, или „не осмотря того“, по неоднократному признанію самого Петра. Начавшаяся затѣмъ въ „эпоху дворцовыхъ переворотовъ“ ломка Петровскихъ учрежденій и организація пристроекъ и надстроекъ надъ развалинами его сооруженія внесли еще больше путаницы въ этотъ хаосъ, и едва ли кто изъ законовѣдовъ этого времени могъ похвастаться яснымъ знаніемъ русскихъ законовъ, потому что собственно законовъ въ нашемъ смыслѣ слова тогда и не было, а была какая-то муть, изъ которой канцелярскій и судейскій крючокъ могъ вылавливать самый разнообразный матеріалъ для обоснованія своихъ дѣлишекъ на законныхъ основаніяхъ, сегодня такъ, а завтра совсѣмъ наоборотъ, слѣдуя личнымъ побужденіямъ. Подобный дѣлецъ, какъ жаловались современники, „всячески, по своему ябедническому искусству и по частому въ судахъ обращенію, старается судное дѣло волочить и завязывать недѣльными спорами и дальновидными справками и совсѣмъ затмить свою неправду тѣми его хитро сплетаемыми вымыслами“.

Впрочемъ, Екатерина II унаслѣдовала отъ своихъ предшественниковъ не одно только хаотическое состояніе законовъ, но и довольно богатый опытъ способовъ приведенія законодательства въ систему. Не проходило ни одного царствованія, начиная съ Петра I, и даже съ Ѳеодора Алексѣевича, чтобы не создавалось по одной или даже по нѣскольку спеціальныхъ комиссій, имѣвшихъ назначеніе систематизировать русскіе законы, согласовать ихъ и изложить въ новомъ кодексѣ. Смѣнявшія въ это время одна другую комис-

сіи были самыми разнообразными по составу, начиная отъ строго приказнаго элемента (изъ дьяковъ, канцеляристовъ и сановниковъ) и кончая ярко выраженнымъ началомъ выборнаго общественнаго представительства. Такою была, напр., Елизаветинская „комиссія сочиненія Уложенія“ 1754 г., приказный составъ которой съ 1760 г. былъ пополненъ представителями отъ дворянства, духовенства и купечества. Комиссія эта, засѣдавшая еще и при Екатеринѣ, оказалась къ тому же самою продуктивною: она составила 3 части новаго Уложенія: 1) о судѣ (51 гл.); 2) о розыскныхъ дѣлахъ и 3) о состояніи подданныхъ вообще (въ трехъ редакціяхъ изъ 25 гл.). Трудъ этой комиссіи, повидимому, настолько отвѣчалъ запросамъ современнаго ему общества, что отдѣльныя главы Елизаветинскаго Уложенія впослѣдствіи вполнѣ совпали съ требованіями наказовъ, представленныхъ депутатами въ Екатерининскую комиссію. Поэтому-то не совсѣмъ понятно то мимолетное и нѣсколько пренебрежительное отношеніе Екатерины II къ кодификаціонной дѣятельности предшественницъ, которое мы видимъ въ цитированномъ выше манифестѣ 1766 г. Упомянувши коротко объ этихъ работахъ, Екатерина заявляла: „Но какъ всѣ вышепомянутыя намѣренія остались безъ желаемаго успѣха, то мы, усмотря всѣ тѣ же предками нашими примѣченныя неудобства, начали сами готовить Наказъ, по которому должны поступать тѣ, кому отъ насъ повелѣно будетъ сочинить проектъ новаго Уложенія. ...Дабы лучше намъ узнать... нужды и чувствительные недостатки нашего народа, повелѣваемъ прислать“ выборныхъ отъ сословій, состояній и государственныхъ учрежденій.

Н. И. Новиковъ. Левицкаго. (Румянцевскій музей.

Такимъ образомъ, приступая къ столь нашумѣвшему въ свое время въ Россіи и за ея предѣлами составленію новаго Уложенія, „Сѣверная Семирамида“ шла собственно по проторенной дорожкѣ своихъ предшественниковъ и достигла, какъ увидимъ, не бо̀льшихъ сравнительно съ ними результатовъ въ области кодификаціи.

Новой въ предпріятіи Екатерины была попытка заложить въ русское законодательство иныя начала жизни, выработанныя въ XVIII вѣкѣ философской мыслью Запада, и пропустить чрезъ призму этихъ началъ естественные запросы и нужды русскаго государства и общества, какъ они сложились и проявлялись въ это время.

Выраженіемъ этихъ руководящихъ началъ и долженъ былъ служить тотъ самый „Наказъ“, который Екатерина, по ея словамъ, „стала сама готовить“.

Показателемъ же русской дѣйствительности въ ея нормальныхъ проявленіяхъ, долженствующихъ дать конкретный матеріалъ для нормъ новаго Уложенія, должны были, по мысли Екатерины, быть прежде всего наказы избирателей, имѣющихъ послать своихъ депутатовъ въ Комиссію, и участіе этихъ самыхъ депутатовъ въ составленіи проекта новаго Уложенія.

При составленіи своего Наказа Екатерина, по ея собственному признанію, „обобрала президента Монтескье“. Сопоставленіе „Духа законовъ“ Монтескье съ „Наказомъ“ Екатерины подтверждаетъ это признаніе: цѣлыя главы и отдѣльныя статьи Наказа представляютъ подчасъ дословный переводъ знаменитаго труда Монтескье, но признаніе Екатерины не исчерпываетъ всѣхъ источниковъ ея труда: въ статьяхъ Наказа, касающихся, главнымъ образомъ, судопроизводства и уголовнаго права, безпощадно обирался и другой „президентъ“ западной мысли XVIII в. — Беккарія, авторъ знаменитаго сочиненія „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“.

Впрочемъ, Екатерина заимствовала изъ этихъ трудовъ только то, что казалось ей наиболѣе безвреднымъ для самодержавной власти и „естественнаго положенія сего государства“. Уже въ силу этихъ соображеній „президентъ Монтескье“, проводившій идеалъ ограниченной монархіи съ строгимъ раздѣленіемъ властей, не мирившійся даже съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и рисовавшій сословную монархію, ограниченную политическими привилегіями церкви и сословій, въ этой основной части своей политической доктрины былъ неподходящимъ объектомъ обиранія, хотя бы потому, что Екатеринѣ казалась наиболѣе отвѣчающей и „общему благу“, и традиціонной теократической теоріи власти, и естественному положенію сего государства власть самодержавная. Въ Россіи „Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть, не можетъ дѣйствовать съ пространствомъ столь великаго государства“ (§ 9). Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разори-

тельно (§ 11). Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ (§ 12). Такія наставленія о существѣ своей власти даетъ Екатерина своимъ законодателямъ не въ руководство ихъ самостоятельнымъ сужденіямъ по этому вопросу, а въ освѣдомленіе ихъ по существу вопроса, касаться котораго подданнымъ не полагается: вопросъ предрѣшенъ тою, кто „есть источникъ всякія государственныя и гражданскія власти“ и закона (§ 19).

Здѣсь Екатерина молчаливо обираетъ другую философско-юридическую школу, нѣмецкихъ государствовѣдовъ — полицеистовъ, которая за идеальный политическій порядокъ признавала бюрократическое государство во главѣ съ самодержавнымъ просвѣщеннымъ государемъ, ограничивающимъ проявленіе своей власти имъ же установленными и отъ него зависящими учрежденіями, проводящими въ жизнь задачи просвѣщеннаго абсолютизма въ предѣлахъ „всеобщаго блага“ (ср. § 43 Наказа).

И. И. Бецкой.

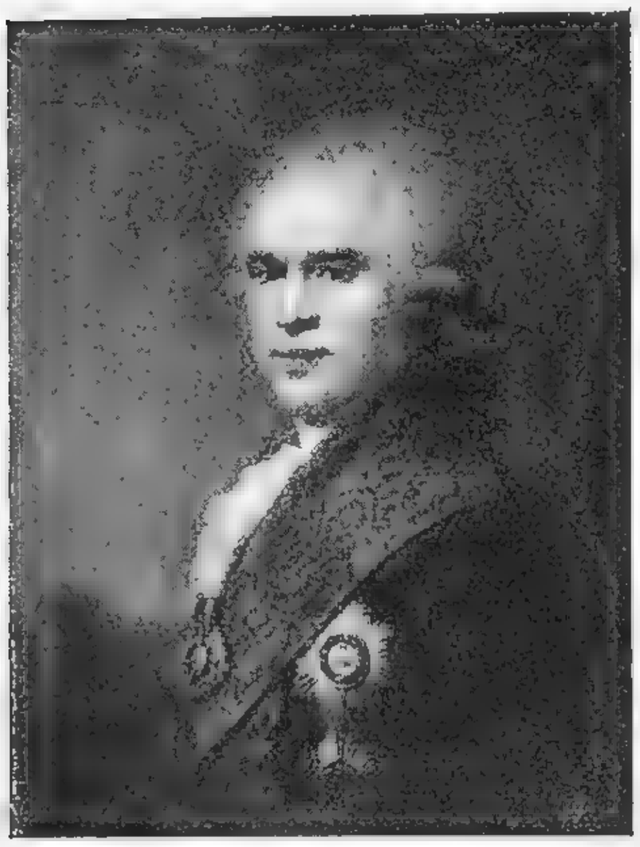
Не даромъ сочиненіе одного изъ видныхъ представителей этой школы, Бильфельда, было переведено на русскій языкъ, по приказанію Екатерины. Такъ составляла „Сѣверная Семирамида“ изъ положеній разныхъ школъ свой знаменитый Наказъ, въ которомъ находятъ, и вполнѣ естественно, много внутреннихъ противорѣчій, но который, благодаря только этой своей компромиссной формѣ, и могъ стать доступнымъ русскому обществу и оказать живое вліяніе на русское законодательство или въ крайнемъ случаѣ на установленіе въ русскомъ обществѣ новыхъ взглядовъ на привычные устои государственной и общественной жизни. Не даромъ впослѣдствіи ораторы Комиссіи такъ удачно и часто оперируютъ мыслями Наказа въ качествѣ аргументовъ въ пользу своихъ положеній.

Размѣры статьи заставляютъ насъ остановиться только на тѣхъ сторонахъ Наказа, которыя наиболѣе соприкасались съ поднятыми въ депутатскихъ наказахъ и въ Комиссіи вопросами русскаго законодательства, то согласуясь съ ними, то становясь къ нимъ въ непримиримое противорѣчіе.

Для сословнаго строя съ привилегированнымъ дворянствомъ во главѣ его особенно любопытны параграфы Наказа „о состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ“ и о соотношеніи разныхъ сословій между собою.

„Надлежитъ, — читаемъ мы въ Наказѣ, — чтобъ законы... предохраняли каждаго особо гражданина. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ“ (§ 33 — 35).

Для русскихъ средины XVIII в., жившихъ сословными интересами и управлявшихся спеціальными для каждаго сословія законами и учрежденіями, приведенныя мысли о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ должны были звучать условно: о какомъ „всеобщемъ равенствѣ“ могла быть рѣчь, когда большая половина населенія была лишена гражданской свободы, а благородное дворянство свысока глядѣло на „подлородныхъ“, хотя бы и свободныхъ согражданъ?



В. С. Поповъ.

Даже мысли Наказа объ источникѣ благородства и знатности шли въ разрѣзъ съ аристократическими тенденціями русскаго шляхетства, несмотря на полувѣковую практику Петровской табели о рангахъ, давшей перевѣсъ „чина“ надъ „благородствомъ“. „Добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства“, читаемъ въ Наказѣ. Мало такихъ случаевъ, которые бы болѣе вели къ полученію чести, какъ военная служба... Однакожъ, и правосудіе не меньше надобно во время мира. А изъ этого слѣдуетъ, что не только прилично дворянству, но и пріобрѣтать сіе достоинство (дворянство) можно и гражданскими добродѣтелями такъ, какъ и военными“ (§ 360—368). Мы увидимъ, какія возраженія вызвала эта точка зрѣнія на пріобрѣтенія правъ благородныхъ въ Наказахъ и въ Комиссіи.

Большой интересъ представляютъ статьи Наказа, касающіяся крѣпостного права. Здѣсь мы находимъ пожеланія императрицы „избѣгать случаевъ, чтобъ не производить людей въ неволю“, „чтобы законы гражданскіе... злоупотребленіе рабства отвращали и предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти“, а также, чтобы „законы... учредили нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“ (§§ 253, 254 и 261).

„У аѳинянъ строго наказывали того, кто съ рабомъ поступалъ свирѣпо,— читаемъ мы въ другихъ параграфахъ Наказа.—Петръ I узаконилъ, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучающіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе; а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно“. Впрочемъ, по мнѣнію Екатерины,

Лампи. Кн. Г. А. Потемкинъ. Румянцевскій Музей.

Privacy Policy

не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“ (§§ 259, 256 и 260). Вотъ то немногое, что осталось въ Наказѣ послѣ пересмотра нѣкоторыми „разномыслящими персонами“, которымъ Екатерина поручила въ с. Коломенскомъ почеркать свои Наказъ въ его первоначальной редакціи. „Болѣе половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено“, писала потомъ Екатерина Даламберу, и дѣйствительно, между бумагами Екатерины найдены отрывки первоначальной редакціи Наказа, и среди нихъ видное мѣсто принадлежитъ вопросу о крѣпостномъ правѣ Здѣсь говорится о желательности освободить рабовъ отъ личной зависимости, оставивъ за помѣщикомъ право на часть его труда, опредѣленную закономъ; о желательности предоставленія крестьянамъ самоуправленія въ области суда и о „приведеніи ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу“.

Г. В. Козицкій.

Выпускъ этихъ мѣстъ первоначальной редакціей, сдѣланный, несомнѣнно, подъ вліяніемъ такихъ критиковъ, какъ поэтъ Сумароковъ [1]), повліялъ на безсвязность статей о крѣпостныхъ и нѣсколько неожиданное заключеніе о нежелательности единовременнаго и массоваго освобожденія крестьянъ указомъ, когда передъ этимъ ни слова не говорилось объ освобожденіи. Но и тѣ отрывки мыслей о крѣпостномъ правѣ и его ограниченіи, какіе сохранились въ печатномъ Наказѣ, были, какъ увидимъ, слишкомъ далеки отъ пожеланій депутатовъ и привезенныхъ ими наказовъ избирателей...

Говоря о Наказѣ, нельзя обойти проводимыхъ имъ взглядовъ на способы пресѣченія и наказанія преступленій: въ этомъ вопросѣ Наказъ всего больше подвергся вліянію гуманизирующихъ идей энциклопедистовъ и, можетъ-быть, всего рѣзче разошелся съ нравами и воззрѣніями русскаго общества на этотъ вопросъ.

Преступленія устраняются просвѣщеніемъ и воспитаніемъ доброй воли, а не жестокостью наказаній, — вотъ основная мысль этой части Наказа.

„Узаконенія должны вселять добрые нравы во гражданъ, а не приводить духъ въ уныніе казнями... Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ

---

[1]) «Сдѣлать крѣпостныхъ людей вольными нельзя,—писалъ Сумароковъ:—скудные люди ни повара, ни лакея, ни кучера имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, вотчины превратятся въ опаснѣйшія жилища, ибо они (помѣщики) будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ».

поношенія суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій... Послабленія — не въ слабости наказаній, а въ неумѣренности ихъ. Ежели найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суровыми казнями, вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя преступленія. Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить“ (§§ 81, 83, 88, 90 и 96).

Поучительны взгляды Наказа на смертную казнь. По мнѣнію Екатерины, „опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими... Двадцать лѣтъ государствованія Елизаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія“ (§ 210).

Тѣмъ менѣе терпимыми кажутся Екатеринѣ пытки. „Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію; само человѣчество... требуетъ, чтобы она была вовсе уничтожена... Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго“ (§§ 123 и 194).

Непреложной, но и доселѣ непризнанной истиной звучатъ слова Наказа о религіозной терпимости. „Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ—запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ... Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца и отводитъ ихъ отъ застарѣлаго упорства, утушая споры ихъ, противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ“ (§§ 494, 496).

Вотъ тѣ новыя начала, которыя, по мысли Екатерины, должны служить путеводною звѣздой для тѣхъ, „кому повелѣно будетъ сочинять проектъ новаго Уложенія“.

Но кто же эти сочинители?

Манифестомъ и приложенными къ нему разъясненіями представлялось населенію избрать въ шестимѣсячный срокъ депутатовъ на 1767 г. отъ Сената, Синода, коллегій и всѣхъ канцелярій, кромѣ областныхъ, „также изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ имперіи“.

По-уѣздно избирали собственно одни только дворяне. Въ назначенный день они должны были съѣхаться и по принесеніи присяги выбрать „предводителя дворянства“, подъ предсѣдательствомъ котораго и происходили затѣмъ какъ выборы депутата, такъ и выработка для него наказа. Остальные уѣздные люди (государственные крестьяне, однодворцы, казаки, осѣдлые инородцы и др. свободные) выбирали по погостамъ своихъ повѣренныхъ, которые, собравшись въ уѣздномъ центрѣ, избирали уже отъ себя повѣрен-

наго, и только эти повѣренные отъ уѣздовъ выбирали уже депутата отъ провинціи. Такимъ образомъ выборы здѣсь были трехстепенные.

Городамъ не всѣмъ вмѣнялось въ обязанность посылать своихъ депутатовъ: мелкіе города имѣли право уклониться отъ выборовъ; но населенные города обязательно должны были выбрать своего депутата, при чемъ выборы здѣсь были всесословные (по крайней мѣрѣ въ столицахъ) и чаще всего двухстепенные. Городскіе избиратели въ первую очередь выбирали „городского голову“, подъ предсѣдательствомъ котораго и совершалась дальнѣйшая процедура выбора депутата и составленія для него наказа. Не безынтересно отмѣтить, что одинъ депутатъ посылался такими городами, какъ Москва и Петербургъ, съ одной стороны, и Веневъ съ Васильсурскомъ—съ другой. Совсѣмъ были устранены отъ права выборовъ крѣпостные крестьяне и духовенство. Право участія въ выборахъ обусловливалось возрастнымъ цензомъ (25 лѣтъ для дворянъ и городскихъ избирателей и 30 лѣтъ — для остальныхъ) и довольно неопредѣленнымъ цензомъ экономическимъ (дѣйствительный землевладѣлецъ или домовладѣлецъ). Для депутата требовался возрастный цензъ не моложе 30 лѣтъ, семейный (женатый или вдовецъ, имѣющій дѣтей) и нравственный („честный и незазорнаго поведенія“).

Гр. П. И. Шуваловъ.

Достоинство депутатовъ ограждалось особыми привилегіями. Помимо нашейнаго значка съ надписью: „Блаженство каждаго и всѣхъ“, депутатъ получалъ освобожденіе отъ смертной казни, пытокъ и тѣлеснаго наказанія „во всю жизнь, въ какое ни впалъ бы прегрѣшеніе“; нарушитель правъ депутата карался за свой проступокъ вдвое противъ обыкновеннаго; имущество депутата освобождалось отъ конфискаціи, хотя и не освобождалось отъ продажи за долги. „Сихъ депутатовъ, — объявляла Екатерина, — мы созываемъ не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они имѣютъ быть въ комиссію для заготовленія проекта новаго Уложенія... Симъ учрежденіемъ,—торжественно заявляла Екатерина,—нашему

народу опытъ даемъ нашего чистосердечія, великія довѣренности къ оному и прямыя материнскія любви“...

Общество, особенно центральныхъ, великороссійскихъ областей, откликнулось весьма сочувственно и съ сознаніемъ важности дѣла на призывъ Екатерины. Видимо, прошли тѣ времена, когда въ 1728 г. приходилось заманивать выборныхъ отъ дворянства въ подобную комиссію обѣщаніемъ „жалованья на полгода, по полтинѣ на человѣка въ день изъ неокладныхъ“, гоняться за выборными съ солдатами, или разыскивая ихъ съ цѣлью арестомъ привлечь къ исполненію депутатскихъ обязанностей, или угрожая взять жену и дѣтей и крѣпостныхъ депутата подъ караулъ, чтобъ хотя такимъ путемъ вызвать народнаго избранника изъ бѣговъ. Были и теперь курьезные случаи уклоненія отъ избирательныхъ правъ по недоразумѣнію или изъ опасенія грядущихъ для избранниковъ бѣдъ. Такъ, жители г. Енисейска выбрали ненавидимаго ими дворянина Самойлова, думая такимъ образомъ подвести его подъ обухъ. Несочувственно отозвались на призывъ Екатерины и сыны Украйны. По словамъ генералъ-губернатора Малороссіи, Румянцева, „новый проектъ Уложенія не произвелъ здѣсь во многихъ большихъ (sic) такого дѣйства и в. и. в. благоволенія... Многимъ всякій законъ и указъ государскій кажется нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей; отзывы же у всѣхъ одни: зачѣмъ бы намъ тамъ и быть,—наши законы весьма хороши, и буде депутатамъ быть, конечно, уже надобно, только развѣ бъ искать правъ и привилегій подтвержденія“. У малороссовъ такъ же, какъ и у остзейскихъ бароновъ, были свои мѣстныя побужденія не ждать ничего добраго отъ затѣи все нивеллирующаго центра...

Совсѣмъ иначе отнеслись къ призыву Екатерины центральныя великорусскія области. Съ большимъ подъемомъ и восторженной благодарностью иниціаторшѣ дѣла проходили здѣсь выборы и составленія наказовъ.

Всѣхъ депутатовъ было выбрано 564; изъ нихъ—городскихъ 208 (39 %), дворянскихъ 161 (30%), отъ свободнаго крестьянства 79 (14%), отъ казаковъ 54, отъ иновѣрцевъ 34 и, наконецъ, отъ государственныхъ учрежденій 28.

Впрочемъ, цифры эти не даютъ еще полнаго представленія о сословномъ составѣ выборныхъ, потому что многіе города послали своими депутатами не представителей торговаго сословія, какъ слѣдовало бы ожидать, но чаще всего дворянъ или важныхъ чиновниковъ мѣстнаго административнаго міра; естественно, что число депутатовъ изъ „благородныхъ“ было гораздо больше 161 (дворянскихъ депутатовъ).

30 іюля 1767 г. депутаты собрались въ Москву, гдѣ и были представлены императрицѣ, а 31 іюля состоялось въ Грановитой палатѣ первое засѣданіе Комиссіи, въ которомъ и былъ избранъ „маршалъ“ (предсѣдатель) Комиссіи не безъ косвеннаго давленія Екатерины. Избранникомъ оказался боевой генералъ Бибиковъ. Въ помощь общей „Большой комиссіи“, согласно

данному Екатериной „обряду управленія Комиссіи“, были организованы три спеціальныхъ комиссіи: 1) дирекціонная, обязанная руководить ходомъ всего дѣла и создавать, сообразно потребностямъ, другія спеціальныя комиссіи. 2) экспедиціонная, съ редакціонными обязанностями, и 3) комиссія по разбору депутатскихъ наказовъ. Послѣ были организованы еще 4 малыхъ комиссіи по разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ.

Комиссія засѣдала въ Москвѣ 4 мѣсяца, послѣ чего была переведена въ Петербургъ, гдѣ просуществовала до 18 дек. 1768 г., когда послѣдовалъ указъ о временномъ роспускѣ ея, подъ предлогомъ начавшейся турецкой войны, отвлекавшей многихъ депутатовъ изъ военныхъ. Хотя послѣ Комиссія больше и не созывалась, но $1^1/_2$ года ея работъ не были пустымъ мѣстомъ въ исторіи русскаго законодательства и самосознанія. „Комиссія Уложенія,—признавалась потомъ сама Екатерина, — бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно“.

П. П. Шуваловъ.

Изданные въ наше время депутатскіе наказы и протоколы засѣданій Комиссіи вполнѣ подтверждаютъ эту оцѣнку ея значенія. Еслибы даже не состоялось ни одного засѣданія Комиссіи, одного „свѣта и свѣдѣнія“ депутатскихъ наказовъ было бы вполнѣ достаточно, чтобы предъ нами ярко предстала Россія средины XVIII в. во всемъ многообразіи проявленій ея общественной, экономической и государственной жизни.

Наказовъ этихъ было доставлено въ Комиссію около полуторы тысячи: дворянскихъ 165, городскихъ — 210 и крестьянскихъ, казацкихъ, иновѣрческихъ—1066.

Не во всѣхъ этихъ наказахъ ихъ сочинители выполнили предложеніе Екатерины „внести всѣ свои нужды, какія захотятъ представить“, не касаясь дѣлъ „партикулярныхъ“, которыя подвѣдомственны мѣстнымъ учрежде-

ніямъ. Очень многіе наказы, особенно крестьянскіе, какъ разъ и заполнены этими „партикулярными“ нуждами „погоста“; но зато другіе наказы представляютъ яркую картину жизни той среды, въ ея повседневныхъ явленіяхъ и идеалахъ, отъ имени которой выражали свои пожеланія авторы наказовъ. Передъ нами развертывается жизнь Россіи въ одинъ изъ самыхъ напряженныхъ моментовъ сословной борьбы, когда одни сословія уже замуравлены въ фундаментѣ крѣпостного государства, другія стоятъ на рубежѣ свободы и пытаются выбраться на поверхность чрезъ плечи и головы побѣжденныхъ, третьи, торжествующіе, ревниво оберегаютъ свои привилегіи отъ нарождающихся конкурентовъ, пытаясь расширить за ихъ счетъ свои пріобрѣтенія и сузить свой кругъ отъ вторгающихся въ него „выскочекъ“.

Предъ нами дворянскіе наказы. Можно заранѣе догадаться, о чемъ будутъ просить „первенцы земли русской“. Эпоха дворцовыхъ переворотовъ имъ пошла впрокъ: дворянство добилось освобожденія отъ обязательной службы и получило почти неограниченную власть въ крѣпостной деревнѣ съ правомъ эксплуатаціи сельскаго труда въ свою пользу. Объ укрѣпленіи за собою завоеванныхъ позицій и о расширеніи этой соціально-экономической власти за счетъ еще свободнаго крестьянскаго труда и противъ нарождающагося хозяйственнаго конкурента въ лицѣ капиталиста—фабриканта и кулака — скупщика сельскихъ продуктовъ и будетъ теперь ратовать торжествующее сословіе. И дѣйствительно, многіе дворянскіе наказы въ унисонъ требуютъ изолировать непроницаемыми перегородками дворянство отъ другихъ сословій: „корпусъ дворянства отдѣлить правами и преимуществами отъ прочихъ разнаго рода и званія людей“ (Болховской наказъ). — Больше того, достигшій соединенными усиліями преобладанія въ семьѣ русскаго общества классъ теперь разслаивается на его исторически—составные элементы: старая родовитая знать брезгливо осматривается на своихъ собратьевъ, достигшихъ дворянства „выслугой“ и „чинами“ по „Табели о рангахъ“ и требуетъ въ дворянскихъ родословныхъ книгахъ отдѣлить „благородныхъ“ отъ „подлородныхъ“ дворянъ“. Для полнаго „золотого состоянія“ дворянству недоставало нѣкоторыхъ привилегій по суду и личнымъ повинностямъ, и дворянство „едиными усты“ проситъ „отличить дворянъ отъ простыхъ людей“ освобожденіемъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, пытокъ, конфискаціи имущества, а также отъ такихъ повинностей, какъ сборы съ бань, съ мельницъ, отъ постойной повинности и др. Рядомъ съ этими личными привилегіями дворяне умилительно хлопочутъ объ облегченіи участи „бѣднаго, для претерпѣнія созданнаго трудника“, крѣпостного крестьянина, который стонетъ подъ тяжестью государственныхъ налоговъ и повинностей и часто вынужденъ бѣжать, разоряя тѣмъ своего помѣщика, „терзающагося жалостью“ къ „бѣднымъ трудникамъ“, а потому, во имя гуманныхъ побужденій, дворяне просятъ освободить своихъ крестьянъ,—нѣтъ, не отъ крѣпост-

ного права, а отъ подушной подати, отъ рекрутской повинности, отъ постойной, подводной, подорожной и другихъ многочисленныхъ повинностей, отвлекавшихъ крестьянъ столько же отъ своего хозяйства, сколько и отъ эксплуататорскихъ правъ помѣщика на трудъ и собственность крестьянъ. Но мы жестоко ошиблись бы, еслибы въ этихъ ходатайствахъ дворянъ объ облегченіи участи крѣпостныхъ отъ государственныхъ тягостей впдѣли, дѣйствительно, гуманное отношеніе къ крѣпостнымъ. Ходатайство ихъ за крестьянъ, когда интересы крестьянскіе совпадаютъ съ интересами крѣпостниковъ, направляются грубо и цинично противъ крестьянъ, когда заходитъ рѣчь о „безотрицательномъ повиновеніи“ послѣднихъ своимъ господамъ. Екатерина, повторявшая слова западныхъ философовъ просвѣщенія о безсмысленности жестокихъ и вредѣ неумѣренныхъ наказаній, должна бы была безнадежно опустить руки, прочтя слѣдующій, напримѣръ, доморощенный рецептъ курскихъ дворянъ противъ крестьянскихъ побѣговъ: „подговорщиковъ и бѣглыхъ за первый побѣгъ — бить кнутомъ и штемпелевать лобъ и щеки, за второй — бить кнутомъ и обрѣзать носъ до кости, а затѣмъ сослать въ вѣчныя каторжныя работы съ зачетомъ въ рекруты“, — не забываютъ добавить въ свою пользу курскіе дворяне. Не желая видѣть въ ужасахъ крѣпостного права главнаго возбудителя соціальной ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ, дворянство рекомендуетъ Екатеринѣ, вопреки мыслямъ Наказа, усилить практику смертной казни за убійства, и ввести пытки въ качествѣ устрашающаго преступниковъ средства. Одичаніе крѣпостниковъ дошло до того, что они не шутя рекомендуютъ правительству подумать, какъ бы „вовсе истребить раскольниковъ“, и это не столько въ силу своей религіозной нетерпимости, религія здѣсь только предлогъ къ лютой свирѣпости, а по соображеніямъ экономическаго характера: раскольники подбивали крестьянъ къ побѣгамъ. Ограждая такъ свои личные и имущественные интересы, помѣщики вмѣстѣ съ тѣмъ протягивали свои руки и въ чужіе огороды. Свободные государственные крестьяне были у

Гр. А. П. Шуваловъ.

нихъ бѣльмомъ на глазу, а потому въ нѣкоторыхъ наказахъ предлагается очень простой способъ избавиться отъ свободной „подлости“: переселить государственныхъ крестьянъ подальше отъ крѣпостныхъ усадебъ, а земли ихъ распродать помѣщикамъ.

Еще съ большей ненавистью относится дворянство къ „подлымъ“ фабрикантамъ и купцамъ, съ вожделѣніемъ поглядывая на доходы и экономическіе успѣхи этого класса. И вполнѣ понятно: фабрикантъ и купецъ перехватывалъ „укрухи“ изъ хозяйства помѣщика. По выраженію одного наказа, фабрика была главнымъ „каналомъ“, которымъ безслѣдно утекали бѣглые крестьяне изъ помѣщичьихъ владѣній.

Искать судомъ бѣглаго съ фабрики было чрезвычайно трудно, потому что фабриканты были подсудны мануфактуръ- и бергъ-коллегіямъ, до которыхъ иному запольному помѣщику было далеко... Кромѣ того, фабриканты владѣли селами и крестьянами на правахъ приписанныхъ къ фабрикѣ или по фиктивнымъ купчимъ на имя дворянъ, и этимъ опять-таки наносили „поруху чести“ благородному дворянству, считавшему землевладѣніе и душевладѣніе своей привилегіей. Наконецъ, торговыя и промышленныя преимущества купечества и фабрикантовъ также возбуждали аппетиты дворянства, просившаго въ своихъ наказахъ себѣ и своимъ крестьянамъ торговыхъ и промышленныхъ правъ въ ущербъ купечеству и фабрикантамъ.

Таково, напр., требованіе одного наказа: запретить купцамъ открывать лавки до полудня, пока крестьяне, привезшіе на рынокъ продукты сельскаго хозяйства, не распродадутъ ихъ.

Городскіе наказы не остались въ долгу передъ дворянскими. Торговый и промышленный классъ такъ же, какъ и дворяне, стремится замкнуться въ тѣсныхъ рамкахъ своихъ правъ и преимуществъ, отмежевавшись отъ опасныхъ и властныхъ конкурентовъ. Чувствуется нарожденіе новой силы, сознающей свои собственные интересы, въ наказахъ городскихъ жителей. „Купеческимъ правомъ должны пользоваться только одни купцы“—вотъ общій лозунгъ этихъ наказовъ. Отсюда вполнѣ понятно требованіе этихъ наказовъ о совершенномъ запрещеніи торговли и фабричной дѣятельности дворянамъ, разночинцамъ и крестьянамъ. Тягловые мотивы съ ихъ круговой порукой вызываютъ потребность у купечества прекратить ослабляющій городское населеніе выходъ купечества и промышленниковъ изъ ихъ состоянія, замкнуть промышленную жизнь въ цеховыхъ рамкахъ, удержать въ общемъ городскомъ строѣ вырывающійся поверхъ города классъ фабрикантовъ, съ его привилегированною подсудностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ слышатся голоса въ пользу расширенія правъ и привилегій городскихъ классовъ отчасти за счетъ другихъ сословій. Не ограничиваясь просьбами объ отмѣнѣ подушной подати, рекрутской, подводной повинности, объ увольненіи отъ службы при казенныхъ сборахъ, городскіе наказы требуютъ для купечества отмѣны

тѣлесныхъ наказаній, неприкосновенности купеческаго жилища, усиленія наказаній за поношеніе „сорокаалтынниковъ“, хотя бы до половины штрафа за оскорбленіе дворянина; наконецъ, нѣкоторые наказы просятъ о правѣ купечества носить шпаги и владѣть крѣпостными имѣніями.

Уже этотъ краткій перечень содержанія двухъ группъ наказовъ господствующихъ сословій тогдашней Россіи ясно вскрываетъ сословный антагонизмъ русскаго общества, освѣщенный доставленными въ комиссію наказами. Съ другой стороны, очевидна отсюда также и та пропасть, которая лежала между началами Екатерининскаго Наказа, дышавшаго вѣяніемъ передовой западной мысли, и началами русской дѣйствительности, такъ рельефно и безхитростно отраженными въ депутатскихъ наказахъ.

П. И. Шуваловъ.

Въ Комиссіи былъ установленъ порядокъ предъ началомъ каждаго засѣданія читать Екатерининскій Наказъ въ отдѣльныхъ его главахъ.

Странное впечатлѣніе должны были получать депутаты Комиссіи, которымъ приходилось по выслушаніи Екатерининскаго Наказа внимать затѣмъ депутатскимъ наказамъ отъ дворянъ, горожанъ, крестьянъ и т. д. и прослушивать затѣмъ главы изъ русскихъ законовъ по затронутымъ въ Комиссіи вопросамъ. Такъ противорѣчиво и на разныхъ языкахъ говорили собравшіеся сюда люди, такъ несоединимы были ихъ интересы и стремленія. Что же удивительнаго, если въ Комиссіи возгорались пренія, обнаруживавшія страстность непримиримыхъ точекъ зрѣнія, если здѣсь на молчаливой въ теченіе сотни лѣтъ русской политической трибунѣ заговорили ораторы краснорѣчиво и сильно, безъ парламентской практики, а только подъ вліяніемъ сильно задѣтыхъ интересовъ и пробужденнаго противоположными сужденіями самосознанія.

Я приведу здѣсь нѣсколько образцовъ преній въ Комиссіи, чтобы иллюстрировать эту сторону ея занятій.

Возникъ вопросъ о томъ, быть или не быть Петровской Табели о рангахъ, дававшей дворянство по выслугѣ и чину въ объемѣ правъ благороднорожденныхъ. „Чинъ“ столкнулся съ „благородствомъ“, и полился страстныя рѣчи. Въ Комиссіи преобладали, повидимому, сторонники „чина.“ Яркую

рѣчь въ защиту „чина“ произнесъ депутатъ Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ отъ шляхетства П. Мотонисъ: „Всякое поколѣніе дворянъ имѣло и имѣетъ свое начало,—говорилъ онъ,—съ тѣмъ только различіемъ, что одно получило его ранѣе, другое—позже; всѣ же сходствовали въ томъ, что добродѣтель и заслуги возводили ихъ на ту степень достоинства. Эти два похвальныя качества могутъ быть оказаны не только во время войны, но и во время мира... Государь, какъ отецъ, любитъ равномѣрно всѣхъ своихъ подданныхъ; люди всѣхъ состояній суть его дѣти. Онъ же смотритъ на любовь къ отечеству каждаго, на ревность его къ службѣ и вѣрность къ своей особѣ, и за отмѣнныя добродѣтели и заслуги награждаетъ возведеніемъ изъ низшаго чина въ высшій. Такимъ образомъ, учредилось отъ древнихъ временъ вездѣ и у насъ, въ Россіи, дворянство... Императоръ Петръ Великій, издавъ узаконеніе, черезъ которое оберъ-офицерскій чинъ въ военной, а штабъ-офицерскій въ гражданской службѣ, возводитъ на степень дворянства, какъ кажется, не сдѣлалъ что-либо новое, но только утвердилъ давнее въ Россіи обыкновеніе“. Ораторъ, впрочемъ, идетъ дальше въ своей защитѣ „подлородныхъ“ отъ спеси благородныхъ. По его мнѣнію, всѣ честные труженики—достойные люди: „Подлаго нѣтъ у меня никого. Земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, — всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ. Подлы тѣ только, которые имѣютъ дурныя свойства, производятъ дѣла, противныя законамъ“...

Эти и подобныя рѣчи задѣли за живое защитника аристократическихъ традицій, лучшаго оратора Комиссіи, кн. М. М. Щербатова.

По [словамъ журнала засѣданій Компссіи, „съ крайнимъ движеніемъ духа, что по произношенію голоса примѣтить можно было“, произнесъ свою горячую рѣчь авторъ книги: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“.

„Весьма удивляюсь,—говорилъ онъ,—что г. депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія россійскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ мнѣ довольно указать на историческія событія. Одни россійскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика, и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя Владимира; другіе выѣхавшіе знатные люди берутъ свое начало отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи, хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ россійскимъ, считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканія подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги! Какъ не вспомнитъ она пролитую кровь сихъ достойнѣйшихъ му-

жей! Будь мнѣ свидѣтелемъ, дражайшее отечество, въ услугахъ, тебѣ оказанныхъ вѣрными твоими сынами—дворянами древнихъ фамилій! Вы будьте мнѣ свидѣтели, самыя тѣ мѣста, гдѣ мы, по волѣ нашей монархини, матери отечества, для нашего благополучія собраны! Не вы ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были ли посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? То вѣрныя твои чада, древніе россійскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнью, они пріобрѣли тебѣ прежнюю вольность. Мнѣ мнится зрѣть еще текущу кровь достойныхъ сихъ мужей и напоминающу ихъ потомкамъ то же исполнять и такъ же жертвовать своею жизнію отечеству, какъ они учинили. Вотъ первое право требованія дворянъ древнихъ родовъ, чтобы никто съ ними безъ высочайшей власти не былъ сравненъ. Но они, сего любовію побужденные, не затворяютъ надменностію врата для доблести, а хотятъ, чтобы желающіе войти къ нимъ въ собратство удостоились того истинною добродѣтелью, которую бы самъ монархъ увѣнчалъ дворянскимъ званіемъ“.

Кн. М. М. Щербатовъ.

Столкнулись депутаты Комиссіи и изъ-за „черной кости“. Поднятъ былъ вопросъ о правѣ фабрикантовъ на владѣніе крѣпостными. Купечество въ свою пользу приводило интересы промышленности. Дворянскіе депутаты въ своихъ отвѣтахъ сумѣли перенести вопросъ на такую благородную почву, апеллировали къ такимъ высокимъ аргументамъ, что, дѣйствительно, могли показаться въ своемъ ораторскомъ увлеченіи искренними борцами за свободу и филантропію. Щербатовъ поднялъ вопросъ по этому поводу: „Допустимо ли, чтобы равный равнаго могъ имѣть у себя въ неволѣ?“ и отвѣчалъ: „Обратимъ взоры наши на человѣчество и устыдимся объ одномъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и поодиночкѣ былъ продаваемъ. Древнія времена, не просвѣщенныя чистымъ нравоученіемъ, приводятъ насъ въ ужасъ, когда вспо-

мнимъ, что людей, какъ скотину, по торгамъ продавали. Если невольнику приключался какой-либо вредъ, то не болѣзнь его и страданіе, но убытокъ господскій принимался во вниманіе, и за него законы принуждали къ платежу. Мы люди, и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако мы не должны забывать, что и они суть равное намъ созданіе. Но съ этимъ неоспоримымъ правиломъ будетъ ли сходствовать такой поступокъ, когда господинъ, единственно для своего прибытка, возьметъ отъ родителей, отъ родственниковъ, или отъ дома, кого-либо мужскаго или женскаго пола и, подобно скотинѣ, продастъ его другому?... Отъ одного этого изображенія вся кровь во мнѣ волнуется, и я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная Комиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей поодиночкѣ безъ земли".

Настоящая цѣна пафоса этой рѣчи выясняется изъ того, что по ея смыслу выходитъ, будто розничная продажа крѣпостныхъ практикуется только на фабрикахъ, принадлежащихъ купцамъ. О розничной продажѣ крестьянъ между помѣщиками кн. Щербатовъ скромно умалчиваетъ. Онъ даже склоненъ думать, что крѣпостнымъ рабочимъ гораздо лучше живется на фабрикахъ помѣщичьихъ, чѣмъ купеческихъ.

Когда въ отвѣтъ на его рѣчь, рисующую тяжелое положеніе крестьянъ на купеческихъ фабрикахъ, депутатъ г. Серпейска указалъ, что дворяне такъ же безплатно эксплуатируютъ трудъ крѣпостныхъ на своихъ фабрикахъ, Щербатовъ опять пришелъ въ благородное негодованіе. „Не могу оставить безъ упоминанія о мнѣніи, (будто) дворяне, при постройкѣ фабрикъ, отягощаютъ своихъ крестьянъ, и притомъ въ рабочую пору. Какъ ни чуднымъ кажется это мнѣніе,—иронизируетъ Щербатовъ,—но, почитая въ господинѣ депутатѣ избравшее его общество, я не думаю, чтобы онъ, послѣ принесенной имъ присяги, сказалъ что-либо несправедливое... Можетъ-быть, ему случилась видѣть на свѣтѣ такія беззаконія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы чей-либо непристойный поступокъ могъ служить доказательствомъ для обвиненія всего (дворянскаго) общества".

Впрочемъ, въ Комиссіи раздались и довольно искренніе голоса въ пользу крестьянъ, затонувшіе, впрочемъ, въ хорѣ крѣпостническихъ настроеній. Обсуждался вопросъ о бѣглыхъ. Крѣпостники, какъ мы видѣли выше, усматривали причину зла въ обремененіи крестьянъ государственными повинностями и предлагали жестокія мѣры наказанія, какъ сдерживающее побѣги средство. И у одного только депутата Коробьина (отъ Козловскаго дворянства) нашлось гражданское мужество указать Комиссіи на настоящій корень зла. Тяжесть барщины и помѣщичьихъ повинностей, разграбленіе помѣщиками крестьянскаго имущества, отдача дворянами крестьянъ своимъ кредиторомъ для отработки процентовъ по обязательствамъ—всѣ эти случаи,—утверждалъ Коробьинъ,—и являются главнымъ побужденіемъ для крестьянъ оставлять свои дома и помѣщика. Не въ наказаніяхъ, а въ огра-

ниченіи законами власти помѣщиковъ надъ имѣніемъ ихъ крестьянъ видѣлъ Коробьинъ настоящее средство пресѣченія побѣговъ.

18 членовъ Комиссіи высказались противъ мнѣнія Коробьина и только три за него. Одинъ изъ оппонентовъ Коробьина, между прочимъ, заявилъ, что принятіе положеній Коробьина „не оставляетъ другого способа, какъ сдѣлать крестьянъ свободными, еслибъ на то монаршее было соизволеніе", но сдѣлать это можно только исподволь.

Почему Комиссія, столь плодотворная и по доставленнымъ свѣдѣніямъ, и по техникѣ своихъ работъ [1]), была распущена и не собрана вновь для окончанія своей задачи?

Гр. А. Г. Разумовскій.

Конечно, не въ одной войнѣ тутъ дѣло: война кончилась, а Комиссія не была вновь созвана. Одни видятъ причины этого явленія въ томъ, что слишкомъ громоздко было по своему составу и организаціи это учрежденіе, чтобы можно было отъ него ждать завершенія такой сложной и требующей сосредоточенной и систематической работы, какъ кодификація. Другіе обвиняютъ президіумъ Комиссіи въ неумѣніи поставить ея работы планомѣрно и сосредоточить вниманіе депутатовъ на одной сторонѣ ихъ, привести къ завершенію одинъ вопросъ прежде, чѣмъ приступить къ другому, на самомъ же дѣлѣ обсужденіе вопросовъ шло безъ всякой системы, и одинъ вопросъ смѣнялся другимъ безъ всякой послѣдовательности и законченности. Ставятъ также въ упрекъ и самой Екатеринѣ, что она, вмѣсто того, чтобы дать на обсужденіе Комиссіи готовый проектъ Уложенія, какъ это сдѣлалъ въ свое время Алексѣй Михайловичъ, самой Комиссіи поручила это дѣло, что обычно не дѣлается даже въ современныхъ опытныхъ законодательныхъ собраніяхъ. Своевременно замѣченная Екатериною ошибка и была причиною роспуска Комиссіи. Отмѣчаютъ также и что, что члены Комиссіи подчасъ вторгались въ заповѣдныя области (вопросъ крестьянскій, о привилегіяхъ Малороссіи, Остзейскаго края) и своими жаркими выступленіями без-

[1]) Екатерина писала потомъ: комиссія „всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ" и „болѣе того бы сдѣлала, ежели бы Турецкая война не началась",—и это въ $1^1/_2$ года.

покоили ту, которая дрожала отъ тѣни покушенія на ея самодержавную власть. Возможно, что всѣ эти предположенія имѣютъ за собою долю истины; главная же причина того, что Комиссія не была вторично созвана, думается, въ томъ, что Екатерина получила отъ нея тотъ „свѣтъ и свѣдѣнія“, которыхъ ей до сихъ поръ недоставало, и могла теперь самостоятельно, бюрократическимъ путемъ, пойти по тому пути, который такъ ясно былъ освѣщенъ Комиссіей и наказами, не рискуя подвергать свое положеніе могущимъ воспослѣдовать неожиданностямъ отъ столь авторитетнаго и подчасъ властнаго собранія, какимъ иногда себя проявляла Комиссія.

Не слѣдуетъ забывать также и той непримиримой розни сословныхъ интересовъ, которая такъ наглядно обнаружилась въ депутатскихъ наказахъ и въ преніяхъ въ Комиссіи.

Какъ извѣстно, французскіе генеральные штаты закончили свое существованіе подобной соціальной розни, какою начала свою дѣятельность Екатерининская Комиссія.

В. Улановъ.

Гр. П. А. Зубовъ.

Учрежденіе объ управленіи губерній и жалованныя граматы Екатерины II.

I.

Внѣшняя политика отвлекла Екатерину отъ законодательной дѣятельности. Но послѣ того, какъ окончилась первая турецкая война и произошелъ первый раздѣлъ Польши, Екатерина вновь стала посвящать свое время законодательству, начала усиленно заниматься „лежизляціей“, какъ она выражалась.

Работы Комиссіи по составленію проекта новаго Уложенія прекратились въ концѣ 1768 г. Если Комиссія и не исполнила своей прямой задачи и не составила новаго Уложенія, то все же труды ея не пропали безрезультатно. Сама Екатерина, вспоминая дѣятельность Комиссіи, говорила, что „Комиссія Уложенія подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно“. Послѣ роспуска Большой Комиссіи въ Петербургѣ остались малыя комиссіи, которыя общая Комиссія выдѣлила изъ себя. Въ нихъ былъ подготовленъ большой запасъ законодательнаго матеріала, которымъ и воспользовалась Екатерина для своей позднѣйшей законодательной работы. На этихъ матеріалахъ малыхъ комиссій были въ значительной степени основаны три важныхъ законодательныхъ акта:

1) Учрежденіе объ управленіи губерніи, обнародованное въ 1775 году, 2) жалованная грамата дворянству и 3) жалованная грамата городамъ (и та и другая граматы были даны въ апрѣлѣ 1785 года).

Основы для своихъ реформъ Екатерина беретъ изъ желаній мѣстныхъ обществъ, выраженныхъ въ Комиссіи, и тѣхъ правилъ, которыя она усвоила изъ западно-европейской литературы, почему эти реформы и представляютъ большой интересъ сочетанія западно-европейскихъ началъ съ требованіями русской дѣйствительности. Съ этой точки зрѣнія мы ихъ и разсмотримъ.

Остановимся сначала на „Учрежденіи объ управленіи губерній“. Реформа 1775 года касалась какъ областного раздѣленія, такъ и областного управленія. Перемѣна въ областномъ раздѣленіи заключалась въ томъ, что основная областная единица — губернія была сдѣлана болѣе мелкой. Число губерній было увеличено съ 20 до 50. Губернія по новому раздѣленію должна была заключать въ себѣ отъ 300 до 400 тысячъ жителей. Она распадалась на уѣзды съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждый уѣздъ включалъ въ себя отъ 30 до 40 тысячъ жителей. Число уѣздовъ благодаря этому увеличилось вдвое, и уѣздъ сталъ также гораздо болѣе мелкой единицей. Въ основу того и другого дѣленія легъ тотъ же статистическій принципъ, который былъ положенъ и въ основу административнаго дѣленія Франціи въ эпоху революціи, въ обоихъ случаяхъ стирая прежнее историческое областное дѣленіе. Такъ Екатерина завершила работу, начатую Петромъ Великимъ, взявшимъ статистическій фактъ, количество народонаселенія за основу своего дѣленія Россіи на провинціи, введенныя имъ въ 1719 году.

Вмѣстѣ съ новымъ областнымъ раздѣленіемъ реформа 1775 года вводила и новое областное управленіе. Устройство управленія было кореннымъ образомъ измѣнено. Во главѣ губерніи законъ 1775 года ставилъ генералъ-губернатора съ очень обширной властью. Его обязанности заключались, во-первыхъ, въ наблюденіи за дѣйствіями всѣхъ остальныхъ должностныхъ лицъ въ губерніи и за исполненіемъ закона — и въ этомъ именно смыслѣ „Учрежденіе“ и называетъ его „оберегателемъ закона“; во-вторыхъ, на генералъ-губернатора возлагалось попеченіе о благѣ населенія: являясь агентомъ центральнаго правительства, генералъ-губернаторъ въ то же время былъ „ходатаемъ за пользу общую, заступникомъ утѣсненныхъ и побудителемъ безгласныхъ дѣлъ“, т.-е. такихъ дѣлъ, въ которыхъ въ качествѣ истца или обвинителя выступаетъ само государство. Являясь въ губерніи представителемъ верховной власти, генералъ-губернаторъ носитъ титулъ „государева намѣстника“ и находится въ непосредственномъ сношеніи съ монархомъ и Сенатомъ, въ которомъ онъ получалъ право присутствовать въ случаѣ своего пріѣзда въ столицу. Назначался генералъ-губернаторъ изъ лицъ, пользующихся особеннымъ довѣріемъ государя. Его значительная по полномочіямъ власть обставлена необыкновенной пышностью: при немъ состоятъ два адъютанта, при его

выѣздахъ его сопровождаетъ легкая конница, и, кромѣ того, дворянство наряжаетъ „для почести его“ молодыхъ дворянъ по одному отъ каждаго уѣзда.

Подъ высшимъ надзоромъ государева намѣстника дѣйствуютъ три ряда мѣстныхъ учрежденій. Это были учрежденія административнаго, финансоваго и судебнаго характера. Два ряда дѣйствовали въ губерніи, одинъ—въ уѣздѣ. Высшіи ихъ этихъ рядовъ составляютъ Губернское правленіе, Казенная палата и Судебная палата, раздѣляющаяся на палату уголовнаго суда и палату гражданскаго суда. „Губернское правленіе есть мѣсто, которое управляетъ въ силу закона именемъ императорскаго величества“. Предсѣдателемъ Губернскаго правленія является генералъ-губернаторъ, а за его отсутствіемъ губернаторъ. Въ его составъ входятъ два губернскихъ совѣтника, назначаемые правительствомъ. Губернское правленіе не является учрежденіемъ коллегіальнымъ, и роль совѣтниковъ — исключительно совѣщательная: генералъ-губернаторъ можетъ и не согласиться съ ихъ мнѣніемъ, и тогда они обязаны исполнить постановленное имъ рѣшеніе. Губернское правленіе отправляетъ двоякую функцію: во-первыхъ, исполнительную — оно обнародуетъ въ губерніи указы верховной власти, а, во-вторыхъ, распорядительную — принимаетъ мѣры полицейскаго характера (въ широкомъ значеніи этого слова), направленныя къ достиженію безопасности, благочинія и благоустройства въ губерніи. Губернское правленіе было органомъ губернскаго управленія, а въ уѣздѣ ему соотвѣтствовалъ Нижній земскій судъ, состоящій изъ предсѣдателя, капитановъ-исправника и двухъ засѣдателей. Всѣ эти лица избираются уѣзднымъ дворянствомъ. Нижній Земскій судъ, такъ же какъ Губернское правленіе,— органъ исполнительно-полицейскаго характера.

Гр. А. Г. Орловъ. Тоунлея. (Эрмитажъ.)

Финансовое управленіе отдѣлено отъ общеадминистративнаго и вѣдается Казенною палатой, состоящей, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора, изъ 4 членовъ и губернскаго казначея. Палата заботится о составленіи народныхъ переписей. Кромѣ того, въ кругъ ея вѣдомства входятъ: сборъ казенныхъ доходовъ и производство расходовъ, казенныя монополіи и оброчныя статьи, казенныя имущества въ губерніи и производство контроля. Она соединяетъ въ своемъ управленіи всѣ тѣ отрасли, которыя теперь вѣдаются

нѣсколькими учрежденіями, а именно: казенной палатой, контрольной палатой и управленіемъ государственныхъ имуществъ. Ей подчинены находящіяся въ уѣздныхъ городахъ уѣздныя казначейства.

Высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ губерніи являются двѣ палаты: а) гражданскаго и б) уголовнаго суда, состоящія каждая изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ, назначаемыхъ правительствомъ. Въ палаты восходятъ дѣла изъ низшихъ судебныхъ инстанцій въ порядкѣ апелляціонномъ по жалобѣ сторонъ или въ ревизіонномъ для утвержденія приговора. Такое восхожденіе по инстанціямъ до палаты въ ревизіонномъ порядкѣ было обязательно для тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ наказаніемъ могло быть лишеніе подсудимаго жизни или чести.

Слѣдующія низшія судебныя инстанціи дробились по сословіямъ. Для каждаго изъ свободныхъ сословій, кромѣ духовенства, создано было по двѣ низшихъ судебныхъ инстанціи: для дворянства—верхній земскій судъ въ губерніи и уѣздный судъ въ уѣздѣ; для купечества—губернскій магистратъ въ губерніи и городовой магистратъ въ уѣздѣ и, наконецъ, для свободнаго сельскаго населенія тамъ, гдѣ оно было,—верхняя земская расправа въ губерніи и нижняя земская расправа въ уѣздѣ. Каждый изъ этихъ верхнихъ судовъ, имѣя по два предсѣдателя и по десяти членовъ, раздѣляется на два департамента, гражданскій и уголовный, но уѣздные суды разсматриваютъ дѣла того и другого порядка въ одномъ присутствіи, состоящемъ изъ одного предсѣдателя и двухъ засѣдателей. При дворянскихъ уѣздныхъ судахъ существуютъ дворянскія опеки, при городовыхъ магистратахъ—сиротскіе суды: для завѣдыванія опекунскими дѣлами того и другого сословія.

Кромѣ перечисленныхъ выше учрежденій, устанавливалось еще два: во-первыхъ, Приказъ общественнаго призрѣнія и, во-вторыхъ, Совѣстный судъ. Въ Приказѣ общественнаго призрѣнія подъ предсѣдательствомъ губернатора засѣдаетъ по два члена отъ каждаго изъ верхнихъ судовъ, т.-е. Верхняго земскаго суда, Губернскаго магистрата и Верхней расправы. Въ его завѣдываніе входятъ: а) народное просвѣщеніе, в) медицинская часть и с) заведенія общественнаго призрѣнія. Совѣстный судъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ особаго, назначаемаго отъ правительства совѣстнаго судьи и изъ двухъ членовъ отъ каждаго изъ сословій, т.-е. дворянства, городского купечества и свободныхъ сельскихъ обывателей, избираемыхъ на 3 года, которые принимали участіе въ засѣданіяхъ суда по дѣламъ лицъ своего сословія. Этотъ трибуналъ выступалъ въ троякаго рода случаяхъ: во-первыхъ, въ немъ производились дѣла по преступленіямъ, совершеннымъ не по злому умыслу, а по несчастному стеченію обстоятельствъ, по крайнему невѣжеству (таковы были дѣла о колдовствѣ) или малолѣтними и безумными. Во-вторыхъ, Совѣстный судъ исполнялъ функціи третейскаго суда, къ которому могли обратиться спорящія стороны по желанію, съ обязательствомъ подчиниться

его рѣшенію и при участіи въ составѣ суда посредниковъ, избираемыхъ отъ сторонъ. Его главною задачею было стараться приводить стороны къ миролюбивому соглашенію. Наконецъ, въ-третьихъ, Совѣстный судъ долженъ былъ гарантировать свободу гражданъ отъ административнаго произвола. Каждый заключенный въ тюрьмѣ, которому въ теченіе трехъ дней не объявлено было, за что онъ содержится, или который въ теченіе трехъ дней не былъ представленъ къ допросу, могъ обратиться письменно къ Совѣстному суду. Если оказывалось, что заключенный не обвиняется въ оскорбленіи величества или важнѣйшихъ уголовныхъ преступленіяхъ, то Совѣстный судъ, получивъ такое увѣдомленіе, обязанъ былъ, не выходя изъ засѣданія, послать распоряженіе о присылкѣ такого заключеннаго вмѣстѣ съ мотивами его задержанія. Повелѣнія Совѣстнаго суда должны были исполняться каждымъ присутственнымъ мѣстомъ немедленно по полученіи отъ него распоряженій, подъ страхомъ штрафа въ 300 р. съ предсѣдателя и 100 р. съ каждаго изъ членовъ. Личное задержаніе Совѣстный судъ имѣлъ право замѣнить отдачею обвиняемаго на поруки.

Петровскіе органы надзора, прокуроры и фискалы, были воскрешены въ губернскихъ учрежденіяхъ Екатерины въ лицѣ прокуроровъ и стряпчихъ. При высшихъ губернскихъ присутствіяхъ, при намѣстническомъ правленіи и палатахъ установлена была должность губернскаго прокурора. При каждомъ изъ верхнихъ судовъ находилось также по одному прокурору. При каждомъ прокурорѣ состояло двое помощниковъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ званіе стряпчаго уголовныхъ, а другой—стряпчаго гражданскихъ дѣлъ. Функціи этихъ должностей были весьма похожи на функціи современнаго намъ прокурорскаго надзора. На прокурорахъ лежала обязанность наблюдать за исполненіемъ закона, а всякое присутственное мѣсто, при которомъ находился прокуроръ, обязано было, прежде чѣмъ постановлять рѣшеніе, выслушать его заключеніе. О всѣхъ замѣченныхъ безпорядкахъ прокуроръ сообщалъ какъ генералъ-губернатору, такъ и своему непосредственному начальнику, генералъ-прокурору. Послѣдній именовался „окомъ царевымъ“ для всей Россіи; губернскіе и другіе прокуроры были его очами въ мѣстности. Стряпчіе возбуждали передъ судомъ иски со стороны казны по дѣламъ гражданскимъ или уголовнымъ и обвиненія по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ не было частнаго истца. Уѣзднымъ органомъ губернскаго прокурора былъ уѣздный стряпчій. Его обязанности относительно уѣзда тѣ же, что обязанности губернскаго прокурора для всей губерніи.

При составленіи проекта реформы областного управленія Екатерина исходила изъ источниковъ двоякаго рода. Во-первыхъ, въ этой реформѣ она въ широкой степени воспользовалась возможностью осуществить хорошо ею усвоенныя и очень цѣнимыя, модныя тогда, идеи западно-европейской публицистики. Монтескье нашелъ въ ней преданную ученицу, проводившую въ дѣйствительную жизнь его отвлеченныя теоріи. Эти западно-европейскія публицистическія основы нетрудно замѣтить въ изложенномъ очеркѣ областного устрой-

ства. Прежде всего здѣсь въ значительной мѣрѣ была осуществлена знаменитая въ XVIII вѣкѣ теорія раздѣленія властей, бывшая азбукой въ государственной наукѣ того времени. Смѣшеніе разнаго рода функцій въ кругу вѣдомства одной и той же должности было указано въ предисловіи къ Учрежденію 1775 г., какъ одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ прежняго порядка управленія. Теперь судебная власть была отдѣлена отъ административной, при чемъ и самыя судебныя учрежденія въ верхнихъ инстанціяхъ имѣли подраздѣленія по роду дѣлъ: для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ заведены были особые департаменты въ верхнихъ судахъ и особыя палаты въ качествѣ высшихъ инстанцій. Финансовое управленіе было также отдѣлено отъ общей администраціи.

Затѣмъ нашелъ себѣ осуществленіе тотъ принципъ сословнаго расчлененія, который Монтескье кладетъ въ основу монархіи, какъ формы правленія. Этотъ принципъ руководилъ Екатериной въ особенности при изданіи жалованныхъ граматъ въ 1785 г.; но онъ ярко выступаетъ и въ Учрежденіи 1775 г. Здѣсь примѣнено было одно частное производное положеніе этого принципа, а именно, то положеніе, что каждый судится не иначе, какъ себѣ равными. Начало суда пэровъ и послужило основаніемъ для созданія особыхъ судебныхъ учрежденій для каждаго сословія съ участіемъ выборныхъ представителей отъ сословія въ качествѣ членовъ суда въ среднихъ инстанціяхъ, а въ низшихъ также и въ качествѣ предсѣдателей.

Наконецъ, въ губернскихъ учрежденіяхъ 1775 года были ярко представлены и гуманныя идеи, расцвѣтъ которыхъ относится въ Европѣ къ эпохѣ „просвѣщеннаго абсолютизма“. Онѣ лежатъ въ основѣ такихъ учрежденій, какъ Приказъ общественнаго призрѣнія и Совѣстный судъ. „Должности Приказа общественнаго призрѣнія и Совѣстнаго суда“, какъ опредѣляетъ ихъ само Учрежденіе о губерніяхъ, „суть аки два источника, навѣки льющіе благодѣяніе несчастнымъ и бѣдствующимъ въ родѣ человѣческомъ и сопрягающіе милость и судъ воедино“. Эти филантропическія учрежденія, плохо дѣйствовавшія и далеко не осуществившія намѣреній законодателя, привлекли къ себѣ, однако, вниманіе западно-европейскихъ публицистовъ благодаря тому шуму, какой умѣла поднимать Екатерина въ Европѣ каждымъ своимъ дѣломъ, и публицисты призывали западныхъ правителей учиться государственной мудрости у сѣверной Семирамиды.

Но съ началами, заимствованными съ Запада, Екатерина умѣла сочетать воедино указанія русской дѣйствительности.

Основу своихъ реформъ Екатерина строила изъ мѣстныхъ домашнихъ элементовъ и только облекала ее легкимъ покровомъ навѣянныхъ съ Запада идей. Вотъ почему и въ областной реформѣ 1775 г. мѣстные матеріалы были пущены въ дѣло, и въ широкой степени были осуществлены требованія, высказанныя дворянствомъ въ эпоху комиссіи 1767 г., въ особенности въ депутатскихъ наказахъ. Дворянскіе наказы содержали въ себѣ не одну

только критику существующихъ порядковъ; въ нихъ выражались также и требованія положительнаго характера, иногда даже цѣлые обширные проекты новыхъ порядковъ. Къ тремъ главнымъ пунктамъ сводились требованія наказовъ, касавшіяся мѣстнаго управленія, привлекшаго къ себѣ наибольшее вниманіе уѣзднаго дворянства. Посмотримъ, насколько ихъ осуществляла реформа Екатерины. Во-первыхъ, дворянство желало большей близости власти къ населенію. Оно тяготилось отдаленностью поѣздокъ въ вотчинную коллегію, по поземельнымъ дѣламъ.

Оно жаловалось на отдаленность первой административной и судебной инстанціи, какою была уѣздная воеводская канцелярія; оно было, далѣе, недовольно чрезмѣрнымъ множествомъ и неравномѣрностью инстанцій. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ было для жителей уѣзднаго города цѣлыхъ пять: уѣздная воеводская канцелярія, провинціальная канцелярія, губернская канцелярія, юстицъ-коллегія и Сенатъ. Слишкомъ большое число инстанцій служило одною изъ причинъ медленности процесса. Для устраненія этого неудобства дворянство въ своихъ наказахъ предлагало соотвѣтствующія мѣры. Оно просило сократить число инстанцій, распредѣлить ихъ правильнѣе, передать дѣла, которыя вѣдались въ вотчинной коллегіи, въ мѣстныя канцеляріи, и, наконецъ, или раздробить уѣзды на болѣе мелкія областныя единицы, или вообще умножить число уѣздныхъ властей.

Гр. П. В. Завадовскій. (Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ.)

Правительство пошло навстрѣчу всѣмъ этимъ заявленіямъ, дѣйствуя съ большой широтой взгляда. Не дробя уѣзды на административныя части, какъ предлагали нѣкоторые наказы, оно зато увеличило вдвое число уѣздовъ, обративъ много прежнихъ селъ въ уѣздные города. Уѣзды были раздроблены на части уже позже при императорѣ Николаѣ, и въ этихъ частяхъ, названныхъ станами, были учреждены подъ названіемъ становыхъ приставовъ тѣ

„дистриктные комиссары“, о которыхъ просило дворянство. Вмѣстѣ съ тѣмъ и число присутственныхъ мѣстъ въ уѣздѣ было увеличено: вмѣсто одной воеводской канцеляріи было заведено два судебныхъ учрежденія, по одному для каждаго свободнаго уѣзднаго сословія: Уѣздный судъ для дворянства и Нижняя расправа для свободныхъ крестьянъ; сверхъ того, общее полицейское учрежденіе: Нижній земскій судъ и, наконецъ, уѣздное казначейство. Число губерній было увеличено и размѣры каждой уменьшены, такъ что губернская инстанція сдѣлалась теперь доступнѣе. Число инстанцій было сокращено уничтоженіемъ провинціальной, средней между уѣздной и губернской, такъ что изъ уѣзда слѣдовало обращаться прямо въ губернію. Притомъ это число инстанцій для жителей всѣхъ уѣздовъ сдѣлано одинаковымъ, такъ какъ для управленія уѣздомъ были заведены свои уѣздныя учрежденія, находившіяся въ губернскомъ городѣ. II коллегіи стали теперь ближе къ населенію; три самыя важныя для мѣстнаго населенія коллегіи, до которыхъ оно имѣло постоянно нужду: вотчинная, юстицъ-коллегія и камеръ-коллегія, были уничтожены въ столицахъ и разнесены по губерніямъ, въ видѣ палатъ. Казенная палата — это, по опредѣленію „Учрежденія“, не что иное, какъ камеръ- и ревизіонъ-коллегія, соединенныя вмѣстѣ; палата гражданскаго суда — соединенныя юстицъ- и вотчинная коллегіи; палата уголовнаго суда—уголовный департаментъ юстицъ-коллегіи. Губернія сдѣлалась самодовлѣющей административной единицей. Большинство дѣлъ должно было разрѣшаться мѣстными учрежденіями, получившими широкія полномочія, и только немногія дѣла должны были доходить до центра.

Вторымъ требованіемъ дворянства была та новая задача, которую дворянство ставило мѣстной администраціи. Цѣли, преслѣдуемыя мѣстной администраціей, мѣнялись по мѣрѣ ея развитія. Воевода XVII в.—это агентъ центральнаго правительства, понуждавшій мѣстное населеніе уѣзда отправлять лежащія на населеніи повинности. Кромѣ самыхъ элементарныхъ мѣръ для охраненія безопасности и кромѣ отправленія правосудія, онъ ничѣмъ не проявляетъ своего интереса къ мѣстнымъ нуждамъ. Цѣль мѣстной администраціи XVII в.—удовлетвореніе интересовъ центра, а не мѣстности. Воевода первой половины XVIII в. такое же послушное орудіе центральной власти въ мѣстности, какимъ онъ былъ и ранѣе. Какъ и прежде, цѣлью его управленія было удовлетвореніе казенныхъ интересовъ.

Новый принципъ мѣстной администраціи — благо мѣстности, какъ задача мѣстнаго управленія — выставило въ своихъ наказахъ дворянство, для котораго интересы мѣстности становились все дороже, по мѣрѣ того, какъ, освобождаясь отъ обязательной службы, оно становилось болѣе осѣдлымъ въ деревнѣ. И этому требованію правительство пошло навстрѣчу. Во-первыхъ, ему должно было отвѣчать учрежденіе генералъ-губернатора, государева намѣстника, которому поручались попеченіе о мѣстномъ населеніи,

защита его отъ произвола администраціи и непосредственное ходатайство о его нуждахъ передъ престоломъ. Во-вторыхъ, цѣлью учрежденія Совѣстнаго суда и Приказа общественнаго призрѣнія было также благо мѣстнаго населенія. Въ-третьихъ, наконецъ, осуществлено было выраженное дворянствомъ желаніе имѣть въ уѣздѣ выборную должность, дѣятельность которой была бы направлена на мѣстное благо. Объ этой должности говоритъ большинство наказовъ, предлагая для нея различныя названія — ландрата, комиссара, прокурора, опекуна. По закону 1775 г. такою должностью былъ уѣздный капитанъ-исправникъ, избираемый дворянствомъ. Ставя мѣстное благо главною цѣлью дѣятельности мѣстной администраціи, Учрежденіе о губерніяхъ является важнымъ моментомъ въ исторіи русскаго областного управленія. Слѣдующимъ крупнымъ моментомъ въ этой исторіи будетъ эпоха реформъ Александра II. Принципъ мѣстнаго управленія, о которомъ мечталъ Петръ и который положила въ основу своихъ областныхъ учрежденій Екатерина, получилъ себѣ полное выраженіе и всестороннее развитіе въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи этого государя, осуществляющемъ благо мѣстности подъ надзоромъ представителя правительственной власти.

Кн. А. Б. Куракинъ. Ламин. (Музей Александра III.)

Наконецъ, третье требованіе дворянства относительно администраціи заключалось въ томъ, чтобы самому дворянству была предоставлена болѣе значительная часть въ мѣстномъ управленіи и судѣ. Съ этой цѣлью оно просило учрежденія выборныхъ административныхъ и судебныхъ должностей въ уѣздѣ, а выборъ ихъ мѣстнымъ дворянствомъ, очевидно, долженъ былъ ставить ихъ подъ контроль этого послѣдняго. Эти выборныя должности по однимъ нака-

замъ должны были замѣнить собою вполнѣ прежнюю, назначаемую правительствомъ воеводскую администрацію, другіе не шли такъ далеко и просили только объ учрежденіи новой выборной должности, которая должна была дѣйствовать рядомъ съ воеводой въ видѣ выборнаго воеводскаго товарища. Для выбора этихъ должностей дворянство просило сгруппировать его по старымъ привычнымъ территоріальнымъ единицамъ—уѣздамъ. Дворяне каждаго уѣзда должны были организоваться въ уѣздное общество, „общество дворянское состановить“, какъ выражались наказы, и на своихъ съѣздахъ, повторяющихся черезъ опредѣленные періоды времени, должны были производить выборы.

И это требованіе Екатерина встрѣтила очень сочувственно. Она удовлетворила его въ томъ устройствѣ, какое должно было получить губернское управленіе по Учрежденію 1775 года. Въ системѣ губернскихъ учрежденій Екатерины сочетались два начала, бюрократическое (т.-е. начало назначенія отъ правительства) и земское (т.-е. начало выбора мѣстнымъ обществомъ). Всѣ высшія губернскія инстанціи: губернское правленіе, казенная и обѣ судебныя палаты были бюрократическими. Ихъ предсѣдатели и члены назначались правительствомъ. Среднія инстанціи, т.-е. верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и верхняя земская расправа, Совѣстный судъ и Приказъ общественнаго призрѣнія, получили смѣшанный характеръ: бюрократическо-земскій. Ихъ предсѣдатели назначались правительствомъ, а члены выбирались мѣстнымъ обществомъ по сословіямъ. Наконецъ, въ низшихъ уѣздныхъ учрежденіяхъ, въ уѣздномъ судѣ, въ городовомъ магистратѣ, нижнемъ земскомъ судѣ господствовало земское начало. Ихъ предсѣдатели и засѣдатели избирались мѣстнымъ обществомъ. Такимъ образомъ дворянство получило широкое участіе въ судѣ черезъ посредство своихъ выборныхъ засѣдателей въ судахъ средней и низшей инстанцій, и въ совѣстномъ судѣ, а въ администраціи оно участвовало, посылая выборныхъ членовъ въ приказы общественнаго призрѣнія и, въ особенности, избирая капитана—исправника и членовъ состоявшаго подъ его предсѣдательствомъ нижняго земскаго суда, вѣдавшаго полицію въ уѣздѣ.

II.

Просьбы дворянскихъ наказовъ объ учрежденіи дворянскихъ мѣстныхъ корпорацій были также удовлетворены, но съ нѣкоторыми измѣненіями. Вмѣсто уѣздныхъ учреждены были дворянскія общества по губерніямъ. Такую корпоративную организацію дворянству дала жалованная грамата 1785 г. Эта грамата была ни чѣмъ инымъ, какъ развитіемъ и переработкой „проекта правъ благородныхъ“, составленнаго Большой Екатерининской комиссіей 1767 г. и разсмотрѣннаго въ послѣдніе мѣсяцы ея существованія. Она опредѣляетъ личныя, имущественныя и корпоративныя права дворянства. Она опредѣляетъ „дворянское званіе“, какъ слѣдствіе добродѣтели и заслуги. Дво-

рянское достоинство наслѣдственно, потомственно и неотъемлемо. Лишиться его можно только въ случаѣ совершенія опредѣленныхъ преступленій и то лишь по судебному приговору суда равныхъ, утвержденному верховною властью. Носящій дворянское званіе пользуется слѣдующими преимуществами: 1) свободою отъ личныхъ податей, 2) свободою отъ тѣлеснаго наказанія, 3) свободою отъ обязательной службы. Жалованная грамата подтверждала указъ Петра III о дворянской вольности 18 февраля 1762 г. Дворянамъ предоставляются права пріобрѣтать населенныя имѣнія, учреждать заводы и фабрики; право собственности распространяется на всѣ земельныя угодья. Впервые жалованная грамата дворянству устанавливаетъ точное опредѣленіе собственности на всѣ угодья и не только на поверхность земли, но и на ея нѣдра. Со временъ Екатерины II земельная собственность получаетъ прочный характеръ; прекращаются тѣ частыя конфискаціи земель безъ суда, отъ которыхъ такъ страдало дворянство первой половины XVIII вѣка.

Кн. А. А. Безбородко. (Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ.)

Наконецъ, дворяне каждой губерніи составляютъ дворянское общество, обладающее правами юридическаго лица, могущее пріобрѣтать собственность и путемъ самообложенія составлять общій капиталъ. Съѣзжаясь разъ въ три года по созыву генералъ-губернатора или губернатора, дворянство избираетъ по уѣздамъ уѣздныхъ предводителей. Затѣмъ изъ уѣздныхъ предводителей губернское собраніе избираетъ губернскаго предводителя, утверждаемаго генералъ-губернаторомъ, а также кандидатовъ на должности членовъ и предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, замѣщаемыя по выбору отъ дворянства.

Наконецъ, важнѣйшимъ правомъ, предоставленнымъ дворянской корпораціи жалованной граматой, было право представлять о своихъ сословныхъ пользахъ и нуждахъ генералъ-губернатору, а также черезъ особыхъ депутатовъ Сенату и верховной власти. Это право не было создано Екатерининскими

губернскими учрежденіями, оно только облекалось въ извѣстныя законныя формы. Учрежденія, мѣняя иногда характеры людей, дѣйствуя на нихъ воспитывающимъ образомъ, не мѣняютъ строя жизни. Они не создаютъ жизни, а лишь служатъ внѣшнимъ выраженіемъ житейскаго порядка: дворянство стало править провинціей не потому, что граматы дали ему такое право—граматы 1775 и 1785 гг. лишь закрѣпили юридически неизбѣжное явленіе жизни.

Жалованная грамата городамъ тоже вводитъ новые принципы. Отмѣтимъ главнѣйшіе. Русскій городъ до Екатерины не представлялъ изъ себя единаго цѣлаго. Только посадское, т.-е. торгово-промышленное, населеніе города имѣло нѣкоторое самоуправленіе. По регламенту Петра Великаго, жившее въ городѣ дворянство и духовенство къ гражданамъ не причислялись. Теперь впервые въ жалованной граматѣ 1785 г. устанавливается понятіе города, какъ совокупности всѣхъ жителей города, независимо отъ сословій. Городъ становится всесословной единицей, „обществомъ градскимъ“, получающимъ права юридическаго лица. Каждой изъ входящихъ въ него обезпечиваются свои особыя преимущества. Званіе мѣщанина пріобрѣтается трудолюбіемъ и добронравіемъ, оно наслѣдственно и не можетъ быть отнято иначе какъ по суду за тяжкія преступленія. Гильдейское купечество освобождается отъ казенной службы. Первыя двѣ гильдіи освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній. Первая гильдія имѣетъ право ѣздить въ каретѣ парою, вторая въ коляскѣ; третьей гильдіи запрещается ѣздить въ каретѣ и впрягать въ экипажъ болѣе одной лошади. Цехи получаютъ свою организацію, подробно регламентированную особымъ включеннымъ въ грамату Ремесленнымъ положеніемъ. Именитые граждане могутъ ѣздить въ каретѣ парою и четвернею и просить дворянскаго достоинства, если въ теченіе трехъ поколѣній безпорочно сохраняли именитость.

Обѣ жалованныя граматы, помимо того самоуправленія и той корпоративной организаціи, какія ими давались дворянству и городамъ, имѣютъ значеніе, во-первыхъ, какъ крупный успѣхъ въ развитіи правъ личности. Граматы устанавливаютъ принципъ неотъемлемости правъ состоянія иначе какъ по суду за тяжкія преступленія. И дворянинъ, и мѣщанинъ не могутъ быть лишены своего званія и соединенныхъ съ нимъ правъ произволомъ власти. Точно такъ же впервые точно было установлено граматами понятіе права собственности, и со времени граматъ прекратилась произвольная конфискація частныхъ имуществъ, столь широко практиковавшаяся еще въ первой половинѣ XVIII в. Во-вторыхъ, граматы были важны тѣмъ, что онѣ снимали съ двухъ русскихъ сословій тѣ вѣковыя обязанности, которыя на нихъ лежали: съ дворянства—службу, съ городского населенія — тягло. Изъ крѣпостныхъ онѣ дѣлали эти сословія свободными.

М. Богословскій.

Городовое положеніе Екатерины II.

Городовое Положеніе", изданное въ царствованіе Екатерины II въ 1785 г., составило крупный этапъ въ исторіи городского самоуправленія въ Россіи. Во многихъ отношеніяхъ провозглашенныя въ этомъ законодательномъ актѣ начала городского устройства не получили въ ту пору вашей исторіи жизненнаго значенія, не привились на практикѣ, и подъ покро вомъ введенныхъ Екатерининскимъ „Положеніемъ" новыхъ формъ городского управленія, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала сохранять силу такая старина, которая уходила своими корнями далеко въ глубь историческаго прошлаго. Но если практически Городовое Положеніе Екатерины II, по причинамъ, которыхъ я коснусь въ своемъ мѣстѣ, не направило теченія городской жизни въ новое русло, то принципіально этотъ законъ надлежитъ признать первымъ манифестомъ такихъ основъ городского самоуправленія, которыя не получали въ предшествующіе періоды нашей исторіи не только практическаго осуществленія, но и теоретическаго признанія.—Въ законодательствѣ Екатерины II городъ впервые былъ провозглашенъ всесословнымъ самоуправляющимся союзомъ, составъ котораго долженъ обнимать всѣ элементы городского населенія и дѣятельность котораго должна заключаться не

только въ отправленіи различныхъ государственныхъ повинностей, но и въ самостоятельномъ завѣдываніи всѣми отраслями городского благосостоянія.

Ни Московское государство, ни Петербургская имперія XVIII столѣтія до изданія Городового Положенія Екатерины II не знали такого взгляда на сущность городского самоуправленія.—Что представлялъ собой доекатерининскій русскій городъ въ отношеніи устройства и порядка управленія? Необходимо отвѣтить на этотъ вопросъ прежде, нежели мы приступимъ къ разсмотрѣнію Екатерининской городской реформы. Только въ этомъ случаѣ мы получимъ возможность уяснить себѣ и самую эту реформу въ надлежащей исторической перспективѣ, получимъ возможность опредѣлить съ точностью, поскольку Екатерининская реформа видоизмѣняла предшествующую старину и поскольку эта старина въ своей огнеупорной стойкости наложила собственную печать на предпринятыя Екатериной II преобразованія.

I.

Древне-русскій городъ обыкновенно располагался тремя концентрическими кругами. Сердцевину городского поселенія составлялъ кремль. Такъ называлась городская крѣпость, окруженная стѣной и снабженная военными снарядами.—Здѣсь же, въ стѣнахъ кремля, находился дворъ воеводы—главнаго мѣстнаго агента правительственной власти, назначавшагося изъ московскаго приказа, воеводская изба, т.-е. канцелярія воеводы, соборъ, тюрьма и такъ называемые „осадные дворы“, т.-е. помѣщенія, приготовленныя на случай пріѣзда въ городъ служилыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые жили въ своихъ усадьбахъ въ приписанномъ къ данному городу уѣздѣ, а во время военной мобилизаціи собирались въ городъ „конны, людны и оружны“, т.-е. на походныхъ коняхъ, въ сопровожденіи холоповъ и въ военномъ вооруженіи. Въ мирное время пустые „осадные дворы“ въ городскомъ кремлѣ обыкновенно находились подъ надзоромъ особо для того нанимаемыхъ или назначаемыхъ людей—„дворниковъ“.

За стѣною кремля и подъ ея охраной располагался второй кругъ городской осѣдлости. Онъ назывался посадомъ.—Здѣсь стояли дворы „людей посадскихъ“, т.-е. городскихъ торговцевъ и промышленниковъ. На посадѣ находились и гостиный дворъ и городскоій рынокъ, отдѣльныя лавки мѣстныхъ купцовъ и „мірская посадская изба“, т.-е. помѣщеніе для „мірскихъ посадскихъ совѣтовъ“, или „сходовъ“ и „старостинская изба“, т.-е. канцелярія мѣстнаго выборнаго посадскаго старосты. Часто посадъ, подобно кремлю, былъ, въ свою очередь, отгороженъ стѣной отъ третьяго круга городской осѣдлости, въ чертѣ котораго располагались такъ называемыя слободы. Это были группы дворовъ, въ которыхъ жили мелкіе торговцы и

ремесленники, поселившіеся у самаго посада, но все же за чертой его. Первоначально „слобожане“, какъ жившіе внѣ посада, были свободны (отсюда и названіе слобода-свобода) отъ обязанности нести тѣ повинности и налоги, которыми государство облагало людей посадскихъ. Но съ теченіемъ времени такое положеніе вещей измѣнилось. Посадскіе жители съ крайнимъ неудовольствіемъ относились къ податнымъ и повинностнымъ льготамъ слобожанъ, которые пользовались всѣми удобствами своего сосѣдства съ посадомъ, участвовали въ посадскихъ торгахъ и промыслахъ, но по своему слободскому положенію, тѣмъ не менѣе, не раздѣляли съ людьми посадскими падавшаго на этихъ послѣднихъ служебнаго и тяглаго бремени. — Люди посадскіе естественно возопіяли противъ такого порядка, засыпали правящую Москву слезными мірскими челобитьями, въ которыхъ просили одного изъ двухъ: или совершенно уничтожить слободы, или распространить и на слобожанъ посадское тягло. Эти домогательства получили удовлетвореніе при составленіи Соборного Уложенія 1649 г. На основаніи постановленій Уложенія оставшіяся при посадахъ слободы обязательно уже вкладывались въ посадское тягло.

Графъ Н. И. Панинъ. (Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Перечисленные элементы населенія древне-русскаго города не составляли единаго общественнаго союза. Дворяне, дѣти боярскіе, пушкари, затинщики и прочіе „разныхъ службъ служилые люди“, хотя бы и владѣли дворами въ чертѣ городской осѣдлости, стояли совершенно особнякомъ отъ людей посадскихъ. Подчиняясь непосредственно воеводѣ, они были отгорожены отъ посада не только физически, кремлевской стѣной, но и юридически, постановленіями закона, не признававшаго ихъ членами городского міра. Городская община въ Московскомъ государствѣ обнимала своимъ составомъ не всю совокупность городского населенія, а только посадскихъ тяглецовъ, къ которымъ принадлежали лишь люди, имѣвшіе на посадѣ и въ посадскихъ слободахъ торги и промыслы и тянувшіе съ этихъ торговъ и промысловъ государево тягло. Это была, такимъ образомъ, не городская,

а только посадская община, для которой всѣ не посадскіе жители города — духовные и служилые люди являлись совершенно чуждымъ элементомъ. Такое разобщеніе различныхъ группъ городского населенія, отнимавшее у города характеръ единаго общественнаго союза, и сохранилось въ полной силѣ вплоть до изданія Городового Положенія Екатерины II.

Въ Московскомъ государствѣ основнымъ юридическимъ признакомъ различенія общественныхъ состояній, или, какъ говорили въ то время, чиновъ, служила принудительная разверстка между отдѣльными разрядами населенія различныхъ видовъ обязательной государевой службы и государева тягла. Уже въ XVI в. государственная власть въ Московскомъ царствѣ начинаетъ выдвигать этотъ принципъ группировки общественныхъ разрядовъ. Въ XVII ст. названный принципъ окончательно оформливается, закрѣпляется и послѣдовательно проводится чрезъ всю сословную организацію общества. Населеніе государства расчленяется на рядъ служилыхъ и тяглыхъ группъ, по которымъ принудительно распредѣляются служилые и тяглые люди. Эти группы объявляются замкнутыми со стороны выхода; обязательная принадлежность къ такой группѣ каждаго ея члена получаетъ не только пожизненный, но и наслѣдственный характеръ.

На этихъ именно основаніяхъ въ началѣ XVII ст. окончательно сформировывается и чинъ „людей посадскихъ“. Подобно тому, какъ люди служилые были сорганизованы въ рядъ служилыхъ поуѣздныхъ корпорацій, такъ люди посадскіе были сорганизованы въ рядъ тяглыхъ, посадскихъ міровъ. Люди служилые были обязаны съ своихъ помѣстій и вотчинъ „государева служба служить“ и для этого являться во время мобилизаціи къ назначенному пункту въ боевой готовности въ составѣ цѣлаго уѣзднаго отряда, и затѣмъ изъ такихъ уѣздныхъ отрядовъ формировались полки. Точно такъ же люди посадскіе были обязаны съ своихъ животовъ и промысловъ службы служить и тягло платить и для обезпеченія правильнаго поступленія въ казну платежей и правильнаго отправленія посадскихъ службъ, т.-е. разнаго рода натуральныхъ повинностей и казенныхъ порученій финансоваго характера,—люди посадскіе каждаго посада связывались круговой порукой, такъ что вся посадская община отвѣчала передъ правительственной властью за служебную и податную исправность каждаго своего члена. Это-то круговая порука и служила тѣмъ цементомъ, который связывалъ всѣхъ посадскихъ тяглецовъ каждаго города въ единую общину. Внутреннее строеніе этихъ посадскихъ общинъ также было аналогично строенію поуѣздныхъ корпорацій служилыхъ людей.—Дворяне и дѣти боярскіе каждаго уѣзда раздѣлялись на три статьи по степени ихъ служилоспособности. Это распредѣленіе производилось при помощи періодическихъ смотровъ, на которыхъ выяснялось семейное и матеріальное положеніе каждаго дворянина и сына боярскаго даннаго уѣзда, и на основаніи опредѣленной такимъ пу-

темъ степени ихъ служилоспособности каждый изъ нихъ приписывался къ одной изъ трехъ статей. Чѣмъ выше была статья, тѣмъ болѣе тяжелые виды службы возлагались на ея членовъ. Совершенно аналогично этому порядку и посадскіе тяглецы каждаго посада распредѣлялись на три статьи по степени ихъ тяглоспособности, на основаніи сравнительной оцѣнки „животовъ и промысловъ“, т.-е. имущества и торговопромышленныхъ операцій каждаго посадскаго тяглеца. Наиболѣе состоятельные, а, слѣдовательно, и наиболѣе тяглоспособные члены посадской общины составляли первую статью и назывались на языкѣ официальныхъ актовъ того времени „людьми первостатейными“ или „лучшими“; посадскіе тяглецы средняго достатка составляли вторую статью и назывались „людьми середними“; малосостоятельные тяглецы были относимы къ третьей статьѣ и назывались „людьми маломочными“ или „молодшими“.—Въ нѣкоторыхъ посадахъ къ этому дѣленію присоединялась и четвертая группа еще болѣе захудалыхъ людей, которые назывались „людьми охудалыми“ и „посадскими бобылями“. Предѣльные размѣры „животовъ и промысловъ“ людей каждой статьи не были установлены единообразно для всѣхъ посадовъ. Въ каждомъ посадѣ держались на этотъ счетъ своихъ мѣстныхъ правилъ, но общее значеніе и назначеніе этого постатейнаго дѣленія всюду было одно и то же: чѣмъ выше была статья, тѣмъ болѣе высокіе оклады податныхъ платежей и тѣмъ болѣе сложныя и отвѣтственныя финансовыя службы возлагались на ея членовъ.

Построенная такимъ образомъ посадская община получила въ Московскомъ государствѣ замкнутый, безвыходный характеръ. Можно было вступить въ ея составъ, пріобрѣтя на посадѣ торгъ или промыселъ и представивъ посадскому міру поручную по себѣ запись въ исправномъ отбываніи мірского тягла. Но выйти изъ такой общины можно было лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ и съ большими затрудненіями. Въ видѣ общаго правила, начиная съ XVII ст., дѣйствовалъ принципъ безвыходности посадскаго состоянія. По Соборному Уложенію 1649 г. всѣ вышедшіе изъ посадскаго тягла подлежали принудительному въ него возвращенію. Болѣе того: Уложеніе даже воспрещало переходъ изъ одного посада въ другой.—Каждый человѣкъ посадскій оказывался навсегда прикрѣпленнымъ къ своей профессіи, къ своему тяглу, къ своему посаду. Посадская община сложилась въ крѣпостной тяглый союзъ, въ своего рода административный приборъ, посредствомъ котораго государственная власть обезпечивала для себя неукоснительное отправленіе каждымъ посадскимъ тяглецомъ службъ и тягла, ибо за тягловую исправность всѣхъ своихъ членовъ отвѣчала вся община въ порядкѣ мірской круговой поруки. Этимъ тягловымъ назначеніемъ посадско-общинной организаціи всецѣло опредѣлялся и характеръ мірского посадскаго самоуправленія. Дѣлами посада вѣдалъ посадскій мірской сходъ, который состоялъ изъ всѣхъ тяглецовъ даннаго посада и который выбиралъ изъ своей

среды, въ качествѣ своего исполнительнаго органа и своего представителя въ сношеніяхъ съ властями, посадскаго мірского старосту. И сходъ и староста вполнѣ подчинялись мѣстному воеводѣ,—высшему представителю власти и въ городѣ и въ уѣздѣ. Дѣятельность этихъ органовъ посадскаго міра почти всецѣло исчерпывалась раскладкой падавшихъ на посадъ податей между отдѣльными посадскими дворами и сборомъ съ этихъ дворовъ податного оклада для представленія собранныхъ суммъ въ государеву казну. Правда, посадскій міръ составлялъ, кромѣ того, путемъ самообложенія свою мірскую казну, завѣдываніе которой принадлежало сходу и его выборнымъ органамъ. Но эта мірская казна не служила основою для сколько-нибудь замѣтнаго развитія мірского коммунальнаго хозяйства. Почти всѣ мірскія суммы шли въ сущности на удовлетвореніе такихъ расходовъ, которые тоже такъ или иначе были связаны съ отправленіемъ обязательныхъ государевыхъ службъ и государева тягла.

Итакъ, въ Московскомъ государствѣ мы не находимъ никакихъ зачатковъ общегородского самоуправленія. Городъ въ юридическомъ смыслѣ не составлялъ единаго союза.—Городской „міръ“ обнималъ собою лишь извѣстную часть городского населенія: торговопромышленныхъ тяглецовъ.—Эта посадская община XVI—XVII ст. не могла взрастить въ своихъ нѣдрахъ зародышей истиннаго самоуправленія, хотя бы въ предѣлахъ одного только разряда городскихъ обитателей. Она была исключительно тяглымъ, крѣпостнымъ союзомъ и, въ противоположность городскимъ коммунамъ западноевропейскаго средневѣковья, не имѣла никакихъ задатковъ къ тому, чтобы стать колыбелью и школой общественной свободы.

II.

Петръ Великій дважды приступалъ къ переработкѣ городского управленія. Въ результатѣ его преобразовательныхъ опытовъ русскіе города получили новыя учрежденія съ иноземными названіями. Несмотря на это, и въ XVIII столѣтіи, вплоть до городской реформы Екатерины II, въ основѣ организаціи городского „міра“ остались тѣ же два начала, которыми опредѣлялось и устройство посадской общины въ Московскомъ государствѣ: городская община и въ XVIII ст. осталась посадской, не превратившись въ общегородскую; она и въ XVIII ст. осталась по преимуществу приборомъ для раскладки государственныхъ податей и службъ по дворамъ торговопромышленныхъ тяглецовъ и для отбыванія этихъ податей и службъ міромъ на основаніи круговой поруки.

Первый опытъ переустройства городского управленія предпринятъ былъ Петромъ Великомъ въ 1699 г.

Императрица Екатерина II. Рокотова. (Музей Александра III.)

Впервые управленіе городами всей Россіи было сосредоточено въ одномъ центральномъ учрежденіи: такъ называемой „Бурмистерской палатѣ“, впослѣдствіи переименованной въ ратушу, въ составъ которой входили выборные изъ среды крупнаго Московскаго купечества, „бурмистры“. Въ городахъ были учреждены подвѣдомственныя этой ратушѣ „земскія избы“, въ которыхъ также сидѣли „выборные мірскіе бурмистры“. „Земскія избы“, установленныя по городамъ, зависѣли прямо отъ Московской ратуши, минуя власть воеводы. Устраненіе воеводъ и явилось единственной, несомнѣнно,

новой чертой этой организаціи. Въ остальномъ передъ нами встаютъ уже знакомыя явленія. Бурмистры, засѣдавшіе въ „земскихъ избахъ“, избирались посадскими людьми черныхъ сотенъ и слободъ; ихъ вѣдомство распространялось на „торговыхъ и промышленныхъ людей“. Такимъ образомъ, передъ нами—опять организація, основанная на обособленіи торгово-промышленныхъ тяглецовъ отъ прочихъ городскихъ жителей. Задачи, поставленныя этой организаціи, были также прежнія. Въ учредительныхъ указахъ, которыми вводились Бурмистерская палата и земскія избы, прямо было выражено, что этимъ учрежденіямъ присвоивается прежде всего фискально финансовый характеръ. „Его великаго государя окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ (т.-е. въ недоимкѣ, какъ сказали бы мы теперь), а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ учинились большіе недоборы“, сказано было въ этихъ указахъ—и вотъ потому-то и заводятся земскія избы, которымъ вмѣняется въ обязанность поднять поступленія государственныхъ сборовъ.—Характерно, что эта реформа не была распространена на Сибирь, и въ указахъ о заведеніи земскихъ избъ это исключеніе прямо было объяснено тѣмъ, что сибирское купечество слишкомъ малочисленно и малосостоятельно: „людишки худые, скудные“, и имъ „въ сборѣ денежной казны вѣрить непочему“. Правительство заявляло, слѣдовательно, прямо и опредѣленно, что оно смотритъ на выборныхъ бурмистровъ городовыхъ земскихъ избъ лишь, какъ на сборщиковъ казенныхъ налоговъ съ торгово-промышленнаго населенія городовъ.

Ратуша и земскія избы просуществовали до двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія.—Начиная съ 1720 года, Петръ вторично перерабатываетъ строй городского управленія.

Въ 1720 г., взамѣнъ ратуши для завѣдыванія городами всей Россіи, учреждается главный магистратъ, а затѣмъ по отдѣльнымъ городамъ взамѣнъ земскихъ избъ вводятся губернскіе, провинціальные и уѣздные магистраты. Главный магистратъ, учрежденный въ Петербургѣ, былъ составленъ опять-таки изъ лицъ, выбираемыхъ торгово-промышленнымъ населеніемъ столицы, но эта выборная коллегія получила на этотъ разъ коронный президіумъ: президентъ главнаго магистрата, такъ же какъ и его товарищъ, назначались царемъ. Магистраты губернскихъ, провинціальныхъ и уѣздныхъ городовъ, подчиненные главному магистрату, составлялись изъ бургомистровъ и ратмановъ, которые выбирались на мірскихъ посадскихъ сходахъ, но лишь изъ первостатейныхъ и пожиточныхъ гражданъ.

Эти Петровскіе магистраты вскорѣ по смерти Преобразователя были отмѣнены, но по воцареніи Елизаветы Петровны опять были возстановлены и просуществовали въ своемъ первоначальномъ видѣ вплоть до преобразованій Екатерины II.

Какія же начала были положены въ основу этихъ магистратскихъ учрежденій? Мы только что видѣли, что составъ магистратскихъ присутствій остался столь же одностороннимъ, какимъ былъ составъ и земскихъ избъ: здѣсь, какъ и тамъ, засѣдали избранники однихъ только торговопромышленныхъ элементовъ городского населенія и притомъ лишь верхнихъ, наиболѣе состоятельныхъ слоевъ ихъ. По объему своей компетенціи магистратскія учрежденія также мало чѣмъ отличались отъ прежнихъ земскихъ избъ. Правда, по закону на нихъ было возложено попеченіе о полицейскомъ благоустройствѣ во всемъ городѣ. — На первый взглядъ это какъ бы сообщало магистратамъ значеніе общегородскихъ учрежденій. Но какъ разъ эта функція магистратовъ осталась только на бумагѣ: и полиція безопасности, полиція благосостоянія всецѣло сосредоточилась въ рукахъ коронныхъ полицейскихъ органовъ.

Кн. А. Б. Куракинъ. (Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ.)

А во всемъ остальномъ магистраты являлись чисто посадскими, а не общегородскими учрежденіями. На нихъ возлагалась задача „вѣдать всѣхъ купецкихъ торговыхъ людей и... разсыпанную сію храмину паки собрать“. — Вводя магистраты, Петръ установилъ новое дѣленіе городскихъ жителей на „регулярныхъ“ и не регулярныхъ гражданъ. „Регулярные“ граждане, которые только и составляли предметъ вѣдѣнія магистратскихъ учрежденій, были раздѣлены на двѣ гильдіи. Къ первой гильдіи были отнесены банкиры, купцы, торгующіе въ отъѣздъ и въ городскихъ рядахъ, городскіе доктора, аптекари, лѣкаря, шкипера купеческихъ кораблей, золотари, серебреники, иконники, живописцы; ко второй гильдіи были отнесены мелочные торговцы, харчевники и разнаго рода ремесленники. Все это— тѣ самые элементы, которыми исчерпывался и составъ людей посадскихъ въ Московскомъ государствѣ. Очень скоро эта новая, введенная Петромъ, клас-

сификація была измѣнена: ремесленники, отнесенные въ ней ко второй гильдіи, были выдѣлены въ особыя корпораціи—цехи, а все остальное посадское населеніе вмѣсто двухъ гильдій стало попрежнему дѣлиться на три гильдіи, во всемъ подобныя тремъ „статьямъ“ прежняго времени. Эти-то люди посадскіе трехъ статей съ цеховыми ремесленниками въ придачу и составили тотъ кругъ городского населенія, предѣлами котораго ограничивалось на самомъ дѣлѣ вѣдомство магистратскихъ учрежденій. Подъ новыми названіями мы встрѣчаемъ здѣсь, такимъ образомъ, тотъ самый строй городского управленія, который дѣйствовалъ и въ Московской Руси. Магистраты вѣдали судъ надъ посадскими людьми и казенные сборы, падавшіе на посадское населеніе.—Эта послѣдняя финансовая ихъ функція рѣшительно выдвигалась правительствомъ на первый планъ. Ради нея именно въ законѣ было установлено, чтобы въ члены магистратовъ были выбираемы только первостатейные посадскіе люди и чтобы выбирать ихъ могли только люди первой и второй статей. Въ законѣ прямо указывалась фискальная цѣль этого ограниченія: за всякіе недоборы съ посада по казеннымъ податямъ и другія упущенія по службѣ должны были расплачиваться изъ своихъ средствъ и сами члены магистрата и тѣ, кто ихъ выбиралъ. Для того, чтобы было съ кого взыскать во всѣхъ такихъ случаяхъ, законъ и допускалъ къ участію въ магистратскихъ выборахъ только наиболѣе зажиточныхъ членовъ посадской общины. Управленіе городомъ отдавалось, такимъ образомъ, въ руки небольшой кучки мѣстныхъ богачей, какъ было и въ Московскомъ государствѣ. Самые выборы магистратскихъ членовъ опять-таки по образцу мірскихъ выборовъ древней Руси носили характеръ не столько передачи избираемому лицу полномочій отъ избирателей, какъ выразителю и представителю мірскихъ интересовъ, сколько ручательства со стороны избирателей передъ властью въ томъ, что избираемый человѣкъ будетъ исправно выполнять правительственныя порученія, съ обязательствомъ отвѣчать за всѣ его неисправности. Вотъ почему при выборахъ магистратскихъ членовъ на посадскихъ сходахъ за самыми рѣдкими исключеніями не происходило правильнаго голосованія. Сходъ просто разбивался на группы. Каждая группа писала выборный приговоръ на своего кандидата и собирала подъ него рукоприкладства. Такъ, на одно и то же мѣсто получалось нѣсколько „выборовъ за руками“ на разныхъ лицъ и съ разными подписями. Всѣ эти выборные листы вмѣстѣ отсылались въ главный магистратъ, и уже это центральное учрежденіе само рѣшало, который изъ кандидатовъ достоинъ утвержденія, при чемъ рѣшающую роль играло не количество избирателей, подписавшихся подъ выборами каждаго кандидата, а прежде всего — степень платежеспособности подписавшихся лицъ. Ясно, что цѣлью выборовъ полагалось не замѣщеніе выборной должности такимъ человѣкомъ, которому довѣряетъ большинство мѣстнаго населенія, а обезпеченіе правительства на

случай какихъ-либо упущеній магистратскаго члена возможностью учинить слѣдуемое взысканіе съ наиболѣе платежеспособныхъ членовъ данной посадской общины. Въ силу такой постановки магистратской службы магистраты, несмотря на свой выборный составъ, превращались въ мѣстные органы правящей бюрократіи, дѣйствовавшіе только по приказаніямъ изъ центра и лишь передъ центральной властью обязанные отчетностью.

Настоящимъ средоточіемъ мірского самоуправленія на посадѣ являлся въ XVIII ст. не магистратъ, а посадскій мірской сходъ съ своимъ исполнительнымъ органомъ — выбраннымъ на сходѣ посадскимъ мірскимъ старостой. Зато область самостоятельной дѣятельности посадскаго схода была чрезвычайно стѣснена. Формально сходъ былъ надѣленъ не малыми правами. Онъ могъ облагать посадъ мірскими сборами, распоряжаться мірскими суммами, издавать постановленія по городскому благоустройству, избирать нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Однако на дѣлѣ всѣ эти права пересѣкались самымъ рѣшительнымъ образомъ властью мѣстнаго магистрата и мѣстнаго воеводы.

III.

Въ такомъ состояніи находилось городское управленіе къ началу царствованія Екатерины II. Въ 1767 г. Екатерина II созвала Комиссію изъ выборныхъ представителей отъ всѣхъ свободныхъ сословій для составленія проекта новаго государственнаго Уложенія; члены этой Комиссіи привезли съ собой данные имъ отъ избирателей „наказы“, заключавшіе перечисленіе отягощеній, нуждъ и желаній мѣстнаго населенія; такіе наказы были даны и депутатамъ отъ городовъ. Изложенныя въ этихъ наказахъ нужды и стремленія городского населенія ярко обозначали, какъ сильно тяготились горожане условіями своего существованія. — Содержаніе наказовъ — сплошной вопль объ уменьшеніи службъ, повинностей, налоговъ, совокупность которыхъ изнуряла городское населеніе и ставила непреодолимыя препятствія для какого бы то ни было улучшенія городской жизни.—Составители городскихъ наказовъ касались также и различныхъ недочетовъ въ строѣ городского управленія. Но въ этомъ отношеніи критика наказовъ не шла далѣе подробностей и частностей. Общихъ плановъ переустройства городского управленія мы здѣсь не находимъ. Горожане XVIII ст. такъ свыклись съ тоій организаціей городскихъ учрежденіій, которая въ своихъ основныхъ чертахъ была заложена еще во времена московскихъ царей, а при Петрѣ Великомъ только перемѣнила внѣшнія формы и названія,—что имъ не приходила и на мысль возможность перестроить это управленіе на какихъ-либо совершенно новыхъ началахъ. Они мечтали только объ одномъ—объ уменьшеніи падавшаго на нихъ податного и повинностнаго бремени.

Между тѣмъ въ правительственныхъ сферахъ со времени воцаренія Екатерины II уже созрѣвало рѣшеніе уничтожить прежнюю разобщенность различныхъ группъ городского населенія и создать изъ города всесословный самоуправляющійся союзъ.

Еще ранѣе въ нововведеніяхъ Екатерины II проглянула идея объединенія городскихъ жителей всѣхъ сословій на почвѣ городского самоуправленія. Уже порядокъ избранія депутатовъ отъ городовъ въ Комиссію по составленію проекта государственнаго Уложенія въ 1767 г. былъ установленъ на всесословномъ началѣ. Депутатъ отъ города въ эту комиссію долженъ былъ избираться всѣми горожанами безъ различія сословій, т.-е. и посадскими, и дворянами, и приказными, и всѣми прочими обитателями города. Тогда же была учреждена новая должность „градскаго головы“, который опять-таки избирался всѣми горожанами сообща и являлся представителемъ всего города въ совокупности.

Всѣ эти частичные начинанія и опыты, клонившіеся къ переустройству городского управленія на совершенно новыхъ началахъ, получили, наконецъ, полное развитіе и систематическое завершеніе въ 1785 г. съ изданіемъ Городового Положенія, обнародованнаго Екатериной II въ видѣ жалованной граматы городамъ Россійской имперіи. При составленіи этого Городового Положенія Екатерина широко воспользовалась матеріалами, которые были собраны нѣкоторыми частными комиссіями, дѣйствовавшими при упомянутой уже выше Комиссіи депутатовъ 1767 г. То были по преимуществу извлеченія изъ различныхъ остзейскихъ, нѣмецкихъ и другихъ иноземныхъ городскихъ статутовъ. Городовое положеніе 1785 г. и явилось во многихъ своихъ частяхъ довольно небрежно выполненнымъ соединеніемъ отрывковъ изъ этихъ извлеченій въ одинъ общій текстъ, словно сшитый изъ пестрыхъ лоскуточковъ и обрѣзковъ.

Вотъ почему неясности, противорѣчія, пробѣлы встрѣчаются на каждомъ шагу въ этомъ на рѣдкость плохо и неумѣло редактированномъ памятникѣ Екатерининскаго законодательства. Тѣмъ не менѣе, въ немъ все-таки съ достаточной опредѣленностью и отчетливостью выражены двѣ руководящія идеи, какъ разъ прямо противоположныя основамъ предшествующаго строя городского управленія, а именно—1) объединеніе городскихъ жителей всѣхъ сословій, имѣющихъ постоянное пребываніе и владѣющихъ недвижимостью въ чертѣ городской осѣдлости въ единое „общество градское“ и 2) предоставленіе органамъ этого общества завѣдыванія всѣми отраслями общегородского хозяйства.

Посмотримъ теперь, въ какихъ формахъ были воплощены эти идеи по закону и въ какой мѣрѣ онѣ практически осуществились въ дѣйствительной жизни.

Городовое Положеніе 1785 г. установило слѣдующую классификацію составныхъ элементовъ „общества“ градскаго. Горожане были раздѣлены на

шесть разрядовъ, а именно: 1) „настоящіе городовые обыватели“, это—всѣ, владѣющіе недвижимостью въ чертѣ города независимо отъ своего сословнаго положенія; 2) купцы трехъ гильдій, объявившіе за собою соотвѣтствующіе капиталы; 3) цеховые ремесленники; 4) иногородные и иностранные гости; 5) „именитые граждане“, въ свою очередь, распредѣлявшіеся на семь разрядовъ или, по терминологіи Городового Положенія, на семь „наименованій“, а именно: а) дважды съ похвалою отправившіе выборную по городу должность; б) ученые, имѣющіе академическіе или университетскіе аттестаты; в) дипломированные Академіею художники; г) капиталисты, объявившіе за собой капиталъ не менѣе, чѣмъ въ 50 тысячъ рублей; д) банкиры съ капиталомъ отъ 100 до 200 тысячъ рублей; е) оптовые торговцы; ж) кораблехозяева, отпускающіе свои корабли за море; 6) посадскіе—такъ стали теперь называться городскіе старожилы, занимающіеся промысломъ, рукодѣліемъ или работою и не принадлежащіе ни къ одному изъ предшествующихъ разрядовъ.

Всѣ эти разряды городского населенія были призваны къ участію въ общегородскомъ самоуправленіи. Такъ какъ къ разряду „настоящихъ городовыхъ обывателей“ причислялись всѣ владѣльцы недвижимости въ чертѣ города, а слѣдовательно, и домовладѣльцы изъ дворянъ, духовныхъ и другихъ сословій, то участіе представителей этого разряда въ городскомъ самоуправленіи и придавало послѣднему всесословный характеръ.

Впрочемъ, отдѣльные разряды горожанъ не равномѣрно могли участвовать въ различныхъ органахъ городского самоуправленія, созданныхъ Городовымъ Положеніемъ 1785 г. Въ этомъ отношеніи была установлена довольно сложная и весьма неуклюжая комбинація учрежденій.

Во-первыхъ, разъ въ три года губернаторомъ должно было созываться „собраніе общества градскаго“. Въ этомъ собраніи могли участвовать съ правомъ голоса только крупные капиталисты изъ разряда именитыхъ гражданъ и купцы двухъ первыхъ гильдій, ибо право участія въ этомъ собраніи было ограничено имущественнымъ цензомъ въ размѣрѣ капитала не менѣе какъ въ 5000 рублей. Но наряду съ этимъ „собраніемъ общества градскаго“, состоявшаго только изъ купцовъ двухъ гильдій и капиталистовъ—именитыхъ людей, были введены еще два общегородскихъ учрежденія: общая городская дума и шестигласная дума. „Общая городская дума“ составлялась уже изъ представителей всѣхъ поименованныхъ выше шести разрядовъ городского населенія. А именно—„настоящіе городскіе обыватели“ посылали въ общую думу по одному представителю отъ каждой полицейской части города; гильдейское купечество — по одному отъ каждой гильдіи; цеховые ремесленники по одному изъ каждаго цеха; иностранные и иногородные гости по одному отъ каждаго „народа“; именитые граждане по одному отъ каждаго „наименованія“ и, наконецъ, посадскіе по одному отъ каждой полицейской части города.

Предсѣдательствовалъ въ „общей думѣ“ городской голова, который избирался на „собраніи общества градскаго“, т.-е. одними капиталистами изъ разряда именитыхъ гражданъ и купцами двухъ гильдій.

На основаніи этихъ правилъ московская „общая дума“ при своемъ открытіи въ 1786 г. получила, напримѣръ, такой составъ:

1—городской голова.
15—гласныхъ отъ настоящихъ городскихъ обывателей.
3—гласныхъ отъ гильдейскаго купечества.
16—гласныхъ отъ цеховъ.
12—гласныхъ отъ иностранныхъ гостей.
16—гласныхъ отъ иногородныхъ купцовъ.
1—гласный отъ именитыхъ гражданъ.
15—гласныхъ отъ посадскихъ.

Всего 79 человѣкъ.

Въ Петербургѣ въ томъ же 1786 г. составъ „общей думы“ былъ слѣдующій:

1—городской голова.
10—гласныхъ отъ настоящихъ городскихъ обывателей.
3—гласныхъ отъ гильдейскаго купечества.
61—гласный отъ цеховъ.
6—гласныхъ отъ иностранныхъ и иногородныхъ гостей.
1—гласный отъ именитыхъ гражданъ.
10—гласныхъ отъ посадскихъ.

Всего 92 человѣка.

Чтобы не ограничиваться столицами, приведу еще данныя о составѣ рижской общей думы за тотъ же годъ:

1—городской голова.
5—гласныхъ отъ настоящихъ городскихъ обывателей.
3—гласныхъ отъ гильдейскаго купечества.
35—гласныхъ отъ цеховъ.
2—гласныхъ отъ иностранныхъ и иногородныхъ гостей.
5—гласныхъ отъ посадскихъ.

Всего 51 человѣкъ.

Итакъ, только количество гласныхъ отъ гильдейскаго купечества оставалось одинаковымъ, по числу гильдій въ размѣрѣ трехъ. Количество гласныхъ отъ другихъ разрядовъ сильно варьировалось по отдѣльнымъ городамъ въ зависимости отъ различнаго количества полицейскихъ городскихъ частей и цеховъ.

Максимовъ. Невскій проспектъ въ концѣ XVIII в. Академія Художествъ.

Затѣмъ „общая дума“ выдѣляла изъ своей среды болѣе тѣсную коллегію—шестигласную думу, выбирая туда изъ числа своихъ членовъ по одному отъ каждаго изъ шести разрядовъ городского населенія. Кромѣ того, въ составъ „шестигласной думы“ входилъ ex officio городской голова. Наконецъ, въ городѣ дѣйствовалъ еще „магистратъ“, выбиравшійся только изъ среды купцовъ и ремесленниковъ города. По Городовому Положенію 1785 г. магистратъ являлся учрежденіемъ судебнымъ, по губернскому магистрату, несмотря на его сословный составъ, была, кромѣ того, присвоена функція надзора за всесословными думами.

Городовое Положеніе 1785 г. крайне сбивчиво и неясно опредѣляетъ порядокъ взаимоотношеній между перечисленными общегородскими учрежденіями. При самомъ тщательномъ изученіи этого законодательнаго памятника нельзя уловить, на какомъ принципѣ основывалъ онъ разграниченіе дѣятельности „собранія градскаго общества“ и „общей думы“. Ясно, однако, что названныя два учрежденія являлись по Городовому Положенію 1785 г. не соподчиненными, а параллельными органами. То была своеобразная и довольно уродливая комбинація, по которой завѣдываніе городскими дѣлами одновременно вручалось и собранію наиболѣе богатыхъ купцовъ („собраніе общества градскаго“), и коллегіи представителей всѣхъ разрядовъ городского населенія („общая дума“), при чемъ первому собранію всецѣло предоставлялось производство выборовъ городского головы, засѣдателей магистрата и Совѣстнаго суда и руководство составленіемъ городовой обывательской книги, а—всѣ прочія функціи по завѣдыванію городскими дѣлами одновременно присвоивались

Великій князь Павелъ Петровичъ.
Неизв. художника. (Музей Александра III.)

обоимъ этимъ учрежденіямъ, безъ всякой попытки сколько-нибудь ясно разграничить сферы ихъ дѣятельности.

Нѣсколько яснѣе опредѣляется взаимоотношеніе общей и шестигласной думъ. Вполнѣ точныхъ и опредѣлительныхъ постановленій мы не находимъ и по этому вопросу въ Городовомъ Положеніи 1785 г. Но изъ сопоставленія различныхъ статей этого Положенія можно все же заключить, что обѣ думы должны были вѣдать одинъ и тотъ же кругъ дѣлъ съ тѣмъ различіемъ, что шестигласная дума, избираемая изъ среды общей, учреждалась для всегдашняго отправленія этихъ дѣлъ, тогда какъ общая дума собиралась для разсмотрѣнія лишь болѣе трудныхъ и сложныхъ вопросовъ, по которымъ у шестигласной думы могли возникнуть какія-нибудь затрудненія. Слѣдовательно, шестигласная дума—не исполнительный органъ при общей думѣ, подобно городской управѣ нашего времени, а болѣе тѣсный и непрерывно дѣйствующій совѣтъ, правда, направляемый общимъ руководствомъ общей думы, но въ то же время въ цѣломъ рядѣ текущихъ дѣлъ обычнаго характера вполнѣ ее замѣняющій.

Посмотримъ же теперь, въ какой мѣрѣ осуществлялся во всей этой комбинаціи учрежденій принципъ всесословности городского самоуправленія. Мы только что видѣли, что „собраніе общества градскаго“ и „магистратъ“ являлись по Городовому Положенію 1785 г. всецѣло сословными учрежденіями. Напротивъ того, думы—общая и шестигласная—формально строились на всесословномъ началѣ, благодаря тому, что въ нихъ имѣлъ свое представительство всесословный разрядъ „настоящихъ городскихъ избирателей“.

Мы должны теперь, однако, отмѣтить, что и здѣсь провозглашенный на бумагѣ новый принципъ потерпѣлъ на практикѣ рѣзкое крушеніе при встрѣчѣ съ устойчивой и неподатливой изстаринной традиціей. Дворяне, имѣвшіе дома въ городахъ, не обнаруживали никакой склонности участвовать въ городскихъ думахъ наравнѣ съ купцами и посадскими „мужиками“. Въ этомъ отношеніи всесословный принципъ, введенный Екатериной II въ ея Городовое Положеніе, стоялъ въ полномъ противорѣчіи съ общими условіями и порядками русской жизни того времени и съ общимъ духомъ законодательства самой Екатерины. То была эпоха рѣзкаго обособленія сословныхъ группъ, эпоха окончательнаго расцвѣта крѣпостнаго права и дворянскихъ привилегій. — Какъ можно было разсчитывать на то, что среди этого неограниченнаго торжества сословной исключительности во всѣхъ отрасляхъ жизни люди вдругъ будутъ перерождаться на краткое время посѣщенія засѣданій городской думы и дружно приступятъ тамъ къ общей работѣ, забывъ о сословныхъ перегородкахъ? Для того времени то была явно безпочвенная мечта законодательницы. И немудрено, что тогда эта мечта такъ и не претворилась въ жизнь. Всего скорѣе можно было бы еще ожидать нѣкотораго успѣха въ этомъ на-

правленіи въ столицахъ, гдѣ и дворянства было больше, и дѣятельность по городскому самоуправленію могла сама по себѣ представить больше интереса, нежели въ провинціальныхъ городахъ того времени. Въ нашемъ распоряженіи имѣются какъ разъ подробныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ московскихъ думахъ въ царствованіе Екатерины II. И эти свѣдѣнія раскрываютъ картину полной неудачи попытки Екатерины установить совмѣстную работу сословій на поприщѣ муниципальнаго управленія. — Въ первое трехлѣтіе существованія московской городской думы (1786—1789 гг.) отъ настоящихъ городскихъ обывателей въ общую думу было выдвинута почти исключительно разная служилая мелочь—канцеляристы, низшіе служители—копіисты, капралы и т. п. Самыми высокими чинами въ этой группѣ были коллежскіе регистраторы и одинъ титулярный совѣтникъ. Настоящее дворянство, владѣвшее городскими домами, совсѣмъ не фигурировало въ думѣ.

Вскорѣ и чиновники стали уклоняться отъ участія въ думѣ. При этомъ было даже выдвинуто искусственное толкованіе одной статьи Городового Положенія съ цѣлью доказать, что и по смыслу закона будто бы дума должна состоять только изъ купцовъ и ремесленниковъ.—Въ статьѣ 172 Городового Положенія дѣйствительно было сказано:„ общая городская дума, бывъ составлена изъ людей, занятыхъ торгами, промыслами и ремеслами, обязана собираться по однажды въ каждый срокъ засѣданія (т.-е. разъ въ три года) или же, когда нужда и польза городская потребуетъ, и въ другое время“. Слова, обозначенныя мною здѣсь курсивомъ, и послужили для дворянъ формальнымъ основаніемъ для оправданія своего уклоненія отъ участія въ думѣ. Между тѣмъ легко видѣть, что эти слова вовсе не означали того, что дума должна состоять исключительно изъ купцовъ и ремесленниковъ. Вѣдь ст. 172 посвящена вовсе не опредѣленію состава думы, а опредѣленію сроковъ ея созыва, и упоминаніе о присутствіи въ думѣ людей, занятыхъ торговой и ремесленной дѣятельностью, приводится въ этой статьѣ лишь въ качествѣ мотива къ установленію рѣдкихъ созывовъ обыкновенныхъ собраній общей думы.—Но эта оговорка вовсе не исключала присутствія въ думѣ наряду съ купцами и ремесленниками также и гласныхъ, принадлежавшихъ къ другимъ общественнымъ состояніямъ. Статьи же 157 и 158, спеціально посвященныя опредѣленію состава думы, прямо призывали къ участію въ думѣ всѣхъ „настоящихъ городскихъ обывателей“ безъ какихъ-либо сословныхъ ограниченій. Несмотря на все это, за ссылкой на ст. 172 въ этихъ случаяхъ было признано полновѣсное значеніе, и гласные—дворяне быстро исчезли изъ городской думы. Отъ разряда „настоящихъ городскихъ обывателей“ въ думу стали проходить по домовладѣльческому цензу такіе же купцы, которые одновременно съ тѣмъ по объявляемымъ ими капиталамъ принадлежали и къ гильдейскому купечеству.

Такъ и Екатерининская городская дума оказалась на дѣлѣ такимъ же купеческо-ремесленнымъ учрежденіемъ, какимъ ранѣе были городовой магистратъ и посадскій сходъ. Идея всесословности городского самоуправленія была торжественно провозглашена, но не была осуществлена въ эпоху дѣйствія Екатерининскаго Городового Положенія.

Посмотримъ теперь, какова была судьба другой руководящей идеи этого Положенія.

Явились ли созданныя Екатериной II городскія учрежденія дѣйствительно самостоятельными органами городского самоуправленія, перешло ли на самомъ дѣлѣ завѣдываніе городскимъ общественнымъ хозяйствомъ въ руки представителей городского населенія?

Компетенція городскихъ думъ по Городовому Положенію 1785 г. очерчена въ 167 статьѣ этого законодательнаго памятника. Предметы вѣдомства думъ сведены здѣсь къ слѣдующимъ восьми рубрикамъ: 1) прокормленіе и содержаніе городскихъ жителей, 2) предотвращеніе ссоръ и тяжбъ города съ окрестными городами и селеніями, 3) сохраненіе въ городѣ мира, тишины и согласія, 4) наблюденіе порядка и благочинія, 5) обезпеченіе города привозомъ необходимыхъ припасовъ, 6) охрана городскихъ зданій, заведеніе нужныхъ городу площадей, пристаней, амбаровъ, магазиновъ, 7) приращеніе городскихъ доходовъ и 8) разрѣшеніе сомнѣній и недоразумѣній по ремесламъ и гильдіямъ.

Въ какой мѣрѣ думы получили фактическую возможность развивать самостоятельную дѣятельность во всѣхъ этихъ самимъ закономъ указанныхъ имъ направленіяхъ? Выполненіе четвертаго пункта этой программы—надзора за порядкомъ и благочиніемъ въ городѣ—съ самаго начала приняло характеръ несенія членами шестигласной думы полицейскихъ службъ по наряду мѣстной коронной администраціи. Губернаторъ и губернское правленіе предъявляли требованія, чтобы члены шестигласной думы являлись на дежурство на рынкахъ вмѣстѣ съ частными приставами для смотрѣнія за тѣмъ, чтобы при покупкахъ не было обману или обвѣсу; вызывали тѣхъ же гласныхъ на дежурство у рѣчныхъ перевозовъ и т. п. Замѣчательно, что статья 101 того же Городового Положенія прямо освобождала на будущее время записанныхъ въ гильдіи купцовъ отъ несенія разныхъ казенныхъ службъ, которыя были столь распространены въ до-екатерининской посадской общинѣ. Однако администрація совершенно игнорировала эту статью Городового Положенія и не переставала предъявлять къ членамъ думъ требованія личнаго отправленія ими разныхъ посылокъ и командировокъ по усмотрѣнію полицейскихъ властей. Тщетно думы протестовали противъ такого своеобразнаго пониманія п. 4 ст. 167 Городового Положенія. Московская шестигласная дума, напримѣръ, въ мартѣ 1787 г. въ отвѣтъ на требованіе губернскаго правленія, чтобы гласные дежурили у перевозовъ, донесла слѣдующее: „Наблюденіе за пере-

возами по 4 п. 167 ст. Городового Положенія принадлежитъ только до благочинія и частныхъ приставовъ, но совсѣмъ уже не есть законопозволительная должность думы, ибо таковая состоитъ не въ личномъ присмотрѣ, а въ предохраненіи и отвращеніи непорядковъ способомъ ея распоряженій, если же оная тѣмъ личнымъ по разнымъ мѣстамъ присмотромъ заниматься будетъ, то недостанетъ время уже имѣть собраніе въ назначенномъ для нея мѣстѣ и дѣлать повелѣнныя исполненія, а паче прилично ли будетъ быть при лодкахъ на безсмѣнномъ бдѣніи изъ находящихся въ думѣ членовъ именитыхъ гражданъ, градскаго головы и имѣющихъ чины оберъ-офицерскіе".

Однако, вопреки такимъ попыткамъ самозащиты со стороны думъ, губернское начальство упорно отказывалось различать распорядительныя и исполнительныя функціи примѣнительно къ городскимъ учрежденіямъ или, правильнѣе сказать, присвояя распорядительную власть самому себѣ, требовало отъ думскихъ гласныхъ лишь личнаго исполненія различныхъ служебныхъ посылокъ по нарядамъ губернскаго правленія. Аналогичная роль доставалась на долю думъ и по 1 пункту 167 статьи Городового Положенія, возлагавшему на думы заботы о матеріальномъ благосостояніи городского населенія. Выполненіе этого пункта на практикѣ свелось почти исключительно къ установленію таксъ на различные съѣстные припасы. При этомъ на долю думы выпадала только предварительная расцѣнка соотвѣтствующихъ продуктовъ, т.-е. опять-таки чисто черновая исполнительная работа, тогда какъ самое установленіе таксы на основаніи такой расцѣнки производилось коронной полиціей. Подобныя же функціи отправляла дума и при установленіи обязательныхъ мѣръ.

Великая княжна Наталья Алексѣевна.
(Музей Александра III).

Съ мѣропріятіями по установленію въ городѣ мѣръ и цѣнъ близко соприкасались дѣйствія думы вообще по урегулированію городскихъ промысловъ и торговли. Вопросы этого рода были отнесены къ компетенціи думы восьмымъ пунктомъ 167 статьи Городового Положенія. Но въ то же время по ремесленному положенію ремесленные цехи были подчинены магистрату. Создавались путаница и неустойчивость въ порядкѣ направленія дѣлъ, касавшихся такъ или иначе городского ремесла, и, въ концѣ-концовъ, эта путаница законодательныхъ постановленій открывала полный просторъ для произвола губернатора и губернскаго правленія, которые либо вершили такія дѣла по своему непосредственному усмотрѣнію, либо направляли ихъ то въ думу, то въ магистратъ, то въ городскую полицію безъ какой-либо постоянной системы, въ силу случайныхъ и произвольныхъ своихъ рѣшеній. Зато мѣропріятія по урегулированію городскихъ торговъ признавались безспорнымъ предметомъ вѣдѣнія думы, какъ это видно изъ дѣлопроизводства городскихъ думъ Екатерининской эпохи. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ мѣропріятія эти сводились къ воспрещенію и преслѣдованію въ городѣ торговой дѣятельности лицъ, не приписанныхъ къ городовому мѣщанству.

На первый взглядъ значительный просторъ для самодѣятельности думы открывался седьмымъ пунктомъ 167 статьи Городового Положенія, въ которомъ думѣ прямо присвоивалась инициатива по части заботъ о приращеніи городскихъ доходовъ на пользу города и по части распространенія заведеній, приписанныхъ къ Приказу общественнаго призрѣнія.

„Приращенія городскихъ доходовъ“, если не считать установленныхъ въ законѣ отчисленій въ пользу города отъ нѣкоторыхъ государственныхъ сборовъ, производились въ сущности только въ двухъ формахъ: 1) въ пользу города жаловались высочайшею властью нѣкоторыя имущества, могущія приносить городу доходъ и 2) дума сдавала на содержаніе отдѣльнымъ предпринимателямъ различныя оброчныя городскія статьи. Случай пожалованія городу цѣннаго имущества произошелъ въ Москвѣ въ 1786 г. Императрица пожаловала городу Москвѣ „для улаженія доходовъ его на разныя нужды“ обветшавшій каменный гостиный дворъ въ Китаѣ-городѣ съ тѣмъ, чтобы можно было продать въ пользу города какъ строеніе этого двора, такъ и состоящее подъ нимъ мѣсто. По статьѣ 167 въ распоряженіе пожалованнымъ городу имуществомъ, несомнѣнно, должна была вступить дума. Между тѣмъ московскій главнокомандующій передалъ все дѣло о реализаціи этого высочайшаго пожалованія спеціальному совѣщанію изъ представителей купцовъ, созванному помимо думы.

Что касается сдачи съ торговъ оброчныхъ городскихъ статей, то московская дума первоначально приступила было къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ въ этомъ направленіи, но уже въ мартѣ 1787 г. губернское правленіе прислало въ думу указъ съ выговоромъ за самовольную отдачу въ оброкъ

рыбныхъ ловлей, перевозовъ, вѣсовъ, лавочныхъ мѣстъ и другихъ городскихъ статей; на будущее время строго воспрещалось думѣ самостоятельно рѣшать дѣла по челобитьямъ о сдачѣ оброчныхъ статей безъ предварительнаго представленія о томъ главнокомандующему или губернатору. И съ этого момента дума перешла на положеніе лишь передаточной инстанціи при направленіи этого рода дѣлъ главнокомандующему. Дума принимала прошенія, наводила по нимъ предварительныя справки, рапортовала о нихъ главнокомандующему или губернатору и ожидала его указа. Къ этому сводилась вся ея роль.

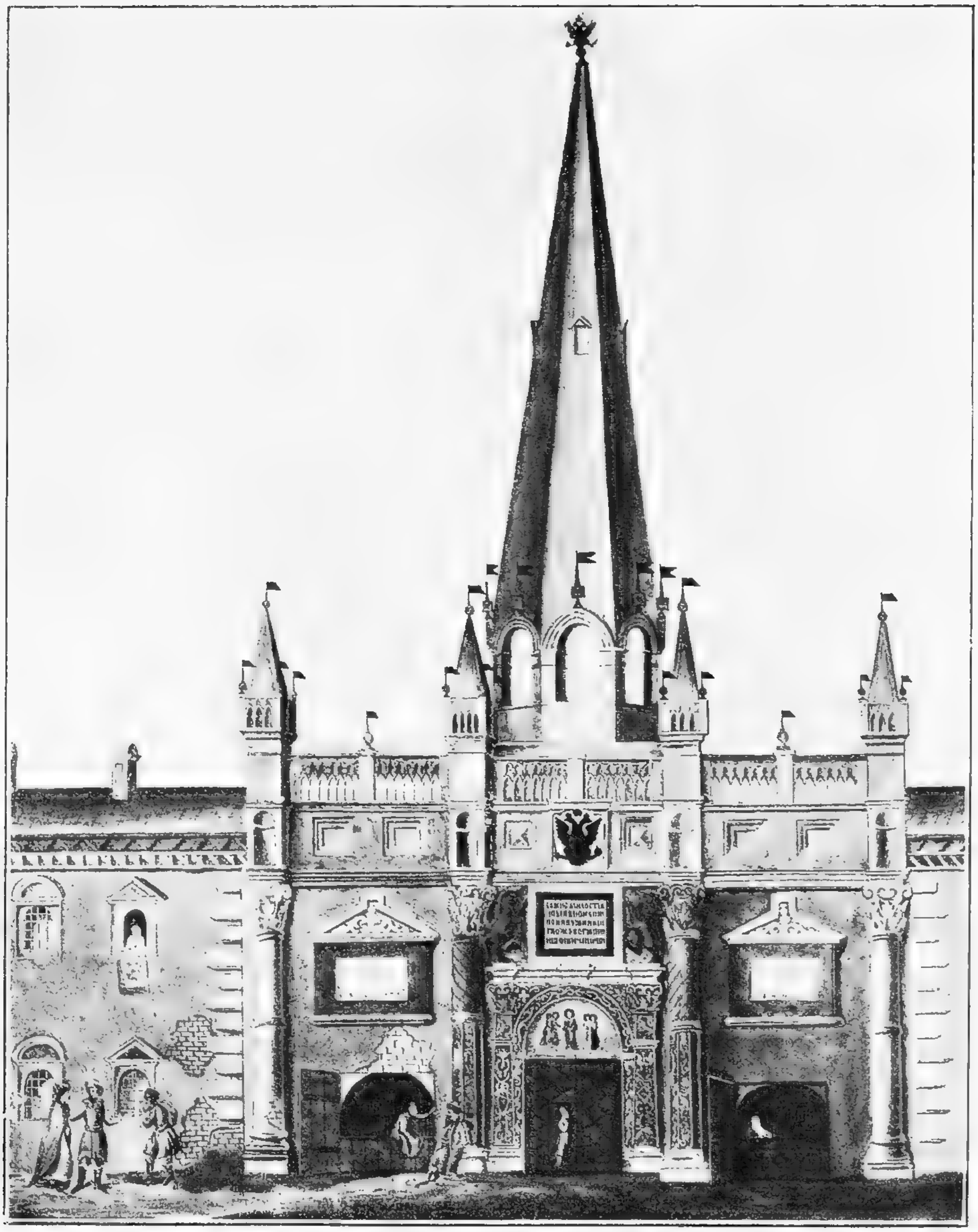
Такой порядокъ взаимныхъ отношеній между думою, какъ органомъ „городского общества“, и коронньмъ начальствомъ города вовсе не вытекалъ изъ постановленій Городового Положенія 1785 г.,—на основаніи Положенія отношенія эти должны были сводиться лишь къ тому, что, какъ генералъ-губернатору и губернатору предоставлялось дѣлать отъ себя предложенія городскому обществу о нуждахъ города, которыя подлежали обсужденію городского общества (ст. 30 и 38), такъ и городскому обществу и магистрату предоставлялось дѣлать представленія губернскому правленію и губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ (ст. 8 и 36); ясно, что въ силу этого дума вовсе не лишалась распорядительной власти въ кругу предоставленныхъ ея вѣдѣнію дѣлъ. Эти статьи Положенія лишь давали возможность губернскому начальству ставить на очередь думскаго обсужденія различные вопросы городской жизни, а думѣ — возможность обращаться за содѣйствіемъ губернскаго начальства въ дѣлахъ, касающихся городскихъ общественныхъ нуждъ, поскольку она сама не могла разрѣшить этихъ дѣлъ своей распорядительной властью. Затѣмъ всякое дальнѣйшее вмѣшательство коронныхъ властей въ дѣятельность думы должно было по смыслу Городового Положенія ограничиваться лишь надзоромъ за законностью думскихъ постановленій. Статьи 37 и 170 Городового Положенія ясно установляли, что въ предѣлахъ своей компетенціи дума не можетъ принимать лишь противозаконныхъ постановленій. Между тѣмъ губернское начальство на практикѣ сосредоточивало въ своихъ рукахъ распорядительную власть во всѣхъ дѣлахъ, отнесенныхъ ст. 167 къ вѣдѣнію думы.

Такое же вмѣшательство мѣстной коронной власти въ права думы, не оправдываемое постановленіями Городового Положенія, распространялось и на важную область распоряженія городскими финансами. Городовое Положеніе различало въ этомъ отношеніи: 1) казну, составляемую добровольными складками гражданъ по приговорамъ городского общества, и 2) казну, составляемую изъ городскихъ доходовъ, установленныхъ въ самомъ положеніи, а именно: а) изъ обязательныхъ отчисленій въ пользу города извѣстнаго процента отъ пошлиннаго сбора съ портовыхъ и пограничныхъ таможенъ, б) изъ такихъ же отчисленій отъ казеннаго дохода съ питейной продажи, в) изъ доходовъ

съ выморочныхъ имѣній, г) изъ доходовъ отъ эксплуатаціи городскихъ мельницъ, рыбныхъ ловель и перевозовъ, д) изъ штрафныхъ денегъ, собираемыхъ съ купцовъ и мѣщанъ.

Расходованіе суммъ, собиравшихся въ порядкѣ самообложенія, Городовое Положеніе всецѣло предоставляло усмотрѣнію городскихъ обществъ. Суммы, поступавшія изъ указанныхъ доходовъ, выше перечисленныхъ, городскія общества также могли издерживать „собою“, но лишь на опредѣленные предметы, а именно: на содержаніе магистратовъ и прочихъ должностныхъ лицъ по городскому управленію, на содержаніе школъ и другихъ заведеній, ввѣренныхъ Приказу общественнаго призрѣнія и на строеніе и починку городскихъ зданій и прочихъ городскихъ сооруженій. И только для расходованія указанныхъ суммъ на какіе-либо иные предметы, сверхъ исчисленныхъ въ Городовомъ Положеніи, требовалось разрѣшеніе губернатора. Такимъ образомъ, предѣлы вмѣшательства губернской администраціи въ распоряженіе городскими финансами были указаны совершенно точно. Но всѣ эти постановленія, гарантировавшія для общества градскаго значительную самостоятельность въ распоряженіи городскими финансами, остались лишь на бумагѣ, а въ дѣйствительности были стремительно и безпрепятственно опрокинуты самовластіемъ коронной администраціи. Въ Москвѣ уже въ мартѣ 1787 г. губернское правленіе прислало въ думу указъ, въ которомъ говорилось, чтобы дума впредь не производила никакихъ расходовъ „самовольно, безъ истребованія отъ вышнихъ начальствъ повелѣній“. И дѣлопроизводство московской думы за время царствованія Екатерины II показываетъ, что это распоряженіе губернскаго правленія, шедшее въ разрѣзъ съ закономъ, примѣнялось съ неукоснительною точностью.

Предшествующее изложеніе, думается мнѣ, вполнѣ уполномочиваетъ насъ на тотъ заключительный выводъ, что городская реформа Екатерины II явилась чисто бумажной реформой, не измѣнившей реально прежнихъ основъ муниципальнаго строя. Всесословность и самостоятельность муниципальныхъ учрежденій были громко провозглашены въ Городовомъ Положеніи 1785 г., и въ этомъ отношеніи названный законодательный памятникъ рѣзко порвалъ съ изстаринной исторической традиціей. Но эти лозунги не гармонировали съ общими условіями русской жизни того времени, и потому на практикѣ они должны были потерпѣть полное крушеніе при встрѣчѣ съ противоположными началами стародавняго происхожденія. Для осуществленія всесословности городского самоуправленія надлежало предварительно если не уничтожить совершенно, то, по крайней мѣрѣ, обезсилить, сгладить разобщеніе сословныхъ группъ въ строеніи самого общества. Эта задача была достигнута съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ лишь послѣ паденія крѣпостного



Московскій печатный дворъ (до 1773 г.).

Историческій музей.

права и потому не Городовое Положеніе 1785 г., а Городовое Положеніе 1870 г. явилось отправной точкой развитія всесословнаго городского самоуправленія въ Россіи.

Для осуществленія независимости и самостоятельности городского самоуправленія въ кругу присвоенныхъ ему по закону задачъ необходимо было предварительно утвердить весь строй общегосударственнаго управленія на незыблемыхъ началахъ строгой закономѣрности. Эта задача не достигнута во всей мѣрѣ и посейчасъ, и потому и современное намъ городское самоуправленіе далеко отъ той постановки, которая соотвѣтствовала бы истинному существу этого понятія.

Городовое Положеніе Екатерины II, такимъ образомъ, въ своихъ основныхъ руководящихъ идеяхъ было обращено лицомъ къ отдаленному будущему. Немудрено, что введенныя этимъ Положеніемъ учрежденія въ своей практической постановкѣ нисколько не отразили этихъ руководящихъ идей, а явились лишь тѣми новыми мѣхами, въ которыхъ продолжало киснуть прежнее вино.

А. Кизеветтеръ.

Изъ дворцовой утвари XVIII в. Кубки изъ перламутровой раковины. Оружейная палата.)

Школа Екатерининской эпохи.

Петровская школа была утилитарно-государственной и профессіональной. Быстро, но мало продуманно насаждая въ Россіи свѣтское школьное обученіе, Петръ не ставилъ себѣ какихъ-либо широкихъ педагогическихъ задачъ. Прямолинейно и просто, узко-практически рѣшалъ онъ очередные назрѣвшіе вопросы, изъ которыхъ школьный былъ однимъ изъ наболѣвшихъ.

Не то мы видимъ въ эпоху Екатерины II. Можно говорить о цѣломъ педагогическомъ движеніи, начатомъ сверху и вовлекшемъ въ себя не только такихъ передовыхъ людей, какъ Бецкой, Новиковъ, Фонвизинъ, но и нѣкоторые общественные круги. Идейное движеніе возникаетъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ западно-европейской мысли, но эта мысль часто усвоивается нашими школьными реформаторами поверхностно и своеобразно, хотя и порождаетъ смѣлыя начинанія. И прежде всего сама императрица проявила исключительный интересъ къ вопросамъ воспитанія. Для нея былъ легче всего открытъ непосредственный доступъ къ источникамъ западно-европейскаго просвѣщенія. Ученица Локка и Монтескье, Екатерина вслѣдъ за ними могла задуматься надъ многими проблемами педагогики, осо-

бенно когда на ея долю выпала отвѣтственная задача—рѣшать судьбы русской школы. Правда, ея школьная политика неустойчива и случайна, ея планы не проводятся въ жизнь до конца, часто она остывала въ своихъ начинаніяхъ, еще чаще поддавалась требованію властной дворянской среды.

Исходнымъ пунктомъ всѣхъ плановъ и проектовъ 1760—70 гг. служитъ самое понятіе воспитанія, о которомъ почти совсѣмъ не думали при Петрѣ. Этому понятію придается спеціальное значеніе, какъ проблемѣ прежде всего моральнаго воспитанія. Созданіе добродѣтельнаго человѣка, культура сердца—вотъ главная задача воспитанія. Этотъ принципъ, односторонне усвоенный, былъ взятъ у западныхъ мыслителей—Локка, Фенелона, Руссо, Базедова и др.,—которые, дѣйствительно, на первое мѣсто выдвигали нравственное воспитаніе, сердцу отдавали предпочтеніе передъ умомъ.

И. И. Бецкой. Росселена. (Академія Художествъ.)

Въ „Наказѣ“ императрица писала, что „правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами“. Въ этомъ случаѣ „гражданинъ“ отождествляется съ „человѣкомъ добродѣтельнымъ“, у котораго съ раннихъ лѣтъ нужно „утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ“, котораго нужно наставлять „всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными обществу членами и служить оному украшеніемъ“. Въ педагогической инструкціи Салтыкову настойчиво проводится та же мысль: „Когда добродѣтель и добронравіе вкоренятся въ душахъ дѣтей, все прочее пріидетъ ко времени“. Эта мысль всецѣло раздѣлялась ближайшими сотрудниками Екатерины и особенно Бецкимъ; отзвуки ея проникли и въ литературу. Такъ, Стародумъ въ „Недорослѣ“ поучаетъ: „Умъ, коль онъ только умъ,—самая бездѣлица. Прямую цѣну уму даетъ благонра-

віе: безъ него умный человѣкъ—чудовище... Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу".

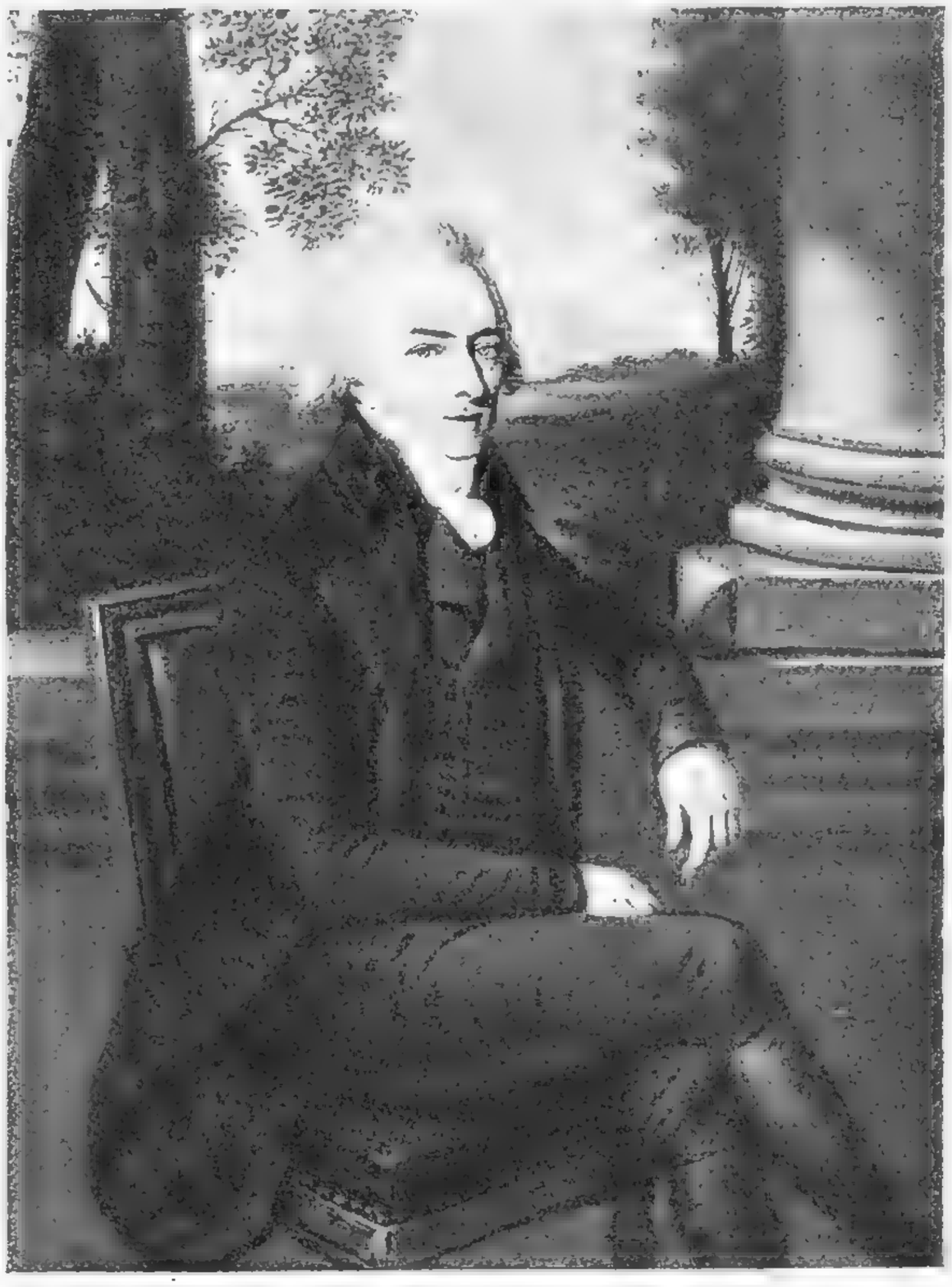
На школу возлагается высокая и крайне отвѣтственная задача—не только учить, но и воспитывать, т.-е. подготовлять новое поколѣніе къ болѣе совершенной жизни. Съ точки зрѣнія нашихъ реформаторовъ, задачу воспитанія—„исправлять сердца и нравы народа"—не могла выполнить малокультурная русская семья. Послѣдняя не разъ дѣлалась предметомъ сатиры нашихъ журналовъ, ея невѣжество и предразсудки осмѣиваетъ комедія Фонвизина и Сумарокова и прежде всего самой императрицы. Еще до своего воцаренія Екатерина скептически относилась къ домашнему воспитанію русской дворянской молодежи: „Это воспитаніе, — пишетъ она въ своемъ дневникѣ, — есть не что иное, какъ грязный ручей; когда сдѣлается онъ потокомъ?" Подсмѣивается она и надъ домашними гувернерами-иностранцами, часто грубо эксплуатировавшими наивное легковѣріе русскаго дворянина. Ея госпожа Вѣстникова такъ говоритъ по адресу француза-учителя: „Ужасть какъ мнѣ хочется выгнать эту харю изъ дома! Да ужъ и обѣщали мнѣ достать какого-то другова учителя, который гдѣ-то былъ прежде скороходомъ; а этотъ пусть себѣ попрежнему опять пойдетъ въ кучера къ кому-нибудь".

Ученики Монтескье и Локка, Екатерина и Бецкой знаютъ, что воспитаніе зависитъ отъ среды. Въ „Духѣ законовъ", этомъ „молитвенникѣ государей", какъ назвала его императрица, ясно проводилась мысль объ естественной зависимости существующихъ учрежденій отъ потребностей среды, и самъ человѣкъ въ его нравственно-культурныхъ навыкахъ разсматривался, какъ ея продуктъ. Естественъ былъ выводъ, что грубая, патріархальная русская семья не можетъ служить надежной средой для воспитанія и созданія совершеннаго поколѣнія. А если такъ, нужно создать иную среду, хотя бы и искусственную, но, во всякомъ случаѣ, болѣе высокую въ культурномъ отношеніи.

Такъ возникли утопическіе планы — создавать новую породу людей въ искусственныхъ питомникахъ, покрыть Россію сѣтью закрытыхъ школъ, съ дѣтскихъ лѣтъ вплоть до юности отрывавшихъ будущихъ отцовъ и матерей отъ „пагубнаго" вліянія семьи. Практика не отставала отъ такой теоріи, и въ три-четыре года появились эти закрытыя школы, на которыя возлагались исключительныя соціально-педагогическія надежды — подготовить „третій чинъ людей", создать новую породу добродѣтельныхъ гражданъ. Въ маѣ 1764 г. утверждается уставъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ, черезъ полгода появляется уставъ воспитательнаго училища при Академіи Художествъ, а въ слѣдующемъ году по образцу послѣдняго было создано воспитательное отдѣленіе при Академіи Наукъ и утвержденъ уставъ училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для мѣщанскихъ дѣвицъ; въ сентябрѣ 1766 г.

появляется новый уставъ сухопутнаго шляхетскаго корпуса и, наконецъ, въ августѣ 1767 г.—генеральный планъ Московскаго воспитательнаго дома.

Такого грандіознаго опыта не зналъ Западъ, но все же кой-что наши смѣлые реформаторы могли заимствовать и оттуда; такъ, въ основу устава Смольнаго института, несомнѣнно, былъ положенъ уставъ извѣстнаго дѣтища г-жи Ментенонъ—женскаго учебнаго заведенія для бѣдныхъ дворянокъ въ Сенъ-Сирѣ. Біографъ Бец-



Гр. А. К. Разумовскій. Гуттенбруна. (Музей импер. Александра III.)

кого наглядно сопоставляетъ строй того и другого учрежденія: и управленіе, и постановка воспитанія приблизительно одни и тѣ же. Да и судьба Смольнаго во многомъ напоминаетъ исторію Сенъ-Сира—изъ строго воспитательной школы онъ роковымъ образомъ превращался въ утѣху придворныхъ.

При реализаціи такого утопическаго плана прежде всего встрѣтилась острая нужда въ опытныхъ педагогическихъ силахъ. Разумѣется, ни въ коемъ случаѣ не могло осуществиться высказанное немного позднѣе пожеланіе „генеральнаго плана гимназій или государственныхъ училищъ“, чтобы воспитателями были не чужестранцы, а русскіе „природные люди“. Обойтись безъ помощи иностранцевъ было очень затруднительно. Самъ Бецкой, идейный вдохновитель императрицы въ этихъ ея смѣлыхъ педагогическихъ экспериментахъ, съ тревогой смотрѣлъ въ будущее: „Если найдутся подобные учителя, — писалъ онъ,—то объ успѣхахъ сомнѣваться не можно; буде же, по несчастью, такихъ людей не достанемъ, тщетны будутъ всѣ предписанія и всѣ старанія о произведеніи благонравія и успѣховъ“. Будущее осязательно показало, что эта дилемма роковымъ образомъ разрѣшалась далеко не въ пользу перваго предположенія. А тогда весь сложный планъ возро-

женія гражданъ къ новой жизни, какъ это и предвидѣлъ Бецкой, терялъ все свое значеніе, поселяя охлажденіе и разочарованіе въ сердцахъ реформаторовъ.

Эти школы носили характеръ не профессіональный, а общеобразовательный. Но онѣ были рѣзко сословны; благородное сословіе дворянское совершенно обособлялось отъ мѣщанскаго, а крѣпостная масса и совсѣмъ отстранялась отъ школы. Если дворянамъ старались привить „свѣтскія добродѣтели“ и развивать въ нихъ „благородство“, то мѣщанъ прежде всего хотѣли пріучить къ труду и укрѣпить въ нихъ добронравіе. Организуя первыя школы, Екатерина выступила энергичной защитницей женскаго образованія; до той поры образованіе дѣвушки всецѣло оставалось въ предѣлахъ семьи. Существовали кое-гдѣ частные пансіоны, но настоящихъ школъ не было. Извѣстно, какъ неохотно отдавали на первыхъ порахъ дворянскихъ дѣтей въ Смольный институтъ, и какія энергичныя мѣры при этомъ употреблялись.

Новыя школы не получили широкаго распространенія, какъ предполагалось сначала. Очевидно, первый опытъ внушалъ опасенія. Возлагались надежды на особую „комиссію объ училищахъ и призрѣнія требующихъ“, спеціально выдѣленную изъ общей „Комиссіи для составленія новаго Уложенія“. Но работы послѣдней медленно подвигались впередъ, да такъ и остались незавершенными. Параллельно съ дѣятельностью послѣдней шла работа другой, составленной изъ пяти лицъ: сенатора Теплова, исторіографа Миллера, проф. Дильтея, капеллана англійской факторіи въ Петербургѣ Дюмареска и вице-президента юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ фонъ-Клингштета. Эта комиссія уже въ концѣ 1766 г. представила детально разработанный „генеральный планъ гимназій, или государственныхъ училищъ“.

Эти гимназіи являются опять строго закрытыми „пансіонными домами“. Опять идетъ рѣчь объ искусственныхъ питомникахъ, въ которыхъ идеальные воспитатели, эти „разумные и проницательные испытатели сердца человѣческаго“, могли бы „повсечасно или, лучше сказать, повсеминутно“ исправлять сердце съ раннихъ лѣтъ оторванныхъ отъ семьи дѣтей. Какъ видно, авторы проекта готовы идти дальше Бецкого. Но интересно въ этомъ проектѣ то, что въ немъ идетъ рѣчь объ устройствѣ различныхъ типовъ школъ, въ виду „разности званій и намѣреній учащихся“: 1) училища для ученыхъ людей, 2) военныя, 3) гражданскія и 4) купеческія. Всѣ эти гимназіи должны находиться въ вѣдѣніи особаго учрежденія съ протекторомъ во главѣ, при которомъ имѣется особый совѣтъ изъ ученыхъ людей. Эта же комиссія представила любопытный планъ: „Какимъ образомъ во всѣхъ россійскихъ городахъ и мѣстечкахъ учредить школы для простого народа безъ всякаго государственнаго расхода и народнаго отягощенія“. Первый параграфъ этого плана гласитъ: „Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ россійскихъ для общаго

всему находящемуся тамъ юношеству обученія учредить одну или, смотря по пространству мѣста, и больше публичныхъ школъ для простого народа". Обученіе въ этихъ школахъ должно быть обязательнымъ, и родители, избѣгающіе школъ, подлежатъ довольно высокому штрафу. Содержаніе этихъ школъ всецѣло падаетъ на мѣстныхъ жителей, которые за каждаго ученика ежегодно вносятъ „не больше полтины", съ добавленіемъ нѣсколькихъ копеекъ на дрова, свѣчи и учебные матеріалы. Школы находятся въ непосредственномъ завѣдываніи духовенства и мѣстныхъ магистратовъ. Понятно, что эти публичныя школы намѣчаются не для крѣпостного сословія: „въ этомъ званіи науки вовсе не надобны". Имѣются въ виду лишь интересы мелкихъ мѣщанъ и ремесленниковъ.

Работы „Комиссіи объ училищахъ и призрѣнія требующихъ" остались незаконченными. Наиболѣе разработаннымъ оказался „проектъ о нижнихъ деревенскихъ училищахъ", намѣчающій принципы всеобщаго и обязательнаго обученія. Школа должна быть въ каждомъ селѣ и даже въ большихъ деревняхъ. „Поселяне обязаны дѣтей своихъ мужского пола отдавать въ школы отъ 8-ми лѣтъ возраста ихъ до 12-ти". „Дѣти женскаго пола всему тому обучаться могутъ, есть ли пожелаютъ ихъ родители". Изъ среды прихожанъ—очевидно, и крестьянъ—избираются особые попечители школъ „для наблюденія порядка, предписаннаго въ семъ уставѣ". Авторы проекта надѣются, что и помѣщикъ приметъ ближайшее участіе въ созданіи этихъ школъ и будетъ „имѣть долгъ" принуждать крестьянъ быть хорошими попечителями. Содержаніе и этихъ школъ всецѣло ложится на мѣстное населеніе, и сборы деньгами или хлѣбомъ производятся тѣми же попечителями.

Итакъ, все же прозвучалъ и голосъ въ пользу организаціи школъ для всѣхъ сословій. Лица, избранныя въ „Комиссію для составленія новаго Уложенія", сознали, что школа является отнюдь не привилегіей благороднаго дворянства, но что въ ней нуждаются и широкія массы. Правда, эти массы своими средствами должны обезпечить существованіе народныхъ школъ, въ то время какъ среднее и высшее образованіе для привилегированныхъ сословій обезпечивается самимъ государствомъ: сословная тенденція, такимъ образомъ, остается постоянной во всѣхъ школьныхъ проектахъ Екатерининской поры и позднѣе.

Отъ этихъ проектовъ перейдемъ къ организаціи школъ во вторую половину эпохи Екатерины II. Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся уже съ жизненнымъ и реально продуманнымъ планомъ, чуждымъ утопій и эффектной грандіозности. Какъ построеніе школьнаго плана, такъ и проведеніе его въ жизнь попало въ руки реальныхъ политиковъ, умѣло взявшихся за дѣло.

На этотъ разъ съ Запада заимствуются не однѣ лишь идеи, но и реальный опытъ, непосредственно провѣренный жизнью и давшій положительные результаты. Этотъ опытъ не могъ быть цѣликомъ примѣненъ къ своеобраз-

нымъ условіямъ русской жизни, и тѣмъ большаго искусства и напряженія требовалось отъ реформаторовъ.

Австрійская система народнаго образованія представлялась наиболѣе соотвѣтствующей реальнымъ нуждамъ Россіи. Она удачно разрѣшала школьный вопросъ и организаціей концентрически построенныхъ школъ, доступныхъ и низшимъ слоямъ населенія, и устройствомъ соотвѣтствующихъ институтовъ для подготовки учителей, и децентрализаціей въ управленіи школами; наконецъ, живымъ духомъ преподаванія, разумными методами обученія, что сообщало австрійскимъ школамъ дѣйствительно реформаторскій характеръ.

Ознакомившись съ характеромъ австрійскихъ школъ еще при личномъ свиданіи въ Могилевѣ съ Іосифомъ II и всецѣло сочувствуя подобной реформѣ, Екатерина вскорѣ же встрѣтила энергичную поддержку и со стороны Гримма, и со стороны будущаго участника въ проведеніи реформы у насъ, академика Эпинуса. Послѣдній составилъ даже подробную записку, въ которой выяснялось, какъ именно слѣдовало бы примѣнить австрійскую систему у насъ. Въ свою очередь, и императрица набросала краткій планъ, въ которомъ, въ соотвѣтствіи съ заключеніемъ Эпинуса, предполагалось пригласить первыхъ учителей изъ славянъ.

Вскорѣ же въ Россію былъ приглашенъ директоръ иллирійскихъ школъ, ученый сербъ Янковичъ де-Миріево, такъ много поработавшій совмѣстно съ Мессмеромъ и Фельбигеромъ при проведеніи школьной реформы въ Венгріи. Съ именемъ этого серба, всецѣло отдавшагося насажденію школъ въ Россіи, неразрывно связанъ самый процессъ реформъ, и его справедливо считаютъ творцомъ первой русской общеобразовательной школы. Не занимая официальнаго положенія вплоть до 1797 г., Янковичъ былъ наиболѣе компетентнымъ руководителемъ и дѣятельнымъ работникомъ реформируемой русской школы. 7 сентября 1782 г. была утверждена „Комиссія объ устроеніи училищъ“, а черезъ три недѣли ею уже былъ составленъ „Планъ къ установленію народныхъ училищъ въ Россійской имперіи“, учебная часть котораго была всецѣло написана Янковичемъ. Этотъ планъ и легъ впослѣдствіи въ основу устава народныхъ училищъ 5 августа 1786 года.

Австрійская система предусматривала три вида концентрически построенныхъ, естественно входящихъ одна въ другую народныхъ школъ: тривіальную (городскую и сельскую) начальную, главную, откуда былъ доступъ въ высшія школы, и нормальную, спеціально подготовлявшую учителей для начальной школы. Усвоивъ сущность концентровъ, нашъ уставъ 1786 г., однакоже, весьма существенно отступалъ отъ плана австрійскихъ школъ. Наши малыя двухклассныя школы соотвѣтствовали сельскимъ, а среднія трехклассныя—лишь городскимъ австрійскимъ тривіальнымъ школамъ, и, наконецъ, главныя—главнымъ и австрійскимъ. Позднѣе у насъ установилось

Кошелевъ. Зимнее катанье Императрицы Екатерины Петровны въ с. Покровскомъ.

лишь два типа школъ—малыя двухклассныя и главныя четырехклассныя, при чемъ первыя учреждались лишь въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ. Такимъ образомъ сельское населеніе и на этотъ разъ было лишено школы, въ чемъ снова сказалась сословная тенденція нашихъ просвѣтителей. Затѣмъ образованіе не дѣлалось обязательнымъ, что систематически было проведено въ Австріи. Наконецъ, нашъ уставъ, игнорируя организацію австрійскихъ нормальныхъ школъ, имѣвшихъ цѣлью подготовлять учителей для низшихъ школъ, не рѣшалъ какъ слѣдуетъ вопроса о подготовкѣ будущихъ учителей, и недостатокъ въ учителяхъ надолго остался больнымъ мѣстомъ нашихъ школъ и очень задерживалъ проведеніе самой реформы. И въ самомъ дѣлѣ, лишь при одномъ главномъ училищѣ въ Петербургѣ была организована одна учительская семинарія для сотни стипендіатовъ, которыми, по капризной судьбѣ нашей школы вообще, сдѣлался худшій элементъ духовныхъ семинарій. Духовное начальство ревниво относилось къ новымъ свѣтскимъ школамъ и неохотно, подъ большимъ давленіемъ сверху, жертвовало своими воспитанниками въ интересахъ такихъ школъ, посылая туда тѣхъ, кто „къ высшимъ наукамъ безнадежны“. Понятно, что эта учительская семинарія кое-какъ влачила свое существованіе, выпуская сомнительныхъ, бездарныхъ дѣятелей народнаго просвѣщенія. Число учащихся таяло, а въ теченіе двухъ лѣтъ (1792—4 гг.) преподаваніе въ ней и совсѣмъ замерло. Такимъ образомъ за двадцатилѣтній періодъ своей жизни эта семинарія могла подготовить лишь 425 учителей. Семинарія не могла привлечь живыхъ силъ, которыя бы по собственному побужденію шли туда, и, напримѣръ, за цѣлый

Великая княгиня Марія Ѳеодоровна. Скородумова.
(Музей Александра III).

пятилѣтній періодъ, съ 1786 по 1790 г., изъ 41 учителя, назначенныхъ въ малыя народныя училища Московской губерніи, только одинъ Прохоровъ оказался подготовлявшимся къ учительской должности по своему желанію. Къ началу 1787 г. было подготовлено семинаріей только 6 учителей, а къ концу этого же года научились „оному учебному способу“ еще 7 человѣкъ. Въ слѣдующемъ году изъ семинаріи убѣжалъ одинъ изъ воспитанниковъ Сахаровъ, и раньше не разъ исчезавшій изъ духовной семинаріи, но скоро былъ найденъ, доставленъ подъ конвоемъ въ главное народное училище и отданъ въ солдаты; Куняевъ, пробывшій уже два года учителемъ московскаго арбатскаго училища, былъ уволенъ „за оказавшеюся въ немъ неспособностью къ учительской должности“; Нечаевъ растратилъ довѣренныя ему Приказомъ общественнаго призрѣнія деньги на содержаніе его товарищей-семинаристовъ, а Безгрозовъ черезъ полгода послѣ своего назначенія въ московское покровское училище былъ „отрѣшенъ отъ должности за непорядочную жизнь“ (В. Эйнгорнъ. Московское главное народное училище въ концѣ XVIII вѣка. „Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1910 г.).

Неопредѣленно и юридически не установлено было положеніе учителей народныхъ училищъ. § 54 устава глухо говорилъ, что они „считаются въ дѣйствительной службѣ императорскаго величества и могутъ ожидать тѣхъ же воздаяній, которыя рачительною службою въ другихъ званіяхъ пріобрѣтаются“. Но такъ какъ не существовало центральнаго управленія, къ которому были бы причислены учителя, и такъ какъ государственная служба была лишь привилегіей дворянства, которое не шло въ учителя, то учителя вплоть до 1794 г. не имѣли вовсе чиновъ. Чтобы лучше закрѣпить учителей къ мѣсту ихъ незавидной службы, нуженъ былъ особый указъ, воспрещающій бывшимъ казеннымъ воспитанникамъ семинаріи переходить на какую-либо иную службу.

Возлагая наблюденіе за исполненіемъ устава на „главное училищное правительство“, подчиняющееся непосредственно верховной власти, уставъ 1786 г. не выяснялъ, какому именно учрежденію должны принадлежать эти функціи.

Въ губерніяхъ же высшимъ органомъ учебнаго управленія является губернаторъ: онъ заботится о распространеніи школъ, назначаетъ учителей, преобразовываетъ малыя школы въ главныя, ревизуетъ училища, „какъ заведенія, не менѣе другихъ въ себѣ пользы заключающія“, и пр.

Къ завѣдыванію школами привлекаются и приказы общественнаго призрѣнія, изъ членовъ которыхъ избирается губернскій директоръ, также наблюдающій за школами.

На эти же приказы общественнаго призрѣнія всецѣло возлагается обязанность „пещись о содержаніи училищъ, изобрѣтая къ тому всѣ потребные способы“. Очевидно, правительство разсчитывало, что на содержаніе училищъ

будутъ поступать особыя пожертвованія отъ мѣстныхъ обществъ. Но притокъ этихъ средствъ, въ среднемъ, былъ слишкомъ скуденъ, по 1800 годъ только около 7200 р. на губернію, тогда какъ по штатамъ устава содержаніе главныхъ училищъ установлялось въ размѣрѣ 2500 р., а на малыя—500 р. И дѣйствительно, установленная въ 1801 г. самой комиссіей статистика школъ показываетъ, что онѣ возникали непослѣдовательно и случайно. Всего быстрѣе число школъ росло за періодъ времени 1786—93 гг., когда были открыты главныя училища, а затѣмъ, когда забота объ открытіи и управленіи школами была передана комиссіей мѣстной администраціи, число школъ перестаетъ возрастать и начинаетъ падать. Такъ слабъ былъ интересъ къ школѣ и просвѣщенію у мѣстныхъ органовъ и самого населенія.

Въ 1786 г. были открыты главныя училища въ 25 губерніяхъ, а съ 1782 г. стали открываться они и въ остальныхъ 16 губерніяхъ.

Центральная власть осталась очень довольна достигнутыми результатами. Еще въ 1784 г. Екатерина писала Гримму: „Знаете ли вы или не знаете, что мы здѣсь въ Петербургѣ имѣемъ въ теченіе года 10 нормальныхъ школъ и въ этихъ десяти школахъ болѣе тысячи учениковъ? Не находите ли во мнѣ сегодня большого желанія передъ вами похвастаться?“

Дѣйствительно, внѣшняя цифровая сторона школьнаго дѣла была недурна. Екатерина съ гордостью могла писать своимъ заграничнымъ корреспондентамъ, что нашла „мерзость запустѣнія“ въ учебной сферѣ и къ концу своей жизни создала болѣе трехсотъ школъ съ 744 учителями и 17340 учащимися.

Характерныя особенности этихъ школъ заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ безсословны, а затѣмъ — общеобразовательны и реальны. Городское населеніе, каково бы оно ни было, безъ всякихъ сословныхъ преимуществъ получало открытый доступъ въ эти школы. Дворяне, мѣщане, духовные и даже крѣпостные—встрѣчаются здѣсь съ одинаковымъ правомъ. „Подлая“ порода не принижается передъ „благородной“. Такъ, въ главныхъ училищахъ въ 1801 г. соотношеніе обучающихся сословій было таково: дворянъ 33%, мѣщанъ 14%, купцовъ 12%, солдатскихъ дѣтей 11%, крѣпостныхъ и дворовыхъ 11%, приказныхъ и разночинцевъ 8%, однодворцевъ и крестьянъ 5%, духовнаго званія 2% и остальныхъ 4%. Крестьяне, живущіе въ городахъ, еще могли попадать въ школу, но остальная громадная масса крѣпостныхъ снова устраняется отъ образованія, такъ какъ въ селахъ и деревняхъ школъ не было.

Новыя училища не профессіональны, ихъ задачи общеобразовательныя. Такъ, въ главныхъ училищахъ, кромѣ элементарныхъ свѣдѣній начальной школы, проходились всеобщая и русская исторія, естествознаніе, основанія геометріи, механики, физики и гражданской архитектуры, а также языки латинскій и „сосѣдственный“, т.-е. „какое по сосѣдству каждаго намѣстни-

чества быть можетъ полезнѣе по употребленію его въ общежитіи". Наконецъ, и въ малыхъ и главныхъ школахъ изучается „книга о должностяхъ человѣка и гражданина", въ которой заключались основы этики и права.

Но эта образовательная тенденція Екатерининской школы часто оставалась непонятной и странной для малокультурнаго—въ общемъ—населенія и встрѣчала съ его стороны недоброжелательное отношеніе. Такъ, ревизія Козодавлева въ 1788 г. вскрыла тотъ фактъ, что во всѣхъ главныхъ училищахъ (въ десяти намѣстничествахъ) „число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало и что учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно не желаютъ продолжать ученія въ третьемъ разрядѣ". Получивъ элементарное образованіе, они готовы прямо поступить на службу, не видя реальной пользы отъ остальныхъ наукъ. Отчетъ вятскихъ приказовъ такъ объяснялъ недостаточное количество учащихся въ главномъ училищѣ: „Здѣшніе обитатели, мало соревнуя предположенной цѣли просвѣщенія, неохотно отдаютъ дѣтей своихъ въ училища... Многіе лучше хотятъ ихъ заблаговременно пріучать къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и мѣщанства нужностяхъ, въ которыхъ они сами обращаются". Въ такомъ недовѣрчивомъ отношеніи къ новой школѣ, конечно, во многомъ повинны и малокультурные учителя. Забитые, безправные, безъ общественной поддержки, безъ своей иниціативы они плохо могли служить дѣлу просвѣщенія, не могли поднять культурнаго и моральнаго значенія школы. А такъ какъ содержаніе школъ падало новымъ бременемъ на само населеніе, являлось своеобразнымъ общественнымъ налогомъ, то оно часто тяготилось школой, удѣляя ей лишь ничтожныя крохи, кое-какъ вознаграждая трудъ учителей, что еще болѣе содѣйствовало ея паденію.

Должно было быть установлено извѣстное соотношеніе между новой школой и существовавшими во многихъ мѣстахъ школами вольными, частными пансіонами, которые возникали въ отвѣтъ на реальныя нужды населенія. Правительство Екатерины II, насаждая свои школы, вступило въ энергичную борьбу съ этими вольными школами; послѣднія теряли право на свое существованіе и должны были уступить мѣсто покровительствуемому сопернику. Такъ, закрывая въ Шлиссельбургѣ частную школу сержанта Гордѣева, комиссія, не обинуясь, рѣшала: „Какъ таковыя вольныя школы вовсе не нужны тамъ, гдѣ есть училища народныя, въ коихъ юношество, какъ то опытами уже доказано, обучаться можетъ съ гораздо лучшимъ успѣхомъ, то и нужно эту школу закрыть, дабы дѣти у него напрасно времени не тратили".

Комиссія еще въ 1784 г. приступила къ строгой ревизіи всѣхъ частныхъ пансіоновъ.

Всѣ содержатели и учителя 28 иностранныхъ и 18 вольныхъ русскихъ школъ въ Петербургѣ были подвергнуты особому экзамену, который сошелъ благополучно. Затѣмъ былъ составленъ „планъ къ расположенію пансіоновъ

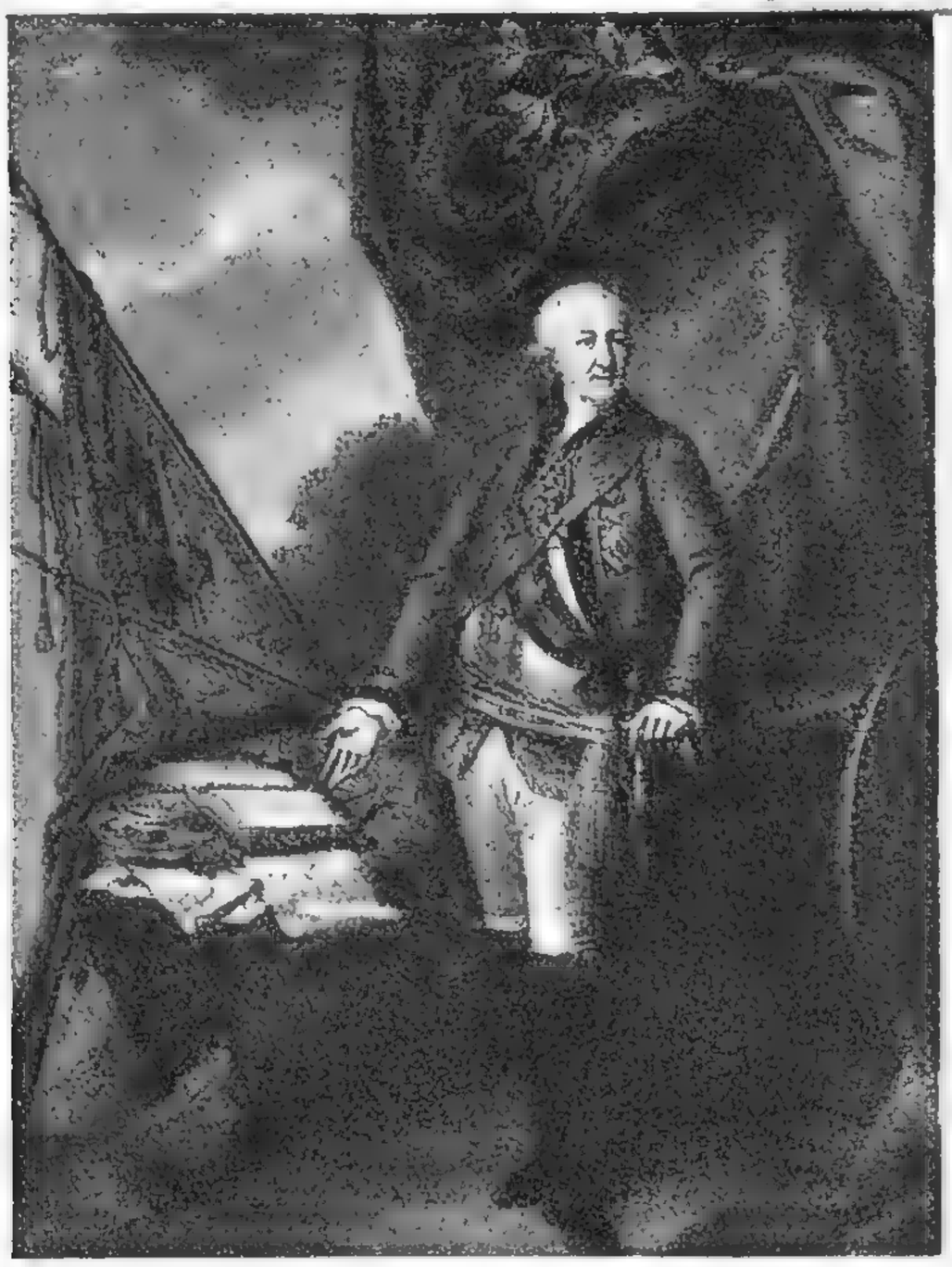
по образцу училищъ народныхъ“. Иностранные пансіоны уцѣлѣли, хотя и были подчинены строгому контролю. Но русскія вольныя школы прямо закрывались. Ревизіей этихъ школъ было установлено, что онѣ содержатся плохо и не наставляютъ дѣтей „въ самонужнѣйшихъ истинахъ закона Божія и вѣры христіанской“, что содержателями этихъ школъ являются слишкомъ сомнительные педагоги: и церковный сторожъ, и дьячокъ, и жена котельнаго мастера, и жена солдата, и отставной копіистъ, и отставной канцеляристъ, и мѣщанинъ и т. д. Всѣ эти школы властно поглощались вновь учреждаемыми. Вводилась единая система народнаго образованія, авторитетно нивеллирующая всякое мѣстное своеобразіе и совсѣмъ не считающаяся съ частнымъ починомъ отдѣльныхъ лицъ. Общества должны были содержать школу, но отнюдь не задаваться какими-либо своими, самостоятельными цѣлями.

П. Соловьевъ.

Фундаментальная
Библиотека
К. У. Г. В.

ПОДАРЕНО

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА



П. И. Мелиссино.

Перечень иллюстрацій IV тома.

I. На отдѣльныхъ листахъ.

А) Геліогравюры.

		Стр.
1.	Якоби. Шуты при дворѣ императрицы Анны Іоанновны. . . .	64
2.	Буровъ. Посѣщеніе Іоанна Антоновича императоромъ Петромъ III.	80
3.	Лампи младшій. Гр. П. В. Завадовскій	152
4.	Шибановъ. Гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ.	176
5.	Ротари. Императрица Екатерина II	192
6.	Левицкій. Императрица Екатерина II	208
7.	Перовъ. Пугачовъ.	256

Б) Цвѣтныя.

1.	Старинная царская карета . . .	8
2.	Чашечка царевича Алексѣя Петровича, подаренная Петромъ Великимъ	24
3.	Цвѣточныя вазы царевича Алексѣя Петровича и натѣльные кресты Петра В.	32
4.	Польскій костюмъ Петра В. . .	40
5.	Корона императрицы Анны Іоанновны.	56
6.	Екатерининскій дворецъ въ с. Коломенскомъ, нынѣ не существующій.	72

В) Дуплексъ и черныя.

		Стр.
1.	Императрица Екатерина I. . . .	16
2.	Императрица Анна Іоанновна, по гравюрѣ Хубракена	48
3.	„Кондиціи“, разорванныя импер. Анной Іоанновной	88
4.	Принцесса Анна Леопольдовна .	96
5.	Принцъ Антонъ Брауншвейгскій.	104
6.	Императрица Елизавета Петровна, по гравюрѣ Чемесова. . . .	112
7.	Флавицкій. Княжна Тараканова въ Петропавловской крѣпости во время наводненія въ С.-Петербургѣ.	120
8.	И. И. Шуваловъ. Рокотова. . .	128
9.	Великая княгиня Екатерина Алексѣевна, Грота.	144
10.	Императрица Екатерина II. Рокотова.	160
11.	Гр. Г. А. Потемкинъ. Лампи . .	224
12.	Печатный дворъ въ Москвѣ въ концѣ XVII—въ началѣ XVIII вв.	240
13.	Невскій проспектъ въ XVIII в. Максимова.	264
14.	Печатный дворъ въ Москвѣ (до 1773 г.)	272
15.	Кошелевъ. Зимнее катанье императрицы Елизаветы Петровны. въ с. Покровскомъ	280

II. Въ текстѣ.

		Стр.
1.	Образецъ ранняго Петровскаго шрифта	5
2.	Гр. Я. В. Брюсъ	9
3.	Петръ Великій въ гробу	13
4.	Императрица Екатерина I	21
5.	Царевна Наталья Алексѣевна	31
6.	Ботикъ Петра Великаго	34
7.	Флотъ Петра Великаго	37
8.	Битва при Нарвѣ	41
9.	Андрей Виніусъ	49
10.	Гр. Я. В. Брюсъ	55
11.	Императрица Екатерина I	59
12.	Кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій	63
13.	Петръ В. на берегу Прута. Венеціанова	65
14.	Балакиревъ	66
15.	Петръ II	67
16.	Кн. М. А. Меншикова	69
17.	Петръ II	71
18.	Кн. М. А. Меншикова	73
19.	Петръ II	75
20.	С. Ѳ. Апраксинъ	76
21.	Гр. А. И. Ушаковъ	77
22.	Кн. В. Л. Долгорукій	79
23.	Кн. И. А. Долгорукій	81
24.	Баронъ И. А. Черкасовъ	82
25.	Кн. А. М. Черкасскій	83
26.	Гр. И. А. Остерманъ	85
27.	Императрица Анна Іоанновна. Растрелли.	87
28.	Арапчонокъ, подающій державу Аннѣ Іоанновнѣ. Растрелли.	89
29.	Э. І. Бирономъ	91
30.	Э. Бирономъ	93
31.	Императрица Анна Іоанновна	94
32.	Э. Бирономъ	95
33.	Императрица Анна Іоанновна	97
34.	Гр. И. А. Остерманъ	99
35.	„ „ „ „	101
36.	Гр. Б. Х. Минихъ	103
37.	Арестъ Бирона	105
38.	Государственный переворотъ 1741 г.	107
39.	Императоръ Іоаннъ Антоновичъ.	109
40.	„ „ „	110
41.	Императрица Анна Іоановнна	113
42.	Анна Леопольдовна и Іоаннъ VI.	115
43.	Принцесса Анна Леопольдовна	117
44.	Принцесса Анна Леопольдовна.	121
45.	Императрица Елизавета Петровна	123
46.	Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ	127
47.	Гр. А. И. Шуваловъ	129
48.	Кн. А. Д. Кантемиръ	133
49.	Импер. Елизавета Петровна	141
50.	М. В. Ломоносовъ	145
51.	Возвращеніе гр. А. П. Бестужева-Рюмина изъ ссылки	147
52.	Импер. Елизавета Петровна	151
53.	Кн. Д. М. Голицынъ	153
54.	Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ	155
55.	Импер. Елизавета Петровна	158
56.	Карета императрицы Елизаветы Петровны	159
57.	Кресло императрицы Елизаветы Петровны	161
58.	Гр. А. Г. Разумовскій	163
59.	Кресло императрицы Елизаветы Петровны	165
60.	Коронаціонное кресло импер. Елизаветы Петровны	167
61.	Императ. Елизавета Петровна	168
62.	Волковъ	169
63.	Императоръ Петръ III	171
64.	Великая княгиня Екатерина Алексѣевна	173
65.	Императоръ Петръ III	174
66.	„ „ „	175
67.	„ „ „	177
68.	Императрица Екатерина II	179
69.	„ „ „	180
70.	Кн. А. М. Голицынъ	181
71.	Изъ дворцовой утвари XVIII в.	182
72.	Екатерина II на конѣ	185
73.	Императрица Екатерина II	187
74.	„ „ „	189
75.	„ „ „	191
76.	„ „ „	193
77.	„ „ „	195

		Стр.
78.	Императрица Екатерина II	197
79.	Гр. Г. Г. Орловъ	198
80.	„ „ „ „	199
81.	„ А. Г. „	201
82.	А. Д. Ланской	203
83.	Гр. П. А. Зубовъ	205
84.	Изъ дворцовой утвари XVIII в.	206
85.	Императрица Екатерина II	211
86.	Гр. М. И. Воронцовъ	212
87.	Кн. Н. И. Салтыковъ	216
88.	Гр. А. Р. Воронцовъ	218
89.	Н. И. Новиковъ	221
90.	И. И. Бецкой	223
91.	В. С. Поповъ	224
92.	Г. В. Козицкій	225
93.	Гр. П. И. Шуваловъ	227
94.	И. И. Шуваловъ	229
95.	Гр. А. И. Шуваловъ	231
96.	И. И. Шуваловъ	233
97.	Кн. М. М. Щербатовъ	235
98.	Гр. А. Г. Разумовскій	237
99.	Гр. П. А. Зубовъ	238
100.	Гр. А. Г. Орловъ	241
101.	Гр. П. В. Завадовскій	245
102.	Кн. А. Б. Куракинъ	247
103.	Кн. А. А. Безбородко	249
104.	Гр. Н. И. Панинъ	253
105.	Императрица Екатерина II	257
106.	Кн. А. Б. Куракинъ	259
107.	Вел. кн. Павелъ Петровичъ	265
108.	Великая княжна Наталья Алексѣевна	269
109.	Изъ дворцовой утвари	273
110.	И. И. Бецкой	275
111.	Гр. А. К. Разумовскій	277
112.	Великая княгиня Марія Ѳеодоровна	281
113.	П. И. Мелиссино	285

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ТОМА.

Стр.

Культурныя реформы Петровской эпохи. *В. Я. Уланова* 1
Реформа арміи и флота при Петрѣ Великомъ. *В. И. Пичета* 34
Финансовая и экономическая политика Петра и государственное хозяйство Россіи конца XVII и начала XVIII вѣка. *В. И. Пичета* 43
Эпоха дворцовыхъ переворотовъ. *В. Я. Уланова*:
1. Основныя явленія эпохи и отношеніе ихъ къ реформамъ Петра Великаго. 62
2. Дворцовые перевороты 66
3. Высшіе органы управленія 111
4. Внутренняя политика 120
5. Международная политика 131
6. Просвѣщеніе эпохи 138
Императрица Елизавета Петровна. *Проф. М. М. Богословскаго* 157
Петръ III и Екатерина II. *К. В. Сивкова* 170
Императрица Екатерина II. Опытъ характеристики. *В. В. Каллаша* 183
Финансовая политика Екатерины II. *К. В. Сивкова* 207
Наказъ и Комиссія о сочиненіи проекта новаго Уложенія. *В. Я. Уланова* 219
Учрежденіе объ управленіи губерній и жалованныя граматы Екатерины II. *Проф. М. М. Богословскаго* 239
Городовое положеніе Екатерины II. *А. А. Кизеветтера* 250
Школа Екатерининской эпохи. *П. М. Соловьева* 274

Опечатки и недосмотры.

Томъ I.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
7	3—4 сверху	верховной управленія власти, т.-е. бюрократическаго	верховной власти, т.-е. бюрократическаго управленія
16		Грамота Минина	Древнѣйшій владѣльческій документъ, 1628 г. (Московскіе торговые ряды.)
29		гравюра	картина (Истор. Музей.)
32	19 сверху	Добрая душа	добрая дума.
55	5 снизу	расхищеніе	на расхищеніе.
83	5 снизу	1672	1632.

Томъ II.

Послѣ 96 стр.	Посольскій дворъ	Царское шествіе по Золотому крыльцу.

Томъ III.

21	Рѣпинъ.	Сѣровъ.

ВОЯНІЕ